

ISSN 2304-3369

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**УРАЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ
УПРАВЛЕНИЯ**

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

ВЛАСТЬ И ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Механизмы развития как потенциальный объект
государственного управления

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Финансовые причины банкротства российских
предприятий

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Инструменты активизации инвестиционной деятельности
регионов

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Экономические подходы к определению организаци-
онного вандализма в муниципальном управлении

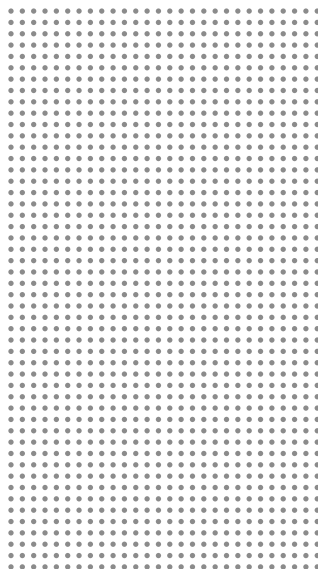
№ 6(30)

2017

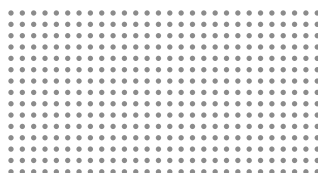
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

№ 6 (30) декабрь 2017

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Лоскутов Владимир Анатольевич –

доктор философских наук, профессор, научный руководитель Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Александр Александрович Александров (заместитель главного редактора) – д.ф.н., доцент, директор, профессор кафедры регионального и муниципального управления Уральского института управления – филиала РАНХиГС

Наталья Ринатовна Батынская – д.полит.н., профессор, директор института экономики и управления Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова;

Сергей Николаевич Большаков – д.полит.н., д.э.н., профессор, декан факультета прикладных коммуникаций, заведующий кафедрой менеджмента массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета;

Игорь Вячеславович Выдрин – д.ю.н., профессор, директор института муниципального развития, заведующий кафедрой конституционного и международного права Уральского института управления – филиала РАНХиГС;

Юрий Геннадьевич Еришов – д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии и политологии Уральского института управления – филиала РАНХиГС;

Наталья Борисовна Костина – д.с.н., профессор, профессор кафедры теории и социологии управления Уральского института управления – филиала РАНХиГС;

Владимир Яковлевич Любовный – д.э.н., главный научный сотрудник Института макроэкономических исследований Министерства экономического развития Российской Федерации, академик (действительный член) Российской академии архитектуры и строительных наук;

Игорь Николаевич Молчанов – д.э.н., профессор, заместитель заведующего кафедрой экономики социальной сферы экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;

Василий Николаевич Руденкин – д.полит.н., профессор, заведующий кафедрой социально-политических и психологических дисциплин Уральского института экономики, управления и права, действительный член Российской академии политических наук;

Тамара Керимовна Ростовская – д.с.н., профессор, профессор кафедры социологии и организации работы с молодежью; Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова;

Яков Петрович Силин – д.э.н., ректор Уральского государственного экономического университета;

Вячеслав Васильевич Скоробацкий – д.ф.н., профессор, заместитель директора Уральского института управления – филиала РАНХиГС, Заслуженный работник высшей школы РФ;

Наталья Геннадьевна Чевтаева – д.с.н., доцент, заведующая кафедрой управления персоналом Уральского института управления – филиала РАНХиГС.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Геннадий Эдуардович Бурбулис – к.ф.н., Первый заместитель руководителя Центра мониторинга законодательства и правоприменительной практики (Центра мониторинга права) при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, действительный государственный советник 3 класса;

Патрик Грей – профессор, факультет права, государственного управления и международных отношений, Университет Лондон Метрополитен (Великобритания);

Кармин Скаво – д.полит.н., директор программы подготовки магистров в сфере государственного управления Университета Восточной Каролины (США);

Джефффри Хайнс – профессор, факультет права, государственного управления и международных отношений, Университет Лондон Метрополитен (Великобритания).

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России журнал включен в новую редакцию Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по следующим направлениям: социология, экономика, политология.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЬ И ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Старцев Я. Ю.

Механизмы развития как потенциальный
объект государственного управления 7

Сонина Е. О.

Особенности реформы как вида государ-
ственных изменений: опыт реализации адми-
нистративной реформы в современной России . . . 17

Пасечко В. В.

Влияние коррупции на эффективность госу-
дарственного управления 23

*Балынская Н. Р., Коптякова С. В.,
Мусийчук С. В.*

Механизмы повышения мотивации в каче-
стве инструмента совершенствования дея-
тельности органов местной власти 30

Зерчанинова Т. Е., Гаранина Е. О.

Проблемы реализации государственной моло-
дежной политики в Свердловской области 42

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Авдеева И. Л., Головина Т. А., Парахина Л. В.

Развитие цифровых технологий в экономике
и управлении: российский и зарубежный опыт . . . 50

Шарин В. И., Кулькова И. А.

Прогрессивные технологии управления
в сфере внешнего государственного и муни-
ципального финансового контроля 57

Касымов А. Ш.

Венчурный процесс и расширенное воспро-
изводство венчурного капитала 65

Ионова Н. В.

Финансово-экономические аспекты дискус-
сионных вопросов измерения и оценки чело-
веческого капитала 73

Тлишева Н. А.

Проблема сохранения единства и обосо-
бленности концепции государственной под-
держки малого бизнеса в аграрном секторе
экономики, реализуемой индикативными,
программно-целевыми методами 81

Добросоцкий В. И.

Совершенствование проектного управления
в России 90

Толкачева Н. А.

Методологические аспекты и инструмента-
рий разработки целей краткосрочной и дол-
госрочной финансовой политики компании. 98

Смородина Е. А., Химичева Ю. В.

Финансовые причины банкротства россий-
ских предприятий 105

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Снегирева Т. К.

Региональные инвестиционные процессы,
оценка рисков и пути решения проблем 115

*Гладковская Е. Н., Цало И. М.,
Тетеркина Л. Б.*

Оценка финансовой устойчивости реги-
ональных бюджетов в России: методика
и алгоритм ее применения 119

Колмакова И. Д., Колмакова Е. М.

Инструменты активизации инвестиционной
деятельности регионов 132

Акьюлов Р. И., Алферьев К. А.

К вопросу о взаимосвязи инвестиционной
активности и долговых обязательств россий-
ских регионов 138

Вышегородский Д. В.

Совершенствование моделирования расче-
тов денежных потоков и размеров бюджет-
ных субсидий при строительстве и эксплу-
атации арендного жилья в Свердловской
области. 144

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

*Максимов И. О., Рябошлык В. Ф.,
Татаренко В. И.*

Государственно-частное партнерство как
важный аспект будущей стратегии развития
Новосибирской области **152**

Залывский Н. П.

Переход к технологическим инновациям –
критерий конкурентного успеха экономики
арктической зоны России **161**

СОЦИАЛЬНЫЕ УПРАВЛЕНИЕ, ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ

Оболенская А. Г., Гаврилов Д. Е.

Экономические подходы к определению
организационного вандализма в муници-
пальном управлении **170**

Кириллов Л. Г., Кириллова Т. И.

Замечания о практике формирования муни-
ципальных программ на примере города Ека-
теринбурга **177**

Азаренков Л. С.

К проблеме внедрения технологии проект-
ного управления в муниципальную сферу
культуры (на примере города Екатеринбурга) . . . **186**

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в журнале . . 190**

CONTENTS

GOVERNMENT AND PUBLIC ADMINISTRATION

Startsev Ya. Yu.

Mechanism of development as potential target
of public administration 7

Sonina E. O.

Features of the reform as a kind of state changes:
the experience of implementing administrative
reform in modern Russia. 17

Pasechko V. V.

The impact of corruption on the effectiveness of
public administration 23

Balynskaya N. R., Koptyakova S. V.,

Musiychuk S. V.

Mechanisms to increase motivation as a tool for
improving the activities of local authorities 31

Zerchaninova T. E., Garanina E. O.

Problems of implementation of state youth pol-
icy in Sverdlovsk region 42

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Avdeeva I. L., Golovina T. A., Parakhina L. V.

Development of digital technologies in econom-
ics and management: Russian and foreign experience 51

Sharin V. I., Kulkova I. A.

Progressive technologies of management in the
sphere of external state and municipal financial
control 57

Kasymov A. Sh.

The venture capital process and the expanded
reproduction of venture capital. 65

Ionova N. V.

Financial and economic aspects of discussion
issues of measurement and evaluation of human
capital 73

Tlischeva N. A.

The problem of maintaining the unity and sep-
arateness of the concept of state support of small
business in agrarian sector of economy, imple-
mented by the indicated program-target methods. . . . 81

Dobrosotsky V. I.

Improvement of project management in Russia 90

Tolkacheva N. A.

Methodological aspects and instruments
for developing the objectives of a compa-
ny's short-term and long-term financial policies 98

Smorodina E. A., Khimicheva Yu. V.

Financial reasons for the bankruptcy of Russian
enterprises 105

REGIONAL ECONOMY AND MANAGEMENT

Snegireva T. K.

Regional investment processes, risk assessment
and ways to solve problems 115

Gladkovskaya E. N., Tsalo I. M., Teterkina L. B.

Evaluation of financial sustainability of regional
budgets in Russia: methodology and algorithm
of its applications 119

Kolmakova I. D., Kolmakova E. M.

Instruments for enhancing the investment activ-
ity of the regions 132

Akyulov R. I., Alferev K. A.

To the question of the interrelation of the invest-
ment activity and the debt obligations of the
Russian regions 138

Vyshegorodskii D. V.

Improving the modeling of cash flow calcula-
tions and the size of budget subsidies in the con-
struction and operation of rental housing in the
Sverdlovsk region 144

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

*Maksimov I. O., Ryaboshlyk V. F.,
Tatarenko V. I.*

Public-private partnership as an important
aspect of future development strategy of the
Novosibirsk region **152**

Zalyvsky N. P.

Transition to technological innovations – criterion of competitive success of the economy of the Arctic zone of Russia **161**

SOCIAL MANAGEMENT, PROCESSES AND INSTITUTIONS

Obolenskaya A. G., Gavrilov D. E.

Economic approaches to the determination of organizational vandalism in municipal management **170**

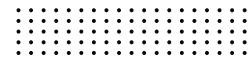
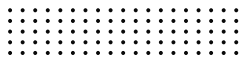
Kirillov L. G., Kirillova T. I.

Comments on the practice of establishment of municipal programs on the example of Ekaterinburg city **177**

Azarenkov L. S.

To the problem of introducing the technology of project management in the municipal sphere of culture (on the example of the city of Ekaterinburg) **186**

Requirements to publication of articles in the journal 193

ВЛАСТЬ И ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Старцев Я. Ю.

кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института управления – филиала, ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления Института прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66, yaroslav.startsev@ui.ranepa.ru

УДК 351

ББК 66.033.141

Статья посвящена представлению разработанной автором модели механизмов развития как объекта государственного управления и её операционализации с последующим тестированием на выборке государственных документов, направленных на регулирование социально-экономического, информационного и инновационного развития.

Модель разработана на основе сравнительного междисциплинарного анализа исследований, посвящённых структуре и механизмам развития. Апробация модели основана на случайной пилотной выборке из стратегических документов, принятых в 2015–2017 гг.

В статье представлена сама модель механизмов развития, её алгоритмизированный вариант, ориентированный на экспертов, участвующих в разработке и оценке документов развития, а также ключевые проблемы действующих документов и рекомендации по их совершенствованию, основанные на проанализированной выборке. Механизм развития описывается как последовательность изменений, включающих взаимодействие информационных, обеспечивающих и структурирующих процессов, основанных на мотивированной деятельности агентов, обеспечивающей самоподдерживаемость процесса и ведущих к необратимому качественному изменению развивающейся системы.

Охарактеризованы следующие проблемы действующих документов государственного управления развитием: игнорирование сопротивления развитию, отсутствие механизмов саморазвития (самоподдержания процесса), отсутствие механизмов переработки или утилизации отходов развития, отсутствие механизмов стимулирования государственных участников развития, игнорирование естественной (заданной свойствами объекта и самодетерминированностью развития) продолжительности и последовательности стадий развития.

Новизна исследования опирается на оригинальность авторской модели и выявление проблем управления развитием, не учитывающихся в современной литературе по государственному управлению.

Ключевые слова: стратегии развития, механизмы развития, стратегическое планирование, государственное управление.

MECHANISM OF DEVELOPMENT AS POTENTIAL TARGET OF PUBLIC ADMINISTRATION

Startsev Ya. Yu.

Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of Public Administration and Political Technologies of the Ural Institute of Management – branch, Leading Researcher of Center for Technology of Public Administration of Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 620990, Russia, Ekaterinburg, 8th March str., 66, yaroslav.startsev@ui.ranepa.ru

The article is bearing on the presentation of a model of development mechanisms as a target for public management and its operationalization with subsequent testing on a sample of government documents aimed at regulating socio-economic, information and innovative development. The model is developed on the basis of a comparative interdisciplinary analysis of studies concerning the structure and mechanisms of development. Approbation of the model is based on a random pilot sample of the strategic documents adopted in 2015–2017.

The article presents the model of development mechanisms itself, its algorithmized version, designed for experts involved in the formation and evaluation of development documents, as well as key problems of existing documents and recommendations for their improvement, based on the analyzed sample. The mechanism of development is described as a sequence of changes, including the interaction of information, providing and structuring processes based on motivated activity of agents, ensuring self-sustainability of the process and leading to irreversible qualitative change in the developing system. The following problems of the current state development management documents are characterized: ignoring the resistance to development, lack of mechanisms for self-development (self-maintenance of the process), lack of mechanisms for processing or recycling development waste, lack of incentives for state development actors, ignoring the duration and sequence of the natural stages of development (given properties of the object and the self-determinism of development). The originality of the research is based on the newness of the author's model and the identification of problems of development management that are not taken into account in the modern literature on public administration and public management.

Key words: development strategies, development mechanisms, strategic planning, public administration.

Развитие уже далеко не первое десятилетие привлекает внимание органов государственного управления в качестве специфического ресурса решения экономических, социальных, общеполитических проблем. Сегодня эта задача снова приобретает официальный статус. В середине 2016 года Президентом России был сделан вывод о том, что «задачи, которые стоят перед нами, требуют и новых подходов к управлению развитием» [1].

Между тем, при разработке таких подходов имеет смысл обратить внимание и на возможные проблемы в решении этой задачи. Они, как представляется, могут носить не только организационно-практический характер и не сводятся к освоению лучших практик и достаточности ресурсов для ее решения. Для их понимания и решения потребуется не только практическая работа, но и ее методологическое осмысление.

Мы понимаем развитие преимущественно как необратимое качественное изменение, характеризующееся сохранением меняющейся целостности (развивающейся системы) и повышением её адаптивной сложности. В этом смысле развитие предстаёт как частный случай изменений, обладающий ярков выраженными особенностями. Такое определение позволяет отграничить понятие развития от смежных понятий: отдельные изменения (обратимая или частичная смена состояний или свойств), деградация (качественный необратимый сдвиг, снижающий сложность или адаптивность), разрушение (исчезновение целостности явления) и пр. [ср. 2]. Если развитие представляет собой специфический процесс, отличающийся от сходных явлений, то его специфика в первую очередь определяется механизмом развития, т. е.

последовательностью и способом взаимодействия элементов, состояний и процессов, обеспечивающих ход развития и являющихся его интегративной частью. Следовательно, мы можем полагать, что любое управленческое воздействие на развитие, в т.ч. – в рамках стратегий, программ, проектов развития, должно учитывать механизм развития того или иного явления (например, социально-экономического развития региона). При отсутствии должного внимания к механизмам развития, а также к его граничным характеристикам (необратимость, новое качество, самоподдерживаемость) речь может идти лишь о стратегиях изменений, стратегиях деятельности, стратегиях роста и пр. – но не о стратегиях развития.

Универсальные механизмы развития: теоретический синтез

В той мере, в какой развитие определяется прежде всего как процесс, представляющий собой последовательную смену состояний, отправной точкой для конструирования модели механизмов развития может являться характеристика этих последовательно меняющихся состояний, которые мы определяем как стадии развития. Устойчивая последовательность стадий позволяет определить их чередование как ход развития; вся совокупность стадий образует цикл развития.

Междисциплинарный анализ исследований, посвящённых разным видам развития [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10] (ввиду большого объёма проанализированных исследований здесь и далее – ссылки лишь на некоторые

обобщающие обзоры) позволяет говорить об универсальности основных стадий развития:

- 1) Инициация: начало развития, переход от неразвивающегося явления к развивающемуся;
- 2) Репликация: тиражирование однородных элементов механизма развития, содержащих информацию о его ходе;
- 3) Дифференциация: функциональная и структурная специализация элементов;
- 4) Морфогенез: появление устойчивых форм, характерных для нового качества;
- 5) Рост (диффузия): количественное изменение новых форм – либо через увеличение количества экземпляров и их распространение (диффузия), либо через увеличение масштаба существующих элементов (рост);
- 6) Закрепление: завершение развития через стабилизацию нового качества и переход системы в режим рутинного функционирования.

Несмотря на очевидные структурные аналогии между развитием систем разного типа, нас в первую очередь интересует специфика социальных и социотехнических систем как преимущественных объектов государственного управления и государственного воздействия на развитие (понимание и трактовка социальных систем здесь и далее преимущественно основаны на концепции Н. Лумана [11]). Эти специфические черты также могут быть представлены в табличной форме (таблица 1).

В рамках развития социальных систем государство может играть разную роль с точки зрения механизмов этого развития. С одной стороны, государство – или его органы, их отдельные действия, отдельные государственные институты, – может быть составной частью механизмов развития, не являясь при этом субъектом управленческого воздействия на них и на развитие в целом: в качестве агента развития, фактора развития, внешнего по отношению к развитию элемента среды (например, барьера для развития) и так далее. Такого рода участие в развитии и в функционировании его механизма имеет, разумеется, свою специфику, связанную с ролью государства в общественной жизни в целом, но не позволяет концептуализировать его роль как управленческое, в частности – стратегическое воздействие на механизмы развития. Напротив, в случае, когда государство рассматривает развитие и его механизмы как обособленный объект, его деятельность в этом отношении принимает иной характер, а само государство выступает в роли субъекта стратегического управления развитием.

Между тем, механизмы развития не сводятся к его стадийной организации. Следующий этап разработки модели строится на представлении о ключевых элементах, формирующих механизм развития: информационной матрице, содержащей как прообраз системы в её

новом качестве, т. е. результата развития, так и информацию о ходе развития и необходимых действиях (процессах); объектах механизма развития, то есть тех нерелективных элементах механизма развития, на которые направлены обусловленные информационной матрицей управляющие сигналы и которые трансформируются, осуществляя процессы, составляющие развитие; агентах развития (специфика социальных и социотехнических систем), которые осуществляют саморефлективную мотивированную деятельность, обеспечивающую саморазвитие системы. Именно деятельность агентов является ключевым механизмом саморазвития социальных систем.

В целом, общая модель механизма (механизмов) развития как объекта государственного управления представляет собой несколько взаимодействующих универсальных составляющих:

- последовательность стадий: инициация, репликация, дифференциация, морфогенез, рост (диффузия), завершение;
- реализация этих стадий на трёх взаимосвязанных уровнях организации процесса: информационном (регулирование процесса), материальном (ресурсное обеспечение процесса) и формообразующем (формирование структуры нового состояния системы);
- организация процесса через взаимодействие информационной матрицы, объектов механизма развития и агентов развития, получающих сигналы и обменивающихся ими, с использованием необходимых ресурсов и созданием предусмотренных в качестве итоговой формы институтов;
- осуществление процесса развития за счёт автокаталитической активности агентов развития, выступающих в качестве его движущих сил и осуществляющих произвольный мотивированный выбор на основе имеющейся у них информации;
- кризисное взаимодействие с прежним состоянием системы и кризисный (неустойчивый) характер самого развития и развивающегося явления;
- институционализация структур и процессов, обладающих новым качеством как завершение цикла развития.

Будучи описана в терминах отдельных механизмов эта модель представляет собой совокупность таких взаимосвязанных механизмов как:

- 1) осуществляемое через деятельность агентов саморазвитие системы и трансверсальные ему
- 2) информационно-сигнальный механизм,
- 3) механизм ресурсного обеспечения,
- 4) механизм формообразования,
- 5) механизм стимулирования (движения).

Каждый из них внутренне структурирован в соответствии с представленными выше характеристиками.

Графически эта модель представлена на рис. 1.

Таблица 1. Специфика отражения универсального цикла развития в развитии социальных систем

Универсальные стадии развития	Постадийная специфика развития социальных систем
Инициация	Актуализация комплекса идей и мотивов, описывающих ход и итог развития и материальных предпосылок их реализации (например: идея прибыли и «протестантская этика» в сочетании с капиталом и технологиями – при развитии капитализма; революционные идеи и социальные противоречия как источник развития революционного конфликта; представления о распределённом хранении данных и протоколах доступа, в сочетании с компетенциями и коммуникационными технологиями и военно-стратегической мотивацией, – при развитии сети интернет)
Репликация	Распространение идей, мотивов развития и материальных предпосылок их осуществления среди индивидов и групп, становящихся в рамках этого процесса агентами развития (например: распространение протестантизма и технологий – при развитии капитализма; распространение революционных идей и формирование революционных групп – при развитии революционного конфликта; распространение протоколов передачи данных, соответствующих компетенций и создание распределённых центров хранения данных – при развитии сети интернет)
Дифференциация:	Функциональное и структурное обособление агентов развития, детерминирующее характер их дальнейшей деятельности (например: обособление торгового, промышленного и банковского капитала – при развитии капитализма; дифференциация боевых, агитационных, координирующих, фандрайзинговых групп – при развитии революционного конфликта; дифференциация разных типов протоколов и интернет-узлов, связанных с их созданием и обслуживанием профессиональных групп – при развитии сети интернет)
неравное случайное распределение	Дифференциация, связанная с случайными факторами социогеографического распределения, либо предопределённые уникальными прошлыми состояниями развивающейся системы (например: зависимость социогеографического распределения торгового, промышленного и банковского капитала от географических, конфессиональных, ресурсных, политических особенностей территорий – при развитии капитализма; концентрация центров революционной активности и распределение специализации групп в зависимости от конъюнктурных факторов – при развитии революционного конфликта; использование существующих наработок, имеющихся компетенций и языков программирования – при развитии сети интернет)
индукция (взаимодействие)	Дифференциация, обусловленная взаимодействием дифференцирующихся агентов развития, в частности – заражением и конкуренцией (например: формирование новых центров капитала под воздействием распространения технологий, конфессий и под влиянием конкуренции – при развитии капитализма; формирование и эволюция центров революционной активности в зависимости от агитации и распространения социальных противоречий, от межпартийной конкуренции – при развитии революционного конфликта; распространение протоколов, компетенций, специализированных языков программирования – с вытеснением неконкурентоспособных – при развитии сети интернет)
Морфогенез	Процессы институционализации: последовательное формирование новых институтов, которые будут структурировать новое качество (итоговое состояние развивающейся системы по завершении данного цикла развития), организационное и процедурное оформление институтов (например: формирование фабричного производства, банковской и биржевой систем, сложного процента, централизованных эмиссионных центров – при развитии капитализма; формирование структуры властных органов, моделей лидерства, механизмов принятия решений и ресурсного обеспечения – при развитии революционного конфликта; формирование концепции и архитектуры серверов, интернет-сайтов, поисковых машин, операторов, электронных платёжных систем, институтов поддержки – при развитии сети интернет)
Рост (диффузия)	Распространение новых практик и институтов, расширение масштаба их функционирования \ применения (например: распространение институтов капиталистической экономики за пределы территорий и сфер их возникновения, рост масштабов операций банков и бирж – при развитии капитализма; распространение революционных идей и практик, генерализация идейно-политических конфликтов, массовая мобилизация – при развитии революционного конфликта; включение в число пользователей сети новых организаций и типов пользователей, территориальная экспансия, рост пропускной способности каналов связи, охват новых типов контента – при развитии сети интернет)
Закрепление	Окончательное оформление, включая правовое закрепление, новой институциональной системы (например: закрепление капиталистических институтов в общественном сознании, праве и экономической практике как доминирующих или безальтернативных – при развитии капитализма; захват власти одной из противоборствующих сторон, формирование новой системы государственного управления и общественных отношений, их правовое закрепление и подкрепление повседневной практикой – как завершение революционного конфликта; интеграция использования интернета в экономику и повседневную жизнь, правовое закрепление статуса основных институтов – при развитии сети интернет)

Операционализация модели: вопросы эксперту и пилотный анализ

Общего описания модели механизмов развития явно недостаточно для её прикладного использования: преимущественно описательная форма модели, несмотря на её аналитические и исследовательские основания, должна быть дополнена более операциональным изложением её основных принципов, которое было бы нацелено на непосредственное применение в практике государственного управления.

Типовой алгоритм применения модели механизма (механизмов) развития представляет собой структурированный перечень вопросов, адресованных эксперту или разработчику проекта, анализирующему конкретный случай развития (при разработке проекта или программы) либо уже разработанный проект либо программу развития (при их оценке). Этот алгоритм может рассматриваться как основа для методики проектирования государственного управленческого воздействия на развитие, включая управление развитием, как алгоритм оценки проектов развития, как методика оценки результатов реализации того или иного проекта или программы, ориентированного на развитие. Во всех случаях, однако, речь идёт лишь об одном аспекте развития и возможного управления им: о механизмах развития.

Алгоритм представляет собой следующую последовательность вопросов, разбитых на смысловые блоки:

1) Общая характеристика механизмов (само)развития как объекта государственного управления:

A1 – Идентифицируйте основные параметры механизмов развития: система, матрица, агенты, иные элементы и их устойчивые объединения, сигналы, длительность цикла, результирующее состояние системы (новое качество). – Какое воздействие со стороны государства требуется?

A2 – Какими стимулами обеспечена деятельность агентов? Как организованы прямая связь (дестабилизация, индоктринация, лидерство, психологическое состояние, демографический сдвиг) и обратная связь (ожидаемые улучшения, стимулирующий рост)? Как организована коммуникация между агентами, позволяющая взаимное индуцирование? – Какое воздействие со стороны государства требуется?

A3 – Какое сопротивление развитию будет осуществлять система или внешняя среда? Насколько это сопротивление критично для развития? – Какое воздействие со стороны государства требуется?

2) Информационный уровень механизмов развития:

B1 – Каково содержание информационной матрицы, определяющей развитие? Как это содержание распределяется между инструкциями (программы, планы, проекты, указания, – управляющая часть), квалификационно-компетентным блоком (благоприобретённые и подтверждённые компетенции агентов, – вариативная

часть) и культурой агентов (константы)? – Какое воздействие со стороны государства требуется?

Б2 – Как организована репликация матрицы? Каковы гарантии совпадения реплицированных информационных блоков, каковы скорость, масштабы, адресаты репликации? – Какое воздействие со стороны государства требуется?

Б3 – Каким образом организована передача управляющих сигналов? Как организована обратная связь (мониторинг, контроль)? – Какое воздействие со стороны государства требуется?

3) Ресурсный уровень механизмов развития:

В1 – В какой форме присутствуют необходимые ресурсы, как они распределяются между кадровым, финансовым и материально-техническим обеспечением? – Какое воздействие со стороны государства требуется?

В2 – Как распределяются ресурсы между централизованным и децентрализованным обеспечением? Каковы механизмы доставки централизованно поставляемых ресурсов и мобилизации децентрализованных ресурсов? Какова логистика и расчётные сроки поступления ресурсов, как они скоординированы с потребностями? – Какое воздействие со стороны государства требуется?

В3 – Как организована утилизация отходов развития по каждому типу ресурсов? – Какое воздействие со стороны государства требуется?

4) Структурный уровень механизмов развития:

Г1 – Какие институты должны сформироваться в ходе развития? Каковы их основные характеристики? – Какое воздействие со стороны государства требуется?

Г2 – Какова последовательность формирования институтов, механизм их взаимозависимости? – Какое воздействие со стороны государства требуется?

Г3 – Какие институциональные нормы требуют организационного оформления, какие связаны с процессами и требуют процедурного оформления? – Какое воздействие со стороны государства требуется?

5) Стадиальность развития:

Д1 – Какова последовательность стадий развития и длительность каждой из них? Есть ли существенные подэтапы, значимые для данного случая развития? – Какое воздействие со стороны государства требуется?

Д2 – Каковы основные точки бифуркации – по уровням развития, для агентов и объектов развития? Через какие ключевые события или параметры можно идентифицировать точки бифуркации (бифуркационные процессы)? Каковы основные варианты дальнейшего развития в каждой точке бифуркации? – Какое воздействие со стороны государства требуется?

Д3 – Возможно ли в данном случае недоразвитие – изменение организации и функциональности без

прохождения полного цикла? Каковы его результаты и издержки? – Какое воздействие со стороны государства требуется?

Д4 – Как агенты узнают о завершении цикла развития, какого рода сигналы получают от исходной матрицы, друг друга, внешней среды? Каков механизм прекращения автокаталитической поддержки саморазвития? – Какое воздействие со стороны государства требуется?

Д5 – Какие механизмы обратной связи обеспечивают необратимость нового качества? – Какое воздействие со стороны государства требуется?

Последовательные ответы на эти вопросы позволяют эксперту составить нечто вроде адаптированной к конкретной задаче (проекту) дорожной карты развития, указывающей не только контрольные точки, но и возможные проблемы, – и, в целом, позволяющее концептуализировать механизмы развития применительно к конкретному объекту как сложный управленческий инструмент, настройка и использование которого может позволить решать более общие управленческие задачи. Каждый из поставленных вопросов предполагает возможную детализацию и уточнение, связанные со спецификой конкретного проекта (программы, стратегии), сферы его реализации, исходя из представленной выше типовой модели механизмов развития как объекта государственного управления. Во всех случаях использование алгоритма подразумевает общую благоприятность внешней среды: проблема внешних факторов и условий развития выходит за рамки частной задачи анализа механизмов развития.

Проведённый нами с использованием этого алгоритма пилотный анализ нескольких стратегических и программных документов, ориентированных на развитие [12; 13; 14; 15; 16; 17; 18], позволяет сделать два основных вывода:

1) значительная часть попавших в нашу выборку документов стратегического планирования не ориентированы на развитие, поскольку не учитывают ни его граничных характеристик (необратимость, новое качественное состояние системы, самоподдерживаемость), ни универсального механизма развития, – в первую очередь речь идёт о стратегиях социально-экономического развития субъектов РФ;

2) документы стратегического планирования и анализа, которые действительно ориентированы на развитие (например, Стратегия развития информационного общества РФ, Программа цифровой экономики, Национальный доклад об инновациях) содержат, наряду с последовательным учётом граничных характеристик и механизмов развития, некоторые типовые изъяны, что как минимум затруднит реализацию этих программных документов, как максимум – сделает её невозможной. Использование приведённого выше

алгоритма позволяет сформулировать эти пробелы как проблемы и поставить задачу их решения для совершенствования процесса стратегического планирования в части управления развитием.

Типовые проблемы, связанные с недостаточным учётом механизмов развития могут быть сведены к следующему:

1. Отсутствие специального внимания к сопротивлению развитию

Сопротивление изменениям давно представляет собой рутинную, в чём-то аксиоматичную тематику для исследований по управлению изменениями и для работ, посвящённых организационному развитию [9]. Это представляется вполне логичным: если мы рассматриваем развитие как особый вид изменений, часто характеризующийся радикальными переменами, проблема сопротивления здесь как минимум не менее важна (фактически, конечно, гораздо более важна), чем в контексте управления изменениями в общем виде. Между тем, государственные документы, ориентированные на развитие, полностью упускают эту проблематику; в лучшем случае слабые её отголоски можно увидеть в отсылках к обезличенным и лишённым субъектности «рискам».

Достаточно очевидно, что подобная сдержанность может быть мотивирована негативным опытом прошлого: последняя масштабная попытка выявить систематическое сопротивление государственным проектам развития со стороны тех или иных социальных (профессиональных, этноконфессиональных и прочее) групп привела к массовым репрессиям. Негативный опыт «охоты на ведьм» есть и у других стран. Вместе с тем, опыт тех же организационных преобразований и результаты организационных исследований показывают, что репрессии являются одним из наименее эффективных способов противодействия сопротивлению изменениям: смена установок и использование более дифференцированных методов могут позволить вернуть проблематику в повестку дня. Это тем более актуально, что от её игнорирования проблема сопротивления, конечно, никуда сама по себе не исчезает.

Невнимание к проблеме сопротивления связано и с другим фактором, наглядно проявляющемся в большинстве программных документов. Большая часть этих программ, стратегий и проектов явным образом исходит из технической парадигмы управления, где проблема мотивированности участников любого управляемого процесса полностью отсутствует: важны не желания винтиков и электронов, а квалификация программиста или инженера. Трансляция этого подхода на управление социальными процессами, включая развитие, ведёт к тому, что важнейший механизм развития выпадает из поля зрения тех, кто берётся им управлять.

2. Игнорирование проблемы «отходов» развития и связанных с этим издержек

В известной степени проблема изоморфна проблеме социальной эффективности – тем более удивительно её отсутствие в повестке дня (по крайней мере, закрепляемой в соответствующих документах) органов государственной власти, претендующих на управление развитием. С другой стороны, проблема – в несколько иных терминах – вполне аксиоматична для экономического мышления («нет действий без затрат») и для социальной теории (проблема «побочных эффектов»), – без очевидного влияния на документы, связанные с развитием.

Любые значительные изменения, к которым относятся и развитие, влекут за собой некоторые социальные издержки, – причём, в большинстве случаев, новые типы издержек. В более системных терминах, любая система и при функционировании, и при развитии производит не только функциональный результат, но и пропорциональные ему отходы. В отношении рутинного функционирования социальных систем государство, как субъект управления, уделяет достаточно внимания проблеме системных отходов: забота о занятости и о безработных как кадровых «отходах» капиталистического рынка, забота о пенсионерах как специфических «отходах» рынка труда, забота о возможном и фактическом экологическом ущербе как системном «отходе» индустриального производства, забота об утилизации промышленных и бытовых отходов как естественной стороне функционирования общества и так далее.

В документах развития, напротив, специальное внимание к этой проблематике отсутствует; между тем, качественное изменение состояния развивающейся системы неизбежным образом 1) порождает специфические отходы, связанные с самим процессом развития и функционированием его механизмов, и 2) предполагает появление новых типов рутинных отходов и необходимость новых способов их утилизации в условиях обретения развивающейся системой нового качества. С учётом того, что в отношении развития социальных систем «отходы» имеют также социальную природу (индивиды, группы, права, практики, несоциальные процессы влияющие на социальную жизнь), проблема представляется достаточно важной.

3. Отсутствие специального внимания к мотивации и стимулированию государственных участников развития

Вне зависимости от того, рассматривается ли государство и его представители как один из агентов развития наряду с прочими, либо как управленческий субъект, воздействующий на развитие или управляющий им, проблема мотивации и стимулирования самого государства и его представителей в документах развития не ставится и не рассматривается.

Между тем, как минимум столетняя история научных исследований государственной бюрократии

и государства как субъекта управления в целом богата широко известными и многократно доказанными выводами о неочевидной мотивированности действий государственных органов и должностных лиц исключительно соображениями общественного блага и служебной дисциплины. Более того, те же исследования показывают, что и само общественное благо или служебный долг понимаются по-разному в рамках разных ведомств, иерархических уровней и иных структурных подразделений государственного аппарата.

Практика нереализованных программ, незавершённых реформ и невыполненных поручений показывает, что проблема актуальна и для повседневного функционирования государства; в случае с развитием она ещё более существенна, поскольку развитие сочетает качественные изменения и необходимость освоения новых форм деятельности, что неизбежно актуализирует и упомянутую выше проблему сопротивления, и проблему мотивации и стимулирования. Кроме того, — и это в значительной степени подтверждается исследованиями по организационному развитию, — в силу отличий развития от рутинного функционирования оно часто предполагает необходимость изменения мотивации — и следовательно, изменения подхода к стимулированию как составной части проекта развития.

4. Отсутствие специального внимания к механизмам саморазвития

Развитие, по определению, является саморазвитием; это означает, что если государство позиционирует себя как внешний по отношению к нему субъект, развитие может (в пределе — должно) осуществляться и без его участия. Роль государства, в данном случае — корректировка идущего независимо от него процесса. Между тем, проанализированные нами правовые документы выстроены таким образом, что отдельно от государственного вмешательства процесс развития не рассматривается. Это означает, в частности, что государство не предусматривает его автокаталитичность и необратимость: процесс осуществляется лишь настолько и постольку, насколько и поскольку сохраняется государственное воздействие; при прекращении последнего прекращается и развитие. В случае, если сам процесс развития (например, цифровой экономики или социально-экономической системы субъекта федерации) оценивается как имеющий положительное значение, такой подход создаёт серьёзные сложности для государства: во-первых, он неизбежно увеличивает управленческие издержки, которые могли бы быть снижены в случае автокаталитичности, то есть самоподдержания процесса как проявления саморазвития, а во-вторых тут неизбежно растут риски, связанные с тем, что при сокращении или исчезновении государственной поддержки полезный процесс развития прекращается: нет необратимости.

В некоторых случаях государство формирует в относящихся к развитию документах представления о том, как должно самоподдерживаться итоговое состояние системы после достижения нового качества, — но это, как правило, не затрагивает сам процесс и механизмы развития.

Из предложенной нами модели следует, что механизмы самоподдержания играют для развития в целом решающую роль; следовательно, представляется вполне оправданным 1) выделять эти процессы в самостоятельную аналитическую категорию при разработке документов развития и 2) направлять государственное воздействие на развитие в первую очередь на формирование или поддержание таких автокаталитических механизмов. В рамках проанализированной нами выборки Национальный доклад об инновациях даёт вполне убедительный, хоть и ограниченный пример того, как это может быть сделано.

5. Отсутствие специального внимания к «естественной» (не связанной с государственным вмешательством) продолжительности стадий развития

Выступая в качестве управляющего субъекта по отношению к развитию и его механизмам, государство неизбежно планирует сроки своих действий и, через них, ожидаемые сроки развития. Вместе с тем, самодетерминированность развития предполагает, что продолжительность отдельных стадий, как и продолжительность всего цикла развития, предопределены его собственными характеристиками — безотносительно того, каковы желания государства в отношении этого процесса. Государственное воздействие может быть направлено на корректировку сроков реализации отдельных стадий и всего цикла — очень часто государственное воздействие на развитие как раз и предполагают такого рода ускорение, — однако обязательным предварительным условием является обнаружение естественной продолжительности каждой стадии, обуславливающих её механизмов, и лишь затем речь может идти о квалифицированном и информированном воздействии на эти механизмы для сокращения сроков, изменения направления, ресурсоёмкости или иных характеристик развития.

Между тем, проанализированные государственные документы — всё с той же оговоркой о репрезентативности выборки, — полностью игнорируют вопрос о естественной продолжительности цикла развития, также как и о его стадийности, то есть об обязательной последовательности смены состояний и о тех механизмах, которую делают эту последовательность необходимой. Эта проблема во многом оказывается связана с предыдущей: если мы не учитываем естественные механизмы развития, определяющие в том числе его стадийность, то, естественно, мы не можем рассчитывать на автокаталитичность процесса, обусловленную теми же механизмами.

Старцев Я. Ю.

Следовательно, предложенная нами модель позволяет рекомендовать при разработке государственных документов развития в обязательном порядке опираться на предварительное исследование механизмов развития – в частности, в том, что касается естественной продолжительности отдельных стадий и цикла развития в целом, – и строить прогнозирование и планирование исключительно на доказанных или доказательных возможностях корректировки этих механизмов в нужном направлении.

Литература:

1. Стратег по деньгам. Новый президентский совет работает приоритетные проекты развития страны // Российская газета – Столичный выпуск № 7011 (143) [электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/06/30/vladimir-putin-sozdal-proektnyj-ofis-pri-prezidente.html> (дата обращения 23.11.2017).
2. Южаков В. Н., Старцев Я. Ю. Управление развитием как философская и прикладная проблемы: перспективы для государства и исследовательская повестка // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской Академии Наук. 2015. Т. 15. № 1. С. 82–98.
3. Босенко В. А. Всеобщая теория развития. Киев, 2001. 468 с.
4. Васильев С. Н., Цвиркун А. Д. Управление развитием крупномасштабных систем // «Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2012)». Шестая международная конференция, 1–3 окт. 2012 г., Москва – Труды: в 2 томах / общ. ред.: С. Н. Васильев, А. Д. Цвиркун. М.: ИПУ РАН, 2012. Т. 1. 439 с. С. 10–18.
5. Wolpert L. et al. Principles of Development. N.-Y.: Oxford University Press, 2002. 530 p.
6. Гилберт С. Биология развития: В 3-х т. Т. 2: Пер. с англ. М.: Мир, 1994. 235 с.
7. Nabli M. K., Nugent J. B. The New Institutional Economics and Its Applicability to Development // World Development. 1989. 17/9. Pp. 1333–1347.
8. Щербина В. В., Попова Е. П. Развитие деловых организаций: теоретические модели и проблемы практического применения. М.: РГГУ, 2010. 368 с.
9. Новиков Д. А., Иващенко А. А. Модели и методы организационного управления инновационным развитием фирмы. М.: КомКнига, 2006. – 343 с.
10. Полтерович В. М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5. С. 34–56.
11. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. СПб.: Наука, 2007. 644 с.
12. О Стратегии социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года и признании

- утратившим силу областного закона «О Концепции социально-экономического развития Ленинградской области на период до 2025 года»: Областной закон Ленинградской области от 8 августа 2016 года № 76-оз. оступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Об утверждении стратегии социально-экономического развития Ярославской области до 2025 года: Постановление Правительства Ярославской области от 6 марта 2014 года N 188-п (в редакции Постановлений Правительства Ярославской области от 13.02.2015 № 129-п, от 01.02.2016 № 73-п, от 06.06.2017 № 435-п, от 27.06.2017 № 529-п). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 14. О стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 годы: Закон Свердловской области от 21 декабря 2015 года № 151-ОЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 15. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы / Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 16. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 17. Национальный доклад об инновациях в России 2015 [электронный ресурс]. URL: http://www.rvc.ru/upload/iblock/b70/NROI_RVC.pdf (дата обращения 01.11.2017).
 18. Национальный доклад об инновациях в России 2016 [электронный ресурс]. URL: http://www.rvc.ru/upload/iblock/b6d/RVK_innovation_2016_v.pdf (дата обращения 01.11.2017).

References:

1. Strategy for money. The new presidential council will develop priority projects for the country's development // Rossiyskaya Gazeta – Metropolitan. Issue № 7011 (143) [e-resource]. URL: <https://rg.ru/2016/06/30/vladimir-putin-sozdal-proektnyj-ofis-pri-prezidente.html> (date of reference 23.11.2017).
2. Yuzhakov V. N., Startsev Ya. Yu. Management of development as a philosophical and applied problem: perspectives for the state and a research agenda // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2015. Vol. 15. № 1. P. 82–98.
3. Bosenko V. A. General theory of development. Kiev, 2001. 468 p.
4. Vasilyev S. N., Tsvirkun A. D. Management of the development of large-scale systems // «Management of the

- development of large-scale systems (MLSD'2012).» Sixth International Conference, 1–3 October. 2012, Moscow – Proceedings: in 2 volumes / total. Ed.: SN Vasiliev, AD Tsvirkun. Moscow: IPP RAS, 2012. T.1. 439 p. P. 10–18.
5. Wolpert L. et al. Principles of Development. N.-Y.: Oxford University Press, 2002. 530 p.
 6. Gilbert S. Developmental biology: In 3 volumes Vol. 2: Trans. from English. – Moscow: Mir, 1994. 235 p.
 7. Nabli M. K., Nugent J. B. The New Institutional Economics and Its Applicability to Development, World Development, 1989. 17/9. Pp. 1333–1347.
 8. Shcherbina V. V., Popova E. P. Development of business organizations: theoretical models and problems of practical application. Moscow: RGGU, 2010. 368 p.
 9. Novikov D. A., Ivashchenko A. A. Models and methods of organizational management of innovative development of the firm. – M.: KomKniga, 2006. 343 p.
 10. Polterovich V. M. Institutes of catching-up development (to the draft of a new model of Russia's economic development) // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2016. № 5. P. 34–56.
 11. Luman N. Social systems. Essay on the General Theory. with him. SPb.: Science, 2007. 644 p.
 12. On the Strategy of Social and Economic Development of the Leningrad Region until 2030 and the recognition of the regional law «On the Concept of the Social and Economic Development of the Leningrad Region for the Period to 2025» that has lost its validity: Leningrad Oblast Law of 8 August 2016 № 76-OL. Access from the ref.-legal system «Consultant Plus».
 13. On the approval of the strategy for social and economic development of the Yaroslavl region until 2025: Yaroslavl Region Government Decree № 188-p of 6 March 2014 (as amended by the Yaroslavl Region Government Decree № 129-p dated 13 February 2015, № 73-p of 01.02.2016, of 06.06.2017 № 435-p, of 27.06.2017 № 529-p). Access from the ref.-legal system «Consultant Plus».
 14. On the strategy of socio-economic development of the Sverdlovsk region for 2016–2030: Law of the Sverdlovsk region of December 21, 2015 № 151-OL. Access from the ref.-legal system «Consultant Plus».
 15. On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030: Decree of the President of the Russian Federation of 9 May 2017 № 203. – Access from the legal system «Consultant-Plus».
 16. Program «Digital Economy of the Russian Federation»: Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of 28 July 2017 № 1632-r. Access from the ref.-legal system «Consultant Plus».
 17. National report on innovation in Russia 2015 [e-resource]. URL: http://www.rvc.ru/upload/iblock/b70/NROI_RVC.pdf (date of reference 01.11.2017).
 18. National report on innovations in Russia 2016 [e-resource]. URL: http://www.rvc.ru/upload/iblock/b6d/RVK_innovation_2016_v.pdf (date of reference 01.11.2017).

ОСОБЕННОСТИ РЕФОРМЫ КАК ВИДА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сонина Е. О.

кандидат политических наук, доцент кафедры философии и политологии Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66, к. 523, ekaterina.sonina@ui.ranepa.ru

УДК 351.001.73(470)

ББК 66.3(2Рос),123

Цель. Анализ ключевых политических факторов, определяющих содержание реформ как вида государственных преобразований, на основе опыта реализации административной реформы в современной России.

Методология и методы. Содержание реформаторских процессов как вида государственных преобразований, анализ условий, влияющих на определение их целей и задач, реализуется с использованием методологии теории реформ, а также методов институционального и факторного анализа.

Результаты и практическая значимость. Раскрывается содержание реформ с учетом специфики политических факторов, определяющих приоритеты и направления реализации трансформаций. Исходя из степени влияния различных факторов, обозначаются возможные риски и скрытые издержки реформ, проявляющиеся в эффекте оборачивания их целей, содержательной подмене реформ другими видами государственных преобразований.

Научная новизна. С учетом выявленной специфики реформ как вида государственных преобразований, возможных рисков и скрытых издержек реформаторских процессов, ключевых факторов, влияющих на выбор моделей государственного управления на современном этапе, анализируется опыт реализации административной реформы в современной России, дается оценка уровня состоятельности каждого из ее этапов.

Ключевые слова: государственная политика, государственное управление, реформа, стратегии реформ, административная реформа.

FEATURES OF THE REFORM AS A KIND OF STATE CHANGES: THE EXPERIENCE OF IMPLEMENTING ADMINISTRATIVE REFORM IN MODERN RUSSIA

Sonina E. O.

Candidate of Political Science, associate Professor of the Department of Philosophy and Political Science of the Ural Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 620990, Russia, Ekaterinburg, 8th March str., 66, r. 523, ekaterina.sonina@ui.ranepa.ru

Purpose. An analysis of the key political factors that determine the content of reforms as a kind of state transformation, based on the experience of implementing administrative reform in modern Russia.

Methodology and methods. The content of reform processes as a form of state transformation, analysis of the conditions affecting the definition of their goals and objectives, is realized using the methodology of reform theory, as well as methods of institutional and factor analysis.

Results. The content of the reforms is disclosed, taking into account the specifics of the political factors that determine the priorities and directions for implementing the transformations. Based on the degree of influence of various factors, possible risks and hidden costs of reforms, manifested in the effect of turning around their goals, meaningful substitution of reforms by other types of state reforms, are identified.

Scientific novelty. Taking into account the specific nature of reforms as a form of state reforms, possible risks and hidden costs of reform processes, key factors influencing the choice of models of public administration at the present stage, the experience of implementing administrative reform in modern Russia is analyzed, and the level of consistency of each of its stages is assessed.

Key words: public policy, reform, reform strategy, public administration, administrative reform.

Реформирование в современной России приобрело всеохватывающий характер, затрагивая практически все сферы жизни общества. Такой характер реформ приводит к максимально широкой трактовке их смыслового содержания в политическом дискурсе, отождествлению с любого рода изменениями, инициированными государством. Утрата смысловой определенности понятия «реформа» становится причиной рисков размытости целей и задач реформаторских процессов, существенно осложняя процесс их достижения и оценки эффективности реформ.

В научном дискурсе наиболее распространенным является понимание «реформы» как целенаправленного процесса государственных изменений институтов (социальных, политических, экономических), не затрагивающих основ политического строя [1, с. 2]. Реформаторские процессы нужно отличать от других видов государственных изменений: революции, реструктуризации, реорганизации и т.д. От двух вторых реформы отличаются масштабом, поскольку связаны с преобразованием целой сферы жизни общества, а не отдельных институтов. Помимо этого реструктуризации и реорганизация не предполагает переосмысления норм, определяющих смысловое содержание институтов, их цели и задачи. Революционные же изменения обязательно затрагивают основы политического строя, не всегда носят целенаправленный характер и зачастую опираются на ресурс насилия. Главным преимуществом реформ как государственных изменений, как правило, обозначают их комплексность, системность и возможность корректировки хода реформ (даже в случае применения самой жесткой стратегии – шоковой терапии), позволяющих предупреждать конфликты и оптимизировать затраты в зависимости от их предварительных результатов. Но для успешной реализации реформ требуется выполнения целой совокупности условий, ряд из которых связаны с самой спецификой реформ.

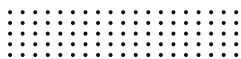
Первым и основным таким условием являются высокие требования к компетенции реформаторов. Как целенаправленное изменение институтов, обеспечивающее устойчивое развитие государства, реформа в обязательном порядке предполагает наличие системного видения ее целей и задач, концептуальность, прогнозирование последствий. Состоятельность реформ напрямую зависит от присутствия в экономической системе агентов, обладающих указанными навыками, которые *разрабатывают и реализуют* план трансформаций [1, с. 4].

Второй важный аспект, который всегда необходимо учитывать при принятии решения о преобразовании институтов путем реформ – это крайне затратный характер последних. [2] Масштабы и комплексность реформ требуют одновременных затрат различных видов ресурсов: политических, экономических,

социальных, человеческих, временных. Уровень ресурсного обеспечения определяет выбор стратегии реформ. Недостаточность одного вида ресурсов компенсируется за счет более высоких требований к качеству и объему других. Например, в случае со стратегией шоковой терапии, которая по сути своей является кризисной стратегией и применяется, как правило, в условиях ограниченных материальных ресурсов и фактического отсутствия ресурсов временных, уровень требований к компетенции реформаторов оказывается одним из наиболее высоких. Без грамотного заимствования, которое при применении стратегии шоковой терапии является неизбежным, и комплексной оценки всех возможных его последствий вероятность рисков более глубокого кризиса, чем тот, который реформа должна была предупредить, возрастает в разы. Резкое ухудшение экономической ситуации и/или глубокие социальные потрясения в связи с недавностью реформаторов, недооценкой с их стороны всей совокупности факторов, влияющих на ход реформ, отсутствием реформаторского типа мышления у тех, кто обеспечивает реализацию государственных преобразований, оказываются достаточно частым следствием применения стратегии шоковой терапии, в том числе, провоцируя изменение инициировавшего реформы политического режима. Так было, в частности, в случае с военной диктатурой А. Пиночета в истории Чили. Проведение в начале 1970-х годов экономических реформ в духе неоллиберализма чилийскими последователями взглядов М. Фридмана без комплексных реформ в политической сфере и изменения военизированного сознания исполнителей государственных преобразований – Правительственной хунты Чили 1973–1990 годов привели к ухудшению экономической ситуации, усугублению социального неравенства, усилению внешнеэкономической зависимости государства и, в результате, свержению режима А. Пиночета в 1988 году [3].

При оценке затратности реформ также важно учитывать, что реформирование исходно допускает отступление от изначальных целей, их корректировку и уточнение в процессе реализации преобразований (в зависимости от реакции общества и реформируемых объектов, изменений в расстановке политических сил, в структуре государственных приоритетов, фактического наличия необходимых для реформ ресурсов и т.д.). Результаты данного процесса являются сложно прогнозируемыми, а, значит, риск дополнительных издержек достаточно велик.

Наконец, при всей привлекательности реформ как вида государственных преобразований для общества в силу их нацеленности на минимизацию возникновения конфликтов в процессе реализации изменений, наличия возможности адаптации к ним (исключение

Сонина Е. О.

составляет только случай применения стратегии шоковой терапии), реформы в равной степени являются привлекательными и для основных властных субъектов с точки зрения сохранения их привычного статуса и контроля за основными ресурсами. Масштабность реформ и изначальная сложность их содержания, ориентированность на предполагаемый результат, практическая неощутимость итогов реформ в текущий момент времени, делает практически невозможной системный контроль за ходом реформ со стороны общества, особенно если преобразования одновременно реализуются в нескольких сферах его жизни. Это порождает риски скрытого перераспределения общественно значимых ресурсов в интересах определенных групп. Одним из практических проявлений указанных рисков является так называемый QWERTY-эффект [4, с. 56], особенно характерный для стратегии промежуточных институтов. Данный эффект предполагает, что даже в случае выявления при экспериментальном внедрении в рамках реформ неэффективного института отказ от него может быть затруднительным, так как за время преобразований успевают сформироваться группы, заинтересованные в его сохранении и обладающие для реализации своих интересов необходимыми политическими и/или экономическими ресурсами. Возникает «блокировка» перспективного внедрения эффективного института, отследить которую со стороны общества в силу изначальной сложности реформаторских процессов практически невозможно.

Применительно к российскому опыту одной из наиболее показательной с точки зрения двойственного характера реформ является инициированная в 2003 году административная реформа. Ее основные цели и задачи были определены в Указе Президента Российской Федерации № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах» и принятом потом целом пакете программных документов [5, 6]. Исходя из определенных в них целей и задач, за концептуальную основу административной реформы в современной России была взята модель нового государственного управления.

В мировой практике модель нового государственного управления оказалась одним из первых системных ответов, позволяющих переосмыслить содержание и цели государственного управления, исходя из новых вызовов, стоящих перед государством. Главным из них явилась глобальная конкуренция. Государство оказалось в совершенно непривычной для него как политического института, обладающего исключительным правом на легитимное насилие, ситуации абсолютной конкуренции за контроль над основными обеспечивающими устойчивость государства ресурсами с многочисленными негосударственными и надгосударственными институтами. Режим конкуренции создал очень много

рисков для государства, существенно усложнив процесс социального управления, оценить которое исключительно в нормативных и институциональных параметрах теперь оказывается невозможным [7, с. 16–17]. Ключевой его задачей сейчас является *не администрирование, а координация* деятельности государственных структур, бизнеса, общественных организаций для обеспечения разрешения социально значимых проблем и реализации функций государства [8, с. 253–270]. В западных странах причинами выбора модели нового государственного управления были необходимость оптимизации в условиях глобальной конкуренции затрат на содержание государственного аппарата и поиск новых основ обеспечения легитимности политического класса, экономически зависимого от воли все более требовательных налогоплательщиков. Ориентации на информационную открытость, внедрение механизмов проектного управления и управления по результатам, оценки эффективности, исходя из понимания государственного управления как деятельности по оказанию государственных услуг, решали эти задачи, придавая одновременно максимальную гибкость государственному управлению, приспособлявая его к новым форматам взаимодействия общества и власти.

Причины административной реформы в современной России, исходя из того, как они были определены в Концепции административной реформы в 2005 году, были те же: необходимость сокращения затрат на содержание государственного аппарата за счет исключения неэффективных и дублирующих функций государственных органов и передачи части из них в порядке аутсорсинга неправительственным организациям, повышение качества государственного управления за счет расширения механизмов общественного участия и контроля в деятельности государственных структур, противодействие коррупции и так далее [6]. Однако в российском опыте идейное содержание реформы вступило в противоречие с технологиями ее реализации.

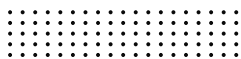
Ключевым моментом концепции нового государственного управления является преодоление косности бюрократической модели через обеспечение информационной открытости органов публичной власти, расширения круга субъектов, вовлеченных в процесс разработки и/или реализации государственной политики, и сокращение затрат на содержание госаппарата путем внедрения рыночных механизмов управления. Обеспечение информационной открытости государственного аппарата, было обозначено в качестве одного из приоритетных направлений административной реформы. Но понимание информационной открытости системы государственного управления согласно программным документам сводится исключительно к «созданию

порталов в сети Интернет ведомственных органов государственной власти и местного самоуправления», опубликованию решений ведомств на соответствующих сайтах и оптимизацию документооборота. Принятие в 2014 году Концепции открытости федеральных органов государственной власти не сняло данного противоречия. Она фиксирует достаточно большое количество принципов, соблюдение которых предполагает обеспечить «эффективный диалог федеральных органов исполнительной власти с гражданами»: информационной открытости, понятности, вовлеченности гражданского общества в процесс государственного управления, подотчетности населению органов исполнительной власти, – включает раздел «Механизмы (инструменты) реализации принципов открытости», ссылку на методические рекомендации по их внедрению. Но фактический арсенал данных инструментов сводится к информированию о работе органов власти, их взаимодействию с общественными советами, изменению подходов к организации деятельности пресслужбы. Основным субъектом мониторинга реализации принципов открытости федеральными органами исполнительной власти согласно концепции является Правительственная комиссия по координации деятельности открытого правительства, которая *при необходимости* может привлекать общественный совет, заинтересованные референтные группы и экспертов [9].

Расширение механизмов общественного участия, начиная с 2015 года, прорабатывается в рамках реформирования сферы государственного контроля и надзора. Сфера государственного контроля и надзора традиционно является одной из наиболее конфликтных во взаимодействии населения и власти, поскольку предполагает самое жесткое проявление государства в виде обязательных обременений и требований, выполнение которых необходимо для обеспечения национальной безопасности и сохранности национальных благ. В условиях абсолютной конкуренции и сложности сохранения контроля со стороны государства за основными экономическими ресурсами важно найти баланс между обязательными требованиями и интересами, в первую очередь, экономических агентов, чтобы избыточный, дублирующий характер государственных императивов не стал барьерами для активной экономической деятельности, без которой «наращивание» капитала государства на современном этапе невозможно. Заявленная в программных документах установка на риск-ориентированный характер контрольно-надзорной деятельности, оптимизация надзорной нагрузки на хозяйствующих субъектов при одновременном повышении защищенности общественно значимых интересов и ценностей [10] отвечают целям поиска указанного баланса. Достижение обозначенных целей должно сделать взаимодействие населения

с властью в одном из самых жестких ее проявлений максимально комфортным. Однако отказ от «карательного» подхода к деятельности контрольно-надзорных органов, переориентация их на применение консультационной стратегии в своей деятельности невозможно без обеспечения участия в определении приоритетов и содержания реформы основных заинтересованных групп, поднадзорных субъектов. Поиск баланса интересов без представленности видения сути контрольно-надзорной деятельности как со стороны государства, так и со стороны населения невозможно. Вторым неперенным условием эффективной реализации государственных преобразований контрольно-надзорной деятельности является комплексное переосмысление и выработка единых критериев эффективности контрольно-надзорных органов: от объема выявленных нарушений и взысканных штрафов к качественному изменению поднадзорной сферы. А это предполагает качественно иной характер взаимодействия общества и власти, открытый, активный, заинтересованный диалог обеих сторон. Однако предлагаемые на сегодня в российской практике реформирования подходы к определению критериев риска, оценки эффективности деятельности контрольно-надзорных органов настолько сложны, не системны, что фактически нивелируют все возможности выработки единой концепции государственного контроля и надзора, сводя фактически на нет общественное участие в этих процессах. Достаточно часто цели и задачи административной реформы дублируются в стратегических документах с одновременным установлением разных сроков и ответственных субъектов за их реализацию [11, 12], что очевидно не способствует оптимизации и повышению гибкости государственного управления.

Обеспечить повышение производительности и работоспособности государственного сектора, оптимизировать затраты на содержание государственного аппарата должно внедрение механизмов проектного управления, которое в 2016 году заявлено как одно из приоритетных направлений административной реформы. Установка на применение подходов проектного управления была закреплена еще в Концепции административной реформы 2005 года [6]. В рамках направления управление по результатам было определено, что главная цель реализации указанного направления – это «внедрение методов и процедур управления, ориентированного на результат, и проектного управления в Правительстве Российской Федерации, федеральных органах исполнительной власти, органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации и подведомственных государственным органам организация». Основные мероприятия в рамках внедрения подходов проектного управления планировалось реализовать в 2006 году. Содержательная подмена даже

Сонина Е. О.

на уровне программных документов проектного управления управлением по результатам привело к тому, что весь комплекс предусмотренных по нему мероприятий свелся фактически к попыткам внедрения механизмов бюджетирования, ориентированного на результат, что опять существенно сместило акцент со стратегической составляющей на инструментальную.

Актуализация в контексте административной реформы темы проектного управления в 2016 году связана с попыткой изменения подхода к определению стратегически приоритетных направлений государственного развития и, как следствия, планирования их ресурсного обеспечения. Только причина указанной актуализации – несостоятельность национальных проектов как большого политического проекта, инициированного в 2006 году властью. Образованный в июне 2016 года Совет при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам основывается на тех же принципах и подходах к работе, что и ликвидированный Совет по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике и Совет по жилищной политике и повышению доступности жилья [13]. Основными субъектами реализации проектного подхода в государственном управлении должны стать проектные офисы, ориентированные на обеспечение межведомственного взаимодействия органов исполнительной власти. Но сам механизм определения приоритетных направлений государственного развития, реализацию которых призваны обеспечить приоритетные проекты и проектные офисы, настолько сложен [14], что практически делает невозможным общественный контроль и общественное участие в этом процессе. При этом, учитывая масштаб заявленной властью инициативы по внедрению механизмов проектного управления, ее реализация будет связана с перераспределением колоссальных ресурсов, затрагивающих интересы значительного числа различных политических, социальных, экономических блоков и групп.

В результате, складывается парадоксальная ситуация: мы реформируем государственное управление без переосмысления роли, содержания целей и задач самого государства как института. А при такой установке реализации потенциала государственного управления как силы, способствующей повышению конкурентоспособности государства, просто невозможно. Практика реализации административной реформы в России приводит не к упрощению, а существенному усложнению процесса взаимодействия власти и общества и не обеспечивает его сугубого переосмысления. Это оборачивает цели административной реформы, в перспективе низводя ее до реорганизации или реструктуризации, никак принципиально содержание государственного управления не меняющих.

Литература

1. Полтерович В. М. Элементы теории реформ. М.: «Экономика», 2007.
2. Полтерович В. М. Искусство реформ [электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2006/06/26/polterovich/> (дата обращения 10.08.2017)
3. Денисова Е. Опыт макроэкономической стабилизации в государствах Латинской Америки // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 8.
4. Аузан А. А. «Колея» российской модернизации // Общественные науки и современность. 2007. № 6.
5. О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах: Указ Президента Российской Федерации № 824 от 23 июля 2003 г. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
6. Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2005–2008 годах: Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1789-р от 25 октября 2005 года // Собрание законодательства РФ. 2005. № 46.
7. Государственная политика и управление: Учеб. пособие для вузов под ред. А. И. Соловьева. М.: Аспект-Пресс, 2017.
8. Государственная политика и управление: учебник: в 2 ч. / под ред. Л. В. Сморгунюва. Ч. 1: Концепции и проблемы государственной политики и управления. М.: РОССПЭН, 2006. С. 253–270.
9. Концепция открытости федеральных органов государственной власти: Распоряжение Правительства Российской Федерации № 93-р от 30 января 2014 года. [электронный ресурс]. URL: <http://open.gov.ru/events/5508409/> (дата обращения 30.08.2017)
10. План мероприятий («дорожная карта») по совершенствованию контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации на 2016–2017 год: Распоряжение Правительства Российской Федерации № 559-р от 01 апреля 2016 года. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
11. Целевая модель организации контрольно-надзорной деятельности: Распоряжение Правительства Российской Федерации № 147-р от 31 января 2017. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
12. Показатели приоритетной программы по совершенствованию контрольно-надзорной деятельности: Протокол заседания Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам № 8 от 19 октября 2016 года [электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/orders/selection/401/25106/> (дата обращения 30.07.2017)
13. О Совете при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам: Указ Президента Российской Федерации № 306 от 30 июня 2016 года [электронный ресурс]. URL: <http://>

kremlin.ru/events/councils/by-council/1029/52297 (дата обращения 30.08.2017)

14. Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации № 1050 от 15 октября 2016 года. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

References

1. Polterovich V. M. Elements of the theory of reform. М.: «Economics», 2007.
2. Polterovich V. M. The art of reform [e-resource]. URL: <http://polit.ru/article/2006/06/26/polterovich/> (date of reference 10.08.2017)
3. Denisova E. Experience of macroeconomic stabilization in Latin American countries // World Economy and International Relations. 1993. № 8.
4. Auzan A. A. «Track» of the Russian modernization // Social Sciences and Modernity. 2007. № 6.
5. On measures to conduct administrative reform in 2003–2004: Decree of the President of the Russian Federation of 23 July 2003 № 824. Access from ref.-legal system «ConsultantPlus».
6. The concept of administrative reform in the Russian Federation in 2005–2008: Order of the Government of the Russian Federation № 1789-r of October 25, 2005 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2005. № 46.
7. Public Policy and Management: Proc. manual for universities ed. A. I. Solovyov. М.: AspectPress, 2017.
8. State policy and management: textbook: at 2 pm / ed. L. V. Smorgunova. Part 1: Concepts and problems of public policy and management. М.: ROSSPEN, 2006. P. 253–270.
9. The concept of openness of federal bodies of state power: Order of the Government of the Russian Federation of 30 January 2014 № 93-r [e-resource]. URL: <http://open.gov.ru/events/5508409/> (date of reference 30.08.2017)
10. Action plan («road map») for improving control and supervision activities in the Russian Federation for 2016–2017: Order of the Government of the Russian Federation of 1 April 2016 № 559-r. Access from ref.-legal system «ConsultantPlus».
11. Target model of the organization of control and supervisory activities: Order of the Government of the Russian Federation of 31 January 2017 № 147-r. Access from ref.-legal system «ConsultantPlus».
12. Indicators of the priority program for the improvement of control and supervision activities: Minutes of the meeting of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and Priority Projects of 19 October 2016 № 8 [e-resource]. URL: <http://government.ru/orders/selection/401/25106/> (date of reference 30.07.2017)
13. On the Council under the President of the Russian Federation on Strategic Development and Priority Projects: Decree of the President of the Russian Federation of 30 June 2016 № 306 [e-resource]. URL: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/1029/52297> (date of reference 30.08.2017)
14. On the organization of project activities in the Government of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation of 15 October 2016 № 1050. Access from ref.-legal system «ConsultantPlus».

ВЛИЯНИЕ КОРРУПЦИИ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Пасечко В. В.

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Курского института кооперации (филиал),
Белгородский университет кооперации, экономики и права (Россия), 305004, Россия, г. Курск, ул. Радищева, 116,
viktor.pasechko@yandex.ru

УДК 328.185
ББК 66.3(0),123

Цель. Теоретико-методологическое исследование проблемы влияния политической коррупции на систему государственного управления, определение основных причин и проявление политической коррупции.

Предмет исследования. Мнения исследователей, научные идеи, практические подходы к противодействию коррупции в системе государственного управления.

Методы. В качестве методов исследования в работе использованы: сравнительный, структурный и системный анализ, анализ статистических данных, анализ материалов научных работ российских и зарубежных авторов по проблематике исследования.

Результаты. В работе рассмотрена неоднозначность явления коррупции в современном обществе, определены специфические черты и проявления политической коррупции, как следствия недобросовестного государственного управления. Систематизированы основные характеристики политической коррупции, выделены основные факторы, вызывающие формирование и развитие политической коррупции в условиях переходной демократии.

Научная новизна. Приводятся инструменты, доказавшие на практике свою эффективность в противодействии коррупции на высших уровнях власти. Указывается необходимость применения системного подхода для противодействия коррупции в государственном управлении, который предусматривал бы сочетание множества факторов и элементов в комплексе. Обосновывается необходимость привлечения общественности к борьбе с политической коррупцией в системе государственного управления.

Ключевые слова: коррупция, государственное управление, политическая коррупция, grand corruption, эффективность.

THE IMPACT OF CORRUPTION ON THE EFFECTIVENESS OF PUBLIC ADMINISTRATION

Pasechko V. V.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economy and Management of Kursk Institute of cooperatives (branch), Belgorod University of cooperation, Economics and law (Russia), 305004, Russia, Kursk, Radishchev str., 116, viktor.pasechko@yandex.ru

Purpose. Theoretical and methodological study of the problem of the influence of political corruption on the public administration system, identifying the main causes of political corruption.

The subject of the research. The opinions of researchers, scientific ideas, practical approaches to fighting corruption in the public administration.

Methods. As research methods in the work used: comparative, structural and system analysis, analysis of statistical data, analysis of materials of scientific works of Russian and foreign authors on the research problems.

Results. The paper considers the ambiguity of the phenomenon of corruption in modern society, identifies specific features and manifestations of political corruption, as consequences of unfair government. Systematized the main characteristics of political corruption, identifies the main factors that cause the formation and development of political corruption in a transitional democracy.

Scientific novelty. The tools that proved in practice their effectiveness in countering corruption at the highest levels of power are presented. The need to apply a systematic approach to counter corruption in public administration, which would involve a combination of many factors and elements in the complex, is indicated. The necessity of involving the public in the fight against political corruption in the system of public administration is grounded.

Key words: corruption, public administration, political corruption, grand corruption, efficiency.

Коррупция как социальное явление существует практически во всех странах мира, в том числе и в тех, что принадлежат к так называемому «эталону» демократии – США, Великобритании, Канаде, странах Евросоюза. Однако особое значение она приобретает в развивающихся странах, что во многом связано с слишком политизированным государственным управленческим аппаратом, который порой представляет не столько интересы государства и общества, сколько конкретных политических группировок, тесно связанных с крупным капиталом.

Актуальность исследования проблем коррупции и противодействия ей в современной России определяется тем, что Российская Федерация относится к тем странам, где коррупция получила широкомасштабное распространение. Это подтверждается данными независимой международной организации Transparency International, которая проводит сравнительные исследования коррупции и представляет информацию об общем уровне коррупции в разных странах в виде «Индекса восприятия коррупции» (ИВК). На протяжении последних 10 лет российское государство в рейтинге ИВК занимает низкие позиции. Так, например, в 2006 году Россия в этом индексе заняла 46 место из 54 стран, в 2010 году – 82 из 99, в 2014 году – 90 из 145, в 2015 году – 147 из 180, в 2016 году – 146 из 180 [1].

Коррупция в той форме, в которой она существует в России, сводит на нет любые реформы в стране, снижает ее инвестиционный рейтинг, а также вызывает отчуждение России в мировом сообществе. Поскольку в сочетании с непрофессионализмом государственных чиновников коррупция часто выступает причиной перманентных социально-экономических и политических кризисов, то проблема борьбы с коррупцией выступает одной из основных в политическом дискурсе современной России.

Сложность исследования проблемы коррупции заключается в том, что она носит достаточно латентный характер, что определяется относительной закрытостью статистических данных и необходимостью судебного доказательства наличия преступных действий, носящий коррупционный характер. При этом в научно-практическом плане важной является социальная оценка размеров коррупции и ее последствий, в том числе и с применением результатов массовых и экспертных социологических опросов.

Проблемы эффективного противодействия политической коррупции находятся в центре внимания зарубежных специалистов еще с начала XX в. В значительной степени это было связано с многочисленными случаями коррупции выборных должностных лиц в органах государственной власти США. Основные проблемы, связанные с возникновением и предотвращением коррупции на разных уровнях власти, широко исследуются и отечественными учеными: Е. И. Добролюбовой, Д. А. Зарандия, М. О. Изотовым, И. С. Куприяновым, А. Ф. Ноздрачевым, П. А. Скобликовым, Т. Я. Хабриевым, Р. Ш. Шегабудиновым, С. Н. Шишкаревым и др.

Вместе с тем, несмотря на столь пристальное внимание к теме коррупции и в теории, и на практике остается значительная часть нерешенных вопросов, начиная с того, что включает в себя понятие «коррупция», какие черты для нее наиболее характерны, какие существуют причины ее возникновения, и заканчивая разработкой эффективных механизмов противодействия данному социально-политическому явлению. Кроме того, недостаточно исследованным остается такой важный вопрос, как определение уровней воздействия коррупции на функционирование системы государственного управления, выяснения основных путей нейтрализации этого негативного явления т.д.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении особенностей явления коррупции в системе государственной власти, его негативного влияния на эффективность государственного управления, а также поиска подходов к противодействию ей.

Гипотеза исследования: политическая коррупция и ее составляющая – коррупция на высших уровнях власти – являются наиболее негативным видом коррупции в отношении влияния на общественно-политическую и социально-экономическую жизнь страны и наиболее сложными видами с позиции организации противодействия им.

В аспекте рассматриваемой нами темы важно отметить, что само понятие «коррупция» является неоднозначным. В частности, даже с позиции историко-лингвистического подхода латинское слово «*corruption*» имеет следующие значения:

- 1) соблазнение, подкуп;
- 2) порча, упадок;
- 3) извращенность, изменчивость;

4) расстройство, разболтанность, плохое состояние [2, с. 5].

Неоднозначность термина «коррупция» следует и из анализа действующих российских правовых норм. Так, согласно ст. 1 Федерального закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [3] данное явление рассматривается в качестве:

1) злоупотребления служебным положением, дачи взятки, получения взятки, злоупотребления полномочиями, коммерческого подкупа либо иного незаконного использования физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконного предоставления такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

2) совершения тех же деяний, но уже от имени или в интересах юридического лица.

В различных научных изданиях часто цитируется определение коррупции, которое дано Р. Клитгаардом: «Коррупция – это преступление, в основе которого лежит расчет, а не страсть. Люди проявляют склонность к коррупции, когда риск невелик, наказание мягкое, а выигрыш весьма значителен» [4]. Данное утверждение характеризуется формулой: «Риск коррупции = Монополия + Дискреционные полномочия – Ответственность».

Нельзя не согласиться с утверждением индийского ученого С. Раджа Кумара, что создание общества, свободного от коррупции, является одним из основных прав человека, т.к. право на жизнь, достоинство, равенство, другие права и свободы значительно зависят от этого права, т.е. без данного фундаментального права все другие основные права теряют смысл [5].

Следует полагать, что основным препятствием на пути к демократии и экономическому развитию является недобросовестное государственное управление, которое приводит к коррупции. И наоборот, добросовестное управление предполагает использование государственных ресурсов для общественного блага и инвестирования в человеческий капитал. Когда мы говорим о нарушениях прав человека, то в соответствии с нормами международного права нарушителем выступает государство в лице его представителей. Аналогично этому, преступления, содержащие коррупционную составляющую, подразумевают вовлечение в них представителей государственной власти.

Несомненно, что коррупция подрывает права человека, верховенство закона и демократию. Когда представители государственной власти растрачивают бюджетные средства, выделенные на образование, культуру, здравоохранение, жилищное

благоустройство, градостроение и другие важные области жизнедеятельности, можно констатировать нарушение экономических, социальных и культурных прав. В подобных ситуациях необходимо говорить о политической коррупции, которая может иметь несколько основных смыслов:

1) незаконные действия в сфере политики (например, взяточничество);

2) государственная деятельность, имеющая легальный, но неэтичный характер;

3) связанное с конфликтом интересов у должностных лиц (например, представитель законодательной власти, обладающего определенными бизнес-активами, использует свой голос для поддержки решений, способствующих функционированию именно его бизнеса – так называемое «кулуарное лоббирование бизнес-интересов»);

4) деяние, совершенное с намерением предоставить определенное преимущество, несовместимое с официальными обязанностями должностного лица, незаконно и неправомерно использует свой статус для получения преимущества для себя или другого лица в целях, нарушающих права других лиц.

Вместе с тем важно отметить, что в тех случаях, когда мы говорим о политической коррупции, речь идет не просто о коррупции в политической (государственной) сфере или взяточничество государственных чиновников и партийных деятелей. Коррупция становится политической в том смысле, что именно политические структуры делают возможными или часто даже требуют коррупционных деяний. С точки зрения функционирования гражданского общества политическая коррупция является предательством чиновниками общественного доверия.

Проведенный анализ научной литературы [6; 7; 8; 9] показывает, что к основным характеристикам политической коррупции необходимо отнести следующее:

1. Политическая коррупция тесно связана с понятием «клиентизм», представляющим собой такие общественные отношения, при которых личная верность покровителю значит больше, чем современные альтернативы рыночных отношений, демократические схемы принятия решений, а также профессионализм государственных бюрократий.

2. Политическая коррупция имеет гораздо более узкий круг лиц, которые с ней непосредственно сталкиваются (и как объект, и как субъект коррупционного деяния), что усиливает ее латентность. Можно говорить о том, что политическая коррупция берет свое начало в основном в высших политических кругах, соответственно она не является элементом повседневной практического опыта подавляющего большинства граждан.

3. Не всегда политическая коррупция имеет четко выраженное материальное воплощение.

Вознаграждение используется не только в личных целях определенного должностного лица, но и во властно-политических целях (например, поддержка руководства во время политических кризисов или на выборах).

4. Действия политических коррупционеров являются универсальными и касаются различных сфер общественной жизни, ведь они являются лицами, имеют значительные властные полномочия, широкий круг знакомств и находятся в поле действия разного рода сетей политического влияния.

5. В отличие от «обычной», политическая коррупция почти легитимная как в оценках общественного мнения, так и в политических кругах. В контексте достаточно распространенного понимания политики как «грязного дела» общественность воспринимает политическую коррупцию как неотъемлемую составляющую этой «грязи» и далеко не всегда относится к ней как к общественно вредному явлению. При этом среди политиков легитимность политической коррупции базируется на ее восприятии как органической части политического менеджмента и политических технологий.

6. Политическая коррупция имеет гораздо более скрытый и многовариантный характер и далеко не всегда очевидна для рядового гражданина.

При этом к основным факторам, вызывающим формирование и развитие политической коррупции в условиях переходной демократии, следует отнести:

1. Несоответствие уровня политической культуры общества достигнутому уровню формальной демократии. С одной стороны, в государстве существует демократическая конституция, которая закрепляет ключевые принципы демократического строя и предоставляет гражданам основные политические права и гражданские свободы. С другой стороны, например, в российском обществе на протяжении Новейшей истории страны по-прежнему остаются господствующими элементы советской политической культуры.

2. Чрезмерное и активное вмешательство государства в экономику и частную жизнь граждан. При этом такие факторы часто оправдываются сложностью процессов демократического транзита и опасностями, которые он порождает. Однако необходимо учитывать, что попытки государства расширить сферу своего контроля часто приводит к общему ослаблению рыночных регуляторных механизмов, их подмены жестким нормативным регулированием государства, а также размытие или общего нивелирования основ гражданского общества (в частности речь идет о фактическом отсутствии в России такой социальной группы, как «средний класс»). Вместе с тем усиление государственного контроля автоматически влечет за собой увеличение объема полномочий и сферы влияния, как избранных

политиков, так и предназначенных на государственные должности политических функционеров.

3. Непрозрачность системы государственного управления, отсутствие регламентированных процессов выработки государственной политики на национальном, региональном и местном уровнях. Параллельно с этим происходит минимизация участия граждан в государственном управлении.

4. Отсутствие четких границ между государственными интересами и политической необходимостью (именно при таких условиях политическая коррупция становится альтернативным и органическим элементом системы управления государством).

По нашему мнению, проблемы функционирования политической коррупции в системе государственного управления России во многом заключаются в непрозрачном и часто противозаконном финансировании политических партий и избирательных кампаний (в том числе за счет ресурсов, полученных преступным путем).

Как отмечает С. Роуз-Аккерман, на сегодняшний день Россия находится фактически на том этапе развития, который США прошли еще в конце XIX в. Ключевым элементом этого этапа является неотделенность таких понятий, как лояльность чиновников среднего и низового звеньев к политическому курсу государства, с одной стороны, и прямое представительство интересов политической силы, которая в конкретный момент находится у власти – с другой. Вследствие такого неразграничивания российский чиновник, как и американский чиновник третьей четверти XIX в., был и остается, прежде всего, представителем власти, т.е. фактически той политической силы, которая находится у власти [10]. В России лоббирование государственными служащими корпоративных и партийных интересов часто происходит в наиболее одиозной форме – в форме коррупции. Это стало одной из главных причин формирования в стране соответствующих финансово-политических кланов, которые фактически превратили государственный аппарат в свою административную надстройку.

Для решения проблемы политической коррупции нужна не столько деполитизация бюрократии, сколько департизация управленческого аппарата. Независимость администрации от политики будет способствовать оздоровлению общественно-политической жизни, может стать тем механизмом, который обеспечит стабильность в обществе независимо от смены власти. При этом надо учитывать, что наиболее опасным для общества видится явление политической коррупции на высших уровнях власти, которое получило название «grand corruption» т.е. «большой коррупции».

Grand corruption – это систематические действия, совершаемые высокопоставленными чиновниками для

удовлетворения собственных нужд в ущерб экономике и общественному благу и включающие в себя взяточничество, торговлю влиянием, хищения в особо крупном размере [2]. Существует множество и других подходов к определению понятия «grand corruption», но в любом случае различные исследователи сходятся в одном: негативное влияние такой коррупции на благосостояние общества несоизмеримо больше, чем от коррупции бытовой.

Согласно данным FAFT (Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег – англ., Financial Action Task Force), grand corruption часто приобретает международный масштаб, поскольку использование полученных коррупционерами денег происходит зачастую за пределами их собственных стран. Широко известными примерами коррупции в высших органах власти стали действия Бена Али (президента Туниса в 1987–2011 гг.), Фердинанда Маркоса (президента Филиппин в 1965–1986 гг.), бразильского конгрессмена и бывшего мэра Паулу Малуфа и других высокопоставленных лиц, ставших участниками многомиллионных хищений.

Противодействие коррупции в высших эшелонах власти связано с рядом трудностей, проистекающих из ее сути. Отметим лишь некоторые из них:

1. Коррупционерами являются лица, отвечающие за руководство страной. Это значительно затрудняет возможность выявления фактов коррупционных действий со стороны высших должностных лиц.
2. Справедливое расследование подобных случаев коррупции может быть предвзятым ввиду оказываемого на судебные власти давления со стороны высших должностных лиц или из-за коррупции в судебной системе.
3. Коррупция может быть «легализована» властью и считаться приемлемой практикой для госслужащих, поэтому сбор доказательств становится невозможным.
4. Высшие должностные лица обладают иммунитетом от уголовного преследования.
5. Коррупция может принимать международный масштаб, поэтому необходима межгосударственная кооперация [11].

Есть несколько инструментов, доказавших на практике свою эффективность в противодействии grand corruption. Среди них особо следует выделить следующие:

1. Реформирование и модернизация системы управления национальным бюджетом позволяют сделать невозможным или сложным для чиновников совершение коррупционных действий.
2. Обеспечение свободного доступа населения к информации об использовании и распределении бюджетных средств.

3. Расширение практики обязательного и регулярного раскрытия чиновниками и их близкими сведений о доходах, имуществе и конфликте интересов.

4. Разработка открытого реестра бенефициарных собственников.

5. Усиление роли гражданского общества и обеспечение свободы СМИ.

6. Введение мер по защите заявителей о коррупции.

7. Создание независимого органа для расследования случаев коррупции в высших эшелонах власти.

Последний пункт имеет принципиальное значение. Практически во всех странах, подписавших Конвенцию ООН против коррупции, существует независимый специализированный орган по борьбе с коррупцией, в рамках которого часто создаются специальные подразделения по расследованию случаев grand corruption.

Например, в Румынии Национальный антикоррупционный директорат занимается расследованием коррупционных действий, совершенных высшими должностными лицами, и ущерб от которых превысил 200 тыс. долл. США. Обычно эти структуры сотрудничают с иностранными правительствами, например, Агентство по развитию и сотрудничеству Швейцарии предоставляло финансовую и юридическую помощь Мали в процессе возврата незаконно присвоенных чиновниками активов. Существуют и другие инструменты борьбы с коррупцией в высших эшелонах власти. В ряде стран мира в особых случаях применяется практика конфискации имущества без обвинительного приговора (в Италии, Нидерландах, США, Великобритании, Филиппинах, Австралии, Канаде, Колумбии). В некоторых государствах применяется особый порядок судопроизводства по коррупционным преступлениям, совершенным высшими должностными лицами (Замбия, Нигерия) [11].

Огромную роль в противодействии коррупции играют СМИ, правозащитники и гражданское общество. Например, в Индии в 2008 году был создан сайт «I PAID A BRIBE» («Я заплатил взятку») www.ipaidabride.com. С помощью этого Интернет-ресурса люди имеют возможность сообщить о том, что им пришлось столкнуться с коррупцией в различных сферах жизни (образование, медицина, судебная система, правоохранительные органы, пенсионные выплаты, энергоснабжение, строительство и др.). На момент проведения данного исследования на сайте было отмечено более 15,4 млн. посетителей и почти 146 тыс. обращений.

Во многих развитых странах, в том числе в США, Великобритании, Франции, расширяются возможности журналистских расследований и освещения в СМИ частной жизни политиков и государственных функционеров. В этом случае конституционные гарантии

неприкосновенности частной жизни имеют ограниченное применение [9].

Важно отметить, что успешные расследования коррупционных преступлений на высшем уровне обычно производились после смены власти в стране, а также под иностранной юрисдикцией, что обеспечивало независимость и объективность судопроизводства. Борьба с grand corruption должна быть системной и направленной не только против отдельных представителей высшей бюрократии, но и затрагивать третьих лиц, участвовавших в схемах незаконного обогащения, в том числе представителей коммерческих структур. Целью расследования случаев коррупции в высших органах власти должно быть не только наказание участников преступления, но розыск и возврат государству незаконно присвоенных активов.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что политическая коррупция выступает не просто коррупцией в политической (государственной) сфере. Коррупция является политической в том смысле, что именно политические структуры делают возможными или часто даже требуют коррупционных действий. Опасность политической коррупции объясняется тем, что она имеет латентный и многовариантный характер, далеко не всегда очевидна для рядового гражданина, действия политических коррупционеров являются универсальными и касаются различных сфер общественной жизни.

К основным причинам политической коррупции в России следует отнести: отсутствие прозрачности и общественного контроля за финансированием и формированием политических партий, непрозрачность самой системы государственного управления, отсутствие четкого распределения между политикой и государственным управлением. В настоящее время политическая коррупция влияет фактически на все уровни государственного управления, прежде всего из-за нерешенных проблем отделения бюрократии от политики. В явлении политической коррупции наиболее опасным для общества выступает grand corruption или коррупция на высших уровнях власти.

Для противодействия коррупции необходим системный подход, предусматривающий сочетание множества факторов и элементов в комплексе. Необходимо четкая стратегия противодействия политической коррупции и grand corruption, которая будет включать развитие правовых инструментов, институциональных механизмов, следственных и прокурорских аппаратов, общественной осведомленности, образования, усиление роли гражданского общества и механизма по защите прав заявителей о коррупции. Борьба с ней будет эффективна лишь при четкой работе и сочетании всех упомянутых факторов и стратегий и, несомненно, при наличии политической воли высшего руководства нашего государства.

Что касается перспектив дальнейших исследований в данном направлении, то они заключаются, прежде всего, в определении основных методов противодействия политической коррупции в системе государственного управления, разработке конкретных подходов по противодействию grand corruption, а также в привлечении широких слоев общественности для участия в данном процессе.

Литература

1. Transparency International [электронный ресурс]. URL: <https://www.transparency.org> (дата обращения 25.10.2017)
2. Скобликов П. А. Коррупция в современной России: словарь неформальных терминов и понятий. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 112 с.
3. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 03.04.2017) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.4.
4. Klitgaard R. Controlling corruption. Berkley. University of California Press, 1988. 240 p.
5. Raj Kumar C. Corruption and Human Rights / India's national Magazine. 2002. Vol. 19. P. 14–27.
6. Добролюбова Е. И. Корреляция мер по противодействию коррупции с причинами и условиями ее возникновения: монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 156 с.
7. Зарандия Д. А. Политическая коррупция как форма теневой власти: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Ростов-на-Дону, 2012. 158 с.
8. Изотов М. О. Коррупция в современной России: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Орел, 2012. 192 с.
9. Коррупция: природа, проявление, противодействие: монография / под ред. Т. Я. Хабриева. М.: Юриспруденция, 2013. 378 с.
10. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. М.: Логос, 2015. 356 с.
11. Шишкарёв С. Н. Законодательное обеспечение борьбы с коррупцией. Международный и российский опыт: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014. 55 с.

References

1. Transparency International [e-resource]. URL: <https://www.transparency.org> (date of reference 25.10.2017)
2. Skoblikov P. A. Corruption in modern Russia: a dictionary of informal terms and concepts. M.: Norma: INFRA-M, 2016. 112 p.
3. On Counteracting Corruption: Federal Law № 273-FL of 25 December 2008 (as amended on 03/04/2017) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2008. № 52 (Part 1). Art. 6228.

Пасечко В. В.

4. Klitgaard R. Controlling corruption. 1988. Berkley. University of California Press. 240 p.
5. Raj Kumar C. Corruption and Human Rights / India's national Magazine. 2002. Vol. 19. P. 14–27.
6. Dobrolyubova E. I. Correlation of anti-corruption measures with the causes and conditions of its occurrence: monograph. M.: INFRA-M, 2016. 156 p.
7. Zarandiya D. A. Political corruption as a form of shadow power: abstract of the thesis on seeking the scientific degree of a Candidate of Political. Rostov-on-Don, 2012. 158 p.
8. Izotov M. O. Corruption in modern Russia: abstract of the thesis on seeking the scientific degree of a Candidate of Philosophy. Orel, 2012. 192 p.
9. Corruption: nature, manifestation, opposition: monograph / ed. T. Ya. Khabriev. M.: Jurisprudence, 2013. 378 p.
10. Rose-Ackermann S. Corruption and the state. Reasons, consequences, reforms. M: Logos, 2015. 356 p.
11. Shishkarev S. N. Legislative support of the fight against corruption. International and Russian experience: a monograph. M.: UNITY-DANA: Law and Law, 2014. 55 p.

МЕХАНИЗМЫ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ В КАЧЕСТВЕ ИНСТРУМЕНТА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ

Балынская Н. Р.

доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой государственного муниципального управления и управления персоналом Института экономики и управления, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (Россия), 455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38, balynskaya@list.ru

Коптякова С. В.

кандидат педагогических наук, доцент кафедры государственного муниципального управления и управления персоналом Института экономики и управления, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (Россия), 455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38, svetlana.cop@yandex.ru

Мусийчук С. В.

кандидат философских наук, доцент кафедры государственного муниципального управления и управления персоналом Института экономики и управления, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (Россия), 455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38, sv-mus@mail.ru

УДК 35.08:352

ББК 67.401.02

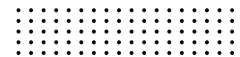
Цель. В данной статье представлено исследование, посвященное проблемам мотивации муниципальных служащих. Его целью предстает констатация, изучение проблем мотивации деятельности муниципальных служащих Администрации города Магнитогорска, а также разработка системы мероприятий по ее оптимизации. Актуализируется необходимость формирования в органах власти России нового поколения муниципальных служащих, адаптированных к условиям регулируемой рыночной экономики, сочетающих стратегический подход с высоким профессионализмом, умеющих эффективно действовать в кризисных ситуациях.

Методы. При проведении исследования применялись общенаучные методы для сбора теоретической базы, методы управленческих наук. Также методы, предназначенные для сбора первичной информации практической части: наблюдение, письменный опрос, методы обработки полученных данных, их логического и математического анализа, а также методы качественного анализа. Первичная информация получена по средством первого опроса, который основывался на методике Замфир и отражал значимость факторов побуждения в профессиональной деятельности муниципальных служащих.

Результаты и практическая значимость. Первый этап представлял собой определение степени значимости факторов побуждения в профессиональной деятельности персонала. Были вычислены такие параметры как внутренняя мотивация; внешняя положительная мотивация; внешняя отрицательная мотивация. На втором этапе осуществилось определение уровня удовлетворенности трудом персонала. Представлены факторы материальной мотивации, проведен обзор перечня дополнительных выплат муниципальным служащим данного учреждения, описана последовательность ежемесячных надбавок муниципальному служащему за выслугу лет. Данный иллюстрированный пример в действии характеризует механизмы обеспечения оптимальной мотивации в качестве инструмента совершенствования деятельности органов местной власти, апробированные и приемлемые для применения на практике. Результаты исследования применимы в теории и практике управления персоналом и имеют перспективы в разработке систем мотивации и оплаты труда работников государственной службы и муниципальных образований РФ.

Научная новизна. Научную новизну составляет реализованный многоаспектный анализ, базирующийся на исследовании нормативной документации: Положения об оплате труда муниципальных служащих органов местного самоуправления города Магнитогорска.

Ключевые слова: муниципальные служащие, мотивация, социологическое исследование, опрос респондентов, эффективность труда, факторы материальной мотивации.

Балынская Н. Р., Коптякова С. В., Мусийчук С. В.

MECHANISMS TO INCREASE MOTIVATION AS A TOOL FOR IMPROVING THE ACTIVITIES OF LOCAL AUTHORITIES

Balynskaya N. R.

Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of State Municipal Administration and Personnel Management of Institute of Economics and Management, Magnitogorsk State Technical University. G. I. Nosova (Russia), 455000, Russia, Chelyabinsk Region, Magnitogorsk, Lenin Av., 38, balynskaya@list.ru

Koptyakova S. V.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of State Municipal Management and Personnel Management of Institute of Economics and Management, Magnitogorsk State Technical University. G. I. Nosova (Russia), 455000, Russia, Chelyabinsk Region, Magnitogorsk, Lenin Av., 38, svetlana.cop@yandex.ru

Musiychuk S. V.

Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of State Municipal Management and Personnel Management of Institute of Economics and Management, Magnitogorsk State Technical University. G. I. Nosova (Russia), 455000, Russia, Chelyabinsk Region, Magnitogorsk, Lenin Av., 38, sv-mus@mail.ru

Purpose. This article presents a study on the problems of motivating municipal employees. Its goal is to ascertain, study the problems of motivating the municipal employees of the Administration of the city of Magnitogorsk, and also to develop a system of measures to optimize it. The need to form a new generation of municipal servants, adapted to the conditions of a regulated market economy, combining a strategic approach with high professionalism, able to effectively operate in crisis situations, is being actualized in the Russian authorities.

Methods. During the research, general scientific methods were used to collect the theoretical basis, methods of management sciences. Also, methods designed to collect primary information from the practical part: observation, written interrogation, methods of processing received data, their logical and mathematical analysis, and methods for qualitative analysis. Primary information was obtained by means of the first survey, which was based on the methodology of Zamfir and reflected the importance of motivation factors in the professional activities of municipal employees.

Results and practical significance. The first stage was the determination of the degree of significance of the motivating factors in the professional activity of the personnel. We calculated such parameters as internal motivation; external positive motivation; external negative motivation. At the second stage, the level of satisfaction with the work of personnel was determined. The factors of material motivation are presented, the list of additional payments to municipal employees of this institution is reviewed, the sequence of monthly allowances for municipal servants for long service is described. This illustrated example in action characterizes the mechanisms for ensuring optimal motivation as a tool for improving the activities of local authorities, tested and acceptable for application in practice. The results of the research are applicable in the theory and practice of personnel management and have prospects in the development of motivation and remuneration systems for employees of the public service and municipalities of the Russian Federation.

Scientific novelty. Scientific novelty is the realized multi-aspect analysis, based on the study of normative documentation: Regulations on the payment of labor of municipal employees of local government bodies of the city of Magnitogorsk.

Key words: municipal employees, motivation, sociological research, survey of respondents, labor efficiency, factors of material motivation.

Актуальность темы исследования. Декомпозиция профессиональной деятельности государственных и муниципальных служащих является фактором легитимации бюрократической профессии, укрепления доверия в обществе к этой социальной группе [1; 2].

На современном этапе развития общества необходимым условием осуществления долгосрочной эффективной стратегии государства, направленной на

удовлетворение интересов и потребностей населения, является формирование нового поколения муниципальных служащих, адаптированных к условиям регулируемой рыночной экономики, сочетающих стратегический подход с высоким профессионализмом, умеющих эффективно действовать в кризисных ситуациях [3, с. 176; 4].

По мнению специалистов для привлечения в муниципальную службу таких кадров требуется создание

эффективных мотивационных и стимулирующих механизмов, обеспечивающих повышение результативности их деятельности [5, с. 96]. По итогам обзора основных теорий следует отметить, что такая проблема как мотивация труда в государственной и муниципальной сфере мало изучена, в том числе в Российской Федерации. Тем не менее, известно, что от мотивов поведения людей, занимающих ключевые позиции в управленческих государственных структурах, зависят многие и многие факторы в разных областях общественной и экономической жизни страны и регионов [6].

Как показывает практика, нельзя построить эффективную систему мотивации полагаясь только на приемы администрирования без учёта положительной собственной мотивации служебной деятельности [7]. Необходимо в самых широких масштабах опираться на способности и внутренние побуждения людей. Для осуществления этих целей необходимо изучать качественное изменение мотивации служебной и трудовой деятельности муниципальных служащих [8], ее основы, структуру, содержание, специфику механизмов её формирования и стимулирования, её возрастающее влияние и взаимосвязь с другими социально-экономическими процессами [9; 10].

Сложность и актуальность указанной проблемы труда муниципальных служащих заключается в отсутствии необходимых научно-методических материалов в части подходов и принципов её решения. Складывается впечатление, что этой проблемы в муниципальной службе не существует. Она же, между тем, тесно связана с решением проблем эффективности труда муниципальных служащих [11, с. 162; 12].

Актуальность исследования объективна в силу следующего тезиса. В руках служащих сферы государственного и муниципального управления находится доступ к материальным, информационным и человеческим ресурсам, при этом служащие данной сферы, зачастую, не имеют четко обозначенной линии поведения [13].

Впервые лицом к задачам повышения эффективности труда работников госаппарата всех уровней вернулась Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, организовав проведение научно-практической конференции «Перспективы социально-экономических реформ в России» и другие мероприятия подобного рода.

Однако, вопросам стимулирования работников муниципальных образований и методам её решения как в научном, так и в практическом плане, в настоящее время не уделяется должного внимания. Вышеизложенным определяется актуальность темы настоящего исследования. Упомянем, что история становления прикладных социологических исследований в России по проблемам мотивации – это во многом история развития практики социального планирования, ее теоретического фундамента и методического обеспечения [14].

Теоретические и методологические предпосылки для исследования. Теоретической базой выступают исследования вопросов стимулирования труда сотрудников, раскрываемые в трудах российских и зарубежных ученых-экономистов как Ф. Тейлор, Э. Мейо, А. Файоль, Кибанов А. Я., Балабанов И.Т и др. которые изучали мотивацию как один из важнейших источников роста производительности труда, социального резерва производства. Исходя из обозначенной цели, в исследовании изучены теоретические аспекты мотивации сотрудников органов местной власти; рассмотрена область нормативно – правового регулирования деятельности администрации г. Магнитогорска; проведено социологическое исследование и выявлены проблемы мотивации деятельности муниципальных служащих Администрации города Магнитогорска [15, Решение Магнитогорского...2013]; предложены рекомендации по их устранению.

В целом авторы опирались на положения, теоретические концепции и понятийный аппарат, разработанные в трудах отечественных и зарубежных ученых по проблемам мотивации [16; 17; 18; 19; 20]. По итогам изучения теоретических основ обозначенной проблемы констатируем, что система стимулирования труда государственных служащих представляет собой комплекс материальных и нематериальных стимулов, ориентированный на обеспечение эффективного труда служащих путем принуждения, вознаграждения, и побуждения [21].

При этом под целью мотивации понимается развитие мотивационных механизмов работающих, следует побудить их трудиться эффективно для реализации намеченных целей [22, с. 95]. Для этого внедряется разнообразное материальное и моральное стимулирование работающих, создаются условия для проявления творческого потенциала и развития работников [23].

Тем не менее, механизмы мотивации работают с погрешностью. Сегодня, в нашей стране, это обусловлено следующими причинами: не исследованы основные мотивы труда персонала и изменения мотивации; на процесс стимулирования труда оказывают влияние особенности деятельности организации (сложные виды работ, традиции); не сбалансированы регуляторы мотивации и главные мотиваторы; не задействованы формы мотивации: внутреннее вознаграждение, мотивация по результатам [24]. Таким образом, нами обозначается, необходимость исследования многоаспектности проблемы мотивации.

Механизмы обеспечения оптимальной мотивации деятельности муниципальных служащих. Дадим характеристику анализируемого учреждения. В Администрации города Магнитогорска трудится значительный коллектив специалистов, у которых высшее

Балынская Н. Р., Коптякова С. В., Мусийчук С. В.

образование и самый трудоспособный возраст (от 25 до 50 лет). Данной организации присущ смешанный тип отношений между руководящим звеном и подчиненными, характеризующийся сдержанностью и нормами строгой регламентации. В мотивации персонала это находит свое выражение в сочетании санкций и вознаграждения. В организации реализуются принципы бюрократической системы ценностей. Как говорилось выше, на сегодняшний день материальное вознаграждение является базовым предопределяющим мотивом поведения служащего. Поэтому, материальные стимуляторы должны играть решающую роль в мотивации труда муниципальных служащих [25].

Для того чтобы выявить положительные и отрицательные моменты материальной мотивации муниципальных служащих администрации города Магнитогорска необходимо провести анализ положения об оплате труда муниципальных служащих органов местного самоуправления города Магнитогорска. Новая редакция Положения об оплате труда муниципальных служащих органов местного самоуправления [26, Об общих принципах....2016] города Магнитогорска была утверждена Магнитогорским городским собранием депутатов Челябинской области от 12 июля 2013 г., решение № 132.

Изучив данное положение необходимо выделить факторы материальной мотивации: должностной оклад; ежемесячная надбавка за классный чин; ежемесячная надбавка за особые условия муниципальной службы; ежемесячная надбавка за выслугу лет; единовременная выплата при предоставлении ежегодного оплачиваемого отпуска.

Дополнительно муниципальным служащим на основании распоряжения руководителя соответствующего органа местного самоуправления города (далее – руководителя) выплачиваются: ежемесячная надбавка за работу со сведениями, составляющими государственную тайну; ежемесячная надбавка за государственные награды Российской Федерации; ежемесячная надбавка за ученую степень; денежное поощрение; премия за выполнение особо важного и сложного задания; иные выплаты, предусмотренные законодательством Российской Федерации и Челябинской области и принятыми в соответствии с ними муниципальными правовыми актами.

Ежемесячная надбавка за выслугу лет выплачивается муниципальному служащему со дня возникновения права на назначение или изменение размера этой надбавки. Размер надбавки за выслугу лет устанавливается в процентном отношении к должностному окладу. Размер ежемесячной надбавки муниципальному служащему за выслугу лет составляет: при стаже муниципальной службы от 1 года до 5 лет – 10 процентов; от 5 до 10 лет – 15 процентов; от 10 до 15 лет – 20 процентов; свыше 15 лет – 30 процентов.

Ежемесячная надбавка за особые условия муниципальной службы устанавливается муниципальным служащим при назначении на должность муниципальной службы и может изменяться при переводе на другую должность муниципальной службы с учетом профессиональной подготовки, опыта работы по специальности, а также в связи с изменением степени сложности и напряженности работы. Предельный размер ежемесячной надбавки за особые условия муниципальной службы (исполнение сложных профессиональных задач, высокий уровень компетентности, психологические перегрузки) устанавливается в процентном отношении к должностному окладу. Установление или изменение размера ежемесячной надбавки за особые условия муниципальной службы осуществляется руководителем.

Ежемесячная надбавка за работу со сведениями, составляющими государственную тайну, выплачивается муниципальному служащему в размере и порядке, установленными нормативными правовыми актами Российской Федерации, на основании распоряжения руководителя.

Ежемесячная надбавка за государственные награды Российской Федерации, установленные Указом Президента Российской Федерации от 2 марта 1994 г. № 442 «О государственных наградах Российской Федерации» и полученные муниципальным служащим во время прохождения муниципальной службы, составляет 25 процентов должностного оклада и устанавливается муниципальному служащему на основании распоряжения руководителя. Ежемесячная надбавка за ученую степень устанавливается муниципальному служащему на основании распоряжения руководителя и составляет: кандидата наук – 10%, доктора наук – 20% должностного оклада.

Основными показателями, которые учитываются при оценке итогов работы муниципального служащего, являются:

- 1) личный трудовой вклад в общие результаты работы и качество труда;
- 2) своевременное и точное исполнение планов работы, распоряжений, устных и письменных поручений и заданий вышестоящих в порядке подчиненности руководителей, данных в пределах их должностных полномочий;
- 3) оперативность, инициативность и творческое отношение к выполнению своих служебных обязанностей и внесение предложений для более качественного и полного решения вопросов, относящихся к компетенции соответствующих органов местного самоуправления города и (или) их структурных подразделений;
- 4) отсутствие фактов нарушения трудовой, исполнительской дисциплины, правил внутреннего трудового распорядка, умение организовать работу;
- 5) эмоциональная выдержка, бесконфликтность, создание здоровой, деловой обстановки в коллективе.

Балынская Н. Р., Коптякова С. В., Мусийчук С. В.

6) Размер денежного поощрения по итогам работы за месяц устанавливается в процентном отношении к должностному окладу и надбавке за особые условия муниципальной службы. В случае применения дисциплинарного взыскания муниципальный служащий не подлежит поощрению по итогам работы за месяц. Размер денежного поощрения по итогам работы за квартал, полугодие, год устанавливается в абсолютном выражении (в денежной сумме), исходя из сложившейся экономии по фонду оплаты труда.

Руководитель за выполнение особо важного и сложного задания может премировать муниципального служащего в пределах средств, учитываемых при формировании годового фонда оплаты труда. На все виды выплат муниципальному служащему, за исключением материальной помощи, начисляется районный коэффициент в размере 1,15.

Данный механизм поощрений и надбавок является не совсем объективным. К положительной стороне мотивации данного положения необходимо отнести то, что продвигаясь по должностной лестнице, служащий одновременно может увеличивать свой квалификационный разряд, получать надбавки за классный чин, а также получать надбавки за выслугу лет.

Результаты мониторингового исследования.

С целью анализа мотивации труда служащего проведен социологический опрос, который способствовал выявлению ценностной ориентации коллектива и направленности мотивации. Исследование системы мотивации проводилось для определения зависимости эффективности предприятия от мотивационной деятельности. Для того, чтобы исследовать мотивацию в Администрации города Магнитогорска, среди сотрудников было проведено 2 опроса, в котором принимало участие 20 человек, 10 специалистов первой и второй категории (первая группа) и 10 ведущих специалистов и начальников отделов (вторая группа). Первый опрос основывается на методике Замфир, он отражает значимость факторов побуждения в профессиональной деятельности. Второй опрос отражает степень удовлетворенности трудом сотрудников. По результатам полученных данных предложены рекомендации по улучшению мотивации.

Первый этап – определение степени значимости факторов побуждения в профессиональной деятельности персонала, опрос № 1 (табл. 1).

Результаты специалистов первой и второй категории, полученные после проведения первого опроса представлены в табл. 2.

Данные ведущих специалистов и начальников отдела, полученные после проведения первого опроса, представлены в табл. 3.

Вычислить такие параметры как внутренняя мотивация (далее BM); внешняя положительная мотивация

Таблица 1. Степень значимости побуждений в профессиональной деятельности

Баллы	Ответы
5	Очень высокая значимость
4	Достаточная значимость
3	Средняя значимость
2	Низкая значимость
1	Очень низкая значимость

(далее $BПМ$); внешняя отрицательная мотивация (далее $ВОМ$) можно следующим образом:

$$BM = \frac{X + Y}{2} \quad (1),$$

где X – удовлетворение от самого процесса и результата труда;

Y – возможность наиболее полной самореализации деятельности.

$$BПМ = \frac{Z + C + V}{3} \quad (2),$$

где Z – размер заработка;

C – стремление к продвижению по работе;

V – потребность в достижении социального престижа и уважения со стороны других.

$$BOM = \frac{F + N}{2} \quad (3),$$

где F – стремление избежать критики со стороны руководителей и коллег;

N – стремление избежать возможных наказаний и неприятностей.

Результаты полученных расчетов представлены в табл. 4.

Анализ показателей по среднему арифметическому дает следующие результаты: среднее арифметическое BM специалистов первой и второй категории равно 3,95; среднее арифметическое $BПМ$ равно 4,03; среднее арифметическое $ВОМ$ равно 3,35. Результаты подсчетов по второй группе опрашиваемых представлены в табл. 5.

Продлав те же самые расчеты по результатам ведущих специалистов и начальников отделов получим, что: $BM = 4,1$; $BПМ = 2,96$; $ВОМ = 2,6$. Согласно методике Замфир оптимальная мотивация констатируется при условиях:

1) $BM > BПМ > BOM$;

2) $BM = BПМ > BOM$.

Таблица 2. Результаты тестирования первой группы

Степень значимости		Респонденты									
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
		Баллы									
1	Размер заработка	4	5	5	5	5	4	4	3	4	4
2	Стремление к продвижению по работе	4	5	5	4	4	4	3	3	5	2
3	Стремление избежать критики со стороны	3	5	4	3	5	3	2	5	1	3
4	Стремление избежать возможных наказаний и неприятностей	3	5	4	1	5	3	2	5	1	3
5	Потребность в достижении социального престижа уважения со стороны других	3	5	5	4	5	4	3	5	3	2
6	Удовлетворение от самого процесса и результата труда	4	3	5	5	5	5	3	5	3	3
7	Возможность наиболее полной самореализации именно в данной деятельности	4	3	5	5	5	5	3	4	2	2

Таблица 3. Результаты тестирования второй группы

Степень значимости		Респонденты									
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
		Баллы									
1	Размер заработка	4	5	4	5	4		4		3	5
2	Стремление к продвижению по работе	3	1	3	2	2		1		2	1
3	Стремление избежать критики со стороны	3	3	4	1	2		3		2	4
4	Стремление избежать возможных наказаний и неприятностей	1	3	2	3	3		2		3	3
5	Потребность в достижении социального престижа уважения со стороны других	1	4	3	4	2		2		3	3
6	Удовлетворение от самого процесса и результата труда	4	4	4	4	3		4		5	3
7	Возможность наиболее полной самореализации именно в данной деятельности	3	5	4	4	3		5		5	5

Таблица 4. Результаты подсчетов опроса первой группы респондентов

Номер респондента	ВМ	ВПМ	ВОМ
1	4	3,6	3
2	3	5	5
3	5	5	4
4	5	4,3	2
5	5	4,6	5
6	5	4	3
7	3	3,3	2
8	4,5	3,6	5
9	2,5	4	1,5
10	2,5	2,6	3

Таблица 5. Результаты подсчетов опроса второй группы респондентов

Номер респондента	ВМ	ВПМ	ВОМ
1	3,5	2,6	2
2	4,5	3,3	3
3	4	3,3	3
4	4	3,6	2
5	3	2,6	2,5
6	4,5	2,6	2,5
7	5	2,6	2,5
8	4	3	3,5
9	3,5	2,6	2,5
10	5	3,3	2,5

Как показывает исследование в Администрации города Магнитогорска среди опрошенных - оптимальная мотивация, однако, следует отметить, что для первой группы внешние факторы мотивации имеют большее значение, нежели внутренние, и наоборот для второй группы опрошенных (рис. 1).

По данным результатам сделаем вывод, что сотрудники, занимающие более высокую должность, уделяют большее внимание психологическим аспектам мотивации, что, скорее всего, связано с тем, что у них более высокая заработная плата. Также стоит отметить что, в обеих группах отмечается преобладание значимости внешних положительных факторов над внешними отрицательными факторами [27]. Из данного факта можно сделать вывод, что методы поощрения оказывают большее влияние, нежели методы санкций.

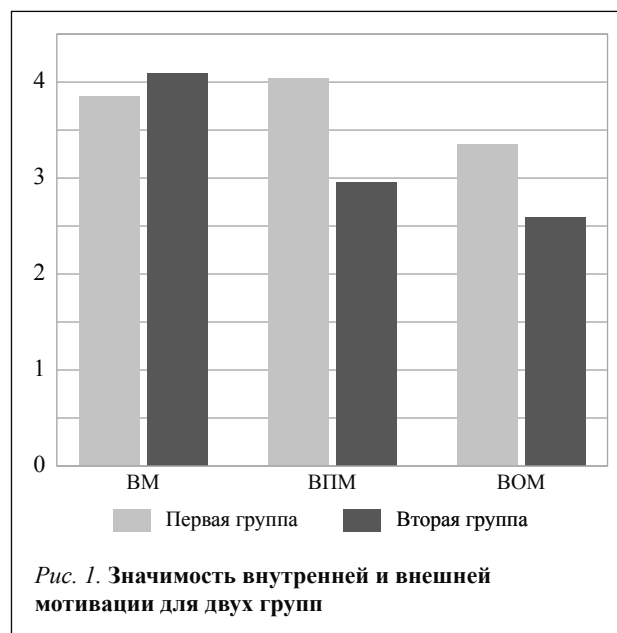
Второй этап – определение уровня удовлетворенности трудом персонала. Для этого был проведен второй опрос, в котором предлагалось ответить на следующие вопросы:

- 1) От чего зависит Ваша удовлетворенность трудом?
- 2) Оцените, насколько перечисленные ниже факторы влияют на вашу удовлетворенность?
- 3) Оцените, насколько вы удовлетворены основными факторами трудовой жизни?

Представим перечень факторов, по которым респонденты отвечали на данные вопросы: условия труда; режим труда, график работы; содержание труда, сама работа; уровень заработной платы; зависимость оплаты труда от результатов работы; моральная мотивация; соблюдение работодателем социальных гарантий, предусмотренных законодательством; социальный пакет; транспортная доступность, удаленность от дома; отношение непосредственного руководства; атмосфера в коллективе, отношение с коллегами; возможность карьерного роста; возможность пройти обучение; престижность работы в компании, ее имидж; корпоративная культура в компании; политика, идеология, стратегия компании.

Данный опрос более углубленный, в первой части рассматриваются факторы, оказывающие влияние на удовлетворенность трудом, во второй части опроса рассматривается удовлетворенность этими факторами. Данный подход обусловлен тем, что факторы, которые не влияют или слабо влияют на удовлетворенность человека (другими словами малозначимы для него, неважны) не могут в полной мере участвовать в определении общего уровня удовлетворенности. Поэтому вес таких факторов снижается, что делает расчёт более обоснованным.

Обработка результатов осуществляется по следующему алгоритму: Ответ на вопрос анкеты «Оцените,

насколько нижеперечисленные факторы влияют на Вашу удовлетворенность?» позволяет ввести понижающий коэффициент (m).

Вопросы, на которые респондент ответил: «не влияет на удовлетворенность» или «затрудняюсь ответить» не учитываются в оценке удовлетворенности (отмечаются буквой «н» в таблице); в случае если ответ «сильно влияет на удовлетворенность» ставим «0»; случае ответа «влияет на удовлетворенность в меньшей степени» – «1». Ответ на вопрос анкеты «Оцените, насколько Вы удовлетворены основными факторами трудовой жизни?» является коэффициентом удовлетворенности (k): $k = 3$, если ответ «удовлетворен»; $k = 2$, если ответ «скорее удовлетворен»; $k = 1$, если ответ «скорее не удовлетворен»; $k = 0$, если ответ «не удовлетворен». Если респондент затрудняется ответить, этот пункт в общей удовлетворенности не учитывается.

Оценка удовлетворенности по каждому пункту рассчитывается по формуле

$$X_{ij} = \frac{2k - m}{6} \cdot 100\% \quad (4),$$

где x_{ij} – удовлетворенность i -го респондента по j -му фактору; k – коэффициент удовлетворенности; m – понижающий коэффициент.

Здесь коэффициент перед k предназначен для того, чтобы снизить вклад понижающего коэффициента в общую удовлетворенность, а знаменатель «6» определяется из стопроцентной удовлетворенности, когда $k = 3$, а $m = 0$.

Удовлетворённость каждого человека (X_i) определяется как среднее арифметическое от удовлетворённостей по каждому пункту, т. е.

$$X_i = \frac{\sum_{j=1}^{16} x_{ij}}{B - n} \quad (5),$$

где n – количество факторов удовлетворённости, по которым респондент ответил «затрудняюсь ответить» или «не влияет на удовлетворённость»; B – общее число факторов трудовой жизни, используемых в анкете.

Общая удовлетворённость определяется как среднее арифметическое от удовлетворённостей всех респондентов. Результаты расчётов удовлетворённости по каждому пункту и общую удовлетворённость для первой группы (табл. 6).

Результаты расчётов удовлетворённости по каждому пункту и общую удовлетворённость для второй группы в табл. 7.

Исходя из данных, представленных в табл. 6 и 7, видим, что на удовлетворённость труда работников, занимающих более низкую должность, (работники первой категории) социальный пакет оказывает меньшее

влияние, нежели на работников занимающих более высокую должность, также удовлетворённость первой группы этим фактором выше (79,6% в среднем), в отличие от служащих второй группы (61,64% в среднем). Это можно объяснить тем, что служащие, занимающие более высокую должность подразумевают высокий уровень ответственности за подчиненных. Ошибки подчиненных – это ошибки их руководителей. Многократные ошибки грозят увольнением, поэтому служащие данной категории могут испытывать чувство страха относительно своего будущего. Ведь если их действительно уволят, то найти работу, соответствующую по статусу бывшей должности, довольно трудно, а соглашаться на нижестоящую должность не позволяют амбиции.

Рис. 2 демонстрирует, что в Администрации города Магнитогорска (среди опрошенных респондентов) удовлетворённость заработной платой выше, чем моральной мотивацией. Эти данные позволяют увидеть в каком направлении необходимо работать организации чтобы максимизировать удовлетворённость трудом своих служащих.

По итогам работы сформулируем рекомендации по системе работы в области мотивации служащих Администрации города Магнитогорска. Важнейшим

Таблица 6. Удовлетворённость по каждому пункту первой группы

Пункты, по которым высчитывается удовлетворённость		Респонденты									
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
		Удовлетворённость, %									
1	Условия труда	66,6	33,3	33,3	16,6	50	83,3	66,6	33,3	Н	50
2	График работы	83,3	Н	0	100	100	83,3	66,6	66,6	66,6	83,3
3	Содержание труда	50	33,3	0	83,3	100	66,6	66,6	100	50	66,6
4	Заработная плата	33,3	0	33,3	0	100	66,6	66,6	33,3	33,3	100
5	Зависимость оплаты от результатов труда	16,6	0	Н	0	Н	0	50	Н	Н	83,3
6	Моральная мотивация	16,6	33,3	16,6	0	66,6	33,3	66,6	33,3	50	66,6
7	Соблюдение работодателем соц гарантий	66,6	100	33,3	66,6	66,6	83,3	50	Н	66,6	50
8	Социальный пакет	66,6	100	Н	83,3	33,3	83,3	66,6	Н	66,6	Н
9	Транспортная доступность	66,6	Н	Н	Н	Н	Н	66,6	Н	Н	Н
10	Отношение руководства	50	66,6	Н	83,3	100	83,3	66,6	Н	66,6	83,3
11	Отношения с коллегами	50	83,3	Н	50	100	100	66,6	Н	100	100
12	Возможность карьерного роста	50	33,3	Н	0	50	66,6	50	Н	100	50
13	Возможность пройти обучение	Н	66,6	Н	Н	50	Н	50	Н	66,6	Н
14	Престижность работы	Н	66,6	Н	66,6	100	Н	50	Н	66,6	Н
15	Корпоративная культура компании	Н	Н	Н	66,6	100	Н	50	Н	50	Н
16	Политика, идеология компании	Н	Н	Н	Н	100	83,3	50	Н	50	Н
Общая удовлетворённость		45,5	51	52,7	47,1	77,5	69	59	52,5	63,7	73,1

Таблица 7. Удовлетворенность по каждому пункту второй группы

Пункты, по которым высчитывается удовлетворенность		Респонденты									
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
		Удовлетворенность, %									
1	Условия труда	50	Н	83,3	83,3	83,3	50	100	66,6	100	66,6
2	График работы	50	Н	83,3	50	83,3	50	66,6	83,3	100	66,6
3	Содержание труда	100	66,6	83,3	83,3	83,3	83,3	66,6	83,3	100	83,3
4	Заработная плата	50	0	100	66,6	100	50	83,3	66,6	83,3	66,6
5	Зависимость оплаты от результатов труда	16,6	Н	66,6	Н	50	50	Н	50	Н	66,6
6	Моральная мотивация	50	83,3	50	33,3	66,6	33,3	16,6	66,6	33,3	33,3
7	Соблюдение работодателем соц гарантий	50	0	50	50	66,6	66,6	66,6	66,6	100	83,3
8	Социальный пакет	50	100	66,6	66,6	50	33,3	83,3	100	16,6	50
9	Транспортная доступность	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
10	Отношение руководства	83,3	66,6	83,3	83,3	Н	83,3	Н	83,3	66,6	83,3
11	Отношения с коллегами	83,3	83,3	50	66,6	66,6	83,3	66,6	100	66,6	83,3
12	Возможность карьерного роста	50	Н	83,3	83,3	66,6	66,6	50	50	100	83,3
13	Возможность пройти обучение	Н	Н	Н	Н	Н	50	Н	50	Н	16,6
14	Престижность работы	Н	83,3	50	50	83,3	66,6	66,6	100	50	33,3
15	Корпоративная культура компании	50	Н	50	100	50	Н	50	33,3	33,3	Н
16	Политика, идеология компании	83,3	Н	83,3	50	100	66,6	16,6	50	33,3	100
Общая удовлетворенность		58,8	60,4	70,2	66,6	73	59,5	61,1	70	67,9	65,4

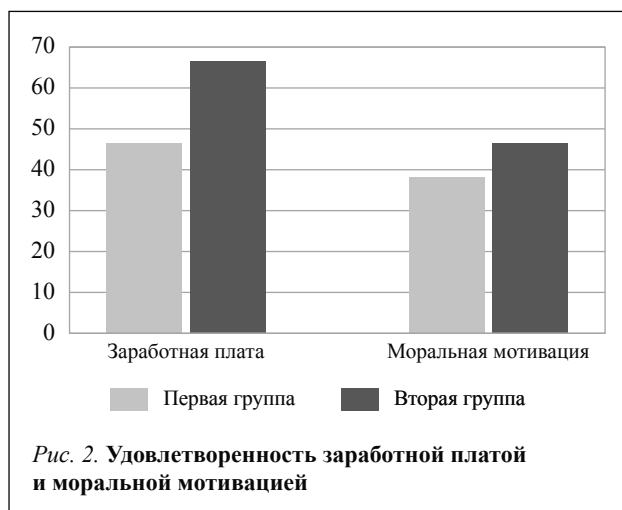
фактором профессионального развития персонала являются самые различные формы стимулирования труда, его условия, содержание и оплата. Общеизвестно, что работник только тогда заинтересован в своем профессиональном развитии, постоянном повышении квалификации, когда видит, что этот труд отвечает его интересам, оплачивается адекватно его

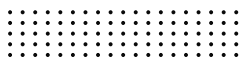
усилиям, способствует удовлетворению максимального количества его потребностей.

Проблема мотивации труда в бюджетной сфере сводится к тому, что заработная плата персонала мала и жестко определена ставкой. Поэтому необходимо уделить внимание немонетарным методам мотивации персонала.

Определенные результаты может дать использование патерналистской стратегии, дополненной патриотизмом, когда общность судьбы учреждения и работников закладывается в общую философию организации и воплощается во всех аспектах деятельности предприятия и работы с персоналом. Успешности стимулирования труда также служит открытость и доверительность в отношениях между руководством и работниками [28].

Также в качестве мер морального стимулирования служащих необходимо проводить ежегодный конкурс на звание «лучший муниципальный служащий» (необходимо широко освещать данное событие в средствах массовой информации и создать доску почета по результатам данного конкурса). Данное мероприятие имеет цель повысить престиж муниципальной службы, распространить передовой опыт муниципального управления, а также выявить и поощрить лучших муниципальных служащих. Возможно ввести сразу

Балынская Н. Р., Коптякова С. В., Мусийчук С. В.

несколько конкурсов, разделив на структурные части, например, конкурс на звание лучшего руководителя муниципальной службы, который проводится среди руководителей, замещающих должности старшей, ведущей, главной и высшей групп должностей. Или ввести конкурс на звание лучшего служащего по сферам, например, экономика и финансы, образование, здравоохранение и так далее. Так как анализу был осуществлен на базе городского округа, то следует порекомендовать проводить данный конкурс по администрациям, входящих в него; проводить ежегодные соревнования между структурными подразделениями местных администраций по достижению наилучших значений показателей деятельности за отчетный период с вручением победителям переходящих кубков. Также организовывать корпоративные встречи, реализовывать мероприятия творческого характера (командные конкурсы, интеллектуальные соревнования, ролевые игры) и т.д.

Необходимо поощрять и развивать здоровый образ жизни в коллективе (создание условий для посещения муниципальными служащими спортивных залов, бассейнов, игровых площадок и т.д.). Также необходимо приглашать в качестве поощрения муниципальных служащих, добившихся наилучших результатов деятельности в отчетном году, для участия в значимых мероприятиях городского масштаба (например, «рождественские» встречи главы муниципального образования с бизнес сообществом и т.д.).

Также очевидно, что для функционирования чиновников со «стопроцентной» отдачей им необходима подходящая для этого рабочая среда, которая охватывает все его потребности и учитывающая его наклонности. Служащий должен ощущать себя важной частью огромного механизма государственного и муниципального управления. В целом можно сделать вывод, что материальная заинтересованность, является одним из основных общечеловеческих стимулов трудовой активности, однако срабатывает он далеко не всегда, что обуславливает нематериальные методы мотивации служащих.

Основные выводы. Исследование проводилось на базе Администрации города Магнитогорска и включает в себя анализ социологического опроса респондентов по нескольким методикам, испытуемыми выступили муниципальные служащие указанного органа власти. Авторами осуществлена оценка зависимости обеспечения оптимальной мотивации и приемлемого уровня удовлетворенности трудом, эффективности и совершенствования деятельности органов местной власти. Проанализирована система мотивации сотрудников исследуемой организации, положение об оплате труда муниципальных служащих органов местного самоуправления города Магнитогорска, реализованные факторы материальной мотивации, комплекс дополнительных выплат

муниципальным служащим и т.д. В ходе разработки теоретических аспектов исследуемой проблемы было выявлено, что мотивация муниципальных служащих является одной из важных проблем на современном этапе. Доказано на основе фактического подтверждения, что одним из ключевых факторов мотивации муниципальных служащих является централизованное регулирование заработной платы, поскольку источники оплаты формируются за счет местного (муниципального бюджета). По итогам исследования в статье сформулированы рекомендации, способствующие совершенствованию деятельности органов местной власти на примере муниципальных служащих органов местного самоуправления города Магнитогорска.

Таким образом, реализован многоаспектный анализ, базирующийся на исследовании нормативной документации: Положения об оплате труда муниципальных служащих органов местного самоуправления города Магнитогорска, действующего уже в течение 3 лет. Представлены факторы материальной мотивации, проведен обзор перечня дополнительных выплат муниципальным служащим данного учреждения, описана последовательность ежемесячных надбавок муниципальному служащему за выслугу лет. Констатированы предельные размеры ежемесячной надбавки за особые условия муниципальной службы (верхней границей которой обозначены 270 процентов должностного оклада, а нижней – 100). Также изложена система премирования. Тем не менее, следует отметить, что данный механизм материального стимулирования является не в полной мере объективным. Положительную черту имеет стратегия продвижения по должностной лестнице, способствующая повышению квалификационного разряда, получению надбавки за классный чин, а также надбавки за выслугу лет.

Результаты функционирования, в том числе и этого механизма мотивации в анализируемом учреждении, отражаются и в приведенной статистике. Диагностическая часть исследования показала, что в Администрации города Магнитогорска (среди опрошенных респондентов) удовлетворенность заработной платой выше, чем моральной мотивацией. По итогам опросов был определен уровень удовлетворенности персонала трудом. По факту в обеих группах отмечается преобладание значимости внешних положительных факторов над внешними отрицательными факторами. Следовательно, методы поощрения на описанном контингенте муниципальных служащих оказывают большее влияние, нежели методы санкций. Данный иллюстрированный пример в действии характеризует механизмы обеспечения оптимальной мотивации в качестве инструмента совершенствования деятельности органов местной власти, апробированные и приемлемые для применения на практике.

Литература

1. Кутергина Е. А., Санина А. Г. Компетентностные профили чиновников в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 1. С. 113–128.
2. Balynskaya, N. R., Koptyakova S. V. Specifics of Information Risks in the Municipal Administration System of Modern Russia. // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2015. Vol. VI. Summer. 2(12): P. 284–290.
3. Акулова И.С. и др. Государственное и муниципальное управление: социально-экономические аспекты. СПб: Инфо-Да, 2017. 230 с.
4. Рахлис Т.П., Сковцова, Н.В., Коптякова С.В. Прекаризация как следствие трансформации социально-экономических систем // Вектор науки ТГУ. Серия: Экономика и управление. 2017. № 1. (28) С. 57–63.
5. Балынская Н.Р. и др. Государственное и муниципальное управление в России: история, современное состояние, перспективы развития. СПб: Инфо-Да, 2014. 111 с.
6. Шапиро С. А. Циклическая концепция мотивации труда // Труд и социальные отношения. 2012. № 6. С. 21–28.
7. Попов А.В. Современные аспекты трудовой мотивации населения // Вопросы территориального развития. 2013. № 2 (2). С. 1–9.
8. Тургель И. Д. и др. Оценка потенциала саморазвития муниципальных образований. Теория и практика. Екатеринбург. 2012. 212 с.
9. Андрианова Е.В. Изменение парадигмы мотивации и ценностей труда в контексте развития новой экономической социологии // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 8. С. 57–63.
10. Домрачева Л.П., Лаптева Е.В. Совершенствование системы мотивации сотрудников государственных учреждений на примере управления Федеральной службы судебных приставов по Кировской области // Экономический анализ: теория и практика. 2016. № 1 (448). С. 118–130.
11. Абилова М. Г. Коптякова С. В. Экономика труда. Магнитогорск, 2015. 223 с.
12. Лепетикова И.Ю. Лукин Д. К. Развитие мотивации и стимулирования труда государственных (муниципальных) служащих // Ростовский научный журнал. 2016. № 11. С. 84–91.
13. Юрова О.В., Агиевич Т.Г. Система факторов трудовой мотивации // Вопросы экономических наук. 2011. № 6. С. 49–51.
14. Об утверждении новой редакции Положения об оплате труда муниципальных служащих органов местного самоуправления города Магнитогорска: Решение Магнитогорского городского Собрания депутатов Челябинской области от 12 июля 2013 года № 132. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
15. Алексеенко Л. В. Построение мотивации государственных служащих: мода или необходимость // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2014. № 4 С. 94–98.
16. Борщевский Г.А. Методология сопоставительного анализа уровня материального обеспечения государственных служащих // Государственная служба. 2015. № 4 (96). С. 14–17.
17. Dahlström C., Lapuente V. Explaining Cross-Country Differences in Performance – Related Pay in the Public Sector // Journal of Public Administration Research and Theory. 2010. Vol. 3. № 20. P. 577–600.
18. Kjeldsen A. M., Jacobsen Ch. B. Public Service Motivation and Employment Sector: Attraction or Socialization? // Journal of Public Administration Research and Theory. 2011. № 1. P. 89–112.
19. Rutgers M. R., Overeem P. Public Values and Public Administration. Cambridge: Harvard University Press. 2010.
20. Jong J., Ford M. T. The Lagged Effects of Job Demands and Resources on Organizational Commitment in Federal Government Agencies: A Multi-Level Analysis // Journal of Public Administration Research and Theory. 2004. № 3. P. 177–194.
21. Абакумов И.В. Методы оценки эффективности деятельности госслужащих // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 7. С. 5–10.
22. Коптякова С.В. Новые подходы к формированию системы управления персоналом в современных экономических условиях. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2016. 119 с.
23. Vitik S. V., Koptyakova S. V., Balynskaya N. R. Methodology for assessing the efficiency of labor-related incentives at an enterprise // International Business Management. 2016. Vol.10. P. 408–415.
24. Жуков А.Л. Аудит как стимулятор труда и мотивации персонала. // Труд и социальные отношения. 2009. № 11. С. 38–44.
25. Бикнинин И.А., Прокофьева Ж.П. Управление персоналом предприятия, система стимулирования // Наука Красноярья. 2017. Т. 6. № 3–2. С. 108–111.
26. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06 октября 2003 года № 131-ФЗ (ред. от 15.02.2016). Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
27. Данилова О.В., Беляева И.Ю. Эффективность и результативность профессиональной служебной деятельности государственного гражданского служащего // Известия ВолгГТУ. 2012. № 16 (103). С. 105–113.
28. Van Ryzin G. G. Outcomes, Process, and Trust of Civil Servants // Journal of Public Administration Research and Theory. 2011. Vol. 21. № 4. P. 745–760.

Балынская Н. Р., Коптякова С. В., Мусийчук С. В.

References

1. Kutergina E. A., Sanina A. G. Competence profiles of officials in modern Russia // *Journal of Social Policy Studies*. 2017. Vol. 15. № 1. P. 113–148.
2. Balynskaya N. R., Koptyakova S. V. Specifics of Information Risks in the Municipal Administration of Modern Russia // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2015. Vol. VI. Summer. 2 (12). P. 284–290.
3. Akulova I. S. State and municipal management: socio-economic aspects. SPb.: Info-Da. 2017. 230 p.
4. Rakhlis T. P., Skvortsova N. V., Koptyakova S. V. Precipitation as a consequence of the transformation of socio-economic systems // *Vector of science TSU. Series: Economics and Management*. 2017. № 1. (28). P. 57–63.
5. Balynskaya N. R. and others. State and municipal government in Russia: history, current state, development prospects. SPb.: Info-Da. 2014. 111 p.
6. Shapiro S. A. The cyclical concept of labor motivation // *Labor and social relations*. 2012. № 6. P. 21–28.
7. Popov A. V. Modern a patterns of labor motivation of the population // *Issues of territorial development*. 2013. № 2 (2). P. 1–9.
8. Turgel I. D. Estimation of the potential of self-development of municipalities. Theory and practice. Ekaterinburg, 2012. 212 p.
9. Andrianova E. V. Change the paradigm of motivation and labor values in the context of the development of a new economic sociology // *Bulletin of the Tyumen State University of the Russian University*. 2014. P. 57–63.
10. Domracheva L. P., Lapteva E. V. Perfection of the system of motivation of employees of state institutions by the example of the management of the Federal Bailiff Service in the Kirov region // *Economic analysis: theory and practice*. 2016. № 1 (448). P. 118–130.
11. Abilova M., Koptyakova S. V. Labor Economics. Magnitogorsk, 2015. 223 p.
12. Lepetikova I. Yu., Lukin D. K. Development of motivation and stimulation of labor state (municipal) employees // *Rostov scientific journal*. 2016. № 11. P. 84–91.
13. Yurova O. V., Agievich T. G. System of labor motivation factors // *Questions of economic sciences*. 2011. № 6. P. 49–51.
14. On approval of the new edition of the Regulations on the payment of labor municipal officials of the local self-government bodies of the city Magnitogorsk: Decision of the Magnitogorsk City Assembly of the deputies of the Chelyabinsk Region of 12 July 2013 № 132. Access from ref-legal system «ConsultantPlus».
15. Aleksenenko L. V. The construction of the motivation of state officials: fashion or necessity // *Electronic Bulletin of the Rostov Social and Economic Institute*. 2014. № 4. P. 94–98.
16. Borschevsky G. A. Methodology of the comparative analysis of the level of material security of state employees // *State service*. 2015. № 4 (96). P. 14–17.
17. Dahlström C., Lapuente V. Explaining Cross-Country Differences in Performance – Related Pay in the Public Sector // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2010. Vol. 3. № 20. P. 577–600.
18. Kjeldsen A. M., Jacobsen Ch. B. Public Service Motivation and Employment Sector: Attraction or Socialization? // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2011. № 1. P. 89–112.
19. Rutgers M. R., Overeem P. Public Values and Public Administration. Cambridge: Harvard University Press, 2010.
20. Jong J., Ford M. T. The Lagged Effects of Job Demands and Resources on Organizational Commitment in Federal Government Agencies: A Multi-Level Analysis // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2004. № 3. P. 177–194.
21. Abakumov I. V. Methods for assessing the effectiveness of civil servants // *Socio-economic phenomena and processes*. 2014. Vol. 9. № 7. P. 5–10.
22. Koptyakova S. V. New approaches to the formation of the personnel management system in the current economic conditions. Magnitogorsk: Publishing house Magnitogorsk, 2016. 119 p.
23. Vitik S. V., Koptyakova S. V., Balynskaya N. R. Methodology for assessing the efficiency of labor-related incentives at an enterprise // *International Business Management*. 2016. Vol. 10. P. 408–415.
24. Zhukov A. L. Audit as a stimulator of labor and staff motivation // *Labor and Social Relations*. 2009. № 11. P. 38–44.
25. Bikinin I. A., Prokofieva Zh. P. Personnel management, incentive system // *Science of Krasnoyarsk*. 2017. Vol. 6. № 3–2. P. 108–111.
26. On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation: Federal Law of 6 October 2003 № 131-FL (as amended on 15 February 2016). Access from ref.-legal system «ConsultantPlus».
27. Danilova O. V., Belyaeva I. Yu. Efficiency and effectiveness of professional performance of a civil servant // *Izvestiya VolgGTU*. 2012. № 16 (103). P. 105–113.
28. Van Ryzin G. G. Outcomes, Process, and Trust of Civil Servants // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2011. Vol. 21. № 4. P. 745–760.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Зерчанинова Т. Е.

кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой регионального и муниципального управления Уральского института управления – филиала, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66, Tatiana_Z@ui.ranepa.ru

Гаранина Е. О.

специалист кафедры иностранных языков Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66, e.o.garanina@ui.ranepa.ru

УДК 316.346(470.54)
ББК 60.542.15

Цель. Изучить проблемы реализации государственной молодежной политики в Свердловской области и предложить способы их решения.

Методы исследования: анкетный опрос молодежи Свердловской области (май 2016 года), выборка квотная, объем выборки 1000 человек; экспертное интервью со специалистами Министерства физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области (май 2016); анализ официальных документов в сфере молодежной политики; анализ статистических данных.

Результаты и практическая значимость. Государственная молодежная политика рассмотрена с точки зрения системного и деятельностного подходов. Изучена нормативно-правовая база государственной молодежной политики. Проанализированы цели и направления молодежной политики. Проведено экспертное интервью, в результате которого выявлены проблемы реализации государственной молодежной политики в Свердловской области. Опрос молодежи Свердловской области показал низкий уровень информированности молодежи о мероприятиях и программах молодежной политики. Практическая значимость заключается в разработке практических рекомендаций, направленных на совершенствование государственной молодежной политики и решение выявленных проблем. Результаты исследования могут быть использованы органами государственной власти для разработки государственных программ в сфере молодежной политики, молодежными общественными объединениями для привлечения молодежи к реализации молодежной политики.

Научная новизна. На основании выполненного авторами исследования получены новые эмпирические данные: выявлены экспертные оценки проблем реализации государственной молодежной политики, установлены факторы, влияющие на уровень информированности молодежи Свердловской области о реализации государственной молодежной политики в регионе.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, государственные молодежные программы, государственная поддержка молодежи.

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF STATE YOUTH POLICY IN SVERDLOVSK REGION

Zerchaninova T. E.

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Regional and Municipal Administration of the Ural Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 620990, Russia, Ekaterinburg, 8th March str., 66, Tatiana_Z@ui.ranepa.ru

Garanina E. O.

specialist of the Department of Foreign Languages of the Ural Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 620990, Russia, Ekaterinburg, 8th March str., 66, e.o.garanina@ui.ranepa.ru

Зерчанинова Т. Е., Гаранина Е. О.

Purpose. To study the problems of the implementation of the state youth policy in the Sverdlovsk region and propose ways of solving them.

Methods of research: a questionnaire survey of youth in the Sverdlovsk region (May 2016), a quota sample, a sample size of 1,000; expert interview with specialists of the Ministry of Physical Culture, Sports and Youth Policy of the Sverdlovsk Region (May 2016); analysis of official documents in the field of youth policy; analysis of statistical data.

Results and practical significance. The state youth policy is considered from the point of view of system and activity approaches. The regulatory and legal framework of the state youth policy has been studied. The goals and directions of the youth policy are analyzed. An expert interview was conducted, as a result of which problems were identified in the implementation of the state youth policy in the Sverdlovsk region. A survey of youth in the Sverdlovsk region showed a low level of awareness of youth about activities and programs of youth policy. Practical significance consists in developing practical recommendations aimed at improving the state youth policy and solving identified problems. The results of the research can be used by state authorities to develop state programs in the field of youth policy, youth public associations to attract young people to the implementation of youth policy.

Scientific novelty. Based on the research carried out by the authors, new empirical data have been obtained: expert assessments of the problems of implementing the state youth policy have been identified, factors influencing the level of awareness of youth in the Sverdlovsk region on the implementation of state youth policy in the region have been established.

Key words: youth, youth policy, state youth programs, state youth support.

Доля молодежи в структуре населения Российской Федерации составляет около 20 %. Именно эта часть населения в ближайшем будущем станет источником для социально-экономического развития страны, носителем нашей культуры и ценностей и составит основной массив трудовых ресурсов. Поэтому государство уделяет все большее внимание воспитанию молодежи, расширению возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышению ее потенциала. Очень важно воспитать здоровую, ответственную, патриотически настроенную молодежь для достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны. Кроме того, необходимо добиться большего вовлечения молодежи в жизнь своего района, города, региона, своей страны путем диалога между молодыми людьми и органами государственной власти.

Это хорошо понимают представители органов власти как на федеральном, так и на региональном уровне. Руководитель Росмолодежи Александр Бугаев подчеркнул, что «молодежная политика – важнейшее направление деятельности государства» [1], и обеспечение больших возможностей для самореализации молодых людей позволит сделать выгодные инвестиции в прогресс и развитие страны.

На государственном уровне регулярно поднимаются вопросы, связанные с реализацией молодежной политики по различным направлениям: поддержка молодых семей, молодых предпринимателей и талантливой молодежи, патриотическое воспитание. 22 мая 2017 года состоялись парламентские слушания на тему «О молодежной политике в РФ», на которых обсуждалось состояние системы государственной молодежной политики, актуальные методы работы с молодыми людьми,

а также правовое обеспечение данной сферы. Председатель Государственной Думы Вячеслав Володин в своей речи указал на отсутствие «единого системного подхода в области правового регулирования государственной молодежной в России и отметил необходимость принять решения по изменению законодательства и выстроить более эффективную модель молодежной политики» [1].

Актуальность работы с молодежью также подчеркивают российские ученые: И. М. Ильинский, В. Т. Лисовский, Д. И. Никольский, О. Б. Франц, Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко, В. П. Бабинцев, И. В. Бояринова, А. В. Кочетков, Е. А. Лапина, В. Е. Панышин, Л. Л. Юров, О. В. Дегтярева, А. В. Кошелева, С. И. Самсонов, М. В. Толмачева, Ю. Н. Флигинских и др.

Цель статьи – выявить проблемы реализации государственной молодежной политики в Свердловской области и предложить практические рекомендации по их решению.

Теоретическую основу исследования составляют теория государственного управления и теория государственной молодежной политики. В. Т. Лисовский считает, что молодежная политика – «это система мер по «завоеванию», удержанию и поддержанию определенного социального (экономического правового, политического, этнического, культурологического и т.д.) статуса группы молодежи, которая в силу тех или иных причин оказывалась или может оказаться в перспективе в трудном, ущемленном положении по сравнению с другими группами (слоями) населения и при этом только собственными силами не в состоянии улучшить свое положение» [2, с. 331].

Чаще всего исследования молодежной политики проводятся российскими учеными в рамках деятельностного и системного подходов, каждый из которых

позволяет раскрыть специфические черты данного явления.

С точки зрения системного подхода «государственная молодежная политика является системой формирования приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, для развития ее потенциала в интересах России и, следовательно, на социально-экономическое и культурное развитие страны, обеспечение ее конкурентоспособности и укрепление национальной безопасности. Она представляет собой также целостную систему мер правового, организационно-управленческого, финансово-экономического, научного, информационного, кадрового характера» [3, с. 88].

С позиций деятельностного подхода «государственная молодежная политика определяется как системная, комплексная деятельность государства, политических партий, общественных объединений, других субъектов общественных отношений, направленная на социальное развитие молодежи, удовлетворение ее жизненно важных социальных потребностей, решение наиболее острых социальных проблем, стимулирование адаптационных и социализационных процессов в молодежной среде» [4, с. 14].

Данные подходы воплощаются не только в теоретических исследованиях, но и в практической деятельности государства. В Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года содержится довольно объемная трактовка государственной молодежной политики: «направление деятельности Российской Федерации, представляющее собой систему мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового и научного характера, реализуемых на основе взаимодействия с институтами гражданского общества и гражданами, активного межведомственного взаимодействия, направленных на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, расширение возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышение уровня ее потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также укрепления ее лидерских позиций на мировой арене» [5].

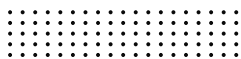
Целями государственной молодежной политики являются «совершенствование правовых, социально-экономических и организационных условий для успешной самореализации молодежи, направленной на раскрытие ее потенциала для дальнейшего развития Российской Федерации, а также содействие успешной интеграции молодежи в общество и повышению ее роли в жизни страны» [5].

На уровне субъекта Российской Федерации государственная молодежная политика разрабатывается органами государственной власти субъекта РФ. До 2 ноября 2016 года реализацией молодежной политики в Свердловской области занималось Министерство физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области [6]. В настоящее время исполнительным органом государственной власти Свердловской области, участвующим в выработке и реализации государственной политики Свердловской области в сферах молодежной политики и патриотического воспитания граждан, является Департамент молодежной политики Свердловской области [7].

Закон Свердловской области «О молодежи в Свердловской области» регулирует отношения в сфере создания на территории Свердловской области условий, гарантий и стимулов для реализации молодежью своих конституционных прав, а также интеграции молодежи в систему общественных отношений в целях самореализации молодых граждан в интересах общества. Данный закон определяет цель, задачи и основные направления деятельности органов государственной власти субъекта в сфере реализации прав молодежи, перечень таких органов и их полномочия [8].

Реализация государственной молодежной политики в Свердловской области проводится по следующим приоритетным направлениям:

- создание и сохранение семейной среды как среды личностного саморазвития супругов, воспитания и развития детей, повышение престижа социально благополучной семьи;
- формирование ценностной установки на здоровый образ жизни;
- адекватная потребностям экономики профессиональная ориентация, развитие форм трудоустройства молодежи, молодежного предпринимательства;
- улучшение жилищных условий молодежи;
- поддержка молодежных инициатив в социально-экономической, общественно-политической и культурной сферах жизни общества, в том числе развитие научно-технического и инновационного творчества молодежи;
- формирование «российской идентичности», патриотизма и уважения к историческим культурным ценностям, профилактика этнического и религиозно-политического экстремизма в молодежной среде;
- развитие форм молодежного самоуправления и лидерства молодежи;
- социализация и вовлечение в активную общественную деятельность молодых граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации;
- повышение качества и доступности услуг для молодежи;
- формирование уникального образа Свердловской области [9].

Зерчанинова Т. Е., Гаранина Е. О.

Отчеты о реализации Государственной программы Свердловской области «Развитие физической культуры, спорта и молодежной политики в Свердловской области до 2024 года» свидетельствуют о том, что большинство мероприятий, целевых показателей и объемов финансирования по подпрограммам молодежной политики реализуются в полном объеме (100%). В основном отклонения от плановых значений возникают при реализации подпрограмм, направленных на помощь молодым семьям.

В мае 2016 года авторами статьи было проведено эмпирическое социологическое исследование практики реализации государственной молодежной политики в Свердловской области с использованием таких методов исследования как анализ документов, анализ статистических данных, экспертный опрос и анкетный опрос молодежи Свердловской области (выборка квотная, объем выборки 1000 человек).

Опрошенные эксперты отнесли Свердловскую область к передовым субъектам РФ. Вместе с тем рейтинг по системе ключевых показателей реализации государственной молодежной политики органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации за 2016 год, опубликованный на сайте Росмолодежи, показывает, что Свердловская область занимает 57–60 место в данном рейтинге и делит его с Приморским краем, г. Москва и Амурской областью, которые имеют одинаковое количество баллов – 51 [10].

В ходе экспертного интервью были выявлены следующие проблемы в реализации государственной молодежной политики в Свердловской области:

1. Отсутствие федерального «молодежного» закона, который бы закрепил понятия «государственная молодежная политика», «молодая семья», «молодежный совещательный орган» и др., разграничил группы молодежи и определил их возможности, четко разграничил полномочия в сфере молодежной политики для различных уровней власти, соответствовал бы актуальной действительности. Как заметил эксперт 2: *«Что такое молодежная политика? Воспитание молодежи. Что значит воспитание молодежи? Образование воспитывает молодежь, патриотика воспитывает молодежь. Что значит молодежная политика? На мой взгляд, ответа на этот вопрос нет. Здесь как раз необходимо четкое понимание, должно быть разграничение всех уровней молодежи, всех возможностей молодежи»*.

2. Отсутствие на всех уровнях системной работы с трудными подростками и молодыми гражданами, находящимися в трудной жизненной ситуации. По словам первого эксперта: *«Существуют требования о вовлечении молодых граждан в активную общественную деятельность, о том, что в молодежной среде необходимо проводить мероприятия по*

профилактике правонарушений, этническому и религиозно-политическому экстремизму, организовывать досуговую деятельность молодежи, но системной работы с такими гражданами не проводится».

3. Группа проблем по реализации подпрограммы 6 «Обеспечение жильем молодых семей» Государственной программы Свердловской области «Развитие физической культуры, спорта и молодежной политики в Свердловской области до 2024 года» [11]. Объем финансирования подпрограммы из федерального бюджета составляет от 7% до 14%, финансирование из областного бюджета с каждым годом уменьшается, а с 2015 г. местные бюджеты на финансирование подпрограммы выделили больше денежных средств, чем областной бюджет. Для получения субсидии на предоставление социальных выплат молодым семьям на приобретение (строительство) жилья муниципальному образованию необходимо пройти отбор муниципальных образований в Свердловской области, бюджетам которых могут быть предоставлены данные субсидии. Эксперт 3: *«Для участия в отборе муниципальных образований должны предоставить определенные гарантийные обязательства финансового характера, которые в силах выполнить не все муниципалитеты. Вследствие этого, некоторые муниципальные образования Свердловской области не участвуют в реализации подпрограммы»*. В первую очередь в список молодых семей-участников подпрограммы, изъявивших желание получить социальную выплату по муниципальному образованию в Свердловской области, включаются молодые семьи, имеющие трех и более детей, что приводит к тому, что многие молодые семьи, не являющиеся многодетными, не могут получить социальную выплату, т.к. вследствие долгого пребывания в очереди перестают соответствовать условиям, предъявляемым к участникам подпрограммы. Эксперт 3: *«У нас даже возникают судебные дела из-за того, что, находясь в очереди, семьи перестают быть «молодой семьей» и соответственно участниками РИС подпрограммы»*. Все это в совокупности приводит к медленному продвижению очереди семей-участников подпрограммы, а также низкому проценту семей, реализовавших свидетельства о праве на получение социальной выплаты на приобретение жилого помещения или строительство индивидуального жилого дома.

Методом анкетирования было опрошено 1000 человек в возрасте от 14 до 30 лет, проживающих на территории Свердловской области, в том числе 597 представителей учащейся молодежи и 392 представителя работающей молодежи. В результате опроса молодежи были выявлены следующие проблемы.

Недостаточное внимание уделяется работающей молодежи, выявлен низкий уровень поддержки работающей молодежи. В основном взаимодействие

Таблица 1. Оцените степень Вашей информированности о направлениях молодежной политики (по 10-балльной шкале)

Направления	Средний балл
Создание и сохранение семейной среды как среды личностного саморазвития супругов, воспитания и развития детей, повышение престижа социально благополучной среды	4,0
Формирование ценностной установки на здоровый образ жизни	5,4
Адекватная потребностям экономики профессиональная ориентация, развитие форм трудоустройства молодежи, молодежного предпринимательства	3,9
Поддержка молодежных инициатив в социально-экономической, общественно-политической и культурной сферах жизни общества, в том числе развитие научно-технического и инновационного творчества молодежи	4,3
Развитие форм молодежного самоуправления и лидерства молодежи	4,7
Социализация и вовлечение в активную общественную деятельность молодых граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации	4,0
Улучшение жилищных условий молодежи	4,2
Формирование «российской идентичности», патриотизма и уважения к историческим культурным ценностям, профилактика этнического и религиозно-политического экстремизма в молодежной среде	4,6
Повышение качества и доступности услуг для молодежи	3,8
Формирование уникального образа Свердловской области	3,5

с работающей молодежью осуществляется в рамках подпрограммы 6 «Обеспечение жильем молодых семей» государственной программы Свердловской области «Развитие физической культуры, спорта и молодежной политики в Свердловской области до 2024 года», а также через молодежные организации, объединения и комитеты по работе с молодежью при профсоюзных организациях крупных предприятий области (например, Молодежная организация ОАО НПК «Уралвагонзавод» г. Нижний Тагил, Комитет по работе с молодежью при профсоюзной организации ОАО «Артинский завод» пос. Арти, Общественная организация «Молодежная организация ОАО «Уралэлектромедь» ГО Верхняя Пышма). Наблюдается ориентация государственной молодежной политики в первую очередь на учащуюся молодежь, в результате чего работающая молодежь в меньшей степени охвачена мероприятиями молодежной политики.

На решение актуальных проблем работающей молодежи стоит обратить особое внимание. В ходе социологического исследования, проведенного Н. П. Мудрецово, респонденты в качестве основных проблем работающей молодежи указали жилищную проблему, трудоустройство, низкий уровень материального благополучия, недостаточный уровень поддержки со стороны государства, вредные привычки досуг [12, с. 191]. Данные проблемы совпадают с проблемами, выделенными работающей молодежью в нашем исследовании.

В ходе исследования выявлен низкий уровень информированности молодежи о мероприятиях и программах молодежной политики (табл. 1):

Таким образом, можно сделать вывод, что уровень информированности молодежи о направлениях молодежной политики – ниже среднего и лежит в пределах 3,5–5,4 баллов по 10-балльной шкале.

Большинство респондентов испытывает дефицит информации о мероприятиях в сфере молодежной политики (рис. 1).

Кроме того, в ходе исследования была установлена зависимость между видом деятельности респондентов и уровнем информированности: работающая молодежь в большей степени испытывает дефицит информации о мероприятиях, проводимых в сфере молодежной политики (рис. 2):

Выявленная зависимость является следствием ориентации молодежной политики на учащуюся молодежь, что также отмечается респондентами.

Респонденты отмечают отсутствие информационных каналов для людей, которые никак не связаны с молодежной политикой и работой с молодежью. Следствием этого является то, что 30,5% респондентов не слышали ни об одной программе в сфере молодежной политики.

56% респондентов на момент опроса (май 2016 г.) ничего не знали о деятельности Министерства физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области в сфере молодежной политики (рис. 3).

Основной проблемой, которая беспокоит респондентов, является получение жилья/социальных выплат в рамках государственной поддержки молодой семьи (табл. 2).

В 2016 г. начала действовать подпрограмма 8 «Предоставление региональной поддержки молодым семьям на улучшение жилищных условий» Государственной программы Свердловской области «Развитие физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области до 2024 года», направленная на решение проблемы исключения семьи из списка семей-участников Подпрограммы в связи с достижением возраста каждого из супругов либо одного родителя в неполной семье 35 лет. Крупные предприятия могут принять участие в решении проблемы обеспечения жильем молодых семей и использовать возможность компенсации молодым специалистам, в которых заинтересованы предприятия, части расходов на возмещение процентной ставки по кредиту на улучшение жилищных условий, предоставления беспроцентного целевого займа на первоначальный взнос по кредиту на улучшение жилищных условий в целях обеспечения доступности кредитов или возможность покупки предприятием жилья для молодых сотрудников на условиях беспроцентной рассрочки.

Считаем необходимым внести некоторые дополнения в государственную программу Свердловской области «Развитие физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области до 2024 года»:

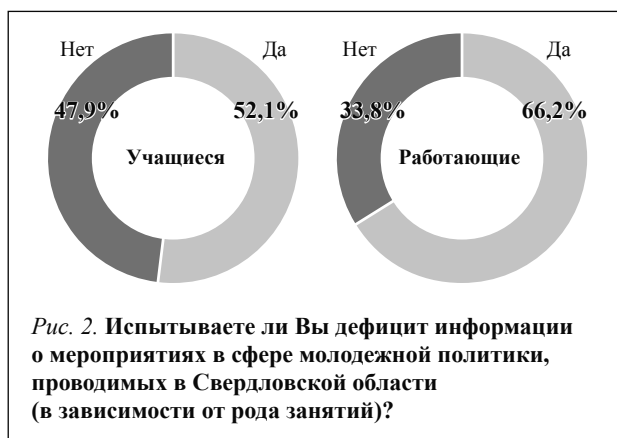

Рис. 2. Испытываете ли Вы дефицит информации о мероприятиях в сфере молодежной политики, проводимых в Свердловской области (в зависимости от рода занятий)?

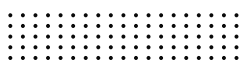

Рис. 3. Знаете ли Вы что-либо о деятельности Министерства физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области в сфере молодежной политики?

Таблица 2. С какими проблемами, относящимися к молодежной политике, Вы сталкивались?*

Варианты ответов	% от числа опрошенных
Проблема получения жилья/социальных выплат в рамках государственной поддержки молодой семьи	35,4
Отсутствие поддержки при организации собственного предприятия малого и среднего бизнеса	12,7
Отсутствие условий для занятий творчеством, научной и инновационной деятельностью	20,6
Отсутствие условий для занятий физической культурой и спортом	22,4
Отсутствие информации о потенциальных возможностях развития и применения личного потенциала	21,5
Отсутствие проектов, направленных на социализацию молодых людей с ограниченными возможностями	11,6
Отсутствие поддержки молодежного добровольческого движения	10,9
Не сталкивался с проблемами, относящимися к сфере молодежной политики	25,7
Другое	0,5

* Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно. Среднее число ответов на 1 опрошенного – 1,6.

Зерчанинова Т. Е., Гаранина Е. О.

в рамках подпрограммы 4 «Развитие потенциала молодежи в Свердловской области» разработать комплекс мероприятий по работе с трудными подростками и молодыми гражданами, находящимися в трудной жизненной ситуации, комплекс мероприятий по поддержке работающей молодежи, а также комплекс мероприятий по работе с молодыми гражданами с ограниченными возможностями здоровья, рассмотреть возможность предоставления данной категории граждан региональной поддержки на улучшение жилищных условий.

В целях активизации участия работающей молодежи предприятий и организаций всех форм собственности Свердловской области в реализации региональной молодежной политики, формирования активной гражданской позиции и содействия всестороннему развитию работающей молодежи предлагаем рассмотреть вопрос о создании Совета работающей молодежи Свердловской области.

В целях повышения информированности молодежи Свердловской области о направлениях и мероприятиях молодежной политики Департаменту молодежной политики Свердловской области необходимо провести масштабную областную PR-кампанию, включающую публикацию материалов в региональных СМИ, информирование молодежи о своей деятельности в социальных сетях, регулярные встречи с молодежью и молодежными общественными организациями. Кроме того, необходимо ежемесячно направлять информацию о планируемых мероприятиях в образовательные организации и молодежные общественные организации. Еще один возможный способ повышения уровня информированности молодежи Свердловской области о мероприятиях молодежной политики – создание электронной «Книги молодежных возможностей», содержащей самую важную и актуальную для молодых людей информацию – от вопросов трудоустройства до возможностей приобретения жилья.

Литература

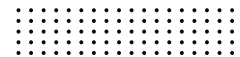
1. Диалог на равных. Официальный сайт Федерального агентства по делам молодежи Российской Федерации [электронный ресурс]. URL: <https://fadm.gov.ru/news/35665> (дата обращения 23.05.2017)
2. Социология молодежи: Учебное пособие / Под ред. В. Т. Лисовского. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1996. 460 с.
3. Зерчанинова Т. Е., Никитина А. С. Опыт социального аудита молодежной политики Свердловской области // Вопросы политологии и социологии. 2012. № 1. С. 87–100.
4. Позднякова Е. В. Социальный аудит региональных программ в сфере государственной молодежной

политики: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Екатеринбург, 2011. 31 с.

5. Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 года № 2403-р // Собрание законодательства РФ. 2014. № 50. Ст. 7185.
6. О Правительстве Свердловской области и исполнительных органах государственной власти Свердловской области: Указ Губернатора Свердловской области от 02 ноября 2016 года № 613-УГ // Областная газета. 2016. 11 ноября.
7. О Департаменте молодежной политики Свердловской области (вместе с «Положением о Департаменте молодежной политики Свердловской области»): Постановление Правительства Свердловской области от 20 января 2017 года № 23-ПП (в ред. от 19.09.2017 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О молодежи в Свердловской области: Закон Свердловской области от 29 октября 2013 года № 113-ОЗ (в ред. от 25.09.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. О Концепции государственной молодежной политики Свердловской области на период до 2020 года: Постановление Правительства Свердловской области от 20 апреля 2011 года № 440-ПП // Областная газета. 2011. 30 апреля.
10. Итоговый рейтинг по системе ключевых показателей реализации государственной молодежной политики органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации за 2016 год. Официальный сайт Росмолодежи [электронный ресурс]. URL: <https://fadm.gov.ru/docs?categoryId=14&page=1> (дата обращения 07.07.2017)
11. Об утверждении государственной программы Свердловской области «Развитие физической культуры, спорта и молодежной политики в Свердловской области до 2024 года»: Постановление Правительства Свердловской области от 29 октября 2013 г. № 1332-ПП (в ред. от 14.09.2017 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Зерчанинова Т. Е., Мудрецова Н. П. Социальная эффективность государственной поддержки работающей молодежи в Свердловской области // Вопросы управления. 2015. № 6. С. 189–195.

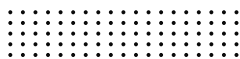
References

1. Dialogue on an equal footing. The official website of the Federal Agency for Youth of the Russian Federation [e-resource]. URL: <https://fadm.gov.ru/news/35665> (date of reference 23.05.2017)

Зерчанинова Т. Е., Гаранина Е. О.

2. Sociology of Youth: Textbook / Ed. V. T. Lisovsky. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1996. 460 p.
3. Zerchaninova T. E., Nikitina A. S. Experience of social audit of youth policy of Sverdlovsk region // Questions of political science and sociology. 2012. № 1. P. 87–100.
4. Pozdnyakova E. V. Social audit of regional programs in the field of state youth policy: abstract to thesis for a scientific degree of candidate of Sociologic sciences. Ekaterinburg, 2011. 31 pp.
5. On approval of the Fundamentals of the State Youth Policy of the Russian Federation for the period until 2025: Order of the Government of the Russian Federation of 29 November 2014 № 2403-p // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. № 50. Art. 7185.
6. On the Government of the Sverdlovsk Region and the Executive Bodies of State Power of the Sverdlovsk Region: Decree of the Governor of the Sverdlovsk Region of 2 November 2016 № 613-UG // Oblast newspaper. 2016. 11 November.
7. On the Department of Youth Policy of the Sverdlovsk Region (together with the Regulations on the Department of Youth Policy of the Sverdlovsk Region): Resolution of the Government of the Sverdlovsk Region of 20 January 2017 № 23-PP (as amended on 19 September 2017). Access from the legal system «ConsultantPlus».
8. On Youth in the Sverdlovsk Region: Law of the Sverdlovsk Region of 29 October 2013 № 113-OL (as amended on 25 September 2017). Access from the legal system «ConsultantPlus».
9. On the Concept of the State Youth Policy of the Sverdlovsk Region for the Period to 2020: Decree of the Government of the Sverdlovsk Region of 20 April 2011 № 440-PP // Oblast newspaper. 2011. April 30th.
10. The final rating for the system of key indicators of the implementation of the state youth policy by the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation for 2016. Official website of Rosmolodezh. [e-resource]. URL: <https://fadm.gov.ru/docs?categoryId=14&page=1> (date of reference 07.07.2017)
11. On the approval of the state program of the Sverdlovsk region «Development of physical culture, sports and youth policy in the Sverdlovsk region until 2024»: Resolution of the Government of the Sverdlovsk region of 29 October 2013 № 1332-PP (as amended on 14 September 2017). Access from ref.-legal system «ConsultantPlus».
12. Zerchaninova T. E., Mudretsova N. P. Social effectiveness of state support for working youth in the Sverdlovsk region // Management issues. 2015. № 6. P. 189–195.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЭКОНОМИКЕ И УПРАВЛЕНИИ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Авдеева И. Л.

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и государственного управления Среднерусского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 302028, Россия, г. Орел, бульвар Победы, д. 5А, i-avdeeva-i@yandex.ru

Головина Т. А.

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента и государственного управления Среднерусского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 302028, Россия, г. Орел, бульвар Победы, д. 5А, golovina_t78@mail.ru

Парахина Л. В.

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и государственного управления Среднерусского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 302028, Россия, г. Орел, бульвар Победы, д. 5А, novila@mail.ru

УДК 338:004
ББК 65.050с51

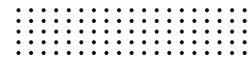
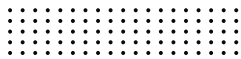
Цель. Бурное развитие информационной экономики в настоящее время связано с внедрением сквозных цифровых технологий и формированием соответственно цифровой экономики. Модернизация традиционных производственных отраслей и отраслей услуг, организации торгово-закупочных процедур, смежных финансовых и логистических операций, изменение структуры потребления на фоне сквозного проникновения информационных технологий и цифровизации экономических процессов создает основу для формирования новых рынков и новых условий функционирования рынка, а также новых подходов к аналитике, прогнозированию и принятию управленческих решений. Поэтому целью исследования является изучение российского и зарубежного опыта в условиях бурного развития цифровой экономики.

Методы. Исследование проведено с использованием общих методов, применяемых в экономической науке, на основе логического описания компонентов и функций цифровых технологий, отображающих их существенные свойства с применением системного подхода, обеспечивающих необходимую глубину проработки научной проблемы.

Результаты. Выявлено, что цифровая экономика становится все более важной движущей силой глобального экономического роста и играет значительную роль в ускорении экономического развития, повышении производительности существующих отраслей промышленности, формировании новых рынков и отраслей и обеспечении всеобъемлющего устойчивого роста и развития. Зарубежный опыт развития цифровых технологий доказывает

Научная новизна. Научная новизна исследования заключается в обосновании системного интегрального подхода в развитии сквозных технологий, базирующегося на вызовах и рисках цифровой экономики, на основе анализа российского и зарубежного опыта.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, управление, государство.

Авдеева И. Л., Головина Т. А., Парахина Л. В.

DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN ECONOMICS AND MANAGEMENT: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Avdeeva I. L.

candidate of economic sciences, associate professor, associate professor of the Department of Management and Public Administration of the Central Russian Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 302028, Russia, Orel, Pobedy boulevard, 5A, i-avdeeva-i@yandex.ru

Golovina T. A.

Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management and Public Administration of the Central Russian Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 302028, Russia, Orel, Pobedy boulevard, 5A, golovina_t78@mail.ru

Parakhina L. V.

candidate of economic sciences, associate professor of the Department of Management and Public Administration of the Central Russian Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 302028, Russia, Orel, Pobedy boulevard, 5A, novila@mail.ru

Purpose. The rapid development of the information economy is currently associated with the introduction of end-to-end digital technologies and the formation of a correspondingly digital economy. Modernization of traditional manufacturing industries and service industries, organization of trade and procurement procedures, related financial and logistical operations, changing consumption patterns against the background of the penetration of information technologies and the digitization of economic processes creates the basis for the formation of new markets and new conditions for the functioning of the market, as well as new approaches to analytics, forecasting and decision-making. Therefore, the goal of the study is to study Russian and foreign experience in the conditions of rapid development of the digital economy.

Methods. The study was carried out using common methods used in economics, based on a logical description of the components and functions of digital technologies that reflect their essential properties using a systematic approach that provide the necessary depth of the scientific problem.

Results. It is revealed that the digital economy is becoming an increasingly important driver of global economic growth and plays a significant role in accelerating economic development, increasing the productivity of existing industries, creating new markets and industries, and providing comprehensive sustainable growth and development. Foreign experience in the development of digital technology is proving

Scientific novelty. The scientific novelty of the study is to substantiate a systemic integrated approach to the development of end-to-end technologies, based on the challenges and risks of the digital economy, based on the analysis of Russian and foreign experience.

Key words: digitalization, digital technologies, management, state.

Развитие цифровых технологий в настоящее время происходит бурными темпами. В целях структурирования имеющейся информации государства разрабатывают программы развития цифровой экономики в данных условиях. В частности, в России в настоящее время реализуется программа развития цифровой экономики.

Программа развития цифровой экономики в России определяет основные направления государственной политики Российской Федерации по формированию цифровой (электронной) экономики, в целях соблюдения национальных интересов и реализации национальных приоритетов.

Формируемые в результате модернизации экономики «большие данные», наряду с технологиями их анализа, становятся одним из ведущих активов государства, бизнеса и гражданского общества. При этом отсутствие физических границ в цифровом пространстве открывает доступ к существенному массиву таких данных многочисленным участникам глобального экономического пространства.

Разработка национальных программ развития экономики нового поколения, включающая вопросы развития и внедрения технологий, анализа «больших данных» и прогнозирования, внедрения новых способов управления, становится задачей стратегической

важности не только в контексте социально-экономического благополучия государств, но и как условие сохранения суверенитета на фоне глобализации и реализации программ цифрового развития другими участниками мирового рынка.

Правовой основой Программы развития цифровой экономики в Российской Федерации является Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», а также положения федеральных законов, актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, иных нормативных правовых актов, регламентирующих сферу информационных и коммуникационных технологий применительно к формированию новой технологической основы отечественной экономики.

В этой связи, национальная программа развития цифровой экономики стремится сформулировать направления развития для формирования и поддержания наиболее благоприятных организационных, инфраструктурных и нормативно-правовых характеристик российской цифровой юрисдикции для развития бизнеса в условиях нового экономического уклада, а также опережающего развития национальных институтов цифровой экономики [1].

При этом в программе развития реализуется подход к регулированию, предполагающий, что на этапе формирования новых институтов цифровой экономики следует придерживаться незапретительного регулирования во избежание возведения необоснованных административных барьеров для модернизации отечественных производственных отраслей и отраслей услуг. Характерные для традиционного экономического уклада меры регулирования не всегда будут эффективны в глобальной виртуальной цифровой среде и могут создавать сложности включения и полноценного участия в процессах цифровой экономики для российского бизнеса и (или) граждан, тем самым предоставив преимущества представителям иностранных юрисдикций.

Важным аспектом функционирования цифровой экономики является обеспечение информационной и экономической безопасности государства и бизнеса, защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни российских граждан в цифровом пространстве.

В условиях цифровой экономики данные становятся формой капитала. Формирование, накопление и использование такого рода капитала требуют тесного сотрудничества государства и бизнеса, государства и гражданского общества, бизнеса и гражданского общества.

Однако экономические преимущества получают те государства и хозяйствующие субъекты, которые имеют не только доступ к данным, но также эффективные технологии их обработки. Качественный рост

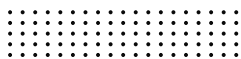
экономики возможен при наличии технологий, позволяющих максимально возможно точно оценивать текущее состояние рынков и отраслей, а также осуществлять эффективное прогнозирование их развития и быстро реагировать на изменения в конъюнктуре национальных и мировых рынков.

Основные принципами управления, как на уровне промышленных предприятий, так и на уровне государства представлены на рис. 1.

Ключевым фактором успеха в цифровой экономике становятся новые модели управления технологиями и данными, позволяющие осуществлять оперативное реагирование и моделирование будущих вызовов и проблем для государств, бизнеса и гражданского общества.

Процессы формирования глобального цифрового пространства являются важной сферой международного сотрудничества. В условиях различных цифровых юрисдикций чрезвычайно важен диалог стран для поступательного развития экономик и урегулирования возможных разногласий в области цифровой экономики.

В стране реализуются крупнейшие цифровые инфраструктурные проекты, беспрецедентные по масштабам. Это, в частности, проект по устранению цифрового неравенства, создание федеральной ЕИС в сфере закупок, системы государственных и муниципальных услуг, единой цифровой среды медицинских учреждений по Москве (ЕМИАС), запуск московских порталов «Наш город» и «Активный гражданин».

Авдеева И. Л., Головина Т. А., Парахина Л. В.

Населению и бизнесу начинают предоставляться реальные цифровые услуги [3].

Миссия развития цифровой экономики в России – повысить качество жизни, обеспечить конкурентоспособность страны и национальную безопасность.

Цель России в перспективе 15–20 лет – войти в группу лидирующих экономик мира за счет цифровых преобразований традиционных отраслей и развития самостоятельной и конкурентоспособной цифровой индустрии. Поучительным здесь может быть пример Китая, где за последние 15 лет удалось создать конкурентоспособную по мировым меркам цифровую экономику и увеличить ВВП на душу населения почти в 4 раза.

Для выполнения этих долгосрочных задач России предстоит поставить амбициозную цель на среднесрочную перспективу. Такой целью могло бы быть утроение размеров цифровой экономики к 2025 году. Ее достижение потребует слаженной работы, но представляется вполне реалистичным, если следовать описанным ниже направлениям развития и обеспечить достижение к 2025 году целевого состояния, характеризующегося шестью основополагающими составляющими:

1. Россия – научно-образовательный центр мирового уровня в области цифровых технологий и инновационных бизнес-моделей. Страна располагает развитой сетью образовательных и исследовательских центров (в том числе на базе университетов), которые активно сотрудничают с компаниями, инвестирующими в ИТ.

2. Российские цифровые компании успешно создают и выводят на международный рынок конкурентоспособные инновационные цифровые решения и технологии.

3. Промышленный сектор экономики России отличается применением высоких технологий и наличием компаний – мировых лидеров по внедрению отдельных цифровых технологий, например элементов «Индустрии 4.0».

4. Государство является проводником распространения цифровых технологий для массового использования и служит образцом их внедрения при оказании качественных цифровых госуслуг.

5. Цифровая вовлеченность обеспечивает равные возможности доступа к инфраструктуре и получению услуг населением в масштабе страны.

6. По цифровой культуре и грамотности населения Россия занимает лидирующие позиции в международных рейтингах.

Сегодня Россия может максимально эффективно использовать благоприятный момент для инвестиций в будущую конкурентоспособность компаний, отраслей и национальной экономики в целом. Желаемой цели можно достигнуть, только если государство и компании частного сектора будут играть на опережение – быстро адаптировать и внедрять технологические достижения,

активно сотрудничая между собой, с технологическим и научным сообществом и внешними партнерами, а также постоянно сверяя свои действия с потребностями, предпочтениями и привычками потребителей.

Сейчас крайне важно не снижать темпов преобразований, акцентируя внимание на нескольких фундаментальных элементах.

В условиях автоматизации все большего количества операций, приведшего к полному исчезновению ряда специальностей, и массовой нехватки специалистов, владеющих цифровыми навыками, необходима адаптация образовательной инфраструктуры к новым требованиям.

Создание площадок для рабочего диалога государства с представителями отраслей будет способствовать повышению оперативности принятия решений по ключевым вопросам цифрового развития.

Цифровая грамотность, желание и готовность пробовать новые методы решения проблем, рисковать, экспериментировать и создавать ценные социальные связи и бизнес-партнерства будут все больше становиться неотъемлемыми атрибутами успеха граждан и компаний [5].

Активное изучение зарубежных «историй успеха», умение извлекать из них уроки и адаптировать для российских условий наиболее эффективные бизнес-модели, технологии, процессы, готовые продукты, методы управления и другие разработки должно стать очень эффективным инструментом цифровизации экономики.

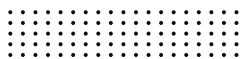
Успешная и быстрая адаптация готовых решений обеспечит девяносто процентов успеха. Крупнейшим же компаниям целесообразно не только научиться эффективно и быстро адаптировать и развертывать готовые платформенные решения и сервисы, но и активно участвовать в формировании рынка, создавая партнерства с другими отраслевыми игроками и разработчиками решений.

У каждой страны, которая демонстрирует успехи в создании цифровой экономики, своя история, и абсолютного лидера в развитии всех ее аспектов не существует.

Германия – пионер промышленных технологий. Здесь около 10% населения занято в высокотехнологичных отраслях, что примерно в два раза больше, чем в России. Для Германии нехарактерна центральная роль государства в финансировании перспективных цифровых проектов, государство видит свою основную функцию в создании правил игры, развитии фундаментального образования, стимулировании исследований.

Южной Корее и Японии удалось создать крупнейшие цифровые компании, где в основном и рождаются инновации, на базе традиционных корпораций (Samsung, LG, Toyota, Sony, Toshiba, SoftBank).

Китай, где доля цифровой экономики сравнима с США, несмотря на то что он относится

к развивающимся странам, оказался успешным как в выявлении и внедрении перспективных цифровых решений, так и в разработке собственных проектов, ориентированных на экспорт (Alibaba, Huawei). Особенно быстро и эффективно Китай осуществил «цифровизацию» многомиллионного населения. Китайцы сегодня активно пользуются интернет-ритейлом, возможностями онлайн-экосистем и цифровым банкингом.

Быстрый переход потребителей в электронный формат торговли здесь связан с тем, что интернет-торговля развивалась здесь отчасти взамен развития физических розничных форматов, а быстрому распространению финансовых онлайн-сервисов способствовал низкий уровень развития финансовых институтов и банковской инфраструктуры [4].

Цифровая экономика в перечисленных странах развивалась разными путями, однако у них можно выделить общие черты – наличие благоприятных условий для внедрения инноваций и большие объемы инвестиций в цифровые технологии и инфраструктуру. При этом у развивающихся рынков в цифровую эпоху появляются особые преимущества благодаря тому, что они создают готовые цифровые сервисы с нуля (медицинские услуги, парковки, онлайн-ритейл), а не переделывают унаследованную инфраструктуру.

Перед Россией в этом смысле также есть прекрасные возможности для совершения технологического скачка во многих сферах деятельности.

Сейчас России важно выстроить собственные приоритетные ниши для цифровых инноваций, где с наименьшими затратами можно не только добиться самостоятельности на внутреннем рынке, но и стать признанным мировым лидером.

Сегодня Россия не входит в группу лидеров развития цифровой экономики по многим показателям – уровню цифровизации, доле цифровой экономики в ВВП, средней задержки в освоении технологий, применяемых в странах-лидерах. Доля цифровой экономики в ВВП России составляет 3,9%, что в 2–3 раза ниже, чем у стран-лидеров. Однако уже сейчас заметен ряд положительных тенденций. Один из важнейших показателей – объем цифровой экономики – в последние годы стремительно растет. Например, ВВП страны с 2011 по 2015 год вырос на 7%, а объем цифровой экономики за тот же период увеличился на 59% – на 1,2 трлн. руб. в ценах 2015 года. Таким образом, за эти пять лет на цифровую экономику пришлось 24% общего прироста ВВП.

В России практически с нуля удалось создать крупные цифровые компании, и некоторые из них добились международной известности. Это крупнейший в мире независимый онлайн-банк «Тинькофф Банк», который не имеет физических отделений, цифровые порталы и экосистемы сервисов «Яндекс» и Mail.ru, площадка электронных объявлений Avito, социальная

сеть «ВКонтакте», компания по производству цифровых решений в области безопасности «Лаборатория Касперского» и многие другие.

В изменившемся мире людям будет необходимо развивать новые профессиональные навыки и адаптироваться к быстро меняющемуся рынку труда. Государству – развивать новые цифровые сервисы и компетенции, чтобы предоставлять населению доступные и качественные услуги и сделать работу органов управления эффективнее.

Один из наиболее ценных активов современной экономики – это цифровые платформы. Разработкой и развитием подобного рода платформ активно занимаются Facebook, iTunes, eBay, Amazon, LinkedIn, Airbnb, Tencent, «ВКонтакте», «Яндекс», Avito, OZON [1].

Цифровые платформы начинают использоваться в качестве основных каналов взаимодействия с клиентами и осуществления транзакций, а также как средство создания инновационных бизнес-моделей, в том числе и в традиционных отраслях. Например, покупатели автомобилей пользуются цифровыми платформами для сравнения автомобилей в режиме онлайн перед покупкой, оставляя в сети сведения о своих предпочтениях, которые впоследствии могут учитывать дилеры и автопроизводители для увеличения продаж. Все больше традиционных по форме продуктов получают цифровые компоненты.

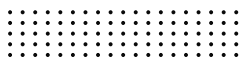
Стало нормой оснащение автомобилей системами спутниковой навигации, безопасности и оповещения, средствами для соединения с мобильными устройствами по Bluetooth, а также мультимедийными комплексами.

Внедрение цифровых технологий влечет за собой ужесточение конкуренции, создавая для существующих лидеров рынка угрозы, исходящие от новых волн инноваций. Социальная сеть Facebook была создана в 2004 году, и уже через десять лет количество ее активных пользователей превысило численность населения Китая [2].

Экономическое преимущество цифровых платформ положительно влияет на прибыльность разработчиков программного обеспечения (ПО), достигающую более 70% – это один из самых высоких показателей прибыльности среди всех отраслей.

Платформы, завоевавшие господствующее положение на рынке, служат окном в интернет для миллионов людей, что позволяет собирать, обобщать, анализировать и монетизировать данные о пользователях, их поведенческих характеристиках и потребительских предпочтениях.

Цифровая экономика создает множество благ для потребителей и общества. Потребители получили массу преимуществ от развития цифровой экономики, хотя этот эффект и не отражается напрямую в показателях ВВП. Благодаря распространению смартфонов обычные люди стали использовать колоссальные вычислительные

возможности. Сейчас можно в любой момент получить доступ к знаниям, которые человечество аккумулировало веками, или неограниченному потоку информации в социальных сетях, причем совершенно бесплатно.

Другой полезный для потребителей эффект заключается в том, что цифровые торговые площадки создают интенсивную ценовую конкуренцию. Потребители могут дожидаться выгодных предложений и получать именно то, что им нужно, в нужный момент. Публикуемые пользовательские отзывы содержат информацию о товарах, стимулируя участников рынка обеспечивать высокое качество продуктов и услуг. Потребители получают выгоды и за счет повышения эффективности государственных расходов, улучшения качества услуг и состояния инфраструктуры, здравоохранения и образования, что стало возможным именно благодаря технологическим инновациям.

В условиях экономических кризисов крупные компании стремятся повысить производительность не за счет увеличения выпуска продукции или внедрения инноваций, а за счет сокращения численности персонала. Автоматизация производства стала постоянным процессом, и в периоды экономического замедления или спада рабочие места оказываются под ударом. Кроме того, внедрение цифровых технологий приводит к сокращению количества работников средней квалификации. Роботы заменяют рабочих на конвейерах, а информационные системы начинают выполнять операции, за которые раньше [7] отвечали бухгалтеры, секретари и прочие офисные специалисты. Цифровизация ускорила увеличение разрыва между низко- и высокооплачиваемыми сотрудниками. Цифровые компании демонстрируют наибольший рост зарплат, но по количеству рабочих мест их доля в общей структуре экономики невелика. С другой стороны, цифровизация оказывает и позитивное влияние на рынок труда за счет появления новых профессий, которые не существовали ранее. Кроме того, благодаря развитию интернет-платформ повышается мобильность работников. В дальнейшем за счет сбора информации о потребности в определенных специалистах люди смогут лучше планировать свое обучение и карьеру.

Предоставление государственных услуг в цифровом формате заключается в том, что цифровой механизм оказания государственных услуг становится не только реальным, но и единственно используемым, исключая возможность предоставления услуги «в обход системы».

При этом физические центры оказания государственных услуг (в России таковыми являются соответствующие многофункциональные центры) начинают трансформироваться в центры содействия гражданам в получении государственных услуг в цифровом виде.

Взаимодействие государственных ведомств с гражданами и предприятиями становится более

удобным благодаря внедрению интуитивных интерфейсов с доступом к госуслугам. Ключевыми принципами эффективной организации работы в режиме онлайн становятся планирование взаимодействия с учетом потребностей пользователя, индивидуальный подход к каждому клиенту, предоставление услуг отдельных ведомств через единый канал (приложение, портал) и обеспечение качественной поддержки. Примером планирования услуг с учетом потребностей пользователя в рамках электронного правительства является взаимодействие с гражданами в особые моменты их жизни. Например, после окончания университета человеку могут предлагаться последующие образовательные программы, при рождении ребенка может направляться уведомление о необходимости прохождения обязательных медицинских обследований, а при выходе на пенсию – напоминание об изменении условий программы страхования. Примером оказания различных услуг через единый канал может служить датский сервис NemID, обеспечивающий общий доступ к государственным услугам, предоставляемым сторонними организациями, которые подключены к данной платформе [1,9].

Другой пример – в Австралии в штате Новый Южный Уэльс разработан единый портал для получения в цифровом виде более 800 государственных услуг, включая получение прав на управление транспортным средством, свидетельства о рождении, пенсионного удостоверения, свидетельства о браке и регистрационных номеров. Примером качественной пользовательской поддержки является наличие чата для мгновенной консультации в режиме онлайн на портале государственных услуг. Это не только расширяет возможности оказания содействия гражданам, но и позволяет сократить затраты, поскольку производительность труда онлайн-операторов в 2–3 раза выше по сравнению с операторами колл-центров.

Перевод внутренних процессов и межведомственных взаимодействий в полностью цифровой формат заключается в том, что государственные услуги вместо частично автоматизированных (что часто ограничивается лишь возможностью заполнения онлайн-формы) становятся полностью цифровыми и интегрированными со смежными ведомствами. Так, например, в одной из европейских стран информация о рождении ребенка из роддома автоматически поступает в налоговую службу, службу социальной защиты населения и местную префектуру [10].

Активное вовлечение граждан в решение социальных и общественно-политических вопросов позволяет государственным органам функционировать более эффективно, а гражданам – участвовать в принятии социально значимых решений, что способствует росту удовлетворенности населения деятельностью государственных органов.

Авдеева И. Л., Головина Т. А., Парахина Л. В.

В Австралии существует правило, согласно которому по умолчанию все сведения, не составляющие государственную тайну и не относящиеся к категории личных данных, находятся в открытом доступе. Формирование и анализ больших массивов данных Государственные органы вслед за частным сектором все более активно применяют передовые аналитические методы и анализ больших массивов данных для принятия эффективных решений. В США при содействии Центрального разведывательного управления была основана компания Palantir Technologies, которая разрабатывает секретное программное обеспечение, помогающее спецслужбам выявлять террористические сети, а другим правоохранительным органам – прочую преступную (в том числе мошенническую) деятельность [8].

Кроме того, использование больших массивов данных позволяет существенно повышать качество и эффективность государственных и социальных услуг, например, оптимизировать маршруты общественного транспорта, предотвращать преступные действия, обеспечивать целевую направленность социальной и медицинской помощи (включая профилактику и превентивное лечение), повышать точность моделирования и прогнозирования, более эффективно планировать строительство необходимой инфраструктуры.

Литература

1. Tapscott D. Macrowikinomics: Rebooting Business and the World / D. Tapscott, A. D. Williams. N.Y., 2010.
2. Манахова И. В. Потребление в информационной экономике. М.: МАКС-Пресс, 2014. 286 с.
3. Лопатина Н. В. Информационная инфраструктура общества: современные проблемы функционирования и развития // Информационные ресурсы России. 2014. №2. С. 13–15.
4. Авдеева И. Л. Новые формы развития информационных систем поддержки бизнеса в условиях глобализации // Национальные интересы, приоритеты и безопасность. М.: ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2017. Том 13 №4. С. 760–772.
5. Полянин А. В. Тенденции и прогнозы экономического роста для российской экономики: региональный аспект // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. №3. С. 53–63.
6. Самостроенко Г. М. «Цифровое» наследство как фактор развития предпринимательства в области защиты персональных данных // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. №1(12). С. 252–258.
7. Черняк Л. Большие Данные – новая теория и практика // Открытые системы. 2011. №10 [электронный ресурс]. URL: <http://www.osp.ru/os/2011/10/13010990> (дата обращения 14.11.2017)
8. Рудакова О. В. Основные приоритеты инновационной привлекательности России / О. В. Рудакова, А. В. Полянин, Л. М. Кузнецова // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. №2(11). С. 152–162.
9. Головина Т. А. Развитие системы государственного стратегического управления предпринимательскими структурами на базе возможностей новой модели цифровой экономики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2017. №2. С. 13–18.
10. Марц Н. Большие данные. Принципы и практика построения масштабируемых систем обработки данных в реальном времени. М.: Вильямс. 2016. 292 с.

References

1. Tapscott D. Macrowikinomics: Rebooting Business and the World / D. Tapscott, A. D. Williams. N.Y., 2010.
2. Manakhova I. V. Consumption in the information economy. M.: MAKS-Press, 2014. 286 p.
3. Lopatina N. V. Information infrastructure of the society: modern problems of functioning and development // Information resources of Russia. 2014. №2. P. 13–15.
4. Avdeeva I. L. New forms of development of information systems for supporting business in the context of globalization // National interests, priorities and security. Moscow: FINANCE AND CREDIT, 2017. Vol. 13 №4. P. 760–772.
5. Polyanin A. V. Tendencies and forecasts of economic growth for the Russian economy: a regional aspect // Srednerussky vestnik social sciences. 2017. T. 12. №3. P. 53–63.
6. Samostroenko G. M. «Digital» inheritance as a factor in the development of entrepreneurship in the field of personal data protection // Srednerussky Vestnik Social Sciences. 2017. №1 (12). P. 252–258.
7. Chernyak L. Large Data – a new theory and practice // Open systems. 2011. №10 [e-resource]. URL: <http://www.osp.ru/os/2011/10/13010990> (date of reference 14.11.2017)
8. Rudakova O. V. The main priorities of the innovative attractiveness of Russia // Srednerussky Vestnik social sciences. 2016. №2 (11). P. 152–162.
9. Golovina T. A. Development of the system of state strategic management of entrepreneurial structures on the basis of the possibilities of a new model of the digital economy // Vestnik Voronezh State University. Series: Economics and Management. 2017. №2. P. 13–18.
10. Marz N. Large data. Principles and practice of building scalable data processing systems in real time. M: Williams. 2016. 292 p.

ПРОГРЕССИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ВНЕШНЕГО ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

Шарин В. И.

доктор экономических наук, профессор кафедры Экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет (Россия), 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта /Народной Воли, 62/45, ауд. 325, Sharin_vi@usue.ru

Кулькова И. А.

доктор экономических наук, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет (Россия), 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта /Народной Воли, 62/45, ауд. 455, i.a.koulkova@mail.ru

УДК 338+336.1
ББК 65.290.2

Цель: обосновать, что современные технологии управления, в частности, определение миссии и формирование имиджа организации, применимы не только в коммерческих организациях, но и в деятельности органов внешнего государственного и муниципального финансового контроля.

Методы: системный анализ, общенаучные методы.

Результаты: на основе анализа технологий менеджмента в части формирования миссии и имиджа организаций, получены результаты, позволяющие предложить соответствующую модель и механизмы адаптирования данных технологий для органов внешнего государственного и муниципального финансового контроля.

Научная новизна: авторами предложена модель формирования миссии органов внешнего государственного и муниципального финансового контроля, структурно состоящая из комплекса элементов, отражающих: цель существования органа внешнего контроля; услуги, которые он оказывает; целевые группы потребителей этих услуг; отличительные особенности (конкурентные преимущества) органа внешнего контроля; его философию; методы взаимодействия с обществом. Представлены соответствующие обоснования каждого элемента.

Также предложена модель имиджа органа внешнего финансового контроля, структурно состоящая из комплекса элементов, отражающих: имидж органа внешнего контроля как организации (внешний имидж); внутренний имидж органа внешнего контроля, а также имидж результатов (продуктов) деятельности органа внешнего контроля. Предложен комплекс действий по формированию имиджа по каждому элементу модели. Статья может быть интересна руководителям и специалистам органов внешнего государственного и муниципального финансового контроля.

Ключевые слова: миссия организации, формирования миссии некоммерческой организации, органы внешнего государственного и муниципального финансового контроля, элементы миссии организации, модель имиджа органов внешнего контроля.

PROGRESSIVE TECHNOLOGIES OF MANAGEMENT IN THE SPHERE OF EXTERNAL STATE AND MUNICIPAL FINANCIAL CONTROL

Sharin V. I.

Doctor of Economics, Professor of the Department of Labor Economics and Personnel Management, Ural State Economic University (Russia), 620144, Russia, Ekaterinburg, ul. March 8 / People's Will, 62/45, r. 325, Sharin_vi@usue.ru

Kulkova I. A.

Doctor of Economics, Professor of the Department of Labor Economics and Personnel Management Ural State Economic University (Russia), 620144, Russia, Ekaterinburg, ul. March 8 / People's Will, 62/45, r. 455, i.a.koulkova@mail.ru

Purpose: To justify that modern management technologies, in particular, the definition of a mission and the formation of an organization's image, are applicable not only in commercial organizations, but also in the activities of external state and municipal financial control bodies.

Methods: system analysis, general scientific methods.

Results: Based on analysis of management technologies regarding the formation of the mission and the image of organizations, results were obtained that would allow the proposed model and mechanisms for adapting these technologies to external state and municipal financial control bodies.

Scientific novelty: the authors proposed a model for the formation of the mission of external state and municipal financial control bodies, structurally consisting of a complex of elements reflecting: the purpose of the existence of an external control body; services that it provides; target groups of consumers of these services; distinctive features (competitive advantages) of the external control body; his philosophy; methods of interaction with society. Corresponding substantiations of each element are presented.

Also, a model of the external financial control body's image is structurally composed of a complex of elements reflecting: the image of the external control body as an organization (external image); internal image of the external control body, as well as the image of the results (products) of the activity of the external control body. A set of actions is proposed to create an image for each element of the model. The article may be of interest to managers and specialists of external state and municipal financial control bodies.

Key words: mission of the organization, formation of the mission of the non-profit organization, external state and municipal financial control bodies, elements of the organization's mission, model of the external control bodies' image.

Введение

Коммерческие организации достаточно давно освоили такие технологии управления, как формирование миссии и имиджа организации, бренда работодателя (HR-бренда). Однако такие технологии сегодня осваивают и некоммерческие организации, в том числе государственные и муниципальные органы власти.

Изучение деятельности органов внешнего государственного и муниципального финансового контроля – контрольно-счетных органов России (далее – КСО, орган внешнего контроля), осуществляющих функции внешнего государственного и муниципального финансового контроля, позволяет сделать вывод о том, что подавляющее их большинство не используют корпоративные технологии, например, миссию и имидж, которые могут быть эффективны при комплексном их применении.

Органы внешнего финансового контроля осуществляют свои функции на основе Федерального закона «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» от 07.02.2011 № 6-ФЗ (далее – Закон № 6-ФЗ), Бюджетного кодекса Российской Федерации, иных федеральных нормативно-правовых актов и законов субъектов Российской Федерации о контрольно-счетных органах, которые не содержат определения понятия и содержания цели деятельности КСО. В связи с чем можно сделать вывод, что законодатель допускает вариативность целей КСО (в рамках установленных законодательством полномочий). В то же время нормативная неопределенность

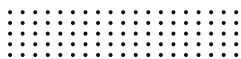
главной цели деятельности КСО снижает мотивацию самостоятельного выбора миссии и формирования имиджа, так как цель является ее сердцевинной.

Анализ миссий органов внешнего контроля, проведенный ранее [1], позволил сделать вывод, что КСО осознают необходимость миссии, однако при ее формировании испытывают серьезные методологические трудности, что не позволяет четко и правильно сформулировать главную цель деятельности, задачи развития организации, определить потребности и ожидания общества, а также потребителей результатов работы, которых необходимо удовлетворить, что наряду с отсутствием позиционирования, имиджа отрицательно сказывается на репутации контрольных органов.

В связи с этим, нам представляется целесообразным в данной статье, используя теорию и практику технологий управления, в частности, формирование миссии и имиджа организации, предложить методологические подходы и модели формирования миссии и имиджа органов внешнего контроля, действующих на государственном и муниципальном уровнях, применяемые комплексно.

Методологические подходы, модели формирования миссии и имиджа органов внешнего государственного и муниципального контроля

В современной научной литературе вопросы имиджа организации являются остро актуальными во всем мире [2–4]. В сфере управленческих технологий

представлено множество моделей миссии организации, отражающих приоритеты авторов. С учетом рассмотренных моделей миссий (как программного документа, а не краткого брендового слогана), приемлемой для формирования миссии КСО может быть модель, структурно состоящая из комплекса элементов, отражающих: цель существования КСО; услуги, которые он оказывает; целевые группы потребителей этих услуг; отличительные особенности (конкурентные преимущества) органа внешнего контроля; его философию; методы взаимодействия с обществом.

Цель существования органа внешнего контроля занимает главное место в миссии. Нередко в миссии органов внешнего контроля глобальной целью значится контроль, с чем нельзя согласиться, так как контроль – это функция управления по обеспечению управленческих решений, активное слежение за исполнением управленческих решений, соблюдением законов, правил и норм, реализующий обратную связь в управлении [5, с. 39, 196]. Однако контроль является содержанием деятельности КСО, средством достижения глобальной цели, и это должно быть учтено в миссии.

Подходы к определению целей деятельности органа внешнего контроля могут быть разнообразными. Н. Д. Погосян определяет три основных цели, достигаемые в результате контрольных мероприятий в рамках государственного финансового контроля: выявление нарушений и наказание виновных; повышение эффективности деятельности контролируемой социальной системы, чьи действия подверглись проверке; выявление и распространение положительного опыта [6, с. 128]. Его мнение разделяет В. А. Двуреченских [2, с. 94], отмечая при этом, что на практике именно выявлению нарушений и наказанию виновных в подавляющем большинстве случаев уделяется основное внимание, что неприемлемо.

По мнению С. П. Опенышева, В. А. Жукова цели государственного финансового контроля определяют и его основные функции. Целью государственного финансового контроля является обеспечение законности и эффективности использования государственных бюджетных и внебюджетных финансовых средств и государственной собственности. Эта цель определяется его основными функциями: выявление отклонений; анализ причин отклонений; коррекция деятельности объекта контроля; превенция и правоохрана [7, с. 47].

Иную позицию занимает А. К. Измоденов. Он выделяет тактические и стратегические цели КСО. Тактические – выявить нарушения и недостатки, дать предложения по их устранению, наказать виновных лиц, стратегическая цель – повышение эффективности управления общественными финансами, которая достигается путем выявления закономерностей, системных нарушений, выработки предложений по их

предупреждению и улучшению работы государственных органов, по совершенствованию законодательства, системной работой по профилактике нарушений и недостатков [8, с. 62].

М. Е. Чичелев, отмечает, что поскольку учреждениями органов внешнего контроля являются законодательные, а не исполнительные органы власти, «главные задачи Счетных палат – контроль за использованием и распоряжением государственных активов со стороны представительных органов государственной власти и экспертно-аналитическое обеспечение законотворческой деятельности представительных органов государственной власти» [9].

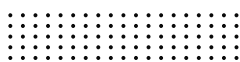
В издании под редакцией С. В. Степашина определяется главная цель деятельности КСО – сделать общественную подотчетность органов власти действительностью, обеспечить парламент и общество независимой информацией о состоянии государственных финансов, дать гарантию достоверности отчетностям, представляемым должностными лицами. КСО осуществляют внешний контроль за деятельностью исполнительной власти в сфере распоряжения государственными финансами и имуществом, руководствуясь только общегосударственными интересами и действуя от имени общества [10, с. 8, 10].

В. П. Горегляд, относит к целям Счетной палаты осуществление экспертной и аналитической оценки деятельности органов государственной и исполнительной власти, целью которой является выявление и предупреждение системных недостатков в управлении государственными финансами [11, с. 21].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о многообразии подходов и понимания целей существования КСО в рамках действующего законодательства и что при формировании цели органа внешнего контроля нужно исходить из его полномочий, а также целей, задач, функций внешнего государственного финансового контроля.

Услуги, которые оказывает орган внешнего контроля. Каждый социально-экономический субъект имеет результат своей деятельности в виде товаров, работ, услуг. Реализуя контрольную и экспертно-аналитическую функции, КСО оказывают в широком значении понятия услуги, ориентированные на запросы общества, то есть властные (государственные и муниципальные) услуги обществу, так как услуга – это экономическая деятельность, непосредственно удовлетворяющая личные потребности членов общества, домашних хозяйств, потребности разного рода предприятий, организаций или потребности общества в целом, не воплощенные в материально-вещественной форме [12, с. 17].

Нормативно правовая база деятельности органов внешнего контроля содержит их полномочия в сфере

Шарин В. И., Кулькова И. А.

контроля (контроль исполнения соответствующего (государственного или муниципального) бюджета, законности, результативности, эффективности, экономности использования средств бюджетов, и многие другие), что является общественными услугами.

Важно определить, каким способом услуги будут предоставляться, это и требования к качеству услуг должны найти дальнейшее отражение в их стандартизации, регламентации действий и управленческих решений КСО, в разработке критериев удовлетворения потребностей, обратной связи – получения информации от объекта предоставления услуг (получателя, заказчика). Кроме того, необходимо установить приоритеты в характере предоставляемых услуг с учетом требований потребителей общественных услуг.

Целевые группы потребителей общественных услуг. Необходимо определить круг заказчиков и потребителей услуг. Именно внешняя среда, ее потребности в конкретных услугах оказывают существенное влияние на глобальную цель существования организации.

Основные заказчики и потребители деятельности КСО известны – в свете Закона № 6-ФЗ это законодательные (представительные) органы власти, высшее должностное лицо субъекта Федерации или глава муниципального образования, а в широком значении (через представительные и законодательные органы) – это все население, общество со всеми его институтами.

Важно понять, как удовлетворить интересы потребителей услуг, в каком формате им нужна услуга, какой степени проработки, как заказчиком предполагается использовать результаты работы органов внешнего контроля, что ценно для него в данной услуге, затем – каким способом эта потребность будет удовлетворена? В конечном счете, как сделать, чтобы результаты работы КСО максимально соответствовали ожиданиям и удовлетворяли потребности потребителей услуг? Ответы должны найти свое отражение в миссии органа внешнего контроля.

В значительной мере эти вопросы должны решаться посредством *технологий управления персоналом как способа удовлетворения интересов потребителей услуг*: стандартизации деятельности КСО, разработки методических рекомендаций, правил проведения контрольных и экспертно-аналитических мероприятий, где пожелания потребителей результатов деятельности также должны быть учтены. Поэтому полезно провести анализ интересов заказчиков и потребителей, оценить их приоритетность, например, с помощью весовых коэффициентов (опрос, анкета), сравнить характеристики предоставляемой общественной услуги (отчет, заключение, аналитическая записка и т.п.) с требованиями потребителя. Затем сформулировать и качественно определить цели совершенствования, преобразовать пожелания потребителя в количественные и качественные

характеристики услуги, установить критерии оценки эффективности удовлетворения потребностей.

В процессе предоставления общественных услуг КСО должна осуществляться обратная связь с заказчиком, потребителем общественных услуг, на основе ее – коррекция деятельности.

Отличительные особенности (конкурентные преимущества) КСО. Общие принципы организации, деятельности и основных полномочий региональных и муниципальных органов внешнего контроля, статус, состав и структура, порядок деятельности и иные параметры определены нормативно-правовой базой, однако выбор приоритетов остается за КСО, что дает возможность позиционирования в среде субъектов внешнего государственного контроля.

Отличительные особенности, как правило, накладывают отпечаток на выбор целей, задач, способов и механизмов их решения, определение приоритетов полномочий, планы работы и многое другое.

Позиционирование (установление приоритетов, особенностей) органа внешнего контроля целесообразно проводить в два этапа. На первом – устанавливаются общие особенности КСО как органа внешнего государственного и муниципального финансового контроля, его природные отличия от иных органов, осуществляющих финансовый контроль. Эти особенности выявляются при анализе нормативно-правовой базы, международных документов по государственному аудиту, научных трудов, иных источников.

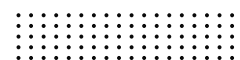
Второй этап – поиск частных особенностей, присущих конкретному органу внешнего контроля. Они выявляются путем анализа отличий, приоритетов деятельности каждого контрольно-счетного органа, уже имеющихся или тех, которые он считает необходимым приобрести.

Анализ факторов, определяющих качественные характеристики КСО, его сильные и слабые стороны позволяют позиционироваться, оценить себя и выбрать приоритеты, особенности деятельности, в широком значении – конкурентные преимущества. Органу внешнего контроля нужно определить сильные позиции или стремления и зафиксировать в миссии свою особенность.

Проведенный авторами анализ имеющихся формулировок миссий КСО (таблица 1) позволяет сделать вывод, что данные методологические принципы сегодня не применяются в полной мере.

Таким образом, применение изложенного в статье методологического подхода к формулированию миссии организации может значительно повысить ее качество.

Философия КСО. Она определяет корпоративные ценности, убеждения и принципы как систему правовых, нравственных, этических положений, в соответствии с которыми орган внешнего контроля намеревается осуществлять свою деятельность.

Шарин В. И., Кулькова И. А.

Таблица 1. Анализ официально представленных миссий КСО (составлено авторами)

Субъект Федерации КСО	Наличие услуг, которые оказывает КСО	Наличие целевых групп потребителей услуг	Наличие конкурентных преимуществ
Москва	+	+	–
Улан-Удэ	+	–	–
Калининградская область	+	+	–
Свердловская область	+	–	–

Философия организации тесно связана с понятиями «корпоративная культура», «дух корпорации». Их формируют особые методы разрешения проблем и принятия решений, своя деловая практика, кодекс ценностей, система внутренних взаимоотношений. Корпоративная культура проявляется в системе ценностей и принципах ведения дела.

Нормы профессионального поведения закреплены в нормативно-правовых актах, устанавливающих требования к поведению государственных и муниципальных служащих, Этическом кодексе сотрудников контрольно-счетных органов Российской Федерации (принят второй конференцией Ассоциации Контрольно-счетных органов Российской Федерации 3 декабря 2001 года), иными документами. Однако это слишком общий посыл, и он недостаточен для формирования философии органа внешнего контроля, действующего в конкретной обстановке.

Философия КСО должна строиться на исторических корнях и традициях организации, политике руководства по отношению к потребителям услуг, партнерам, общественности, работникам, общественным организациям контрольно-счетного органа (например, профсоюз), ветеранам, на сложившемся формате межличностных отношений, проведения корпоративных мероприятий, обычае формирования особой внутренней среды.

Методы взаимодействия КСО с обществом. Нормативно-правовая база деятельности КСО устанавливает обязанность отражения в средствах массовой информации отчетности о проводимых контрольных, экспертно-аналитических мероприятиях, их результатах, принятых мерах. Этим обеспечивается публичный контроль, но этого недостаточно.

Необходимо определить, исходя из особенностей условий деятельности, и отразить в миссии, как

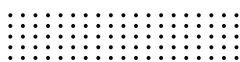
осуществить (механизмы, способы, процедуры) обратную связь с общественностью, всеми заинтересованными сторонами гражданского общества в целях установления актуальных проблем, требующих, по их мнению, внимания КСО. Затем установить, какое место взаимодействие с обществом займет в миссии организации, а также приоритеты в рамках данного направления. Кроме того, определить, какое место в миссии контрольно-счетного органа будут занимать контрольные мероприятия, инициированные обращениями граждан, общественных организаций, практика общественной оценки качества работы КСО.

Имидж органов внешнего контроля как образ, формируется в общественном сознании с целью создания определенного отношения к организации. Имидж как технология управления персоналом достаточно хорошо изучен и представлен в научной литературе. Он формируется исходя из заслуг и достижений, статуса организации, наличия миссии и стратегии, которые говорят о понимании предназначения и стремлении развиваться, общественного восприятия роли организации в социальной системе, особенностей корпоративной культуры [13]. Имидж часто формируется искусственно, как результат осознанного, целенаправленного, объективного воздействия [14, с. 73].

На основе анализа корпоративных моделей имиджа нами предлагается модель имиджа органа внешнего контроля, состоящая из трех элементов:

- *имидж органа внешнего контроля как организации (внешний имидж) – Бренд организации.* Субъекты формирования – общество, основные потребители, заказчики результатов деятельности, политическая и властные элиты, партнеры, СМИ, руководитель и персонал КСО. Критерии: соответствие деятельности заявленной миссии и стратегиям, доверие, уровень удовлетворения потребностей заказчиков и потребителей результатами деятельности, отличительные особенности (позиционирование), инновационность, результаты деятельности (качественные и количественные характеристики), информационная открытость, место и роль в процессе управления регионом (районом), в общественной жизни региона, в корпоративном сообществе, фирменный стиль, атрибутика, внутренние (ведомственные) награды, внутренний имидж;

- *внутренний имидж органа внешнего контроля – Бренд работодателя.* Субъекты формирования – руководство, персонал КСО. Критерии: наличие миссии и стратегий, определяющих сущность организации и цели развития, представления персонала о фактической их реализации в КСО, профессионализм руководства и персонала, деловая культура, инновационность, технологичность, стандартизация, качество и специализация, научность. Корпоративная культура, морально-психологический климат, уровень лояльности

Шарин В. И., Кулькова И. А.

руководства к персоналу, социальные гарантии, возможность карьерного роста и профессиональной самореализации, система мотивации и стимулирования персонала, высокий уровень удовлетворения интересов и потребностей персонала, низкий уровень (естественный) текучести кадров, благоприятный внешний имидж;

- *имидж результатов (продуктов) деятельности КСО*. Субъекты формирования – общество, потребители, заказчики результатов деятельности, корпоративное сообщество КСО. Критерии: актуальность, качество, количество, сложность, удовлетворение интересов и потребностей потребителей, заказчиков результатов деятельности, эффективность, достоверность, объективность, законность.

Кроме того, предлагается примерный комплекс действий по формированию имиджа, который реализуется по всем трем его элементам одновременно. *Внутренний имидж органа внешнего контроля*. Разработать миссию и стратегию КСО, обеспечить соответствие деятельности заявленным миссии, целям и задачам; создать имиджевую модель как эталонный образец. Для этого провести позиционирование КСО, определив его сильные и слабые стороны (SWOT-анализ), особенности деятельности, влияющие на имидж, наметить пути, этапы, способы достижения желаемого образца; оценить уровень деловой культуры, профессионализма руководства и персонала, инновационности, технологичности, стандартизации, качества и специализации деятельности. Предпринять меры, направленные на повышение профессионализма, деловой культуры персонала, инновационности и технологичности процессов, качества, методологической, методической, организационной обеспеченности, возможность карьерного роста и профессиональной самореализации работников КСО; обеспечить приемлемый уровень корпоративной культуры персонала, благоприятный морально-психологический климат, уважительное отношение руководства к персоналу, социальные гарантии, формирование корпоративной культуры, включающей особые методы разрешения проблем и принятия решений, кодекс ценностей, систему внутренних взаимоотношений, систему мотивации, оптимизировать сменяемость персонала.

Внешний имидж КСО. Сформировать благоприятный внутренний имидж; информировать заинтересованных лиц (органы власти, правоохранительные органы, органы государственного и муниципального финансового контроля и т.п.) и общественность о целях и задачах, планах, особенностях работы и ее результатах, достижениях. В процессе формирования имиджа важно демонстрировать общественности и заинтересованным группам, что говорит и делает КСО. В этих целях создать собственные информационные ресурсы, формировать механизмы связи со средствами массовой

информации; внедрить паблисити (регулярные публикации отзывов о деятельности КСО властной элиты, популярных людей, партнеров, заказчиков и потребителей результатов деятельности, представителей общественности, СМИ), встречи с общественностью; регулярно предъявлять обществу высокий (приемлемый) уровень удовлетворения КСО потребностей заказчиков и потребителей результатов их деятельности; определить и занять место в общественной жизни региона (спорт, культура, наука, благотворительность); продемонстрировать корпоративному сообществу высокий научный, методологический и методический, организационный уровень деятельности КСО, делиться наработками; создать фирменный стиль (одежда, сувениры, логотип, эмблема, иная внешняя атрибутика); учредить внутренние (ведомственные) награды, положение о награждении (почетные грамоты, благодарственные письма, звания, наградные знаки); регулярно проводить мониторинг имиджа, по результатам мониторинга принимать меры по регулированию факторов, ухудшающих имидж.

Имидж результатов деятельности КСО. Принять необходимые нормативные акты, определяющие требования к результатам деятельности (регламенты, стандарты, методики, положения, технологические карты, правила, нормы и т.п.); обеспечить качество результатов деятельности КСО, удовлетворяющее интересы и потребности заказчиков, потребителей; установить обратную связь с потребителями, заказчиками, гибко реагировать на изменения требований к результатам деятельности (качество, своевременность, достоверность и т.п.); обеспечить доступ общественности к информации о результатах деятельности КСО. Готовить специальные материалы в СМИ, отражающие в выгодном свете достижения, результаты деятельности органа внешнего контроля.

Заключение

Технологии управления, в частности, формирование миссии и имиджа организации, применимы в деятельности органов внешнего государственного и муниципального финансового контроля. Научные результаты данной статьи:

1. Предложена модель формирования миссии КСО государственного и муниципального уровней, которая структурно состоит из комплекса элементов, отражающих: цель существования КСО; услуги, которые он оказывает; целевые группы потребителей этих услуг; его отличительные особенности (конкурентные преимущества); философию; методы взаимодействия с обществом. Представлены соответствующие обоснования каждого элемента.

Шарин В. И., Кулькова И. А.

2. Предложена модель имиджа КСО, структурно состоящая из комплекса элементов, отражающих: имидж органа внешнего финансового контроля как организации (внешний имидж); внутренний имидж органа внешнего контроля, а также имидж результатов (продуктов) его деятельности. Предложен комплекс действий по формированию имиджа по каждому элементу модели.

Литература:

1. Dlacic J., Zabkar V. Relationship Commitment, Relational Equity and Company Image in Customer Loyalty Development // EKONOMSKA ISTRAZIVANJA-ECONOMIC RESEARCH. 2012. Vol. 25. №2. P. 503–523
2. Lemmink J.; Schuijf A.; Streukens S. The role of corporate image and company employment image in explaining application intentions // JOURNAL OF ECONOMIC PSYCHOLOGY. 2003. Vol. 24. № 1. P. 1–15
3. Li J.; Yu B.; Guo D. The Effect of Company Image on Perceived Quality: An Empirical Study in China / 2nd International Conference on Social Science and Education (ICSSE): Hong Kong, PEOPLES R CHINA, Dec 24–25, 2013. – Advances in Education Research. 2013. Vol. 47. P. 114–119
4. Райзберг Б. А., Фатхутдинов Р. А. Управление экономикой. Учебник. М.: Интел-Синтез, 1999.
5. Погосян Н. Д. Счетная палата Российской Федерации (конституционно-правовой статус): Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 1998.
6. Опенышев С. П., Жуков В. А. Сущность, цель, задачи и функции финансового контроля. // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 1999. № 12.
7. Измоленов А. К. Государственный и муниципальный финансовый контроль. // Конспект лекций для студентов. ГОУ ВПО Урал. Гос. Эконом. Университет, 2011 (на правах рукописи).
8. Чичелев М. Е. Организация работы региональных Счетных палат. Миссия Счетных палат. // Государственный аудит: опыт и проблемы. Ч. 1. М.: Контрольно-счетная палата Москвы, 2004.
9. Контрольно-счетные органы в Российской Федерации (в вопросах и ответах) // А. В. Коровников, Н. С. Столяров, К. В. Сурков, В. И. Шлейников. М.: Финансовый контроль, 2001.
10. Горегляд В. П. Внешний финансовый контроль – важнейшая часть системы государственного регулирования // Вестник АКСОР. 2007. №4.; 2008. №1.
11. Панкратова Н. Н. Система статистических показателей сферы услуг как сектора экономики // Вопросы статистики/ 1998. №4.
12. Тюленев И. С. Репутация организации как феномен современной социальной системы:

социально-философский аспект: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Иваново. 2012.

13. Пешина Э. А., Рыженков А. В. Формирование миссии и стратегической цели развития муниципального образования // Известия УрГЭУ. 2010. №4 (30).
14. Шарин В. И. Корпоративные технологии в деятельности контрольно-счетных органов: миссия организации // Вестник АКСОР. 2013. №1.
15. Двуреченских В. А. Национальный контроль. М.: Финансовый контроль, 2008.
16. Зайцев Л. Г., Соколова М. И. Стратегический менеджмент: учебник. М.: Магистр, 2010.
17. Попов В. Н. Системный анализ в менеджменте: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2011.

References:

1. Dlacic J.; Zabkar V. Relationship Commitment, Relational Equity and Company Image in Customer Loyalty Development // EKONOMSKA ISTRAZIVANJA-ECONOMIC RESEARCH. 2012. Vol. 25. №2. P. 503–523
2. Lemmink J.; Schuijf A.; Streukens S. The role of corporate image and company employment image in explaining application intentions // JOURNAL OF ECONOMIC PSYCHOLOGY. 2003. Vol. 24. № 1. P. 1–15
3. Li J.; Yu B.; Guo D. The Effect of Company Image on Perceived Quality: An Empirical Study in China / 2nd International Conference on Social Science and Education (ICSSE): Hong Kong, PEOPLES R CHINA, Dec 24–25, 2013. – Advances in Education Research. 2013. Vol. 47. P. 114–119
4. Raizberg B. A., Fathutdinov R. A. Management of economy. Textbook M.: ZAO Business School Intel-Sintez, 1999.
5. Pogosyan N. D. The Accounts Chamber of the Russian Federation (Constitutional and Legal Status) // Thesis for a Doctor's Degree in Law. M., 1998.
6. Openyshev S. P., Zhukov V. A. The essence, purpose, objectives and functions of financial control. // Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation. 1999. №12.
7. Izmodenov A. K. State and municipal financial control. // A summary of lectures for students. GOU of the Ural. Gos. Economy. University, 2011 (as a manuscript).
8. Chichelev M. E. Organization of the work of the regional Accounts Chambers. Mission of the Accounts Chamber. // State audit: experience and problems. Part 1. Moscow: Control and Accounting Chamber of Moscow, 2004.
9. Control and accounting bodies in the Russian Federation (in questions and answers) // A. B. Korovnikov, N. S. Stolyarov, K. V. Surkov, V. I. Schleynikov. Under the Society. M.: Financial control, 2001.
10. Goreglyad V. P. External financial control is the most important part of the system of state regulation // Vestnik AKSOR. 2007. №4.; 2008. №1.

Шарин В. И., Кулькова И. А.

11. Pankratova N. N. The system of statistical indicators of the service sector as a sector of the economy // Problems of Statistics. 1998. №4.
12. Tyulenev I. S. Reputation of the organization as a phenomenon of the modern social system: socio-philosophical aspect: Abstract of the thesis for the degree of Candidate of Philosophy. Ivanovo. 2012.
13. Peshina E. A., Ryzhenkov A. V. Formation of the mission and the strategic goal of the development of the municipal formation // Izvestiya UrGEU. 2010. №4 (30).
14. Sharin V. I. Corporate technologies in the activities of control and accounting bodies: the mission of the organization // Vestnik AKSOR. 2013. №1.
15. Dvurechensky V. A. National control. M.: Financial Control, 2008.
16. Zaitsev L. G., Sokolova M. I. Strategic management: a textbook. M.: Master, 2010.
17. Popov V. N. System analysis in management: a textbook / V. N. Popov, V. S. Kasyanov, I. P. Savchenko. M.: Knorus, 2011.

ВЕНЧУРНЫЙ ПРОЦЕСС И РАСШИРЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО ВЕНЧУРНОГО КАПИТАЛА

Касымов А. Ш.

аспирант факультета государственного управления, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия), 119991, Россия, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, azrksmov@gmail.com

УДК 330.142
ББК 65.011.15

Цель. Статья посвящена кругообороту венчурного капитала.

Научная новизна и результаты. В данном исследовании основной гипотезой является положение о том, венчурный капитал на любой стадии воспроизводства является действительным капиталом (самовозрастающей стоимостью). Инновационное воспроизводство активно стимулирует венчурный капитал, кардинально изменяя качество и темпы экономического роста.

Ключевые слова: процесс воспроизводства, капитал, производительный капитал, фиктивный капитал.

THE VENTURE CAPITAL PROCESS AND THE EXPANDED REPRODUCTION OF VENTURE CAPITAL

Kasymov A. Sh.

graduate student of the Faculty of Public Administration, Moscow State University named after M. V. Lomonosov (Russia), 119991, Russia, Moscow, Lomonosovsky Prospekt, 27, bldg. 4 azrksmov@gmail.com

Purpose. The article is devoted to the circumnavigation of venture capital.

Scientific novelty and results. In this study, the main hypothesis is the thesis that venture capital at any stage of reproduction is a real capital (self-increasing value). Innovative reproduction actively stimulates venture capital, drastically changing the quality and pace of economic growth.

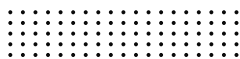
Key words: the process of reproduction, capital, productive capital, fictitious capital

Актуальность исследования венчурного капитала с позиций воспроизводственного подхода

Тенденции развития мировой и национальной экономики последних лет, ранее не предсказанные экономической наукой (Мейнстрим), но проявившиеся в период последних экономических кризисов, существенно влияют на закономерности современного развития: это феномен «долговой экономики», конрцикличность мирового экономического развития, а также «большой трансформационный цикл» [1], пройденный отечественной экономикой. Параметры расширенного воспроизводства и структура финансовой системы, как в глобальном, так и в национальном масштабе, изменились после мирового финансового кризиса 2008–2009 годов: проблема рецессии, обусловленная

нехваткой собственных и недоступностью заемных ресурсов, поднимает вопрос о необходимости расширения инвестиционного компонента, формирования инструментов финансирования инновационного развития посредством активного привлечения сбережений [2]. Также из-за усиления угрозы национальной экономической безопасности страны возрастает необходимость структурной перестройки пропорций народного хозяйства для обеспечения самостоятельного расширенного воспроизводства на инновационной основе.

Производство инновационного продукта (товара) должно рассматриваться в единстве с обращением, в связи с чем, для России актуализируется задача формирования внутреннего спроса на инновации и форсированного инновационного развития на основе совместного финансирования государством и частным бизнесом высокотехнологичных проектов. Отсутствие

спроса на инновационные товары свидетельствует отнюдь не о «том, что в них перестали нуждаться, а в том, что производительной силе общества не соответствует его потребительная сила. Сумма стоимости товаров и услуг, сконцентрированных на стороне предложения, превышает стоимость, сконцентрированную в виде доходов на стороне спроса» [1].

Выработка эффективного механизма финансирования инновационных разработок и их коммерциализации становится ключевым фактором в мировой глобальной гонке, однако зависит от особенностей целого ряда условий и факторов, определяющих экономическое развитие той или иной страны: типа рыночной экономики, характера государственного управления, модели финансовой системы, особенностей инновационной системы и т.д. Ведущие индустриальные державы активно используют механизмы фондового, кредитного, государственного, венчурного финансирования с учетом национальных особенностей ведения хозяйства и экономических укладов. Для перехода России к инновационному типу расширенного воспроизводства необходимо формирование «общероссийского народнохозяйственного комплекса, единого общенационального воспроизводства» [3]. В числе прочих источников финансирования инноваций необходимо уделить особое внимание венчурному капиталу, позволившему поднять уровень коммерциализации научных исследований и разработок в развитых странах на недостижимый пока для национальной экономики уровень.

В многочисленных исследованиях последних лет указывается на отсутствие единого подхода к категории «венчурный капитал». Это обусловлено многогранностью исследуемого понятия, рассматриваемого как в узком (капитал венчурного фонда или капитал, инвестируемый в конкретный проект), так и в широком (капитал, обслуживающих инновационный процесс) смысле. В экономической науке преобладает финансовый подход к исследованию венчурного капитала, при котором он изучается в контексте «венчурного финансирования», «венчурного бизнеса», «венчурного инвестирования». Являясь более емким, понятие «венчурный капитал» не укладывается в традиционное понимание общественного воспроизводства как линейного процесса производства, распределения, обмена и потребления совокупного продукта на основе разделения труда, рыночного обмена и частной собственности на средства производства. Актуализируется

задача исследования теоретического содержания венчурного капитала с позиции воспроизводственного подхода в качестве феномена экономических отношений инновационной экономики. Данное обуславливает потребность обратиться к методологии марксизма¹ и проводить исследование воспроизводства венчурного капитала с позиции развития производительных сил и производственных отношений.

Воспроизводство общественного капитала в контексте предпосылок обращения венчурного капитала

Капитал был и остается исходным и конечным пунктом своего существования, основным отношением современной экономики, господствующей (по выражению К. Маркса) над всем экономической силой буржуазного общества. Категория общественного капитала наиболее полно исследована в фундаментальном труде «Капитал», где были рассмотрены содержание, конкретные формы функционирования и движения. Капитал рассматривается в качестве определенной формы общественных отношений, которую принимают средства производства; средства эксплуатации и самовозрастающей стоимости; движение стоимости превращает её (стоимость) в капитал [5]. Капитал рассматривался К. Марксом на уровне физического бытия в качестве средств производства, являющегося источником прибавочной стоимости и источником капитала; в стоимостном бытии капитал – в разделении постоянного (средства производства и средства труда), не меняющего своей стоимости, и переменного, меняющего стоимость и производящего собственный эквивалент и прибавочную стоимость; внутренняя структура промышленного капитала изучалась в единстве производительной, денежной и товарной форм; общественный капитал – в единстве промышленного, ссудного (банковского) и торгового капитала. При этом аргументировалась первичная и доминирующая роль промышленного, создающего прибавочную стоимость (феномен прибавочной стоимости был рассмотрен с позиции трудовой теории стоимости). Движение капитала – одна из главных характеристик, а смена форм – «кругооборот, неизменно проходящий одни и те же последовательные фазы, образует обращение капитала». Основным источником капитала, подразделяемого на постоянный

¹ По убеждению А. В. Бузгалина и А. И. Колганова «как методология марксизм соединяет в себе социофилософский материализм (предполагающий обращение в общественных науках к исследованию не столько субъективного индивидуального поведения, сколько объективных общественных отношений и процессов и человека как их персонификации и субъекта, с одной стороны, и (2) диалектический, историко-системный подход, ориентированный на различение содержания и форм (в том числе – превратных), анализ не только функционально-количественных взаимосвязей, но и качественных исторически-конкретных трансформаций, – с другой [4].

(стоимость средств производства) и переменный (стоимость рабочей силы), называлось промышленное производство. Менее значимым для К. Маркса являлся торговый капитал, выступающий в единстве товарной и денежной форм и порождающий торговую прибыль, выступающую, в свою очередь, частью прибавочной стоимости. Роль ссудного капитала, представленного денежной формой, еще менее значима и его связь с другими формами капитала скрытая, при этом движение ссудного капитала порождает фиктивный капитал [5]. Банковский процент и торговая прибыль являются видоизмененными формами прибавочной стоимости.

Исходным моментом исследования К. Марксом категории «капитала» стала форма движения капитала. Он указал на особенность функционирования обеих частей капитала: постоянный (средства производства, предпосылка самовозрастания стоимости) переносит стоимость на вновь произведенный продукт; переменный (рабочая сила) отдает ее частями и по окончании производственного цикла должна быть восполнена¹. Капитал создает новую стоимость, которая включает в себя эквивалент стоимости рабочей силы и прибавочную стоимость. Именно учение Маркса «о базисе и надстройке, производительных силах и производственных отношениях, об их диалектическом развитии и противоречиях, в которые они вступают на известной ступени развития» впервые указало на то, что «производственные отношения ... являются генетически развивающейся системой» [6]. К. Марксом был сделан вывод о фиктивном капитале как отражении «противоречий накопления капитала в реальном секторе» [7]. Наиболее важной являлась установленная зависимость между занятостью населения и инвестиций в обновление основного капитала (читай: инновационную деятельность): инвестиционная деятельность определялась как форма накопления капитала (материальной базы); инвестиции – функция прибыли; прибыль – основной регулятор инвестиционных потоков [5]; инновации – средство, способствующее развитию инвестиционной деятельности.

К. Маркс особую роль уделял, во-первых, отношению между наемным трудом и капиталом (выступающими в качестве факторов производства), превращающемуся в специфическое отношение между работниками и капиталистами-предпринимателями; во-вторых, проблеме вновь созданной стоимости и характеру ее присвоения; в-третьих, отношениям собственности.

В современном понимании трактовки капитала как фактора производства и как отношения существенно

различаются. В качестве фактора производства – совокупности вещественных элементов (денежного актива, имущества, ресурса и т.д.) – капитал используется для получения прибыли. С другой стороны капитал характеризуется через отношения, в философском понимании как субординированность (соподчиненность) и взаимоопределенность при взаимодействии субъектов. Экономические отношения выступают как соподчиненные взаимодействия субъектов относительно друг друга в воспроизводственном процессе.

На трансформацию сущности капитала, в частности на новое содержание подчинения труда и человека капиталу и изменения в процессе воспроизводства, указывают А. В. Бузгалин и А. И. Колганов, рассматривая этот вопрос на примере логики и содержания «Капитала». По их мнению, именно этот труд дает важные методолого-теоретические «подсказки» для анализа современных производственных отношений «рыночной экономики», таких, как товар и деньги («способ координации»), капитал (отношения присвоения и отчуждения факторов производства), распределение дохода (заработная плата, прибыль), отношения воспроизводства [8].

Воспроизводственный подход к исследованию венчурного капитала

Начнем с анализа определения. «Венчурный капитал – это инновационное авансирование капитала на беспроцентной основе, функционирующее в сфере высокотехнологичного производства и представляющее собой не единовременный акт, а постоянно (длительный срок) совершающийся кругооборот капитала, сопряженный с высокой степенью риска, распределенной между тем, кто авансирует и тем, кто производит и существующий в трех функциональных формах – денежной, производительной и товарной» [9].

Во-первых, в данном определении не определены цели инновационного авансирования. Выделение из финансового капитала обособленной части – венчурного капитала (инновационное авансирование) – изначально действительно осуществляется на беспроцентной основе, но имеет целью получение высокой добавленной стоимости (сверхприбыли) в будущем.

Во-вторых, не определены принципы авансирования, основными из которых можно назвать следующие:

- отношения участников носят характер сотрудничества по достижению общей цели – кратной капитализации авансированного капитала;

¹ В комментариях к «Капиталу» К. Маркса Розенберг указывает, что «вновь созданная стоимость частично идет на возмещение стоимости рабочей силы, которую капиталист уплачивает рабочему в форме заработной платы», [10].

- инвестирование носит целевой характер и подлежит контролю вплоть до «выхода» капитала из проекта;
- объект инвестирования проходит процедуры тщательного отбора в контексте поиска инновационного проекта, способного принести высочайший доход в будущем;
- производство ориентировано на минимизацию индивидуальных издержек в сравнении с общерыночными, поскольку выход на рынок с инновационным продуктом обеспечивает монопольное положение (рис. 1) [5, 7].

В венчурной компании наиболее ярко проявляется производственная кооперация¹ и разделение труда инноваторов, венчурных капиталистов и др. лиц, обеспечивающая значительное увеличение производительности труда по сравнению с традиционным экономическим субъектом.

Применительно к венчурному капиталу актуально утверждение о том, что «кооперация является одной из форм концентрации и централизации капитала, она усиливает подчинение одних предприятий другим, углубляет внутри- и межотраслевую специализацию, способствует совершенствованию механизма управления» [10, с. 95].

Экономические отношения по поводу условий сотрудничества между предпринимателем-инноватором и инвестором юридически закрепляются договором, носящим гражданско-правовой характер. Предмет договора составляют экономические отношения, опосредующие инвестиционную деятельность (передача инноватору денежных средств в обмен на получение дохода в виде инновационного объекта), с одной стороны, с другой – общественные отношения по поводу разработки и передачи инвестору по окончании выполненных работ высокотехнологичной продукции (инновационного объекта), связанные единым инновационным циклом. Договор раскрывает механизм закрепления прав на объекты интеллектуальной собственности, полученные в результате исполнения договора; содержит положения о результатах исполнения (либо отрицательном результате) соглашения.

Между тем, технический прогресс (четвертый технологический уклад) вывел производительность труда на высочайший, в сравнении со всеми предшествующими укладами уровень. Ограничение возможностей получения прибавочной стоимости за счет вовлечения дешевой рабочей силы, повышения продолжительности и/или интенсивности труда и т.п. подталкивает капитал на использование новой техники. При этом капитал заинтересован в развитии сфер технического

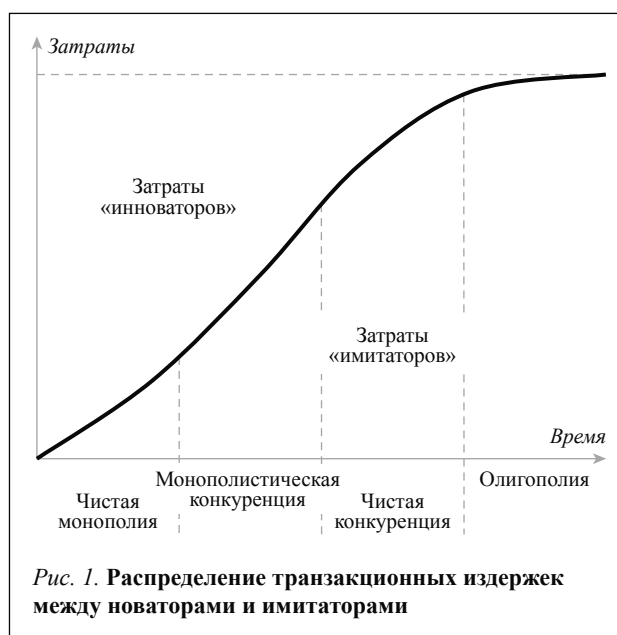

Рис. 1. Распределение транзакционных издержек между новаторами и имитаторами

прогресса, приводящих к преимущественному росту прибавочной стоимости. Целью капитала не является «всего лишь» увеличение объемов и качества общественных благ. Собственность на средства производства в руках капиталиста создает формально-правовые предпосылки к отчуждению от работника, во-первых, средств производства, во-вторых, отделение качества рабочей силы и его превращение в товар, продаваемый собственнику капитала. Капитал в качестве особого производственного отношения подчиняет трудовой процесс, управляя интенсивностью труда. Системообразующим атрибутом капитала является стремление к инновациям, обеспечивающим производительность труда собственного предприятия выше общественной производительности труда.

Изложенное позволяет согласиться с позицией, согласно которой объективные стимулы технического прогресса вытекают не из доброй воли предпринимателя и его врожденных качеств (Й. Шумпетер), а из природы производственных отношений и процесса эксплуатации (К. Маркс) [11].

Переход к новым экономическим укладам, и инновационные технологии обеспечивают странам «золотого миллиарда» возможность в глобальном измерении изымать у трудящихся третьего мира не только прибавочный, но и часть необходимого продукта. При этом в цену собственной рабочей силы «профессионалов» и «интеллектуалов» включается не только

¹ Понятие «кооперация» широко встречается в трудах К. Маркса и рассматривается, прежде всего, в контексте совместного труда множества лиц, планомерно работающих и взаимодействующих друг с другом в рамках единого производства (Прим. авт.).

Касымов А. Ш.

необходимый труд, но и часть прибавочной стоимости, облекаемой в форму заработной платы. Высокий уровень образования работников в развитых странах обеспечивает высокий поток доходов и становится объективным условием накопления капитала и выделения специфической формы капитала – венчурного (высокорискового и высокодоходного).

Воспроизводство общественного капитала предполагает, что произведенным в обществе товарам должен соответствовать встречный поток доходов:

- части стоимости основного капитала (машины, оборудование), перенесенного на вновь произведенный продукт должен соответствовать эквивалент вновь произведенных средств производства;

Таблица 1. Кругооборот венчурного капитала (составлено автором)

Кругооборот венчурного капитала	Функциональные формы венчурного капитала		
	денежный капитал	производительный капитал	товарный капитал
Стадии	$D - T(P_c, C_p) - P - T' - D'$	$P - T' - D' - T'(P_c', C_p') - P'$	$T' - D' - T'(P_c', C_p') - P' - T''$
Содержание	Образование венчурного капитала (инновационное авансирование) на беспроцентной основе)	Производство инновационного продукта (самосозрастание авансированной стоимости) – создание цепочек высокой добавленной стоимости	Обращение инновационного товара (реализация возросшей капитальной стоимости)
Сфера функционирования	Сфера обращения (валютно-монетарный сектор)	Сфера производства (технический сектор)	Сфера обращения (торговый сектор)
Содержание	Превращение денежной формы в товарную – объединение трех равнозначных видов капитала (материального, интеллектуального и предпринимательского) для вовлечения в процесс создания высокой добавленной стоимости. Подготовка условий: • поиск объектов инвестирования; • привлечение рабочей силы; • приобретение средств производства	Превращение товарной формы в технико-технологическую (технический капитал), соединение специфических факторов производства, сращивание производительного, интеллектуального и человеческого капитала, капитализация научных знаний. Создание трудом рабочих* инновационного продукта сопровождается реальным увеличением авансированной стоимости. Возрастает творческий потенциал «интеллектуала»-инноватора, и «профессионала»-менеджера.	Превращение технико-технологической формы в товарную. Превращение инновационного продукта в конкурентоспособный инновационный товар, признанный рынком. Реализация товара и превращение товарной формы капитала в денежную. Прибавочная стоимость подтверждает себя как стоимость (а не просто затраты труда). Присвоение прибавочного продукта венчурным капиталистом**
Участники и акторы	Венчурный инвестор, инноватор, венчурный капиталист, венчурный фонд, компания-реципиент, венчурные агенты	Инноватор, венчурный капиталист, поставщики, подрядчики, работники компании, государство	Венчурный инвестор, компания-реципиент, венчурный фонд, покупатели, государство
Отношения	Отношения по поводу: • отбора проектов; • условий сотрудничества; • формирования совместного капитала; • правил защиты интересов; • правил управления проектом; • правил «выхода» из капитала	Отношения по поводу: • реального воплощения инновационной идеи; • производства инновационного продукта; • уплаты текущих налогов и получения и налоговых льгот; • дополнительных траншей финансирования;	Отношения по поводу присвоения прибавочной стоимости в процессе обмена: • продажи инновационного товара; • уплаты налогов; • распределения выручки; • перераспределения чистого дохода; • концентрации капитала

* Под трудом рабочих подразумевается интеллектуальный и физический труд инноватора, менеджеров проекта, рабочих и проч. (Прим. авт.)

** Инноваторы являются собственниками инновационного бизнеса, однако остается вопрос: они также присваивают часть прибавочного продукта? (Прим. авт.)

- части стоимости переменного капитала (рабочей силы) – поток предметов потребления, удовлетворяющих фундаментальные жизненные потребности;
- величине созданной прибавочной стоимости – высококачественные продукты потребления (предметы роскоши) [11].

Насыщенность получателями прибавочной стоимости фундаментальных потребностей и потребностей в роскоши позволяет часть прибавочной стоимости вкладывать в высокорисковый (венчурный) капитал в надежде получения дополнительных сверх прибылей.

Применительно к венчурному капиталу актуализируется утверждение К. Маркса, что необходимым и достаточным условием воспроизводства капитала являются отношения производства прибавочной стоимости трудом и ее присвоения капиталом (отношения эксплуатации). Развитие технического прогресса, проявляющегося в росте органического строения капитала, сопровождается повышенным спросом на средства производства в большей степени, чем спрос на рабочую силу, стоимость которой, наоборот, снижается. Венчурный капитал позволяет сокращать издержки ниже общественно-нормального уровня и получать желанную (для венчурных инвесторов) избыточную прибавочную стоимость.

К. Маркс вывел всеобщую формулу капитала $D-T-D'$, определив феномен «капитала» как самовозрастающую стоимость и теоретически доказав, что это видимость капитала. Венчурный капитал – обособленная часть и особая форма движения капитала. Ему присущи конституирующие свойства капитала, как ресурса ограниченного, накапливаемого, обладающего стоимостью и ликвидностью, динамичного и воспроизводящегося в процессе кругооборота форм; порождающего добавленную стоимость при конвертации форм.

Венчурный капитал, находясь в постоянном кругообороте и последовательно принимая функциональные формы капитала (денежную, производительную и товарную), «живет» только в высоко рисковом технико-технологическом секторе, имея целью получение высокой добавленной стоимости и изменяя характер воспроизводственного процесса от расширенного воспроизводства к расширенному инновационному.

Объективными предпосылками воспроизводства венчурного капитала являются закономерности развития инновационных процессов: в инновационном сегменте реального сектора возникает спрос на рискованный финансовый капитал; финансовый сектор обладает свободными финансовыми капиталами, готовыми удовлетворить спрос на рискованные инвестиции;

инноваторы «инвестируют» в венчурный бизнес свои креативные способности.

Венчурный капитал опосредует отношения доверия по поводу совместного владения высокорисковыми активами и возврата кратно капитализированного инвестированного капитала (табл.). В структуре венчурного капитала, как и классического промышленного, также просматриваются элементы постоянного и переменного капиталов. Постоянным капиталом становятся средства производства (основные и вспомогательные материалы, средства труда). Переменным капиталом выступает человек, вернее творческий потенциал человека («интеллектуала»)-инноватора, «профессионала»-менеджера). Создающие стоимость производители труда на всех этапах воспроизводства венчурного капитала остаются подконтрольными венчурному капиталисту, представляющему интересы *капитала*¹.

Венчурный капитал предполагает обращение не только как капитала, принимающего форму промышленного, финансового и торгового капиталов, но и вовлечение, как принято называть, «капиталов высшего порядка»: символического (общественное признание); интеллектуального приобретаемого (компетенции, деловая репутация, активность, отношения, связи; запас знаний, навыков и мотиваций) и интеллектуального «заложенного» (креативность, творческий потенциал), отражающего потребности самоактуализации), «не являющихся капиталом по своей сущности, но имеющих видимость капитала» [3].

Перейдя из фазы денежной в производительную, венчурный капитал, и распадается на постоянный и переменный. Стоимость постоянного капитала (машины, оборудование, сырье) в процессе производства остается неизменной и переносится на конечный продукт, соответственно не создает прибыль; прибавочная стоимость создается переменным капиталом.

Тезис К. Маркса о двойственном характере труда позволяет объяснить «миссию» конкретного труда (перенос стоимости постоянного капитала) и абстрактного труда, создающего новую прибавочную стоимость. Теоретические абстракции «человеческий капитал» и «интеллектуальный капитал» являются лишь видимостью капитала и не имеют общей природы с собственно капиталом как самовозрастающей стоимостью. Они лишь маскируют новое качество абстрактного труда вуалируя процесс эксплуатации, обеспечивающий присвоение прибавочной стоимости, поскольку принципиально невозможно дать количественную оценку труду инноватора (творческого работника) и менеджера инновационного проекта. Результатом их деятельности в процессе производства, организованного

¹ В более широком смысле труд всегда остается подконтрольным *капиталу* (курсив авт.).

Касымов А. Ш.

собственником средств производства, будет продукт, заданный *капиталом*, с качествами, предопределенными *капиталом*. Можно лишь констатировать, что их креативные качества данных акторов являются дорогостоящим товаром и характеризуют (внешнюю) мотивацию, денежную оценку которой дают рынок и общество. Внутренняя мотивация (внутренние стимулы к творчеству) не поддается оценке, может существенно превышать действительную стоимость воспроизводства креативных качеств. Она достается собственнику капитала даром, обеспечивая возможность паразитировать на внутренней мотивации [3]. Творческий труд инноватора и предпринимательский труд менеджера проекта образуют действительное (не симулятивное) общественное богатство, получающее в условиях тотального рынка форму стоимости.

Вклад инноватора в виде «интеллектуального» или «человеческого» капитала, оценку которому дает инвестор (признает или не признает стоимость данного капитала), является абстракцией, поскольку только стадия обмена покажет, что рынок признал продукт (до этого момента имеют место лишь затраты труда). Остается открытым вопрос: участие инноватора в капитале инновационной компании «интеллектуальным капиталом» признаваемым инвестором, позволяет в случае признания рынком инновационного товара получить и самому часть прибавочного продукта? Или участие в капитале создает иллюзию получения части прибавочного продукта, а инноватор лишь получает компенсацию за труд, поскольку труд инноватора на всех этапах кругооборота капитала остается подконтрольным капиталу.

Таким образом, венчурному капиталу присущи конституирующие свойства *капитала*, как ресурса ограниченного, накапливаемого, обладающего стоимостью и ликвидностью, динамичного и воспроизводящегося в процессе кругооборота форм; порождающего добавленную стоимость при конвертации форм, что подтверждает его природу как действительного, а не фиктивного капитала. Экономические отношения по поводу воспроизводства венчурного капитала обуславливают технологический прогресс и прогресс производительных сил.

В качестве роли, которую играет венчурный капитал в общественном воспроизводстве можно назвать: обслуживание интересов инноваторов и венчурных капиталистов в процессе коммерциализации результатов научно-технической деятельности, распределение рисков посредством передачи опыта ведения инновационного бизнеса, стимулирование инновационной деятельности в экономике реализуется через стимулирование НИОКР, развитие науки и образования; ускорение темпов научно-технического прогресса и потребления за счет вывода на рынок новых продуктов

и услуг, а также многие другие социально-экономические последствия.

Уходя из сферы инновационного производства венчурный капитал либо «умирает», теряя присущие ему признаки «высочайший риск с целью получения высочайших прибылей», либо, обслуживая процесс расширенного воспроизводства, превращается в финансовый капитал, приняв денежную форму.

Литература:

1. Хубиев К. А. Теоретические контуры разработки новой экономической теории // XXIII Кондратьевские чтения: тупики глобальной экономики, поиск новой научной парадигмы. Сборник статей участников конференции. 2015.
2. Бархатов В. И. Устойчивое развитие национальной экономики России в современных условиях // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. №9. С. 5–11.
3. Черковец В. Н. Возрождение актуальности теоретических исследований классических проблем воспроизводства и востребованность их результатов стратегией социально-экономического развития России. [электронный ресурс]. URL: <https://istina.msu.ru/media/publications/article/e3e/4e7/20133109/Tezisyi.pdf> (дата обращения 14.11.2017)
4. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I, кн. 1. М.: Политиздат, 1967. 908 с.
5. Розенберг Д. И. Комментарии к «Капиталу» К. Маркса. М.: Экономика, 1984. 720 с.
6. Дзарасов Р. С. Как оценивать национальное богатство? // Проблемы прогнозирования. 2014. №6 (147) [электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kak-otsenivat-natsionalnoe-bogatstvo> (дата обращения: 06.12.2017).
7. Бугалин В. А. Колганов А. И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. I. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). М.: ЛЕНАРД, 2015. – 640 с.
8. Алексеев Д. С. Венчурный капитал: понятие и его разграничение на реальный и фиктивный // Проблемы современной экономики, N 3 (59), 2016. [электронный ресурс]. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=5849> (дата обращения 14.11.2017)
9. Горшенин В. П. Управление инновационным потенциалом персонала корпорации: монография. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. 287 с.
10. Довбий И. П. Кредитование инновационной деятельности в системе государственно-частного партнерства: монография. М.: ВЗФЭИ, 2010. – 160 с.
11. Панченко В. И. Интернационализация производства и эволюция мировых товарных рынков. М.: «Международные отношения», 1980. 216 с. С. 95.

12. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Эксплуатация XXI века. От наемного рабочего и прибавочной стоимости к «креативному классу» и интеллектуальной ренте? // Свободная мысль. 2012. № 7/8. С. 125–158.

References:

1. Hubiev K. A. Theoretical outlines the development of a new economic theory // XXIII Kondratieff read: stubs of the global economy, the search for new scientific paradigms a Collection of articles of conference participants. 2015.
2. Barkhatov V. I. Sustainable development of Russia's national economy in modern conditions // Vestn. Chelyaba. state. Univ. Ser. Economy. 2014. № 9 (338). P. 5–11.
3. Cherkovets V. N. The revival of the relevance of theoretical studies of the classical problems of reproduction and the relevance of their results by the strategy of socio-economic development of Russia. [e-resource]. URL: <https://istina.msu.ru/media/publications/article/e3e/4e7/20133109/Tezisyi.pdf> (date of reference 14.11.2017)
4. Marx K. Capital. Critique of political economy. vol.1. M.: Politizdat, 1967. 908 p.
5. Rosenberg D. I. Comments to the "Capital" of Karl Marx. M.: Economics, 1984. 720 p.
6. Dzarasov R. S. How to estimate national wealth? // Problems of forecasting. 2014. № 6 (147).
7. Buzgalin A. V., Kolganov A. I. Golbal Capital. In 2 volumes. M.: URSS, 2015. Vol. 1. [e-resource]. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=5849> (date of reference 14.11.2017).
8. Alekseev D. S. // Problems of modern economics. № 3 (59). 2016. P. 59
9. Gorshenin V. P., Management of innovative potential of personnel of Corporation: monograph. Chelyabinsk: SUSU, 2006. 287 p.
10. Dovbiy I. P. Loans to innovative activities in the public-private partnership : monograph. M.: VZFEI, 2010. 160 p.
11. Panchenko, V. I. the Internationalization of production and the evolution of world commodity markets. M.: International relations, 1980. 216 p.
12. Buzgalin A. V., Kolganov A. I. (2012) The exploitation of the XXI century // Svobodnaya mysl'. 2012. № 7–8. P. 125–140.

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИСКУССИОННЫХ ВОПРОСОВ ИЗМЕРЕНИЯ И ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Ионова Н. В.

старший преподаватель кафедры финансов и кредита, Международный институт экономики и права (Россия), 105082, Россия, Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, IonovaNW@yandex.ru

УДК 331.101.26
ББК 65.240

Цель. Исследование противоречий, ограничений, проблематики как в понимании процессов измерения человеческого капитала, так и в методологии его оценки.

Методы. Исследование выполнено на основе анализа подходов отечественных и зарубежных авторов к оценке и измерению человеческого капитала. В процессе изучения затронутых вопросов использованы общенаучные методы исследования, приемы формальной логики, а также такие методы как анализ, сравнение, обобщение и системный подход.

Результаты. Выстроены причинно-следственные взаимосвязи основных проблем в сфере производительности труда, роста экономики с фундаментальными подходами к оценке и измерению человеческого капитала. Выявлены основные противоречия в методах и подходах, используемых для количественного анализа многогранной категории человеческого капитала.

Научная новизна. Раскрыты противоречия, затрудняющие использование единого методического подхода к измерению человеческого капитала. Разработан комплексный подход к систематизации методов расчета показателей измерения человеческого капитала и выработки базовых параметров для совершенствования методических подходов к оценке человеческого капитала для целей корректного и эффективного управления на всех уровнях воздействия.

Ключевые слова: человеческий капитал, производительность труда, трудовые ресурсы, человеческий потенциал.

FINANCIAL AND ECONOMIC ASPECTS OF DISCUSSION ISSUES OF MEASUREMENT AND EVALUATION OF HUMAN CAPITAL

Ionova N. V.

Senior Lecturer, Department of Finance and Credit, International Institute of Economics and Law (Russia), 105082, Russia, Moscow, Rubtsovskaya nab., 3, p. 1, IonovaNW@yandex.ru

Purpose. Study of contradictions, limitations, problems both in understanding the processes of measuring human capital, and in the methodology for its evaluation.

Methods. The study was carried out on the basis of an analysis of the approaches of domestic and foreign authors to the evaluation and measurement of human capital. In the process of studying the issues raised, general scientific methods of research, methods of formal logic, as well as methods such as analysis, comparison, generalization and system approach were used.

Results. Cause-effect relationships of the main problems in the field of labor productivity, economic growth with fundamental approaches to the evaluation and measurement of human capital are built. The main contradictions in the methods and approaches used for quantitative analysis of the multifaceted category of human capital have been revealed.

Scientific novelty. Discrepancies are revealed that make it difficult to use a single methodological approach to measuring human capital. An integrated approach to the systematization of methods for calculating human capital metrics and developing basic parameters for improving methodological approaches to the assessment of human capital for the purposes of correct and effective management at all levels of impact is developed.

Key words: human capital, labor productivity, labor resources, human potential.

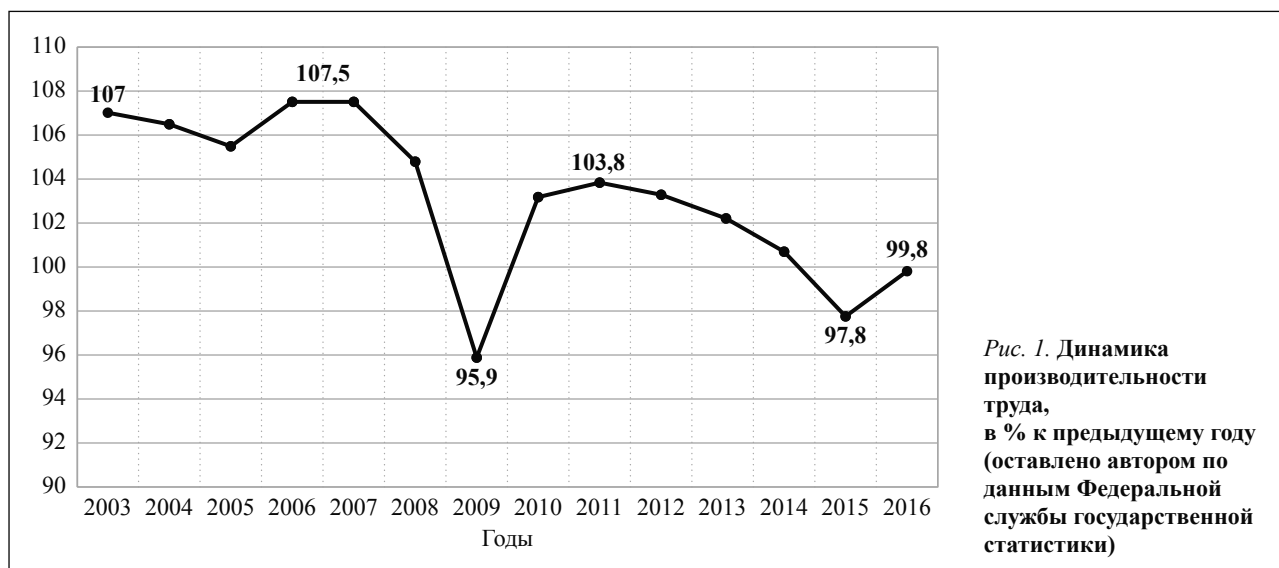

Рис. 1. Динамика производительности труда, в % к предыдущему году (оставлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики)

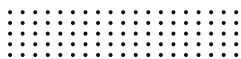
Несбалансированность отечественной инновационной системы ученые объясняют наличием неустраняемых «инновационных разрывов»: институциональных (скорость производства знаний отстает от развития технологий), отраслевых (разбалансированность технологического развития), социальных (доступ к инновациям), региональных (поляризация по инновационной активности), ценовых (институализация природной ренты, определяющей цены естественных монополий), трансформационных (разбалансировка финансового и реального секторов), инвестиционных (потребность в инвестициях и отток капитала за рубеж), временных (провал между созданием и внедрением инновации)[1]. К названному следует причислить еще один, определяющий проблему функционирования в России человеческого капитала разрыв между высоким образовательным потенциалом и малой эффективностью реализации. В определенной степени это обусловлено, по мнению Р. И. Капелюшниковой, что в 2000-е годы Россия пережила «феноменальный образовательный рывок», однако «образовательная структура российского населения резко смещена в пользу носителей высокой формальной подготовки» [2]. Последний довод во многом объясняет сложность реализации образовательного аспекта человеческого капитала, а также недопустимо низкую¹ производительность труда в национальной экономике (рис. 1). Относительно высокие темпы роста производительности вплоть до 2008 г. объясняются низкой базовой позицией, сформировавшейся после кризиса 1998 г.)

Стагнирующая производительность труда поднимает вопрос о поиске эффективных механизмов и методов наращивания человеческого капитала с целью преодоления сложившихся в национальном хозяйстве инновационных разрывов.

Теоретическим аспектам измерения человеческого капитала посвящено множество исследований. Первое приближение к решению задачи оценки человеческого капитала можно увидеть в трудах К. Маркса, который с позиции трудовой стоимостисвязывал стоимость человеческого ресурса со стоимостью производимого им труда [3]. Яркий представитель неоклассической школы И. Фишер считал, что от любого вида капитала, в том числе и человеческого, основная форма дохода – процент. И величину применяемого капитала можно определить через дисконтируемую сумму будущих доходов.

Оценка суммарного имущественного дохода человека лежит в основе подхода, предложенного нобелевским лауреатом М. Фридмана, который считал, что человеческий капитал формирует некий фонд из ожидаемых доходных поступлений. Ученик М. Фридмана и родоначальник теории человеческого капитала Г. Беккер предложил оценивать данный вид капитала через заработную плату и доходы на инвестиции в человека, принимая что величину человеческого капитала можно измерить в денежном выражении и определить эквивалентом инвестиций в образование, здравоохранение и проч. [4]. По мнению Т. Витстейна, который сформулировал свои воззрения на базе идей

¹ Относительно высокие темпы роста производительности вплоть до 2008 г. объясняются низкой базовой позицией, сформировавшейся после кризиса 1998 г. (Прим. авт.)

Ионова Н. В.

У. Фарра и Э. Энгеля, заработная плата за всю жизнь индивида равна затратам на его образование и содержание. В 1980-е годы зарубежными исследователями была исследована зависимость между инвестициями компании в образование сотрудников и динамикой их оплаты труда, эффективности работы и географической мобильностью [5]. Одновременно осуществлялась активная диффузия экономики в информатику, социологию, культурологию и другие сферы [6]. Получили развитие такие области знаний, как экономика образования, экономика интеллектуальной собственности, экономика знаний. Отечественные исследователи рассматривали человеческий капитал как определенный запас знаний, мотиваций и способностей, присущих человеку, требующих затраты на текущее потребление и поддержание в должном состоянии. С другой стороны, человеческий капитал является источником доходов и заработной платы [7]. Таким образом, укрупненно фундаментальные подходы к оценке стоимости человеческого капитала можно разделить на доходные и затратные.

В среде практиков – представителей национальных статистических агентств распространено мнение, что количественное статистически достоверное измерение человеческого капитала можно осуществить лишь в тесной связи с определенным контекстом. Стоит отметить, что разработка общего интегрального показателя уровня человеческого капитала невозможна в силу многогранности категории и разноплановости её проявления. Многогранность категории человеческого капитала и междисциплинарные подходы к её исследованию объясняют сложность разработки методических инструментов для оценки капитала и измерения.

Отсутствие единого измерителя заставляет использовать в практике несколько показателей оценки человеческого капитала, которые связаны либо с экономическими параметрами, либо с социальными характеристиками. По данным проводимых опросов и публикаций в открытом доступе, наиболее популярным является подход к оценке человеческого капитала на основе доходного метода.

Один из подходов к классификации человеческого капитала предполагает выделение в зависимости от уровня управления и контроля: «на микроуровне – индивидуальный человеческий капитал, на мезоуровне – корпоративный человеческий капитал и на макроуровне – национальный человеческий капитал» [8]. Соответственно каждый из этих видов требует стоимостной оценки. Рассмотрим существующие на сегодняшний день способы измерения данных видов человеческого капитала.

1. На государственном уровне для измерения и оценки человеческого капитала широко известен

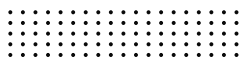
подход, предложенный Всемирным банком, который определяет человеческий капитал как способность людей к участию в процессе производства, их знания, опыт, трудовые навыки. Специалисты Всемирного банка использовали дисконтный подход для оценки стоимости национального человеческого капитала страны как разницы между национальным богатством и стоимостью физического и природного капитала.

Вопросами стоимостной оценки человеческого капитала занимались и эксперты Организации Объединенных Наций. В концепции человеческого развития ООН основной акцент сделан на непосредственно развитие человека через расширяющиеся возможности выбора на основе роста образования, дохода и продолжительности жизни. Причем человеческое развитие рассматривается как критерий достижения прогресса, а не как условие или инструмент экономического роста. Таким образом во главу угла ставится не бесконечное повышение дохода и образованности, а некий уровень достаточности и сбалансированности всей системы национальной экономики.

Для количественной проработки концепции человеческого развития экспертами ООН был предложен показатель – Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), который рассчитывается на основе ранжирования объемов вложений в социальные отрасли, измеряемый различными показателями (взвешенный показатель). Такой подход применяется и для оценки показателя на региональном уровне. Но следует помнить, что несмотря на популярность данного индекса, применение его для измерения человеческого капитала спорно. В Программе развития ООН предметом оценки выступает человеческий потенциал, который трансформируется в капитал в процессе экономической деятельности. В связи с этим, использование ИРЧП не позволяет оценить действительный человеческий капитал государства.

Многие исследователи все же применяют в диссертационных работах ИРЧП как основной показатель человеческого капитала региона [9]. Сама идея использования взвешенного интегрального показателя легла в основу ряда отечественных разработок для оценки уровня человеческого капитала регионов. Например, И. А. Гурбан в своей работе предлагает группировку в модули нескольких десятков показателей по направлениям и расчет по каждому модулю интегрального показателя [10]. Трудоемкость данного подхода и сложность интерпретации интегральных показателей не дает возможности широкого применения данной методики.

2. Корпоративная стоимость человеческого капитала. Во многих исследованиях встречается утверждение, что человеческий капитал необходимо рассматривать как актив организации, так как он обладает многими признаками, по которым его можно отнести

Ионова Н. В.

к данной категории учета. Например, человеческий капитал можно рассматривать в разрезе воспроизводственных стадий (инвестиции, использование, отдача, замещение), что вполне соответствует принципам учета активов. Однако, несмотря на это, стоит помнить, что активы организации отражают прежде всего стоимостную оценку имущества организации, то есть материальных и нематериальных благ, принадлежащих предприятию по праву собственности. Работник компании не является собственностью юридического лица, так же как и его способности, навыки и умения.

Заработная плата работника представляет собой некую форму компенсации за потраченный труд, время, усилия работника для удовлетворения потребностей организации. Причем уровень заработной платы, как выражение рыночной цены труда как ресурса, напрямую не связан с тем капиталом, которым обладает индивид. То есть, принимая на работу талантливого, образованного и здорового работника, компания не имеет абсолютной гарантии повышения эффективности своей деятельности за счет данного человека. Для организаций в данном контексте целесообразно ввести понятие «работающий человеческий капитал» (*workinghumancapital*) по аналогии с классическим представлением об оборотном капитале (*workingcapital*).

Под работающим человеческим капиталом (*workinghumancapital*) предлагается понимать не все способности, таланты, умения, навыки и знания человека, работающего в данной организации, а только те, которые он реализует в предлагаемых условиях работы и применяет непосредственно на рабочем месте. Работодателя интересует только опыт и потенциал в контексте заданной рабочей функции, а не в широком общечеловеческом смысле. При этом, стоит отметить, что коллективная работа формирует больший синергетический эффект, если общий уровень человеческого капитала в организации высокий. Вероятность полноценной реализации работающего капитала возрастает в условиях общего высокого уровня. По этой причине, в последние десятилетия актуальными стали вопросы социальной ответственности бизнеса, создания креативной обстановки, новые направления менеджмента, позволяющие использовать весь потенциал сотрудников. Но для целей оценки, учета и анализа, на наш взгляд, следует количественно разделять общий уровень человеческого капитала и работающий человеческий капитал.

3. Индивидуальный человеческий капитал. Оценка данного вида капитала и рассматривал в своих трудах уже упомянутый Т. Витстейн. Данный вид капитала может меняться в зависимости от инвестиций

в его развитие и условий использования. Для конкретного индивида набор его знаний, умений, компетенций, способностей и личного потенциала с учетом психоэмоциональных особенностей представляет собой актив, так как весь этот комплекс принадлежит ему неотделимо и бесспорно. По этой причине многие затратные методы количественной оценки человеческого капитала вполне применимы к данному виду ЧК.

Большинство исследований, посвященных проблемам измерения и оценки человеческого капитала, основаны на выявлении недостатков известных методов и подходов и их обоснованной критике. Это можно увидеть в публикациях И. В. Соболевой [11], Д. А. Кирьянова и Т. Н. Сухаревой [12], А. В. Корицкого [13] и других ученых.

Сложность и многомерность измеряемой категории заставляет подходить более гибко к проблеме оценки человеческого капитала. Важным, на наш взгляд является рассмотрение степени объективности каждой методики, выявление преимущественных характеристик и дифференцирование возможного применения к разным видам человеческого капитала. Именно такой подход лег в основу попытки систематизации известных методик измерения человеческого капитала, итоговые¹ результаты представлены в таблице 1.

Сравнение методик измерения и оценки человеческого капитала показало следующее: высокая объективность метода капитализации затрат и модель Лева-Шварца основана на расчете стоимости будущего потока чистых выгод от дальнейшей работы сотрудника в данной компании. Низкая объективность определена для методик О. В. Лосевой, модели Лайкерта и Боуэrsa, метода альтернативных затрат, поскольку так называемые «мягкие» оценки являются трудоемкими, труднонаблюдаемыми и подвержены субъективным позициям эксперта. Тем не менее, каждая методика обладает специфическими достоинствами и недостатками, что предполагает дифференцированное применение к разным видам человеческого капитала.

Вопросы оценки качества человеческого капитала в разы сложнее по сравнению с количественными финансовыми показателями, так как они связаны с этическими и нравственными категориями. В теории человеческого капитала существует множество этических неразрешимых проблем. Например, с одной стороны сложно оспорить утверждение, что здоровье является важным атрибутом человеческого капитала и чем более крепок человек физически, тем дольше он сможет прожить и больше создать благ в течение своей жизни. Однако, история знает немало примеров, когда человек с крайне слабым здоровьем приносил неоценимый

¹ Подробному анализу методов измерения и оценки человеческого капитала будет посвящена отдельная публикация (Прим. авт.)

Таблица 1. Сравнительная характеристика методов измерения и оценки человеческого капитала

Метод	Характеристики						Использование для оценки капитала		
	Динамическая модель	Измерители финансовые	Учет синергетического эффекта	Использование для прогнозирования	Степень объективности	Результатирующий показатель	Индивидуального	Корпоративного	Общественного (государственного, национального)
Капитализация затрат	+	+	–	–	высокая	+	+	+	+
Восстановительная стоимость	+	+	–	+	средняя	+	+	+	+
Альтернативных затрат	+	+	–	–	низкая	+		+	+
Модель Лева-Шварца	–	+	–	–	высокая	+		+	
Модель гудвилла	+	+	+	+	средняя	+		+	
Модель чистой выгоды Морсе	+	+	+	+	средняя	+		+	
Модель Лайкерта и Боуэрс	+	–	–	–	низкая	–		+	
Система сбалансированных показателей	–	–	–	+	средняя	–		+	
Индексный метод	–	+	–	–	средняя	+		+	
Методика М. М. Критского	–	+	–	–	средняя	+			+
Формула О. В. Лосевой	–	–	+	+	низкая	+		+	

Составлено автором по: [14, 15, 16]

вклад в развитие государства, общества, науки (С. Хоккинг, Ф. Рузвельт, Д. Ф. Нэш, К. Циолковский и др.). При этом в мире достаточно много абсолютно здоровых людей совершающих преступления и причиняющих вред общей среде обитания человека. Безусловно, это не значит, что не нужно учитывать здоровье как фактор развития человеческого капитала. Совершенно очевидно, что зависимость уровня здоровья и качества человеческого капитала не линейная.

Встречаются в исследованиях утверждения, что размер индивидуального человеческого капитала возрастает с момента рождения до момента окончания профессиональной активности. Дискуссионным в данном контексте остается вопрос начала формирования человеческого капитала. Действительно ли это момент рождения? Либо нужно рассматривать появление капитала с момента начала получения образования? А начало образования – это начальная школа или высшее учебное заведение? У высокого уровня образованности есть и другая сторона, о которой мало говорят в контексте формирования и использования человеческого капитала – демографическая проблема. Исследования доказали высокую степень обратной корреляции между уровнем образования женщин в обществе и количеством рождающихся детей.

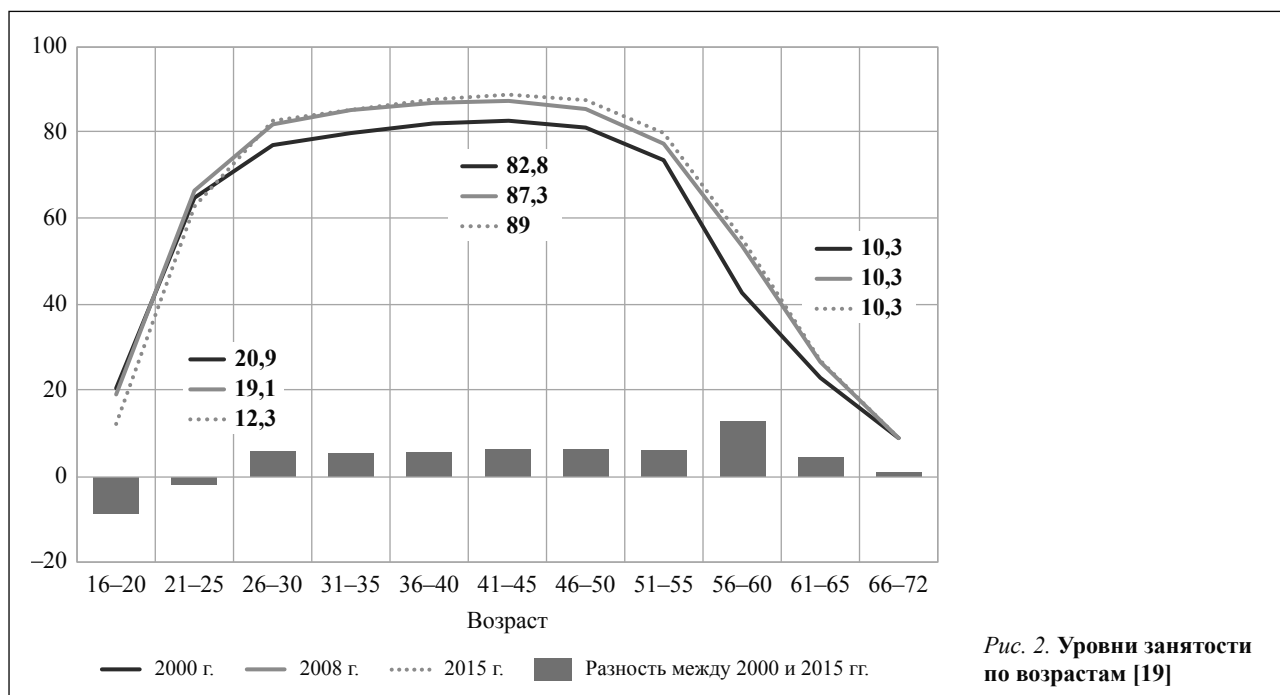
Неоднозначен и момент окончания использования человеческого капитала, так как после завершения профессиональной активности многие люди продолжают формировать значимый для общества вклад в общее благосостояние волонтерской деятельностью, творчеством, гражданской активностью, создавая тем самым некую социокультурную среду.

По утверждениям исследователей капитал работника увеличивается в результате получения и роста его опыта. [17, 18] Но как можно видеть по данным статистики – уровень безработицы среди самых опытных трудоспособных граждан в предпенсионном возрасте высокий (рис. 2). Это говорит о том, что высокая динамика трансформации общества, рынков, технологий и знаний не позволяет использовать опыт как фактор, увеличивающий ценность сотрудника и, следовательно, его индивидуальный человеческий капитал. Для некоторых отраслей хозяйствования характерна обратная зависимость опыта и востребованности работника.

Уровень занятости с 2000 по 2015 год существенно вырос практически по всем возрастным группам. Максимальный рост в группе 56–60 лет может быть объяснен снижением реальной величины пенсионных выплат на фоне сохраняющейся инфляции с 2010 по 2016 годы (рис. 3).

Ионова Н. В.

Еще один феномен связан с ранним и довольно резким снижением заработной платы в старших возрастах. Объясняется данный факт может как изменением баланса между спросом на труд и его предложением для разных возрастных групп, так и изменением

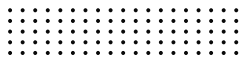
в качестве человеческого капитала. Недостаточность инвестиций в обновление навыков и знаний сказывается на качестве рабочей силы и его цена снижается.

Таким образом, можно заключить, что в настоящий момент существенно актуализируется задача повышения производительности труда в национальной экономике на основе повышения качества человеческого капитала. Кроме того, целесообразно разработать методику измерения и оценки качества труда и рабочей силы, которая удовлетворяла бы всем требованиям к результату всестороннего раскрытия такой категории как человеческий капитал. При разработке обобщающего подхода должны быть учтены факторы риска данного вида капитала и индивидуальный профиль.

Литература:

1. Довбий И. П. Кривые Альтшуллера-Фостера в инновационном процессе // Вестник ЮурГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2016. Т. 10. №2. С. 105–111.
2. Капелюшников Р. И. Сколько стоит человеческий капитал России? [электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/data/2012/10/10/1247084655/WP3_2012_06_f.pdf (дата обращения 16.07.2017)
3. Розенберг Д. И. Комментарии к «Капиталу» К. Маркса. М.: Экономика, 1984. 720 с.
4. Becker G. S. Human capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. Third edition. Chicago. The University of Chicago Press, 1993. 388 p.

Ионова Н. В.

5. Mincer J., Higuchi Y. Wage Structures and Labor Turnover the United States and Japan // *Jornal of the Japanese and Internathion Economics*. 1988. №2.
6. Nordhoug O. Human Capital in Organizations: Competence, Training and Learning. Oslo: ScandinavianUniversityPress, 1993. 278 p.
7. Капелюшников Р. И. Концепция человеческого капитала // *Критика современной буржуазной политической экономии*. М.: Наука, 1977. С. 119–134.
8. Кобзистая Ю. Г. Индивидуальный человеческий капитал: теоретические аспекты анализа // *Вестник СибАДИ: Экономика и управление*. 2015. вып.2(42). С. 118–125.
9. Леонтьева А. Н. Управление развитием человеческого капитала как фактор реализации социально-экономического потенциала региона: диссертация на соискание степени кандидата экономических наук. Санкт-Петербург, 2016. 157с.
10. Гурбан И. А. Национальный человеческий капитал России: региональная дифференциация // *Фундаментальные исследования*. 2014. №5–5. С. 1063–1069.
11. Соболева И. В. Парадоксы измерения человеческого капитала: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2009. 50 с.
12. Кирьянов Д. А. Методы оценки человеческого капитала: анализ объективности и достаточности исходных данных // *Теория и практика общественного развития*. 2011. №3.
13. Корицкий А. В. Человеческий капитал как фактор экономического роста регионов России: монография. Новосибирск: Сибирский университет потребительской кооперации, 2010. 368 с.
14. Самусенко С. А., Харченко Т. О. Сравнительный анализ методов оценки человеческих ресурсов организации. // *Учет. Анализ. Аудит*. 2015. №4. С. 23–36.
15. Фитценц Як. Рентабельность инвестиций в персонал: измерение экономической ценности персонала / пер. с англ.; под общ. ред. В. И. Ярных. М.: Вершина, 2006. 320 с.
16. Критский М. М. Человеческий капитал: монография. Л.: Ленгоста, 1991. 141 с.
17. Устинова К. А. Человеческий капитал в инновационной экономике: монография / Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2015. 195 с.
18. Управление персоналом.: учебник для вузов / Под ред. Т. Ю. Базарова, Б. Л. Еремина. М.: ЮНИТИ, 2012. [электронный ресурс]. URL: <http://www.mcpg.ru/cgi-bin/rus/tour/article.cgi?art=1010511> (дата обращения 18.10.2017)
19. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. Доклад Центра трудовых исследований и Лаборатории исследований рынка труда НИУ ВШЭ. Москва, 2017. [электронный ресурс].

URL:https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/03/Doklad_trud.pdf (дата обращения 23.10.2017)

20. 2016: социально-экономическое положение населения – продолжающийся кризис или новая реальность? Аналитические материалы РАНХиГС / под ред. Малевой Т. М. [электронный ресурс]. URL: <http://www.ranepa.ru/images/News/2017-05/24-05-2017-insapissledovanie.pdf> (дата обращения 10.10.2017)

References:

1. Dovbiy I. P. Altshuller-Foster curves in the innovation process // *Vestnik YuUrGU. Series “Economics and Management”*. 2016. Т. 10. №2. P. 105–111.
2. Kapelyushnikov R. I. How much is the human capital of Russia? [e-resource]. URL: https://www.hse.ru/data/2012/10/10/1247084655/WP3_2012_06_f.pdf (date of reference 16.07.2017)
3. Rosenberg D. I. Comments on “Capital” K. Marx. Moscow: Economics, 1984. 720 p.
4. Becker G. S. Human capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. Third edition. Chicago. The University of Chicago Press, 1993. 388 p.
5. Mincer J, Higuchi Y. Wage Structures and Labor Turnover the United States and Japan // *Jornal of the Japanese and Internathion Economics*. 1988. №2.
6. Nordhoug O. Human Capital in Organizations: Competence, Training and Learning. Oslo: ScandinavianUniversityPress, 1993. 278 p.
7. Kapelyushnikov R. I. The concept of human capital // *Criticism of modern bourgeois political economy*. М.: Наука, 1977. P. 119–134.
8. Kobzistaya Yu. G. Individual Human Capital: Theoretical Aspects of Analysis // *Vestnik SibADI: Economics and Management*. 2015. №2 (42). P. 118–125.
9. Leontieva A. N. Managing the development of human capital as a factor in realizing the socio-economic potential of the region: a thesis for the degree of candidate of economic sciences. St. Petersburg, 2016. 157 p.
10. Gurban I. A. National Human Capital of Russia: Regional Differentiation // *Fundamental Research*. 2014. №5-5. P. 1063–1069.
11. Soboleva I. V. Paradoxes of measuring human capital: Scientific report. Moscow: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, 2009. 50 p.
12. Kiryanov D. A. Methods of assessing human capital: analysis of objectivity and sufficiency of source data // *Theory and practice of social development*. 2011. №3.
13. Koritsky A. V. Human capital as a factor in the economic growth of Russian regions: monograph. Novosibirsk: Siberian University of Consumer Cooperatives, 2010. 368 p.
14. Samusenko S. A., Kharchenko T. O. Comparative analysis of methods of assessing the human resources of the

Ионова Н. В.

- organization. // Accounting. Analysis. Audit. 2015. №4. P. 23–36.
15. Fitsentz Ya. Profitability of investments in personnel: measuring the economic value of personnel / trans. from the English; Ed. IN AND. Bright. M.: Vershina, 2006. 320 p.
16. Kritsky M. M. Human capital: monograph. L: Lengosta, 1991. 141 s.
17. Ustinova K. A. Human Capital in the Innovative Economy: Monograph / Vologda: Institute for Socio-Economic Development of the Territories of the Russian Academy of Sciences, 2015. 195 p.
18. Personnel management: textbook for universities / Ed. T. Yu. Bazarova, B. L. Eremina. M.: UNITY, 2012. [e-resource]. URL: <http://www.mcpg.ru/cgi-bin/eng/tour/article.cgi?art=1010511> (date of reference 18.10.2017)
19. The Russian labor market: trends, institutions, structural changes. Report of the Center for Labor Studies and Laboratories of Labor Market Research at the Higher School of Economics. Moscow, 2017. [e-resource]. URL: https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/03/Doklad_trud.pdf (date of reference 23.10.2017)
20. 2016: socio-economic situation of the population – an ongoing crisis or a new reality? Analytical Materials of the Russian Academy of Sciences, Ed. Maleva T. M. [e-resource]. URL: <http://www.ranepa.ru/images/News/2017-05/24-05-2017-insap-issledovanie.pdf> (date of reference 10.10.2017).

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ЕДИНСТВА И ОБОСОБЛЕННОСТИ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО БИЗНЕСА В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ, РЕАЛИЗУЕМОЙ ИНДИКАТИВНЫМИ, ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВЫМИ МЕТОДАМИ

Тлишева Н. А.

кандидат экономических наук, доцент кафедры денежного обращения и кредита, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (Россия), 350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, cellula@mail.ru

УДК 338.43

ББК 65.32(2Рос)-131

Цель: изучение причинно-следственных связей и мотивов выбора регулятором в сфере сельского хозяйства (Министерством сельского хозяйства) тех, или иных целевых показателей результативности реализации подпрограммы поддержки малого и среднего предпринимательства, являющейся частью системы мер содействия достижению целевых параметров региональных программ.

Методы: монографический; диалектика; теоретические методы-операции: системного анализа и синтеза; индукции и дедукции; обобщение; абстрагирование; конкретизация; моделирование; мысленный эксперимент; графический.

Результаты и практическая значимость: при сравнении двух главных подпрограмм – Федеральной финансовой программы поддержки малого и среднего предпринимательства и «Развитие отраслей агропромышленного комплекса», выявлены направления развития системы целевых индикаторов Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы, касающихся сферы малого и среднего бизнеса, определен вектор ее реализации, связанный с кооперацией. Рекомендации могут быть использованы в процессе коррекции направлений мониторинга и оценки деятельности субъектов малого и среднего бизнеса.

Научная новизна: предложение расширять систему индикаторов эффективности реализации Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы в ключевых происходящих изменениях в системе финансовой инфраструктуры поддержки, опираясь на гарантийные операции, детализацию кредитных операций в части освещения результативности работы бизнеса в пределах госзаказа, участия МСП Банка; индикаторы деятельности сельскохозяйственных потребительских кооперативов.

В целом, доказана необходимость реализации программ поддержки в соответствии со спецификой концепции развития малого и среднего бизнеса, в отличие от крупного, вне «единой субсидии».

Финансирование. Исследование проведено при финансовой поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук Российского фонда фундаментальных исследований (договор № 17-12-23032/17-ОГОН) и Администрации Краснодарского края (трехстороннее соглашение о поддержке проекта гуманитарного научного исследования № 47.05.01/8-06.3 от 18 августа 2017 г.); тема НИОКТР: «Активизация воспроизводственных процессов в аграрном секторе экономики Юга России».

Ключевые слова: малый и средний бизнес, поддержка, подпрограмма.

THE PROBLEM OF MAINTAINANCE THE UNITY AND SEPARATENESS OF THE
CONCEPT OF STATE SUPPORT OF SMALL BUSINESS IN AGRARIAN SECTOR OF
ECONOMY, IMPLEMENTED BY THE INDICATED PROGRAM-TARGET METHODS

Tlisheva N. A.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the department of monetary circulation and credit, Kuban State Agrarian University named after IT Trubilin (Russia), 350044, Russia, Krasnodar, Kalinina str., 13, cellula@mail.ru

Objective: to study the causality and motives of the choice of regulator in the field of agriculture (Ministry of agriculture) of those or other target performance indicators of the subprogramme for the support of small and medium enterprises that are part of a system of measures contributing to the achievement of target regional programs.

Methods: monographic; dialectics; theoretical operation methods: systems analysis and synthesis; induction and deduction; generalization; abstraction; concretization; modeling; thought experiment; graphic.

Results and practical significance: when comparing the two main subroutines – Federal financial support program of small and medium enterprises and “Development of agro-industries” identified directions of development of system of target indicators of the State program of development of agriculture and regulation of markets of agricultural products, primary material and food for 2013–2020, concerning the sphere of small and medium-sized businesses, defined the vector of its implementation, which is associated with cooperation. Recommendations can be used in the process of correcting the areas of monitoring and evaluation of activities of small and average business.

Scientific novelty: the proposal to expand the system of indicators of efficiency of realization of the State program of development of agriculture and regulation of markets of agricultural products, raw materials and food for 2013–2020 in the key of changes in the system of financial support infrastructure, based on guarantee operations, detail credit transactions in terms of demonstration of businesses effectiveness within the state order, the participation of SMEs Bank; inditary activities of agricultural consumer cooperatives.

Overall, the necessity of implementation of support programmes in accordance with the specifics of the concept of development of small and medium-sized businesses, unlike large, out of a “common subsidy”.

Financing. the Study was conducted with the financial support of the Department of humanitarian and social Sciences of the Russian Foundation for basic research (contract No. 17-12-23032/17-FIRE) and the administration of Krasnodar region (a tripartite agreement on the project support Humanities research No. 47.05.01/8-06.3 of 18 August 2017); the research’s topic: “Intensification of reproduction processes in the agricultural sector of Southern Russia”.

Key words: small and medium business, support, subprogram.

Создание благоприятных условий для привлечения инвестиций в экономику Российской Федерации – основной вектор концепции развития малого бизнеса (рис. 1).

Поддержка малого бизнеса реализуется благодаря финансовой, имущественной, образовательной и информационно-консультационной инфраструктуре, включает поддержку несырьевого экспорта и высокотехнологичных отраслей.

Субъектам малого бизнеса доступны средства федерального бюджета по Государственной программе «Экономическое развитие и инновационная экономика» (рис. 2, 3).

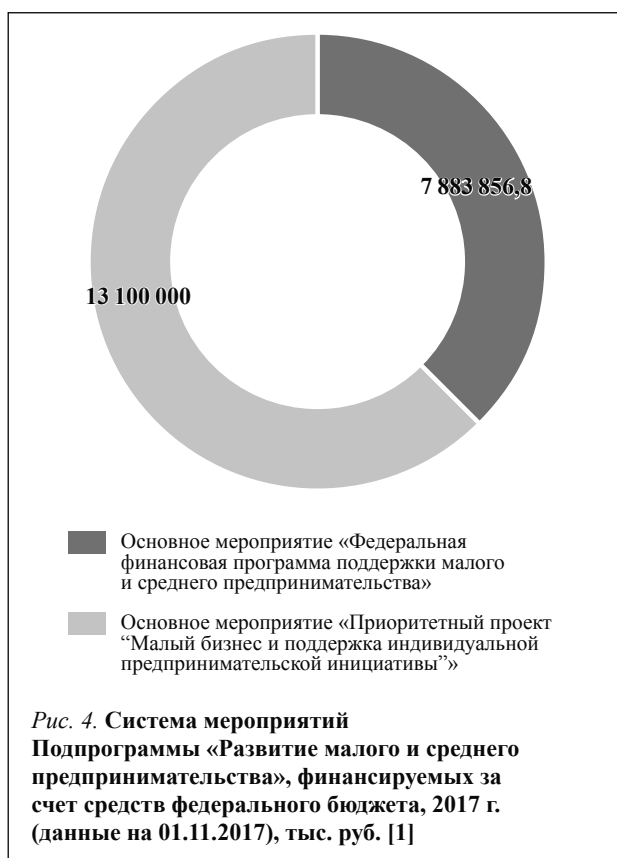
Финансирование Приоритетного проекта «Малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (рисунок 1) [2] в 2018 и 2019 гг. планируется прекратить¹. Возобновление роста финансового наполнения Подпрограммы «Развитие малого и среднего предпринимательства» ожидается лишь в 2020 г. [4] (рис. 5).

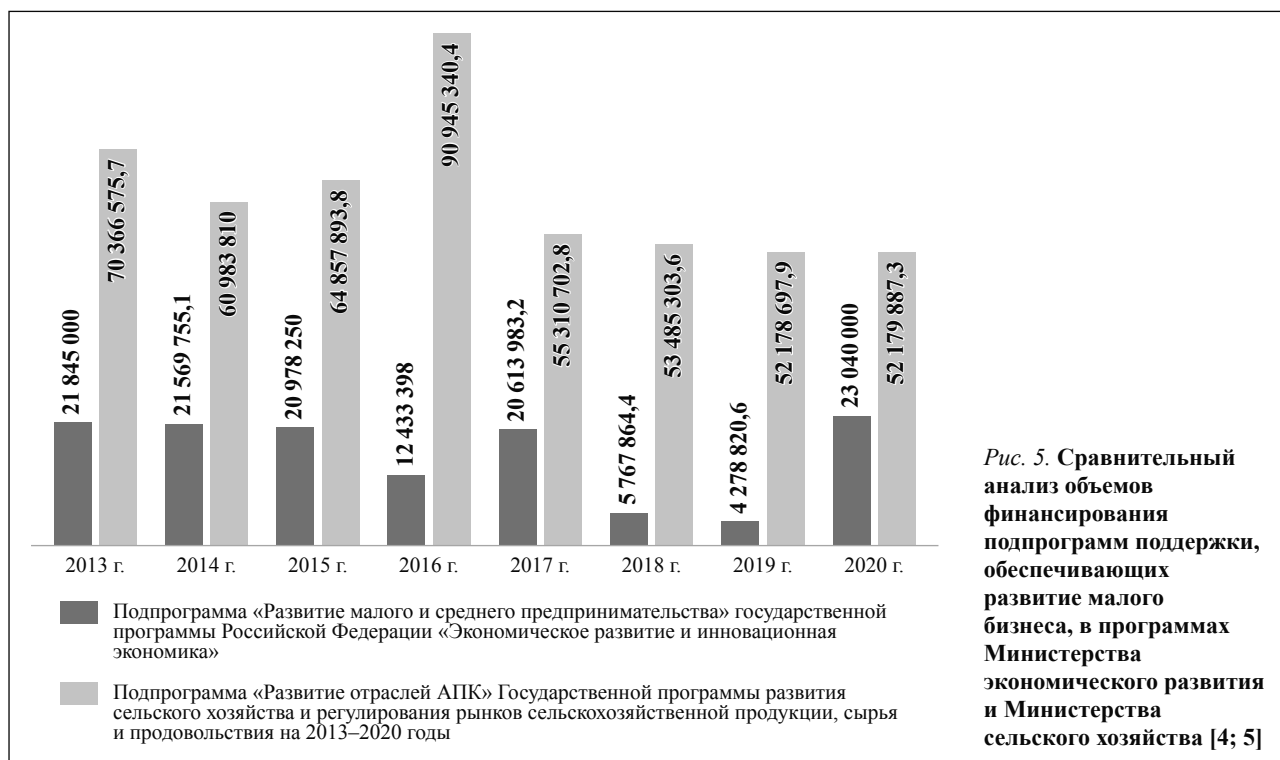
Количество региональных лизинговых компаний, в уставные капиталы которых запланирован взнос акционерным обществом «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства» (рис. 1) для целей реализации уставных целей акционерного общества «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства» (в первую очередь для развития индивидуального и малого предпринимательства (прежде всего поставщиков крупнейших заказчиков, определяемых Правительством Российской Федерации) за 2017 год составляет 2 единицы [4].

Сокращение объемов поддержки развития Национальной гарантийной системы вовсе не означает прекращение активного использования механизма предоставления (получения) гарантий в качестве инструмента развития малого бизнеса (таблица 1).

Ожидаемые результаты, целевые индикаторы, планируемые при реализации подпрограммы 2 Государственной программы «Экономическое развитие

¹ В предшествующие периоды развития государством создана Национальная гарантийная система, представленная широкой сетью организаций в регионах России. Система гарантийных организаций Краснодарского края, например, представлена Унитарной некоммерческой организацией «Гарантийный фонд поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства Краснодарского края». В системе инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства Краснодарского края находятся: Центр поддержки предпринимательства, Фонд микрофинансирования Краснодарского края (МФО), Агентство по поддержке экспорта товаров - Фонд «Центр координации поддержки экспортно-ориентированных субъектов малого и среднего предпринимательства» [3].

и инновационная экономика» – «Развитие малого и среднего предпринимательства»:

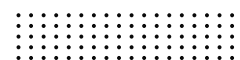
- количество субъектов малого и среднего предпринимательства (включая индивидуальных предпринимателей) в расчете на 1 тыс. человек населения Российской Федерации (достигнет, по прогнозу Минэкономразвития, 42 единиц в 2020 году);
- количество вновь созданных рабочих мест (включая вновь зарегистрированных индивидуальных предпринимателей) в секторе малого и среднего предпринимательства при реализации подпрограммы (ежегодно) (планируется создать не менее 576,06 тыс. рабочих мест с учетом 2013 года к 2020 г.);
- объем выданных гарантий и поручительств по кредитам (гарантиям) субъектам малого и среднего предпринимательства и поручительств по программе стимулирования кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства (объем к концу 2020 года – не менее 519,8 млрд. рублей);
- количество субъектов малого и среднего предпринимательства, созданных физическими лицами в возрасте до 30 лет (включительно); к концу 2020 года планируется достижение – 19666 единиц (с учетом 2014 и 2015 годов);
- количество физических лиц в возрасте до 30 лет (включительно), завершивших обучение по образовательным программам, направленным на приобретение навыков ведения бизнеса и создания малых и средних

предприятий (к концу 2020 года 182,81 тыс. человек (с учетом 2014 и 2015 годов);

- количество физических лиц в возрасте до 30 лет (включительно), вовлеченных в реализацию мероприятий (к концу 2020 года 661,08 тыс. единиц (с учетом 2014 и 2015 годов);

Таблица 1. Количество и объем предоставленных гарантий и поручительств «Федеральной корпорацией по развитию малого и среднего предпринимательства» (далее – Корпорацией МСП) – координатором поддержки малого и среднего предпринимательства в 2016 г. в ЮФО (источник: [6])

Регион	Количество, шт	Объем, тыс. руб.
Астраханская область	22	59476
Волгоградская область	50	1101754
г. Севастополь	2	11120
Краснодарский край	125	1040378
Республика Адыгея	8	22400
Республика Калмыкия	19	14470
Республика Крым	6	75633
Ростовская область	85	709430

Глишова Н. А.

Таблица 2. Финансирование мероприятий Федеральной финансовой программы поддержки малого и среднего предпринимательства в 2017–2019 гг., тыс. руб. (источник: [1])

Мероприятие	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Основное мероприятие «Федеральная финансовая программа поддержки малого и среднего предпринимательства», всего	7 883 856,8	5 767 864,4	4 278 820,6
в том числе:			
субсидии на софинансирование капитальных вложений в объекты государственной собственности субъектов Российской Федерации за счет средств резервного фонда Правительства Российской Федерации (межбюджетные трансферты)	18 159,6	0,0	0,0
субсидии на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства, а также на реализацию мероприятий по поддержке молодежного предпринимательства (межбюджетные трансферты)	7 513 983,2	5 767 864,4	4 278 820,6
субсидии российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2017 году субъектам малого и среднего предпринимательства по льготной ставке	351 714,0	0,0	0,0

• годовой объем кредитной поддержки, оказанной субъектам индивидуального и малого предпринимательства с использованием гарантий и поручительств в рамках национальной гарантийной системы, а также кредитов субъектам индивидуального и малого предпринимательства, предоставленных акционерным обществом «Российский Банк поддержки малого и среднего предпринимательства» (за 2017 год 82 млрд рублей) [4].

Основное мероприятие подпрограммы «Развитие малого и среднего предпринимательства» Государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика» – это «Федеральная финансовая программа поддержки малого и среднего предпринимательства» [1], объемы финансового обеспечения ее реализации представлены в таблице 2.

Если в реализации Госпрограммы «Экономическое развитие и инновационная экономика» прослеживается относительная стройность и прозрачность (зримая определенность) причинно-следственных связей в целях, целевых ориентирах и индикаторах, направлениях и объемах финансирования развития малого и среднего бизнеса, то в реализации Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы эта прозрачность утеряна.

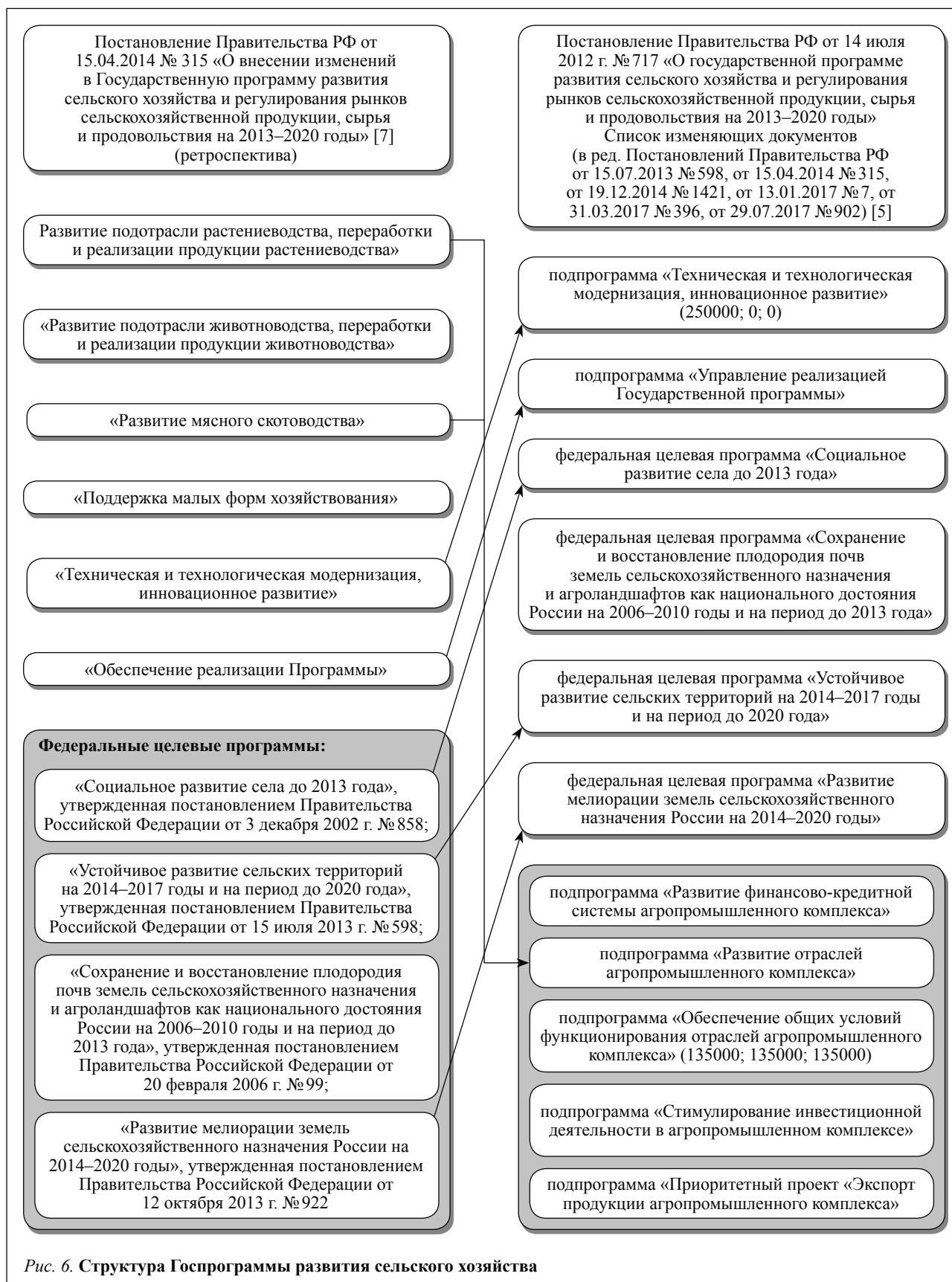
Обусловлено это, в первую очередь начавшейся коренной (принципиально негативной, с нашей точки зрения) перестройкой системы (рис. 5) государственной поддержки сельского хозяйства, которая, по принципу «единой субсидии» (см. рисунок 6, объясняющий элементный состав правил предоставления субсидий малому бизнесу и иным приоритетным

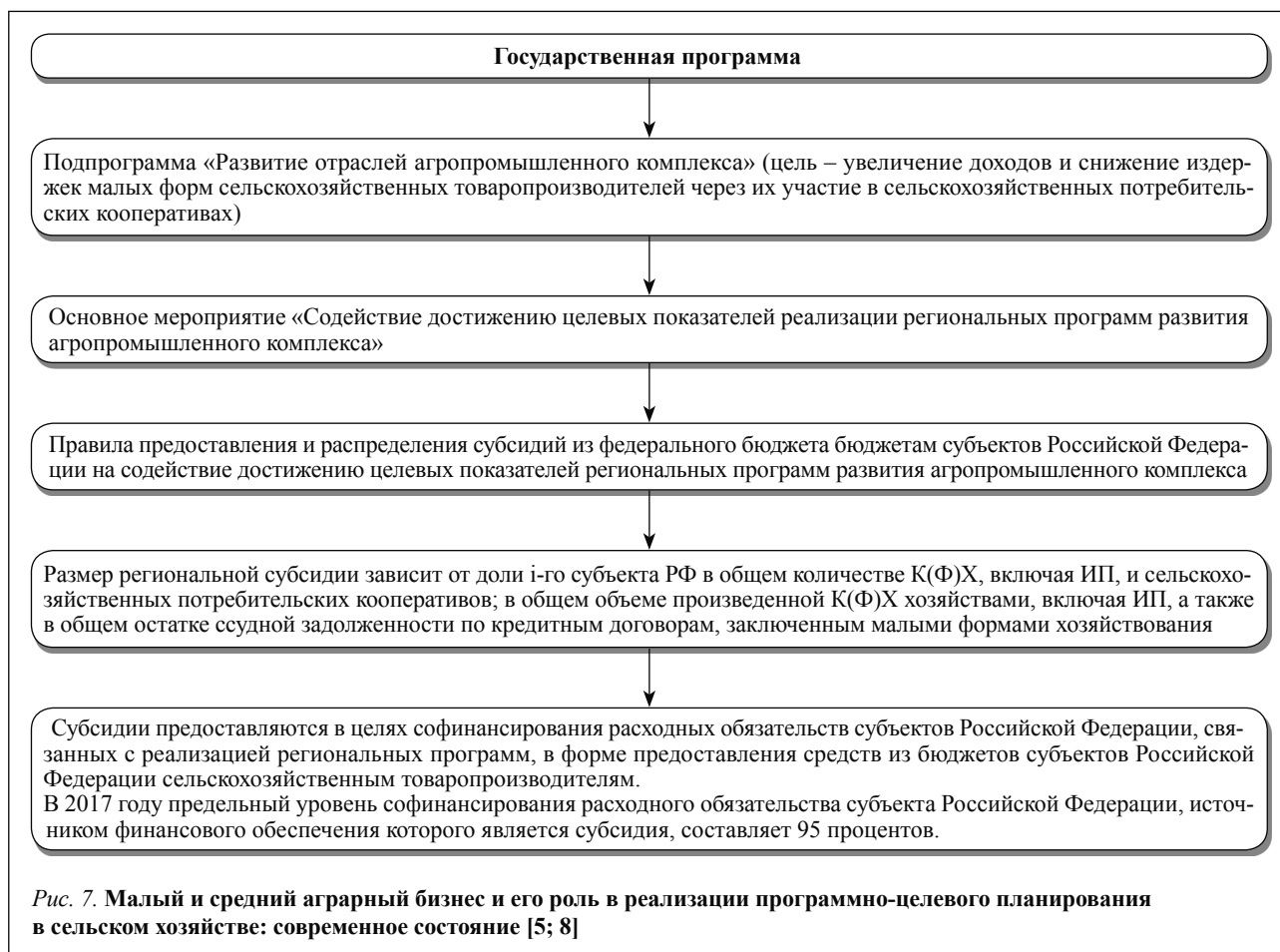
сферам) объединяет следующие направления финансирования мероприятий, обозначенных регулятором как «приоритетные» (каждое направление деятельности в сельском хозяйстве, с нашей точки зрения, является приоритетным, а не только те, что будут перечислены нами ниже):

1. Обеспечение продовольственной независимости России.
2. Сохранение и развитие традиционных для регионов России форм производства сельскохозяйственной продукции.
3. Страхованием рисков в растениеводстве и животноводстве.
4. Развитие малого и среднего предпринимательства.

Государственная поддержка в сельском хозяйстве, в подавляющем большинстве случаев, адресована всем формам хозяйствования (в качестве одного из исключений можно назвать сельскохозяйственное страхование с государственной поддержкой, где личным подсобным хозяйствам поддержка не полагается). Эффективность ее осуществления измеряется общими индикаторами, в совокупности которых есть лишь несколько тех, что относятся к малому предпринимательству в сельском хозяйстве. Часть из них, содержащаяся в подпрограмме «Развитие отраслей агропромышленного комплекса», приведена в таблице 3.

Отметим особенность Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы, в отличие от Госпрограммы «Экономическое развитие и инновационная экономика», состоящую в том, что первая направлена на развитие кооперации в сельском хозяйстве.

Противоречие в составлении программы развития малого и среднего бизнеса мы видим в том, что размер субсидии, направляемой на содействие достижению целевых показателей реализации региональных программ развития агропромышленного комплекса, зависит от доли i-го субъекта РФ в общем количестве крестьянских (фермерских) хозяйств (К(Ф)Х), включая индивидуальных предпринимателей (ИП), и сельскохозяйственных потребительских кооперативов; в общем объеме произведенной К(Ф)Х, включая ИП, а также в общем остатке ссудной задолженности по кредитным договорам, заключенным малыми формами хозяйствования, а целевые индикаторы и показатели региональных программ поддержки развития малого и среднего бизнеса образуют совершенно другую систему (см. таблицу 3).

С нашей точки зрения, должна соблюдаться согласованность между факторами, определяющими размер региональной субсидии и системой целевых индикаторов и показателей подпрограммы «Развитие отраслей агропромышленного комплекса», наблюдаемых в течение всего периода реализации госпрограммы.

Следует проводить мониторинг общего остатка ссудной задолженности по кредитным договорам, заключенным малыми формами хозяйствования и включить этот показатель в систему индикативных показателей подпрограммы «Развитие отраслей агропромышленного комплекса», расширить систему индикаторов в соответствии со спецификой концепции развития малого и среднего бизнеса, в отличие от крупного, с особенностями деятельности организаций инфраструктуры поддержки, сельскохозяйственных потребительских кооперативов:

- объем обеспеченных гарантиями или поручительствами участников Национальной гарантийной системы кредитов, выданных субъектам МСП и организациям инфраструктуры поддержки;
- количество и общая сумма договоров и контрактов с заказчиками, которые определяются Правительством Российской Федерации (если данная информация не является коммерческой тайной);
- предоставленные субъектам МСП и организациям инфраструктуры поддержки МСП кредиты АО «МСП Банк» (по сумме и по количеству) и т. д. [10].

Таблица 3. Сведения о показателях (индикаторах) подпрограммы «Развитие отраслей агропромышленного комплекса» и их значениях (источник: [5])

Наименование показателя (индикатора)	2013 г.		2014 г.		2015 г.		2016 г.	2017 г.	2018 г.*	2019 г.	2020 г.
	план	факт*	план	факт*	план	факт*					
Количество новых постоянных рабочих мест, созданных в крестьянских (фермерских) хозяйствах, осуществивших проекты создания и развития своих хозяйств с помощью средств государственной поддержки, ед*	–	6718	–	6176	–	7057	–	3741	3741	3741	3741
из них в Краснодарском крае	–	–	–	–	–	–	–	72	72	72	72
Прирост объема сельскохозяйственной продукции, произведенной индивидуальными предпринимателями и крестьянскими (фермерскими) хозяйствами, получившими средства государственной поддержки, к году, предшествующему году предоставления субсидии, %	–	–	–	–	–	–	–	10	10	10	10
Количество новых постоянных рабочих мест, созданных в сельскохозяйственных потребительских кооперативах**, получивших средства государственной поддержки для развития материально-технической базы, ед*	–	–	–	–	–	425	–	574	574	574	574
из них в Краснодарском крае	–	–	–	–	–	–	–	48	48	48	48
Прирост объема сельскохозяйственной продукции, реализованной сельскохозяйственными потребительскими кооперативами, получившими средства государственной поддержки, %	–	–	–	–	–	–	–	10	10	10	10

* Противоречие в том, что фактические общие значения целевых индикаторов, достигнутые в 2013–2016 гг., представлены в Госпрограмме развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы, а нет их детализации по субъектам федерации.

** На 1.10.2017 в РФ по данным Банка России насчитывалось 1314 сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов [9].

Литература:

1. Бюджетные ассигнования по расходам федерального бюджета на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов (по состоянию на 01.11.2017) [электронный ресурс]. URL: https://www.minfin.ru/ru/performance/budget/federal_budget/budj_rossp/# (дата обращения 14.11.2017)
2. Паспорт приоритетного проекта «Малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (в редакции от 23 октября 2017г.) [электронный ресурс]. URL: <http://corpmsp.ru/upload/iblock/a3c/%D0%9F%D0%B0%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B0%20%D0%98%D0%9C%D0%9F.pdf> (дата обращения 07.12.2017).
3. Форма ведения единого реестра организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, и состав сведений, содержащихся в таком реестре [электронный ресурс]. URL: <https://monitoring.corpmsp.ru/StartPage/orgreg.html> (дата обращения 07.12.2017).
4. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 года №316. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков

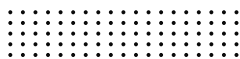

сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы: Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 года № 717. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Количество и объем предоставленных в 2016 году гарантий и поручительств в разрезе региона присутствия субъекта МСП [электронный ресурс]. URL: http://corpmsp.ru/upload/iblock/89b/10%20Прил%20№%209_гарантии%20в%20субъектах%20РФ.pdf (дата обращения 07.12.2017).
7. О внесении изменений в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы: Постановление Правительства РФ от 29 июля 2017 года № 902. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
8. Об утверждении документов, предусмотренных Правилами предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на содействие достижению целевых показателей региональных программ развития агропромышленного комплекса, приведенными в приложении № 9 к Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2012 г. № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы»: Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 27 июля 2017 года № 373. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Статистический бюллетень Банка России. № 10 (293). 2017 [электронный ресурс]. URL: <http://www.cbr.ru/publ/BBS/Bbs1710r.pdf>. (дата обращения: 08.12.2017).
10. Финансовая поддержка. Корпорация МСП [электронный ресурс]. URL: <http://corpmsp.ru/finansovaya-podderzhka/> (дата обращения 07.12.2017).

References:

1. Budget allocations for federal budget expenditures for 2017 and for the planned period 2018 and 2019 (as of 01.11.2017) [e-resource]. URL: https://www.minfin.ru/en/performance/budget/federal_budget/budj_osp/# (date of reference 14.11.2017)
2. Passport of the priority project «Small business and support of an individual entrepreneurial initiative» (as amended on 23 October 2017). [e-resource]. URL: <http://corpmsp.ru/upload/iblock/a3c/%D0%9F%D0%B0%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B0%20%D0%98%D0%9C%D0%9F.pdf> (date of reference 07.12.2017).
3. Form of maintaining a single register of organizations that form the infrastructure for supporting small and medium-sized businesses, and the composition of information contained in such a registry [e-resource]. URL: <https://monitoring.corpmsp.ru/StartPage/orgreg.html> (date of reference 07.12.2017).
4. On approval of the state program of the Russian Federation «Economic development and innovative economy: Resolution of the Government of the Russian Federation of 15 April 2014 № 316. Access from the ref.-legal system «ConsultantPlus».
5. On the State Program for the Development of Agriculture and Regulation of Agricultural Products, Raw Materials and Foodstuffs for 2013–2020: Decree of the Government of the Russian Federation of 14 July 2012 № 717. Access from the ref.-legal system «ConsultantPlus».
6. The number and volume of guarantees and warranties granted in 2016 by region of the SME entity's presence [e-resource]. URL: http://corpmsp.ru/upload/iblock/89b/10%20Прил%20№%209_guarantees%20в%20subjects%20РФ.pdf (date of reference 07.12.2017).
7. On Amendments to the State Program for the Development of Agriculture and Regulation of the Agricultural Products, Raw Materials and Foodstuffs for 2013–2020: Resolution of the Government of the Russian Federation № 902 of 29 July 2017. Access from the ref.-legal system «ConsultantPlus».
8. On approval of documents provided for in the Rules for the Granting and Distribution of Subsidies from the Federal Budget to the Budgets of the Subjects of the Russian Federation for Promoting the Achievement of Target Indicators of the Regional Programs for the Development of the Agro-Industrial Complex, given in Appendix № 9 to the State Program for the Development of Agriculture and Regulation of the Markets of Agricultural Products, Raw Materials and Foodstuffs for 2013–2020, approved by the Resolution of the Government of the Russian Federation of 14 July 2012 № 717 «On the State program of agricultural development and regulation of markets for agricultural products, raw materials and food for 2013–2020»: The Order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation dated 27 July 2017 № 373. Access from the ref.-legal system «ConsultantPlus».
9. Statistical bulletin of the Bank of Russia. № 10 (293). 2017 [e – resource]. URL: <http://www.cbr.ru/publ/BBS/Bbs1710r.pdf>. (date of reference 08.12.2017).
10. Financial support. SME Corporation [e-resource]. URL: <http://corpmsp.ru/finansovaya-podderzhka/> (date of reference 07.12.2017).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЕКТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

Добросотский В. И.

доктор экономических наук, профессор кафедры государственного управления и права, Московский государственный институт международных отношений МИД России (Россия), 119454, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 76, v.i.dobrosotskij@innomgimo.ru

УДК 65.01

ББК 60.823.2

Цель. Цель изучения практики внедрения проектного управления в госорганах страны и выработка предложений по повышению эффективности функционирования этой сферы.

Методы. В статье проанализирована практика внедрения проектного управления в России с иллюстрацией элементов зарубежного опыта. На этой основе выявлены методологические проблемы реализации проектов в России, направленных на инновационное развитие экономики.

Результаты: Результатом исследования стали предложения о создании принципиально нового построения проектного управления в России, путем внедрения в практику государственного управления инновационных проектных офисов. Инновационное проектное управление является эффективным инструментом привлечения лучших мировых практик управления государственными проектами с помощью профессионалов из бизнес-среды.

Научная новизна. Научная новизна заключается в исследовании проектного проектирования, как важнейшего инструмента конкурентоспособности как государственных, так и бизнес проектов. На основе современных трендов развития проектного управления в мире предложена модель инновационного проектного управления в России, которое принципиально отличается от современных подходов к организации проектного управления. Сформулированы принципы построения новой управленческой модели, объединяющей созидательные экономические и социальные мотивы государства, бизнеса и общества.

Ключевые слова: проект, проектное управление, эффективное государственное управление, Единая национальная система проектного управления, инновационное проектное управление.

IMPROVEMENT OF PROJECT MANAGEMENT IN RUSSIA

Dobrosotsky V. I.

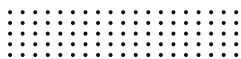
Doctor of Economics, Professor of the Department of Public Administration and Law, Moscow State Institute of International Relations of Russian Ministry of Foreign Affairs (Russia), 119454, Russia, Moscow, Vernadsky Prospekt, 76, v.i.dobrosotskij@innomgimo.ru

Purpose. The goal is to study the practice of implementing project management in the state bodies of the country and develop proposals to improve the effectiveness of this area.

Methods. The article analyzes the practice of implementing project management in Russia with the illustration of elements of foreign experience. On this basis, the methodological problems of implementing projects in Russia aimed at innovative development of the economy have been revealed.

Results. The result of the research was proposals to create a principled new construction of project management in Russia, by introducing innovative design offices into the practice of state management. Innovative project management is an effective tool for attracting the best world practices in managing public projects with the help of professionals from the business environment.

Scientific novelty. Scientific novelty lies in the study of project design as an important tool for the competitiveness of both government and business projects. Based on modern trends in the development of project management in the world, a model of innovative project management in Russia is proposed, which is fundamentally different from modern approaches to the organization of project management. The principles of building a new management model that unites the creative economic and social motives of the state, business and society are formulated.

Key words: project, project management, effective state management, Unified national project management system, innovative project management.

Инновационный мир делает прорывы во всех областях экономики и управления. Криптовалюта теснит традиционные финансовые инструменты, вводя в замешательство самых авторитетных рыночных экспертов. В Советах директоров в Гонконге наравне с традиционными директорами в заседаниях участвуют роботы, использующие свой искусственный интеллект для принятия важнейших управленческих решений в области стратегии развития корпораций. Управление рисками переметнулся из финансовых секторов экономики в производственные сектора, где изменения могут стереть с бизнес арены крупнейшие корпорации. Весь бизнес превратился в управление рисками не успев измениться адекватно изменению рыночной среды. Изменения опережают логику, и эти вызовы IT технологий уверенно внедряются в передовые системы управления. Капитал перемещается по планете с удивительной скоростью, выбирая лучшие условия для ведения бизнеса. Первую тройку в конкурентоспособности экономик занимают Гонконг, Швейцария и США. Россия занимает опасное 44 место и имеет большие риски не догнать лидеров, если не предпринять максимально эффективные меры в развитии управления, как традиционной ахиллесовой пяты нашей экономики.

В динамике последних 10 лет отставание от стран ЕС в уровне производительности труда не сокращается и оценивается разницей в два раза. Президент Путин дал поручение нарастить к 2018 году производительность труда в сравнении с 2011 годом на 50 процентов, но, к сожалению, по объективным и субъективным причинам эта установка не была выполнена. Объективными факторами является обострение политической и экономической ситуации вокруг России, повлекшей большие потери и кризисные явления. Но они могли быть не определяющими, если бы государственное управление в стране было готово эффективно реагировать на эти риски и принимать меры не только для амортизации внешнего давления, но и совершать экспансии в наиболее высокопроизводительные и высокодоходные отрасли мировой экономики. Справедливости ради необходимо отметить, что управление в России постоянно модернизируется, но эти изменения пока неадекватны по эффективности с вызовами конкурирующим с нами экономикам. Все современные инновационные проекты развития экономики страны базируются на глобальную интеграцию науки, государственных институтов управления, бизнес сообщества, регионального управления и общественных институтов, формирующих конкурентный человеческий капитал, способный поддерживать инновационные

преобразования. И этими сложными процессами необходимо управлять с помощью тонкой настройки инновационного проектного управления.

Проектное управление перемещается в практику современной жизни, превращаясь в инновационное проектное управление, но, которое требует постоянной модернизации в соответствии с требованиями современного темпа принятия обоснованных и эффективных решений. Практика его внедрения позволяет до 20 процентов снижать временные затраты и до 20 процентов экономить бюджет проекта. Если взять только Федеральные целевые программы, где реализуются проекты в объеме более триллиона рублей, то легко оценить эффективность проектного управления этой области – не менее 200 млрд. рублей.

В послании Федеральному Собранию от 03.12.2015 президент Российской Федерации В.В. Путин отметил необходимость повышения эффективности работы органов государственной власти путем внедрения инструментов проектного управления.

В частности, было сказано, что в промышленности и в сельском хозяйстве, на транспорте и в жилищном строительстве сейчас реализуются или готовятся к запуску десятки крупных проектов. Они должны иметь положительный эффект не только для отдельных отраслей, но и давать стимул комплексному развитию целых территорий. Прежде всего, это, конечно, частные проекты.

Чтобы они быстрее и эффективнее осуществлялись, необходимо вносить точечные изменения в законодательство, снимать административные барьеры, оказывать помощь с развитием инфраструктуры, с продвижением на внешние рынки. Поскольку такие вопросы часто выходят за рамки одного ведомства, В.В. Путиным было предложено создать механизм сопровождения наиболее значимых проектов. Для разработки и внедрения такого механизма было поручено создать специальный проектный офис.

По результатам этого поручения в июне 2016 года был создан Совет при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам (указ президента Российской Федерации № 306 от 30.06.2016), целью которого является определение стратегических целей развития Российской Федерации [1], а в октябре 2016 года постановлением правительства Российской Федерации № 1050 от 15.10.2016 создан Департамент проектной деятельности Правительства Российской Федерации (Федеральный проектный офис), а органам государственной власти субъектов Российской Федерации рекомендовано организовать проектную деятельность на региональном уровне.

Есть несколько ключевых предпосылок внедрения системы проектного управления в органах государственной власти [2].

1. Необходимость повышения эффективности использования бюджетных средств, что особенно актуально именно сейчас, когда консолидированный и федеральный бюджет Российской Федерации испытывают трудности и являются дефицитными в течение последних 5 лет. А как показывает международный опыт, проектное управление позволяет сократить бюджет и сроки реализации проектов [3].

2. Необходимость повышения качества планирования сроков и бюджетов государственных проектов. Как в России, так и в мире крупные инфраструктурные или социально значимые проекты реализуются либо за счет государственных средств, либо при значительной поддержке государства. При этом такие проекты часто являются первыми и уникальными в своем роде, что требует высокого качества управления. Методология проектного управления сформирована на базе многолетнего опыта реализации проектов, как в частном, так и в государственном секторе, собранного по всему миру. Изучение и использование этого опыта и сформированных на его базе инструментов позволит повысить качество планирования и выполнения государственных проектов.

3. Необходимость увязки целей, устанавливаемых на федеральном уровне в рамках стратегии социально-экономического развития и инструментов достижения этих целей. На федеральном уровне устанавливаются стратегические цели по разным

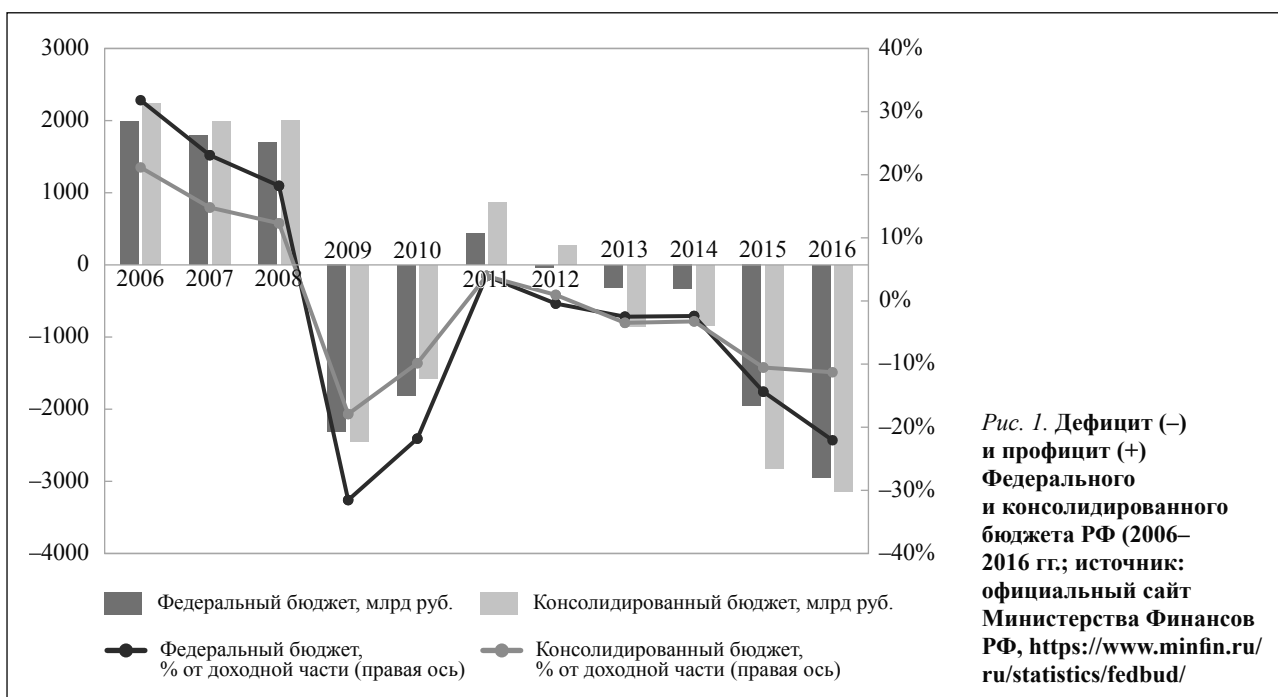
направления и отраслям, в реализацию которых необходимо вовлечение большого количества министерств, ведомств и прочих государственных органов.

Рассмотрим пример АПК. В рамках Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 в качестве одного из ключевых приоритетов выделено повышение национальной конкурентоспособности, а в частности развитие аграрного комплекса. Очевидно, что это комплексная задача, требующая участия не только Министерства сельского хозяйства, но и других государственных структур.

По этой причине на федеральном уровне был утвержден приоритетный федеральный проект «Экспорт продукции АПК», работу по которому будут совместно осуществлять Министерство сельского хозяйства, Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору, Министерство экономического развития, АО «Российский экспортный центр, Федеральная таможенная служба [4] по сути это означает, что проект будет реализовываться командой, состоящей из представителей указанных министерств и ведомств.

Такая организация работы по ключевым направлениям позволит сократить бюрократию и объединить представителей разных ведомств для достижения общей цели.

4. Необходимость формирования системы мотивации государственных служащих, основанной на достижении конкретных результатов. Опыт частного бизнеса показывает, что сотрудники любого

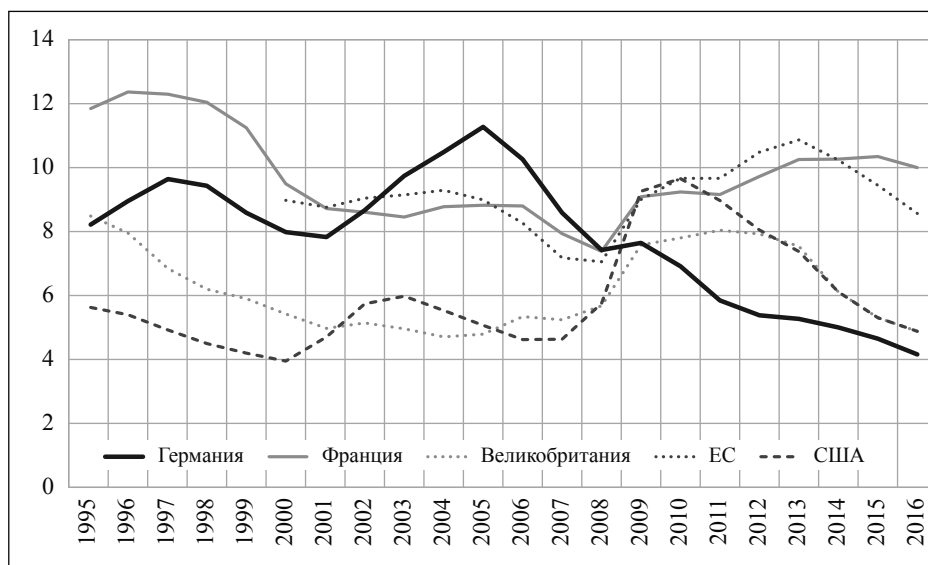

Рис. 2. Изменение уровня безработицы в Германии и некоторых других странах, % (источник: <http://stats.oecd.org>)

уровня показывают более высокие результаты и приносят больше прибыли компании тогда, когда их вознаграждение непосредственно зависит от результатов их деятельности. Справедливо это и для государственного сектора. Сложность состоит лишь в том, что зачастую сложно определить показатели, которые точно отражают успешность работы органов государственной власти. Система проектного управления, в том числе подразумевает формирование системы ключевых показателей эффективности государственного проекта, по результатам достижения которых государственные служащие должны получать вознаграждение. Предполагается, что внедрение системы проектного управления позволит частично или полностью устранить недостатки текущей системы, повысить эффективность.

В мире существует множество примеров эффективности внедрения проектных офисов в практику федеральных и региональных органов управления. Показателен опыт Федерального службы занятости Германии, когда руководителем федеральной программы стал не чиновник, а топ менеджер Концерна Volkswagen Петер Харц, внедривший в практику государственного управления самые современные бизнес модели и добившегося коренной модернизации рынка труда в стране.

Реформа Федерального Агентства по Занятости (Германия)

В начале 2000-х годов Германия столкнулась с проблемой высокой безработицы, показатели по которой не только находились на высоком уровне (8–9%), но и продолжали стремительно расти. Уже к 2005 году безработица составила 11,3%, что стало одной из причин низкого экономического роста. В 2002 году для решения этой проблемы была создана специальная комиссия, которую возглавил немецкий предприниматель

и экономист Петер Харц, занимавший в то время пост директора по персоналу Volkswagen.

В начале 2000-х годов Германия столкнулась с проблемой высокой безработицы, показатели по которой не только находились на высоком уровне (8–9%), но и продолжали стремительно расти. Уже к 2005 году безработица составила 11,3%, что стало одной из причин низкого экономического роста. В 2002 году для решения этой проблемы была создана специальная комиссия, которую возглавил немецкий предприниматель и экономист Петер Харц, занимавший в то время пост директора по персоналу Volkswagen.

Харц был приглашен в качестве эксперта Герхардом Шрёдером, который в то время был канцлером Германии (а в настоящее время занимает пост председателя Совета директоров ПАО Роснефть). Разработанные комиссией реформы, направленные на снижение безработицы и реструктуризацию Федерального Агентства по Занятости получили название «реформы Харца I-IV» (Hartz I-IV). Пакет реформ включал [5].

- Создание временных агентств, помогающих соискателям в поиске работы
- Субсидии предпринимателям на развитие бизнеса и, как следствие, создание рабочих мест
- Сокращение субсидий по безработице на 30% для соискателей, отказывающихся от предложений о работе. Также в 2002–2003 годах в рамках Харц III была проведена реорганизация Федерального Агентства по Занятости, ключевыми задачами которой были оптимизация процессов, повышение качества услуг и, как результат, сокращение время поиска работы соискателями.

В 1910 году Генри Лоуренсом Ганттом (Henry Gantt, 1861–1919), позже названным «отцом техники

планирования и контроля», был разработан инструмент календарного планирования, представляющий собой горизонтальные полосы. Начало полосы соответствует началу работы, конец полосы – концу, длина – длительности работы. На вертикальной оси отмечались задачи. Данный инструмент получил название «Диаграмма Ганта» и стал одним из ключевых инструментов планирования и управления проектами и широко используется и в наше время, практически не претерпев изменений с момента создания. К слову, Диаграмма Ганта уже активно использовалась как инструмент управления при планировании и сооружении Плотины Гувера в 1931–1935 гг. В те же годы другой основоположник современной теории управления, французский горный инженер, теоретик и практик менеджмента Анри Файоль (Henri Fayol, 1841–1925) в своих работах собрал и структурировал свои наработки в области управления, а также сформулировал пять функций управления: Планирование, Организация, Постановка задач, Координация и Контроль. Впоследствии его работы станут основой современной теории менеджмента.

Еще одним из отцов теории управления стал Фредерик Уинслоу Тейлор (Frederick Winslow Taylor, 1856–1915) – американский инженер и промышленник, а впоследствии основатель первой в истории менеджмента компании по управленческому консультированию. Ф. У. Тейлор первым внедрил систему оплаты труда, привязанную к результатам работы, первым предложил фиксировать, систематизировать и передавать знания о процессе производства – эта идея стала основой для появления в будущем профессионально-технического обучения и анализа лучших производственных практик. Считается, что его работа «Принципы научного менеджмента» (The Principles of Scientific Management), вышедшая в 1911 году стала основой современной теории менеджмента и именно на ее основе были разработаны такие современные инструменты проектного управления как Иерархическая Структура Работ, ИСР (Work Breakdown Structure, WBS).

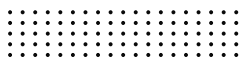
В 1957 году в рамках совместной работы всемирно известной DuPont Corporation и Remington Rand Corporation был разработан «Метод критического пути» («Critical Path Method», CPM) – техника планирования сроков проекта, подразумевающая определение «критического пути». Критический путь – наиболее длительная последовательность задач, не имеющая запаса по времени (при увеличении срока их выполнения увеличиваются сроки реализации всего проекта). Метод был разработан для оптимизации сроков ремонтов и ввода в эксплуатацию химических производств DuPont Corporation. Он оказался настолько успешным, что позволил компании сэкономить ~1 млн USD уже в первый год использования.

Еще одна методика анализа сроков проекта – PERT («Project Evaluation and Review Technique») была разработана в 1958 году во время холодной войны консалтинговой фирмой Booz Allen Hamilton и авиаконструкторами из Lockheed Corporation, по заказу специального проектного офиса министерства обороны США – US Navy, занимавшегося разработкой баллистических ракет «Поларис» и «Посейдон» для атомных подводных лодок.

Позже, в 1962 году в рамках этой же программы Министерством обороны США и Национальным управлением по авионавигации и исследованию космического пространства (NASA) был разработан еще один ключевой инструмент проектного управления – Иерархическая структура работ (WBS), о котором было сказано выше. Этот инструмент планирования представляет собой иерархическую декомпозицию работ, которые должны быть выполнены проектной командой в рамках реализации проекта для достижения его результатов. Иными словами, цель проекта разбивается на более мелкие задачи, а перечень задач используется для планирования сроков и ресурсов, необходимых для реализации проекта. В 1965 году в Вене была основана первая международная ассоциация проектного управления – IPMA (International Project Management Association), которая в настоящее время признана одной из самых авторитетных в мире. В 1969 в США была основана еще одна международная ассоциация по управлению проектами – Project Management Institute (PMI). На сегодняшний день она наряду с IPMA является одной из самых авторитетных ассоциаций в сфере проектного управления. Позже с появлением и развитием новых технологий появляются новые подходы к управлению проектами. В 1986 впервые был описан гибкий подход к управлению, родившийся в сфере разработки программного обеспечения, получивший название SCRUM, что в переводе с английского означает «схватка». Данный подход основан на идее работы небольшими проектными командами. При этом работа выполняется не планомерно на протяжении всего срока реализации проекта, а разбивается на отдельные короткие промежутки, называемые «спринтами». Основная задача – в рамках одного спринта создать работающий демонстрационный образец или продукт, обладающий основными целевыми характеристиками, а в рамках следующих спринтов дорабатывать его, если основные характеристики удовлетворяют требованиям заказчика.

В 1987 PMI выпустил первую редакцию Руководства к своду знаний по управлению проектами PMBOK [6]. Сейчас PMBOK является признанным международным стандартом по управлению проектами.

Еще одним направлением развития проектного управления становится планирование и контроль затрат. В 1989 году получает распространение

Метод освоенного (Earned Value Management, EVM), который использовался Министерством обороны США и NASA для контроля затрат проектов. Данный метод позволяет в увязке контролировать сроки, бюджет и объем выполненных работ по проекту. Позже в 2006 году Ассоциацией стоимостного инжиниринга AACE был разработан комплексный подход к управлению стоимостью проектов – Total Cost Management, куда в качестве одного из методов вошел метод освоенного объема.

В России дисциплина проектного управления в ее современном понимании начала формироваться только в начале 1990-х годов вместе с появлением Ассоциации управления проектами «СОВНЕТ», которая в 1991 году вступила в международную ассоциацию управления проектами INTERNET (сейчас IPMA). При этом отдельные элементы и инструменты проектного управления активно использовались в СССР еще с 1930-х годов. В первую очередь речь идет об использовании моделей Ганта, циклограмм и графоаналитических методах оптимизации при планировании и контроле крупномасштабных строительных проектов в период индустриализации, а также проектов оборонно-промышленного комплекса.

В начале 60-х, после выхода в США публикаций о методах сетевого планирования (CPM и PERT) в СССР развиваются собственные наработки в данной области и появляются первые публикации М. Л. Разу, С. И. Зуховицкого, И. А. Радчика. А уже к концу 60-х инструменты календарно-сетевого планирования получили широкое распространение и вошли в программы большинства строительных ВУЗов. А в 70-х годах начинают появляться программные расчетные комплексы на базе ЭВМ, позволяющие решать задачи по оптимизации сроков и стоимости.

В предыдущем разделе эффективность государственного управления завершила логическую цепочку по приоритетам политики устойчивого развития, утвержденного Правительством РФ. Это важный нюанс демонстрирует неготовность сформулировать эффективный инструментарий государственного управления в условиях глобальной конкурентной среды на мировом рынке, когда именно качество государственного управления предопределяет успехи той или иной страны в социально-экономическом развитии. Сложность построения эффективной системы государственного управления кроется в следующих факторах:

1. Инерционность и масштабность системы государственного управления, ее сопротивляемость изменениям в целях самосохранения.

2. Вызовы обостряющейся конкуренции в мире требует постоянной перезагрузки управления в соответствии с возникающими вызовами и применения все более тонких инструментов государственного

регулирования, что невозможно при существующей системе государственного управления.

3. Государственное управление в России сформировано под макрорегулирующую функции государства с акцентом на предоставление традиционных услуг населения и удаленность от управления реальными бизнес процессами. Современная экономика требует постоянной модернизации экономики с учетом постиндустриального уклада экономики и опережающего темпа развития сферы высокотехнологичных услуг и инноваций

4. Отсутствие конкурентной рыночной оплаты труда государственных служащих, его проектного стимулирования лишает государственное управление высококвалифицированных управленцев, стимулирует коррупцию и низкий уровень государственного управления.

В настоящее время важным инструментом государственного управления декларируется проектно-ориентированная деятельность государственных и муниципальных органов управления [7].

Распоряжением Минэкономразвития России 26Р-АУ от 14 апреля 2014 года «Об утверждении методических рекомендаций по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти» [8] сделана попытка на основании обобщения зарубежной регламентировать данную сферу управленческой деятельности для всех федеральных и региональных органов исполнительной власти

Результаты мониторинга внедрения проектного управления в 13 федеральных исполнительных органах власти, 16 региональных органов исполнительной власти показали следующие данные:

- разработаны и утверждены нормативно-методические документы по проектному управлению в 13,4% федеральных органов исполнительной власти и 12,5 процентов в региональных.
- не созданы проектные комитеты в 76,9% федеральных органов исполнительной власти и 81,3% региональных
- отсутствуют проектные офисы 61,5% федеральных органов исполнительной власти и 68,8% региональных
- не используется мотивация проектной деятельности 100 процентов в федеральных органах исполнительной власти и 75 процентов региональных. Цель инновационного проектного управления – приоритизировать деятельность науки, госорганов, региональных органов власти, социального сектора, бизнеса и общественности для ускоренного реализации крупных современных инновационных проектов с высокой добавленной стоимостью и производительностью труда, способствующей росту высокооплачиваемых специалистов в реальной экономике, формирующих внутренний спрос и сокращающий российский

феномен «работающей бедности»; – оптимизировать на базе новейших технологий управленческие, инвестиционные и иные издержки с сокращением сроком ввода объектов в эксплуатацию при полной реализации целей проекта.

Стадии работы над проектом инновационного проектного офиса могут быть стандартными: инициация, планирование, организация и контроль исполнением, анализ, регулирование и закрытие, но наполняться другой философией и принципами.

Инновационное проектное управление предлагается выстраивать на новых подходах и принципах во многом перекликающимися с принципами Agile манифест для организации проектного бизнеса в области программирования.

1. Наивысшим приоритетом для нас является создание инновационного проекта, обладающего самыми современными характеристиками для конкуренции на мировом рынке и улучшающего экономическую и социальную среду развития бизнеса, конкурентоспособность экономики и жизненный уровень людей.

2. Возглавить инновационный проектный офис имеет право исключительно профессионал, имеющий большой опыт и достижения в подобных проектах.

3. Изменения в проекте приветствуются, если они повышают его конкурентоспособность.

4. На протяжении всего проекта разработчики, представители госорганов и представители бизнеса должны ежедневно работать вместе.

5. Профессионалы, входящие в инновационный проектный офис принимаются на работу по эффективному контракту руководителем проекта и взаимодействуют друг с другом с использованием всех современных средств коммуникаций.

6. Над проектом должны работать мотивированные профессионалы вознаграждение которых соответствует сложившейся рыночной практики. Это позволит обеспечить перетекание специалистов из бизнеса для работы над крупными госпрограммами.

7. Эффективность и конкурентоспособность проекта это главный его результат.

8. Искусство минимизации излишней работы – основа инновационного управления.

9. Поиск новых решений и идей является основой саморегуляции проектной команды.

10. Любой стиль работы проектной команды приемлем, если он рождает хорошие результаты.

11. Инновационное проектное управление по своей сути не имеет разделения на крупные государственные или бизнес проекты, так как затрагивает интересы государства, бизнеса, жителей страны и влияет на все компоненты общественной жизни государства.

12. В работе проектных офисов задействуются исключительно специалисты инновационного

проектного управления, прошедшие соответствующее обучение из числа госслужащих и приглашенных по контракту из бизнеса опытных профессионалов из этой области, готовых привнести лучшие бизнес практики в государственное управление.

Исходя из приведенного исследования можно сделать ряд выводов:

1. Быстрые изменения и высокая межстрановая конкуренция диктует необходимость России перестроить систему управления крупными инновационными проектами на подходы инновационного проектного управления.

2. Инновационное проектное управление может стать единым управленческим модулем взаимодействия науки, государства и бизнеса с достижением единых целей.

3. Команда инновационного проектного офиса функционирует в особом режиме на основе одних целей и задач и мотивированы на базе эффективных рыночных контрактов.

4. Инновационное проектное управление должно иметь специфические принципы, мотивы и условия работы, отличные от функциональной модели работы госслужащего.

5. Нацеленность инновационных проектов должна соответствовать задачам ускоренного роста производительности труда и конкурентоспособности отечественной экономики.

Литература:

1. О Совете при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам: Указ Президента Российской Федерации от 30 июня 2016 года №306 [электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40945> (дата обращения 09.12.2017).
2. Организация проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации и органах исполнительной власти [электронный ресурс]. URL: http://sovnet.ru/library/3_Мальков.pdf (дата обращения 09.12.2017).
3. Материалы 8 Международной конференции ПМСОФТ по управлению проектами «ПМСОФТ и Primavera – успешные инвестиции в промышленность и строительство» [электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektnoe-upravlenie-kak-instrument-povysheniya-effektivnosti-deyatelnosti-organov-gosudarstvennoy-ispolnitelnoy-vlasti> (дата обращения 09.12.2017).
4. Паспорт приоритетного проекта «Экспорт продукции АПК» [электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/cMQSd7VmfBXrGXLv6ncG3ZNq8QtzOvAH.pdf> (дата обращения 09.12.2017).

5. The Hartz reforms in Germany [электронный ресурс]. URL: <https://www.centreforpublicimpact.org/case-study/hartz-reform/> (дата обращения 09.12.2017).
6. A brief history of project management [электронный ресурс]. URL: <https://www.projectsmart.co.uk/brief-history-of-project-management.php> (дата обращения 09.12.2017)
7. Добросоцкий В. И. Государственное регулирование экономики. Учебник. М.: МГИМО-Университет, 2017.
8. Методические рекомендации по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти (утверждены Распоряжением Министерства экономического развития РФ от 14 апреля 2014 года № 26Р-АУ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- URL: http://sovnet.ru/library/3_Malkov.pdf (date of reference 09.12.2017).
3. Materials of the 8th International PMSOFT Conference on Project Management «PMSOFT and Primavera – Successful Investments in Industry and Construction» [e-resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektnoe-upravlenie-kak-instrument-povysheniya-effektivnosti-deyatelnosti-organov-gosudarstvennoy-ispolnitelnoy-vlasti> (date of reference 09.12.2017).
4. The passport of the priority project «Export of agricultural products» [e-resource]. URL: <http://static.government.ru/media/files/cMQSd7VmfbXrGXLv6ncG3ZNq8QtzOvAH.pdf> (date of reference 09.12.2017).
5. The Hartz reforms in Germany [e-resource]. URL: <https://www.centreforpublicimpact.org/case-study/hartz-reform/> (date of reference 09.12.2017).
6. A brief history of project management [e-resource]. URL: <https://www.projectsmart.co.uk/brief-history-of-project-management.php> (date of reference 09.12.2017)
7. Dobrosotsky V. I. State regulation of the economy. Textbook. Moscow: MGIMO-University, 2017.
8. Methodological recommendations on the introduction of project management in the executive authorities (approved by the Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation № 26R-AU of 14 April 2014). Access from the ref.-legal system “ConsultantPlus”

References:

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
И ИНСТРУМЕНТАРИЙ РАЗРАБОТКИ ЦЕЛЕЙ
КРАТКОСРОЧНОЙ И ДОЛГОСРОЧНОЙ
ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ КОМПАНИИ**

Толкачева Н. А.

старший преподаватель кафедры финансов и кредита Сибирского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 630102, Россия, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6, tysuy@mail.ru

УДК 658.15

ББК 65.291.9-18

Проблемы, определяющие актуальность настоящего исследования, заключаются в следующем: неполнота методологии финансового управления, инструментария анализа на уровне компании при разработке целей и реализации финансовой политики компании.

Цель исследования заключается в совершенствовании методологической базы и инструментария при разработке целей финансовой политики компании.

Методы. В статье использованы системный подход, сравнительный анализ, метод систематизации и анализа.

Результаты и область применения. Представлены результаты систематизации целей и задач в рамках краткосрочной и долгосрочной финансовой политики. Выбраны, обоснованы основные показатели и сформулированы индикаторы их достижения в области политики управления оборотным капиталом, в области политики финансирования, инвестиционной политики. Результаты могут быть использованы при разработке финансовой политики компании, при разработке стратегических карт и систем взаимосвязанных показателей.

Ключевые слова: финансовая политика компании, политика финансирования, финансовый менеджмент, финансовые показатели.

**METHODOLOGICAL ASPECTS AND INSTRUMENTS
FOR DEVELOPING THE OBJECTIVES OF A COMPANY'S SHORT-TERM
AND LONG-TERM FINANCIAL POLICIES**

Tolkacheva N. A.

Senior Lecturer, Department of Finance and Credit of Siberian Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 630102, Russia, Novosibirsk, 6, Nizhegorodskaya Str., tysuy@mail.ru

The problems that determine the relevance of this study are as follows: incompleteness of financial management methodology, analysis tools at the company level when developing goals and implementing the company's financial policy.

Purpose. This article researches to improve the methodological base and tools in developing the objectives and goals of the company's financial policy.

Methods. Systematic approach, comparative analysis, systematization and analysis have used in the article.

Results. The main objectives and goals of the company's financial policy have been classified. The main financial ratios of the objectives are selected and substantiated. The indicators of their achievement in the field of the working capital management policy, in the field of the financing policy and investment policy are formulated. The results can be used in the development of financial policies of a company and in the development of strategic maps and systems of interrelated indicators.

Key words: financial policy of the company, financing policy, financial management, financial indicators.

На современном этапе развития нашего государства первоочередной задачей является обеспечение устойчивого роста экономических систем, как на макро, так и на микроуровне. В этой связи особую актуальность приобретает поиск новых технологий финансового управления и разработка эффективной методологической базы, которые бы позволили обеспечить устойчивый темп развития, как на уровне компании, так и на уровне территории.

Актуальность исследования заключается в необходимости обеспечения развития и роста компаний за счет разработки и совершенствования комплексного прикладного инструментария управления финансами компаний в части формирования и реализации их финансовой политики.

В современных условиях повышается роль финансовой политики, в достижении поставленных компанией целей. Эффективная финансовая политика является условием успешной деятельности компании, грамотного инвестирования, привлечения и использования финансовых ресурсов, обеспечения сбалансированности денежных потоков. [1, с. 146]

В общем смысле политика трактуется как образ действий, направленных на достижение чего-либо. Политика организации учеными представляется в качестве части системы управления и средства достижения равновесия между предприятием и окружающей средой в процессе функционирования субъекта. [2, с. 54]

В теории финансового управления известны различные трактовки понятия финансовая политика компании. Понятие финансовая политика компании рассматривается в трудах экономистов К. В. Екимова, Е. И. Громова, И. Т. Кери, В. Г. Артеменко, В. В. Остапова, В. Я. Ушаков, П. Н. Шуляк. Можно отметить следующие принципиальные подходы к пониманию финансовой политики компании: правила игры

в области финансов, целенаправленное использование финансовых ресурсов для достижения целей; финансовые цели и инструменты их реализации; искусство управления финансовыми ресурсами; совокупность мероприятий по управлению финансами. [3] Стоит отметить, что с практической позиции финансовая политика компании чаще рассматривается как определенный регламент, включающий принципы и правила организации финансового управления. Оценка рассмотренных подходов позволяет выделить два принципиальных аспекта в финансовой политике компании. Первый, связан с целеполаганием, и в экономической литературе и речи экономистов реализуется в контексте формирования или разработки финансовой политики. Второй вопрос касается выбора управленческого инструментария ее реализации в контексте проведения или реализации финансовой политики.

По мнению автора, финансовая политика компании должна рассматриваться как многоаспектное управленческое понятие, которое включает как постановку целей и задач финансового управления компанией в краткосрочной и долгосрочной перспективе, так и определение подходов, инструментов и средств их достижения в рамках общей стратегии развития.

В зависимости от временного горизонта управления и масштаба получаемых результатов различают: долгосрочную финансовую политику компании и краткосрочную финансовую политику компании. По направленности решений выделяют: финансовую политику управления источниками финансирования (финансовыми ресурсами) и политику управления имуществом (активами). [3]

На рис. 1 представлена матрица, в которой приведены элементы финансовой политики компании по срокам реализации (временного горизонта) и направлениям решений.

Финансовая политика	Долгосрочная	Краткосрочная
Управление источниками финансовых ресурсов	• Политика долгосрочного финансирования (привлечения кредитов, реинвестирования); • политика эмиссии акций; • политика облигационных займов; • управление ценой капитала; • дивидендная политика	• Политика краткосрочного финансирования; • управление кредиторской задолженностью (начислениями)
Управление активами	• Управление реальными инвестициями (капиталовложениями); • управление финансовыми инвестициями (прямое и портфельное инвестирование)	• управление оборотными активами (запасами, денежными средствами, дебиторской задолженностью); • оптимизация затрат

Рис. 1. Элементы финансовой политики компании

Так, долгосрочную финансовую политику можно подразделить на политику финансирования, связанную с привлечением собственного и заемного капитала для обеспечения долгосрочной деятельности компании, и политику инвестирования в реальные и финансовые активы. Краткосрочная финансовая политика включает управление оборотными активами и их текущим финансированием, что традиционно рассматривается в едином направлении – управление оборотным капиталом. Ввиду чего декомпозиция на политику управления источниками и активами в рамках краткосрочной финансовой политики представляется условной.

Для разработки финансовой политики, принятия эффективных и рациональных финансовых решений необходим соответствующий аналитический и управленческий инструментарий. Обоснование краткосрочных и долгосрочных финансовых решений с учетом направленности происходит в общем контексте управления компанией с учетом целей и стратегии ее развития. Задание целей – это краеугольный камень финансовой политики компании в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Цели должны лежать в основе каждого финансового решения, реализуемого компанией. Современная методология формирования (выделения и описания) финансовых целей основывается на использовании методов декомпозиции, дедукции и индукции и, как правило, реализуется с участием экспертов. Под целью финансовой политики в данном контексте понимается желаемый результат деятельности компании. На рис. 2 представлены словесные обозначения целей в рамках краткосрочной и долгосрочной финансовой политики.

Для экономиста важный вопрос – выбор показателей и индикаторов их достижения при задании целей. Экономические и финансовые показатели измеряемы, они позволяют оценить, насколько реализована цель при помощи индикаторов, которые задаются, как правило, в числовом формате. В менеджменте известен

инструмент «дерево целей», который опирается на процедуры расчленения и синтеза. Расщепление желаемых результатов проводится до целей поддающихся количественной оценке, в результате чего формируется система частных оценочных показателей или индикаторов. Существуют различные варианты построения системы показателей: от общего к частному, когда сначала общие цели стратегической финансовой политики сводятся к частным целям долгосрочной и краткосрочной финансовой политики, и упорядочиваются в виде иерархичной структуры; и от частного к общему, когда выделяются показатели и индикаторы на уровнях финансовой политики, затем агрегируются в показатели для оценки общих целей и упорядочиваются в виде дерева показателей. В итоге дерево вербально заданных целей проецируется в дерево оценочных показателей.

Построение современной системы показателей невозможно без стандартных схем финансового анализа. Схемы могут быть использованы для разложения показателей верхнего уровня на составляющие, однако основа системы показателей должна состоять только из ключевых факторов, которые непосредственно влияют на стоимость компании.

Рассмотрим основные показатели в каждой из областей финансовой политики. (рис. 3)

Компаниям следует четко формулировать как стратегические финансовые цели, долгосрочные цели так и краткосрочные задачи, используя систему целевых финансовых показателей, а также уметь быстро реагировать на внешние и внутренние изменения.

При разработке финансовой политики задание целей и выбор показателей и индикаторов их достижения категории SMART относятся к важнейшим инструментам. [4, с. 60] Если цели по своей сущности относятся к заданию направления, то показатели и индикаторы в этом отношении более конкретны. Инструментарий SMART позволяет установить

Финансовая политика	Долгосрочная (политика финансирования и инвестиционная политика)	Краткосрочная (политика управления оборотным капиталом)
Цели	Оптимальная структура капитала (долгосрочная финансовая устойчивость и финансовая безопасность) Инвестиционная привлекательность (обеспечение определенного уровня доходности)	• Обеспечение сбалансированности и достаточности денежного потока; • обеспечение определенного уровня прибыльности и оборачиваемости активов; • текущая платежеспособность
Стратегическая цель	Рост стоимости компании	

Рис. 2. Основные элементы и словесные цели финансовой политики компании

Финансовая политика	Долгосрочная (политика финансирования и инвестиционная политика)	Краткосрочная (политика управления оборотным капиталом)
Показатели при формулировке целей	Показатели стоимости и структуры капитала: • коэффициент автономии, коэффициент покрытия процентов, отношение долга к выручке; • WACC; Финансовый леверидж, эффект финансового рычага, рентабельность собственного капитала; • норма накопления	Показатели денежного потока. Коэффициенты оборачиваемости, длительность финансового цикла; Показатели ликвидности; Рентабельность активов
	Показатели эффективности оценки инвестиций: ARR, PP, NPV, IRR, DPP, PI	
Показатель стоимости компании	EVA	

Рис. 3. Группировка показателей для оценки финансовой политики компании

Рис. 3. Группировка показателей для оценки финансовой политики компании

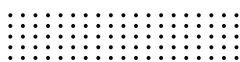
ориентиры, обладающие следующими характеристиками. Они должны быть:

- конкретными (specific): заданный параметр должен быть выражен точным числом;
- измеряемыми (measurable): параметр должен быть выражен в численном виде;
- достижимыми (attainable);
- соответствующими (relevant);
- привязанными к конкретным временным срокам (time-limited). [4, с. 60]

Ключевые показатели в области краткосрочной финансовой политики, реализуемой, как правило, в течение года это показатели ликвидности, оборачиваемости, финансового цикла и рентабельности. Целевые индикаторы определяются, как правило, установленными нормативами коэффициентов ликвидности. В части показателей оборачиваемости, цикла оборота денежных средств, рентабельности индикаторы должны определяться как значениями показателей по компаниям, относящимся к данной отрасли, так и темпами роста показателей компании и технико-экономическими особенностями. С учетом отраслевой специфики, стадии жизненного цикла компании, и других факторов могут быть установлены индикаторы доли оборотных активов в структуре имущества на следующий операционный период, а также целевая структура элементов оборотных активов. Одним из вопросов, решаемых на уровне краткосрочной политики, является вопрос оптимизации денежных потоков, ввиду чего показателями и их целевыми ориентирами могут быть выбраны как соотношение дебиторской и кредиторской задолженностей, так и отношение скорости их оборота.

Решения о долгосрочном финансовом обеспечении деятельности компании, финансировании проектов, о выборе источников капитала, использовании финансового рычага для управления стоимостью компании относятся к области политики финансирования. Ключевым вопросом долгосрочной политики финансирования является выбор такого сочетания собственного и заемного капитала, который бы максимизировал доходы владельцев и стоимость компании. Традиционное соотношение, характеризующее комбинацию источников финансирования, выражают в виде коэффициента автономии, характеризующего долю собственных средств в общем объеме финансирования. Существуют нормальные пропорции по отношению к величине активов или задействованному капиталу, так и к другим ключевым показателям деятельности. [5, с. 32] Есть компании, определяющие и устанавливающие долю заемных средств как процент в выручке. Другой вариант – устанавливать долю заемных средств, базирываясь на коэффициенте покрытия процентов (отношение прибыли до выплаты процентов и налогов к годовым процентным платежам).

При оценке финансовых результатов для определения оптимальной структуры капитала следует обращать внимание на динамику относительных значений. Так, если наблюдается рост показателей рентабельности в течение среднесрочного периода времени, фирма может позволить привлечение дополнительного заемного капитала. При этом особое внимание следует обратить на значение показателя рентабельности активов, который будет являться индикатором возможности привлечения дополнительного заемного капитала долгосрочного характера. [6, с. 32]

Толкачева Н. А.

Разработка политики финансирования предполагает учет требований по доходности всех групп финансовых инвесторов и кредиторов компании в виде единой ставки, которая рассматривается как минимальная рентабельность инвестированных средств. Речь идет о показателе цены или стоимости капитала WACC. Показатель средневзвешенной стоимости капитала оценивает среднюю цену, платность (или требуемую доходность) источников капитала компании. При определении целевого индикатора для этого финансового показателя нужно исходить из необходимости превышения уровня общей рентабельности компании над стоимостью капитала. Разница между показателями рентабельность инвестированного капитала и стоимостью капитала называется спреedom доходности, дает возможность судить об относительной эффективности использования капитала. [7, с. 32]

Важным показателем политики финансирования является эффект финансового рычага, который оценивает увеличение доходности (рентабельности) собственного капитала, когда компания использует заемный капитал, при условии, что рентабельность активов превышает цену заемных источников. Эффект финансового рычага показывает потенциальное увеличение прибыли к распределению между владельцами собственного капитала при использовании заемного. Кроме этого компания получает возможность воспользоваться «налоговым щитом», так как сумма процентов за кредит вычитается из общей величины прибыли, подлежащей налогообложению.

Для крупных акционерных компаний вопрос финансирования решается также в ходе разработки и реализации дивидендной политики, которая заключается в обосновании и оптимизации пропорций между выплачиваемой в виде дивидендов и реинвестируемой частями полученной компанией прибыли. Показателем в этой области является, например, норма накопления, или коэффициент реинвестирования. Норма накопления это отношение нераспределенной прибыли к прибыли после уплаты налогов (чистой). Целевой индикатор будет определяться исходя из склонности Совета директоров компании к текущему потреблению прибыли (выплате дивидендов) или реинвестированию, а также с учетом текущей структуры капитала.

В области инвестиционной политики компании показателями являются традиционные показатели эффективности инвестиций. Ключевыми показателями можно назвать отдачу (рентабельность инвестиций) по видам вложений ARR, чистую текущую стоимость проектов NPV, внутреннюю норму доходности IRR. Индикаторами целевых значений для рентабельности инвестиций должны служить альтернативные затраты, точнее необходимость их превышения. Согласно традиционному подходу к оценке эффективности

инвестиций чистая текущая стоимость NPV проекта вложений должна иметь положительное значение, т.е. в общем случае целевым индикатором можно считать любую положительную величину. Однако, при выборе из ряда альтернативных проектов, следует выбирать тот, что дает большее значение NPV. Необходимо присваивать целевое значение индикатору показателя NPV не просто на уровне выше нуля, а в контексте общего объема вложений в денежном выражении. Внутреннюю норму доходности IRR сравнивают с ценой капитала, используемого для финансирования данного инвестиционного решения. Так, например, значительное превышение IRR над уровнем процентной ставки по кредиту для финансирования данного проекта, будет считаться целевым ориентиром для принятия данного проекта.

При задании целей краткосрочной и долгосрочной финансовой политики необходимо выбрать ключевые направления в каждой области: политика управления оборотным капиталом, политика финансирования и инвестиционная политика, выбрать соответствующие показатели и обозначить индикаторы их достижения.

Главной стратегической финансовой целью и показателем эффективной финансовой политики является стоимость компании. Современная переориентация системы финансового управления на максимизацию стоимости организации диктует необходимость выбора новых показателей и инструментов анализа. В настоящее время используется достаточно широкий спектр экономических (финансовых) показателей, изменение которых и служит критерием успеха менеджмента, ориентированного на стоимость. [7]

Наиболее простыми показателями, которые возможно использовать при экспресс-оценке стоимости являются показатели рентабельности активов и собственного капитала. Их расчет довольно прост, базируется на бухгалтерской прибыли, показателе, который, как известно, является счетной категорией – имеет ограничения и особенности определения и отражения в отчете о финансовых результатах.

В рамках подхода, основанного на дисконтировании при расчете приведенной (PV) и капитализированной стоимости (CV) и ряда других показателей учитываются будущие доходы от вложений в бизнес с учетом фактора изменения стоимости денег во времени. В качестве дохода может быть использована прибыль (в том числе скорректированная), выручка (что характерно для традиционного бухгалтерского понимания доход), дивиденды и денежный поток.

Известен также целый ряд показателей, отражающих процесс создания стоимости. Наиболее популярные из них – экономическая добавленная стоимость EVA, добавленная рыночная стоимость MVA, акционерная добавленная стоимость SVA, добавленный

денежный поток CVA и отдача денежных потоков на инвестированный капитал CFROI. В силу того, что каждый из показателей имеет свои ограничения и недостатки, а также, потому, что область стоимостных показателей является развивающейся областью финансового управления, некоторые авторы предлагают комбинированное использование нескольких показателей при оценке, как самой стоимости, так и процесса создания стоимости. В каждом конкретном случае менеджмент компании должен выбрать соответствующий стоимостной показатель исходя из соображений оперативности, выгод и затрат, связанных с получением информации, необходимой для его расчета. [7]

EVA – Economic Value Added является самым известным и распространенным показателем, т.к., сочетает простоту расчета и возможность определения стоимости компании, а также позволяет оценивать эффективность как компании в целом, так и отдельных ее подразделений, что актуально для крупных компаний. Экономическая добавленная стоимость позволяет оценить разницу между рентабельностью инвестированного капитала и средневзвешенной стоимостью этого капитала (спред доходности), умноженную на величину этого капитала.

EVA является индикатором рациональности финансовой политики: постоянная положительная величина этого показателя свидетельствует об увеличении стоимости компании, тогда как отрицательная – о ее снижении.

$$\begin{aligned} \text{EVA} &= \text{NOPAT} - (\text{WACC} \cdot \text{Capital}) = \\ &= (\text{ROIC} - \text{WACC}) \cdot \text{Capital}, \end{aligned}$$

где NOPAT – чистая прибыль;

WACC – средневзвешенная стоимость капитала;

Capital – инвестированный капитал;

ROIC – рентабельность инвестированного капитала.

Зачастую анализ, основанный на показателе EVA, рассматривают в качестве альтернативы традиционному NPV-анализу. [7] Следует отметить, что показатель NPV как показатель оценки стоимости, имеет некоторые ограничения, связанные со сложностью прогнозирования будущих доходов, отсутствием унифицированного подхода к выбору ставки дисконтирования.

EVA полезный инструмент для сравнения результатов деятельности компаний, возможно ранжирование компаний по значению доходности, рассчитанной на основе EVA (EVA/использованный капитал). Для компании объективно заданная доходность, рассчитанную на основе EVA, например 5% означает, что менеджмент хочет добиться значения ROIC, на 5% превышающего величину WACC. Очевидно, что показатель

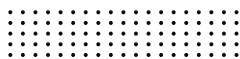
экономической добавленной стоимости позволяет как задать целевой ориентир, так и оценить результаты краткосрочной так и долгосрочной финансовой политики.

Управление стоимостью компании и использование методологии управления стоимостью в финансовой политике компании стало результатом применения последних достижений в области управленческих технологий и самых современных инструментов финансового менеджмента.

При разработке и проведении своей финансовой политики компании могут и должны использовать современный аналитический и управленческий инструментарий, позволяющий эффективно планировать, контролировать и направлять действия компании на пути к достижению экономически оправданных целей. Компании необходимо четко формулировать финансовые цели, адекватно выбирать показатели и индикаторы, которые позволят оценить степень их достижения, а также уметь быстро, гибко, и адекватно адаптироваться к изменяющимся параметрам, что представляется возможным в рамках обоснованной финансовой политики.

Литература:

1. Толкачева Н. А. Информационные ресурсы для разработки и оценки финансовой политики компании // Актуальные финансовые исследования: теория, методология и практика: сборник научных трудов. М., Берлин: Директ-Медиа, 2016. С. 146–152.
2. Макаров А. С. Финансовая политика организации, ее виды, инструменты формирования и реализация // Финансы и кредит. 2008. № 10. С. 54–60.
3. Толкачева Н. А. Краткосрочная и долгосрочная финансовая политика: учебное пособие. М.: Директ-Медиа, 2017. 231 с.
4. Эванс В. Ключевые стратегические инструменты. 88 инструментов, которые должен знать каждый менеджер / пер. с англ. В. Н. Егорова. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2015.
5. Теплова Т. В. Корпоративные финансы в 2 ч. Часть 2: учебник и практикум для академического бакалавриата М.: Юрайт, 2016. 270 с.
6. Биткина И. К. Экономическое обоснование влияния внутренних факторов на структуру капитала компании // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 31(265). С. 27–37.
7. Методология комплексного анализа и управления финансами: монография. Новосибирск: СибАГС, 2009. 251 с.
8. Ушаков В. Я. Финансовая политика предприятия: учебное пособие. М.: МУ им. С. Ю. Витте, 2015. 242 с.
9. Шуляк П. Н. Финансы предприятия. М.: Дашков и К°, 2013. 624 с.

Толкачева Н. А.

References:

1. Tolкачева N. A. Information resources for the development and evaluation of the company's financial policy // Actual financial research: theory, methodology and practice: a collection of scientific papers. M., Berlin: Direct Media, 2016. P. 146–152.
2. Makarov A. S. The financial policy of the organization, its types, tools of formation and realization // Finances and credit. 2008. № 10. P. 54–60.
3. Tolкачева N. A. Short-term and long-term financial policy: a tutorial. M.: Direct Media, 2017. 231 p.
4. Evans V. Key strategic tools. 88 tools that every manager should. M.: BINOM. Laboratory of Knowledge, 2015.
5. Teplova T. V. Corporate Finance in 2 hours Part 2: Textbook and Workshop for Academic Bachelor's Degree M.: Yurayt, 2016. 270 p.
6. Bitkina I. K. Economic justification of the influence of internal factors on the company's capital structure // Financial analytics: problems and solutions. 2015. № 31 (265). P. 27–37.
7. Methodology of integrated analysis and financial management: monograph. Novosibirsk: SibAGS, 2009. 251 p.
8. Ushakov V. Ya. The financial policy of the enterprise: a textbook. Moscow: Moscow State University. S. Yu. Witte, 2015. 242 p.
9. Shulyak P. N. Finance of the enterprise. M.: Dashkov and Co., 2013. 624 p. 10.

ФИНАНСОВЫЕ ПРИЧИНЫ БАНКРОТСТВА РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Смородина Е. А.

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансов, денежного обращения и кредита», Уральский Федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия), 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира 19, smorodina_e@mail.ru

Химичева Ю. В.

экономист, ООО «УралТеплоЭнергоМонтаж» (Россия), 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира 19, smorodina_e@mail.ru

УДК 658.15(470)
ББК 65.291.9(2Рос)-21

Актуальность выбранной темы обусловлена сложившейся в России финансовой неопределенностью и нестабильностью, которая приводит к увеличению предпринимательских рисков, связанных с ведением бизнеса. В этих условиях финансовое состояние российских предприятий ухудшается и может завершиться их банкротством. В данной статье рассмотрены методологические и правовые основы банкротства, финансовые коэффициенты, которые рассчитываются при проведении процедуры банкротства в Российской Федерации.

Разобраны понятие банкротства, основные причины, стадии банкротства и его последствия. Проведен анализ финансового состояния российских предприятий в целях выявления признаков и причин банкротства. Показана динамика финансовых результатов деятельности крупных и средних предприятий в РФ, а также структура дебиторской и кредиторской задолженностей на крупных и средних российских предприятиях. Приведен пример показателей, характеризующих платёжеспособность и финансовую устойчивость организаций.

Ключевые слова: банкротство, финансовый менеджмент, предприятие, кредитор, финансовая неустойчивость, неплатежеспособность.

FINANCIAL REASONS FOR THE BANKRUPTCY OF RUSSIAN ENTERPRISES

Smorodina E. A.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of "Finance, Money Circulation and Credit", "Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Russia), 620002 Russia, Ekaterinburg, Mira str., 19, smorodina_e@mail.ru

Khimicheva Yu. V.

Economist, LLC @UralTeploEnergoMontazh@, 620002 Russia, Ekaterinburg, Mira str., 19, smorodina_e@mail.ru

The urgency of the chosen topic is due to the financial uncertainty and instability that has developed in Russia, which leads to an increase in entrepreneurial risks associated with doing business. In these conditions, the financial condition of Russian enterprises is deteriorating and may end in bankruptcy. This article examines the methodological and legal basis for bankruptcy, financial ratios, which are calculated during the bankruptcy proceedings in the Russian Federation.

The concept of bankruptcy, the main reasons, the stages of bankruptcy and its consequences are disassembled. An analysis of the financial condition of Russian enterprises was conducted to identify signs and causes of bankruptcy. The dynamics of the financial performance of large and medium-sized enterprises in the Russian Federation is shown, as well as the structure of accounts receivable and payable at large and medium-sized Russian enterprises. An example of indicators characterizing the solvency and financial stability of organizations is given.

Key words: bankruptcy, financial management, enterprise, creditor, financial instability, insolvency.

Введение

Создавая бизнес, собственники должны понимать, что в условиях конкурентоспособности столкнуться с различными видами предпринимательских рисков. В связи с этим менеджеры должны уметь прогнозировать развитие бизнеса с учетом влияния внешних и внутренних факторов с целью увеличения его стоимости в перспективе. Важную роль при принятии управленческих решений играет экономическая ситуация в государстве, где данный бизнес будет функционировать. В условиях экономической и политической стабильности деятельность хозяйствующих субъектов во многом будет определяться профессионализмом менеджеров, отвечающих за принятие решений, направленных на эффективность реализации финансовой, производственной, маркетинговой и инвестиционной политики. В свою очередь ведение предпринимательской деятельности в условиях финансового кризиса может привести к ухудшению финансовых показателей и убыточности своей деятельности, к банкротству и закрытию многих предприятий.

Целью исследования является рассмотрение методологических и правовых основ банкротства, проведение анализа финансового состояния российских предприятий и выявление на этой основе причин их несостоятельности.

Задачами исследования является анализ основных показателей, характеризующих платежеспособность и финансовую устойчивость российских предприятий с целью выявления финансовых причин их банкротства.

При написании статьи использовались методы изучения, обобщения, сравнения и анализа.

В настоящее время достаточно много авторов уделяют внимания исследованию финансовых причин банкротства предприятий [1, с. 110; 2, с. 151; 3, с. 40; 4, с. 64; 5, с. 351]. В данной статье на основе проведения анализа финансовых показателей деятельности российских предприятий, обобщены основные причины и последствия их банкротства.

Методологические и правовые основы банкротства

Исследуем понятие и признаки банкротства предприятия.

Банкротство предприятия – результат развития кризисного финансового состояния предприятия, когда фирма не может погасить требования кредиторов, включая платежи в бюджет и внебюджетные фонды, выплаты банкам сумм кредитов и процентов по ним и т.п.

По мнению Э. М. Короткова, банкротом признаётся та компания, денежных средств и имущества которой не хватает, чтобы погасить все долги [6, с. 5]. Арбитражным судом, в отношении такой фирмы, может быть введена процедура банкротства.

В соответствии с российским законодательством (Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О несостоятельности (банкротстве)») предприятие может быть признано банкротом, если оно неспособно погасить в полном объеме свои

Таблица 1. Финансовые коэффициенты, рассчитываемые при проведении процедур банкротства в РФ (об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа: Постановление Правительства РФ от 25 июня 2003 года № 367)

Коэффициенты, характеризующие платежеспособность	Коэффициенты, характеризующие финансовую устойчивость	Коэффициенты, характеризующие деловую активность
Коэффициент абсолютной ликвидности (норматив: не менее 0,2)	Коэффициент автономии (финансовой независимости) (норматив: больше 0,5)	Рентабельность активов
Коэффициент текущей ликвидности (норматив: 1,0–2,0)	Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами (норматив: больше или равно 0,1 или 10 %)	Рентабельность собственного капитала
Показатель обеспеченности обязательств должника его активами (норматив: близко к 1,0 или выше)	Доля просроченной кредиторской задолженности в пассивах (норматив: чем меньше значение этого показателя, тем лучше)	Норма чистой прибыли
Степень платежеспособности по текущим обязательствам (норматив: чем меньше этот показатель, тем выше платежеспособность)	Показатель отношения дебиторской задолженности к совокупным активам (норматив: менее 0,4, значение показателя 0,4 и более является нежелательным, тревожным считается значение 0,7 и более)	

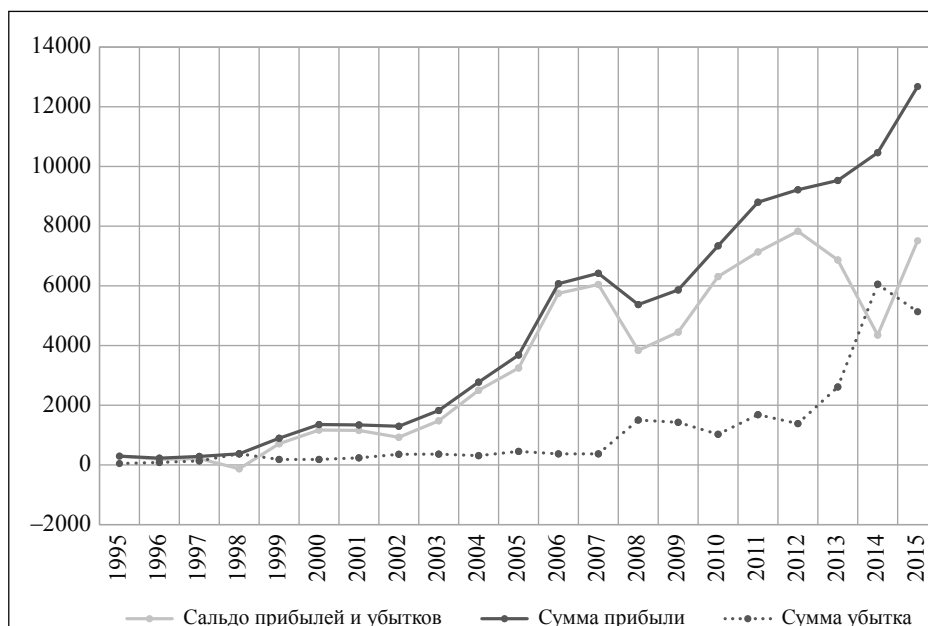

Рис. 1. Динамика финансовых результатов деятельности крупных и средних предприятий в РФ*

* Федеральная служба государственной статистики. Официальная статистика. Финансы. Финансы организаций. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/finance/# (дата обращения 14.11.2017)

обязательства в течение 3-х месяцев с момента возникновения установленных сроков, а их размер превышает 300 000 рублей, для естественных монополий — 1 000 000 рублей.

Вследствие рассмотрения дела о банкротстве в суде, могут наступить такие последствия:

- 1) смена владельца компании;
- 2) ликвидация компании;
- 3) её продажа, как имущества;
- 4) мировое соглашение с кредиторами;
- 5) налаживание ситуации и продолжение деятельности предприятия.

Существует несколько видов неплатежеспособности предприятия и финансовые причины, приводящие к ее возникновению, могут быть различными.

Методик, позволяющих своевременно спрогнозировать неблагоприятный исход, практически нет. И на современном этапе развития российской экономики прогноз вероятности банкротства предприятия обретает главное значение, поскольку выявление неблагоприятных тенденций и своевременная диагностика позволяют разработать программу финансовой стабилизации компании для преодоления финансового кризиса и исключения процедур банкротства [7, с. 2].

В России в соответствии с утвержденными правилами проведения арбитражными управляющими финансового анализа одним из основных разделов

является расчет и анализ коэффициентов финансово-хозяйственной деятельности предприятия, данные коэффициенты представлены в таблице 1.

Информация, представленная в таблице 1, показывает, что при проведении финансового анализа российских предприятий с целью выявления признаков банкротства рассчитывают 11 показателей, характеризующих платежеспособность, финансовую устойчивость и деловую активность. На основе полученных значений данных коэффициентов делаются выводы о наличии признаков фиктивного банкротства, а расчет темпов их изменения позволяют выявить периоды для анализа сделок с целью выявления признаков преднамеренного банкротства.

Анализ финансового состояния российских предприятий в целях выявления признаков и причин банкротства

Анализ финансового состояния предприятия включает в себя многообразие существующих коэффициентов, включая показатели прибыльности, рентабельности, платежеспособности, финансовой устойчивости и др. Поэтому прежде чем выявить финансовые причины банкротства необходимо провести анализ финансовых результатов деятельности российских организаций (см. рис. 1).

Смородина Е. А., Химичева Ю. В.

Таблица 2. Удельный вес убыточных организаций по видам экономической деятельности в РФ*

Виды экономической деятельности	Удельный вес убыточных организаций (в % от общего числа организаций)			
	2012	2013	2014	2015
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	29	30,4	27,6	24,1
Рыболовство, рыбоводство	28	29,9	39,7	30,1
Добыча полезных ископаемых	36,8	43,5	46,6	44,9
Обрабатывающие производства	26	29	32,5	30,6
Строительство	27,7	29,4	31,9	32,8
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	21,5	23,6	26,7	25,5
Гостиницы и рестораны	28,5	30,5	37,8	39,3
Транспорт и связь	34,9	37,2	38,4	37,8
Финансовая деятельность	36	35	38,4	37,3
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	31,7	33,3	34,3	34,7
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	21,7	24	25	18,1
Образование	28,1	25,2	26,9	29,6
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	31,7	26,9	30,3	27,5
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	37,2	30,4	29,8	30,8
Всего	29,1	31	33	32,6

* Федеральная служба государственной статистики. Официальная статистика. Публикации. Каталог публикаций. Финансы России. [электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138717651859. (дата обращения 14.11.2017)

Представленная на рис. 1 динамика финансовых результатов деятельности крупных и средних организаций свидетельствует о том, что сальдо прибылей и убытков в целом по РФ имеет отрицательное значение в 1998 году. Начиная с 1999 года до 2012 года, за исключением 2002 года наблюдается превышение суммы прибыли над убытками. Иная ситуация наблюдается в 2013 и 2014 годах сумма прибыли сокращается, а сумма убытков увеличивается. Однако в 2015 году ситуация вновь имеет положительную динамику финансового результата деятельности крупных и средних предприятий.

Проанализируем удельный вес убыточных предприятий по видам экономической деятельности в РФ (см. таблицу 2).

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что в период с 2012 года по 2014 год доля убыточных предприятий в РФ практически по всем видам экономической деятельности увеличивается, за исключением сельского хозяйства, охоты, лесного хозяйства и предоставления прочих коммунальных, социальных и персональных услуг. В данных сферах деятельности

наблюдается незначительное сокращение доли убыточных предприятий. В 2015 году по сравнению с предыдущими периодами времени происходит не большое сокращение доли убыточных предприятий, что является положительной тенденцией.

Следует отметить, что на рис. 1 и в таблице 2 приведены данные по видам экономической деятельности в целом по РФ и в 2015 году финансовые показатели крупных и средних предприятий стали улучшаться. Однако практика показывает, что многие предприятия различных сфер деятельности имеют нестабильное финансовое состояние, которое выражается, прежде всего, в задержке погашения текущих обязательств перед поставщиками и подрядчиками, банками, включая нарушение установленных сроков по уплате налогов и страховых взносов в бюджет и внебюджетные фонды. В свою очередь это может привести к ухудшению показателей ликвидности, а в перспективе и платежеспособности и, как следствие, банкротству предприятия.

Проведем анализ основных показателей, характеризующих платежеспособность и финансовую

Таблица 3. Показатели, характеризующие платежеспособность и финансовую устойчивость крупных и средних организаций по видам экономической деятельности в РФ*

Виды экономической деятельности	Коэффициент текущей ликвидности				Коэффициент обеспеченности СОС				Коэффициент автономии			
	2012	2013	2014	2015	2012	2013	2014	2015	2012	2013	2014	2015
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	121,2	151,3	156	154,8	-49	-44,8	-43,1	-33,7	32,3	35,8	36,9	39,4
Рыболовство, рыболовство	157,2	163,5	155	198,5	-29,3	-31,7	-56,3	-16,8	33	29,2	16,8	33,7
Добыча полезных ископаемых	169,5	151,4	151,7	141,4	-8,6	-23,2	-32,9	-43,9	67	56,5	52,9	53,3
Обрабатывающие производства	141,9	131,2	130,7	143,2	-16,2	-35,1	-46,2	-44	40,8	36,6	28,6	26,7
Строительство	103,9	116,9	102,4	106,9	-20,9	-4	-26,9	-28,4	15,9	26,5	11,2	8,8
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	137,9	135,5	130	138,1	3,8	0	-11	-6,3	49,8	47,3	42,3	43,2
Гостиницы и рестораны	100,2	104,3	94,5	119,8	-70,4	-62	-84,6	-359,8	32	27,2	23,9	-6,1
Транспорт и связь	110,6	118,4	94,3	100,2	-102	-95	-125,6	-131,2	58,7	57,2	52	49,1
Финансовая деятельность	137,8	130,9	120,1	125,5	-34,3	-47,6	-38,4	-45,4	48,9	45,8	38,2	40,6
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	111,1	107,1	112,2	109,3	-53,5	-56,2	-54,1	-55,5	36,6	42,2	38,6	40,7
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	210,2	87,1	117,2	332,7	27,1	-150,3	-73	30,4	98,4	15,2	96,6	95,2
Образование	128,7	122,4	114,8	123	16,9	11,1	-5,7	-6	51,6	47,2	43,3	41,4
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	70,9	54,4	109,8	109,1	-91,6	-141,3	-60,2	-46,1	43,2	40,5	57	54,6
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	101,5	120,9	104,4	111,5	-34,8	-3,7	-31	-25,2	51,7	55,1	48,9	51,4
Всего	128,1	125,3	121,1	126,6	-25,5	-30,7	-41,2	-42,6	48,2	45,3	40,1	39,9

* Федеральная служба государственной статистики. Официальная статистика. Публикации. Каталог публикаций. Финансы России. [электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat_ru/statistics/publications/catalog/doc_1138717651859. (дата обращения 14.11.2017)

устойчивость крупных и средних предприятий в РФ (см. таблицу 3).

Представленные в таблице 3 данные показывают, что на крупных и средних российских предприятиях значение коэффициента текущей ликвидности в 2012–2015 годах, за исключением некоторых сфер деятельности составляло более 100%, следовательно, активов предприятий было достаточно для погашения своих текущих обязательств.

Так максимальное значение этого коэффициента 210,2% в 2012 году наблюдалось в таком виде экономической деятельности как государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное страхование. Однако в 2013 году коэффициент текущей ликвидности в этой сфере деятельности стал иметь значение ниже нормативного и составил 87,1%. Ситуация выровнялась к 2015 году и значение данного коэффициента вновь стало максимальным и составило 332,7%.

В 2012 году минимальное значение коэффициента текущей ликвидности наблюдалось по такому виду экономической деятельности как здравоохранение и предоставление социальных услуг. Ситуация еще более ухудшилась в этой сфере деятельности в 2013 году, поскольку данный коэффициент снизился

до 54,4%, но в 2014–2015 годах коэффициент увеличился до 109,8% и 109,1% соответственно.

Определенные трудности с текущей ликвидностью в 2014 году испытывали такие виды деятельности как гостиницы и рестораны, транспорт и связь. Коэффициент текущей ликвидности составлял 94,5% и 94,3% соответственно.

В 2015 году коэффициент текущей ликвидности соответствует нормативному значению, однако во многих сферах деятельности он близок к его минимальному значению.

Негативной тенденцией для всех крупных и средних российских предприятий по всем видам экономической деятельности в период с 2012–2015 годы является несоответствие нормативному значению коэффициента обеспеченности организаций собственными оборотными средствами. Более того, значение этого коэффициента, за исключением некоторых сфер деятельности имеет отрицательное значение, что свидетельствует о недостатке собственных оборотных средств на российских предприятиях. Поэтому структура баланса наших предприятий не является ликвидной.

Наличие данного обстоятельства вынуждает российские предприятия покрывать недостаток

Таблица 4. Динамика структуры кредиторской и дебиторской задолженностей на крупных и средних российских предприятиях*

Показатели	2012	2013	2014	2015	Темпы роста (снижения) в %		
					2013/2012	2014/2013	2015/2014
Кредиторская задолженность, всего	100	100	100	100	–	–	–
в том числе задолженность:							
поставщикам	52,9	54,3	50,5	46,4	102,6	93,0	91,9
в бюджет	5,6	5,3	5,4	4,5	94,6	101,9	83,3
во внебюджетные фонды	0,8	0,8	0,8	0,9	–	–	112,5
Просроченная кредиторская задолженность, всего	100	100	100	100	–	–	–
в том числе задолженность:							
поставщикам	76,7	78,7	77,1	66,8	102,6	98,0	86,6
в бюджет	5,9	4,1	3,4	2,8	69,5	82,9	82,3
во внебюджетные фонды	3,3	2,7	2,4	2,1	81,8	88,9	87,5
Дебиторская задолженность, всего	100	100	100	100	–	–	–
в том числе задолженность:							
покупателей	51,7	51,1	51,8	48,3	98,8	101,4	93,2
Просроченная дебиторская задолженность, всего	100	100	100	100	–	–	–
в том числе задолженность:							
покупателей	77,2	80,9	81,1	76,1	104,8	100,2	93,8

* Федеральная служба государственной статистики. Официальная статистика. Публикации. Каталог публикаций. Финансы России. [электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138717651859. (дата обращения 14.11.2017)

Таблица 5. Оборачиваемость дебиторской и кредиторской задолженностей на крупных и средних российских предприятиях, в днях*

Показатели	Годы			
	2012	2013	2014	2015
Оборачиваемость кредиторской задолженности	75	75	81	80
Оборачиваемость дебиторской задолженности	70	68	74	75

* Федеральная служба государственной статистики. Официальная статистика. Публикации. Каталог публикаций. Финансы России. [электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138717651859. (дата обращения 14.11.2017)

собственных оборотных средств за счет привлечения кредитов и займов. В свою очередь это негативно сказывается на значении коэффициента автономии [6, с. 5].

В период с 2012–2015 годы коэффициент автономии на крупных и средних российских предприятиях не соответствовал нормативному значению, которое должно быть более 50 %. Исключение в 2012 году составляют 5 видов экономической деятельности, в 2013–2014 годах – 3 вида, в 2015 году – 5.

В 2015 году отрицательное значение коэффициента автономии наблюдается по такому виду экономической деятельности как гостиницы и рестораны – минус 6,1 %. Низкие значения коэффициента автономии на протяжении периодов с 2012 по 2015 годы наблюдаются в строительстве.

Следовательно, российские предприятия имеют очень большую зависимость от внешних источников финансирования, что приводит к несоблюдению баланса между собственными и заемными источниками финансирования. Одной из основных причин сложившейся ситуации является нестабильность экономической ситуации в РФ и отсутствие на российских предприятиях эффективного финансового менеджмента.

Подтверждением вышесказанного является анализ просроченной дебиторской и кредиторской задолженностей на крупных и средних российских предприятиях (см. таблицу 4).

Данные представленные в таблице 4 свидетельствуют о том, что основную долю в структуре кредиторской задолженности составляет задолженность поставщикам, а в структуре дебиторской задолженности – задолженность покупателей. Положительной тенденцией является сокращение в 2015 году по сравнению с 2012 годом доли просроченной кредиторской и дебиторской задолженностей.

Однако для финансовых менеджеров при разработке политики управления дебиторской и кредиторской задолженностью являются показатели их оборачиваемости, которые характеризуют деловую активность предприятия (см. таблицу 5).

Данные таблицы 5 показывают, что в 2012–2015 годах период оборачиваемости дебиторской задолженности меньше, чем период оборачиваемости кредиторской задолженности. Наиболее наглядно это видно на рис. 2.

Превышение оборачиваемости кредиторской задолженности над оборачиваемостью дебиторской задолженности на российских предприятиях является негативной тенденцией и свидетельствует об ухудшении платежеспособности клиентов. В свою очередь это приводит к недостатку собственных оборотных средств, что потребует привлечения краткосрочных кредитов и займов для покрытия этого недостатка и увеличению риска своевременного погашения текущих обязательств перед своими контрагентами [9, с. 18].

Проведенный анализ основных финансовых показателей российских предприятий позволил выявить и обобщить финансовые причины их банкротства.

Основными причинами банкротства предприятия чаще всего являются:

- 1) Недостаточное количество собственных средств и отказ кредитных компаний в выделении финансирования.
- 2) Данная причина связана с низким уровнем оборотных активов, с нарушением соотношения заемного

Рис. 2. Оборачиваемость дебиторской и кредиторской задолженностей на российских предприятиях, в днях

и собственного капитала, с недоверием банков и других кредиторов.

3) Проблемы с качеством денежного потока, а также низкий уровень оборотных активов [7, с. 4].

Данные проблемы возникают при плохо контролируемом расширении хозяйственной деятельности и при несбалансированности. А также при значительном объеме товаров и услуг, реализуемых в кредит клиентам с финансовыми трудностями. Отсутствует система мониторинга эффективного использования предоставленных кредитов. Слишком много средств инвестируется в долгосрочные активы.

1) Нет эффективной системы бюджетирования и стратегического планирования.

В результате данной причины нельзя составить точный прогноз в отношении будущих результатов хозяйственной деятельности, доходов и расходов. Нет возможности своевременно сверить фактические результаты с плановыми и правильно отреагировать на неожиданные изменения.

1) Жесткие условия конкуренции. Ошибки при формировании цены на продукцию.

1) Менеджеры могут допускать ошибки при расчете себестоимости и реализации продукции, на основании чего формируется цена продажи. Ухудшение финансового состояния компании (низкая рентабельность, неплатежеспособность) завершается её банкротством.

Исследования предприятий – банкротов обычно показывают, что банкротство развивалось постепенно. Если в настоящее время фирма не могла оплатить долги по своим обязательствам, то отдаленной причиной этого могло являться неправильный выбор сферы деятельности предприятия, которое не соответствовало его потенциалу. Ошибочная оценка, поспешный выбор поставщиков и нерациональная организация управления [11, с. 8].

По мнению Беляевой О., на российских предприятиях система финансового менеджмента еще находится на стадии становления. На этот процесс отрицательное влияние оказывают несогласованные требования налоговых служб, банков, акционеров, а также возможные неблагоприятные обстоятельства. Руководители компаний в первую очередь озадачены вопросами минимизации налогов. И неплатежеспособные фирмы заняты поисками новых инвесторов [12, с. 7].

В настоящее время более 75 %, а то и 80 % компаний (крупных и средних), находятся в предкризисном или кризисном состоянии. То есть такие компании находятся на различных стадиях банкротства.

По мнению Н. В. Самохвановой, признаки банкротства могут проявляться по отдельности или по совокупности [12, с. 17]. Далее рассмотрим стадии банкротства более подробно:

Стадия 1. Появление финансовой неустойчивости, зарождение негативных явлений в хозяйственной деятельности компании.

На данной стадии наблюдается скрытое уменьшение цены компании, сокращаются доходы, увеличиваются убытки фирмы. Уменьшение цены фирмы значит уменьшение прибыльности компании, повышение средней стоимости обязательств. Руководство продолжает выплачивать большие дивиденды, чтобы успокоить акционеров, повышает заемный капитал, продает часть активов для того, чтобы кредиторы не подумали, что дела компании ухудшаются.

О. М. Свириденко считает, что эту стадию часто называют скрытой формой начала банкротства. Ведь именно здесь начинается незаметное понижение «цены» компании под влиянием внешних и внутренних факторов.

Значительная часть внутренних причин может быть определена как снижение качества управленческих решений, а значительная часть внешних – как ухудшение условий предпринимательства [13, с. 92].

Стадия 2. Появление финансовой неустойчивости. Начальная стадия финансовой неустойчивости.

Стадии 3 и 4. Продолжительная и хроническая финансовая неустойчивость.

На третьей стадии наступает дальнейшее ухудшение итогов работы компании, происходят резкие изменения статей актива и пассива баланса, финансовые результаты падают. В этом заключается разница между второй и третьей стадиями.

На этом этапе вызывают особую тревогу:

- 1) сокращение денежных средств на счетах;
- 2) повышение дебиторской задолженности, уменьшение выручки также говорит о трудностях сбыта, если это сопровождается ростом запасов готовой продукции;
- 3) старение дебиторских и счетов и разбалансирование кредиторской и дебиторской задолженностей;
- 4) заметное уменьшение кредиторской при наличии денег на счетах (или рост кредиторской задолженности) – говорит о уменьшении объемов деятельности;
- 5) задержка по выплате заработной платы сотрудникам предприятия;
- 6) трудности с наличными денежными средствами;
- 7) задержки по выплате просроченной задолженности;
- 8) возрастание убытков предприятия;
- 9) сокращение руководящего состава предприятия и конфликты.

На данной стадии возглавляющий состав предприятия часто расположен к авантюрным способам получения денежных средств, порой даже склонно к мошенничеству.

Стадия 5. Банкротство компании.

На этой стадии банкротство становится юридически очевидным. Ведь предприятие становится не способным своевременно оплачивать долги как частично, так и в полном объёме.

Причиной банкротства становится неправильная оценка руководством предприятия ожидаемых темпов роста их фирмы, под которые, как правило, закладываются источники дополнительного кредитного финансирования.

Правильным выходом из сложившейся ситуации будет сжатие или даже полное исчезновение компании как лишнего на данном рынке. Бывают случаи, когда происходит частичное или полное перепрофилирование фирмы.

Ю. И. Шарыпкин считает, что при российских условиях нет должного контроля товарных, а также финансовых потоков, и компании приобрели опыт ложного банкротства. Предприятия сбывают продукцию через оффшорные и дочерние компании, для того, чтобы основная часть прибыли осталась на счетах данных компаний, по поддельным контрактам выводят денежные средства в иностранные банки [14, с. 2].

Каждая из данных стадий, прежде всего, характеризуется состоянием работы управленческого персонала, состоянием производственного процесса и финансов.

Заключение

Проведенный анализ показателей, характеризующих платежеспособность и финансовую устойчивость российских предприятий, и выявления возможных финансовых причин их банкротства позволил сформулировать следующие выводы.

Для того чтобы не допустить банкротства, нужно следить за финансовым состоянием предприятия, составлять план развития фирмы, вести контроль за резервами компании, ведь именно резервов должно хватить на покрытие расходов от старта сделки, до получения дохода.

Своевременно расплачиваться по долгам и выплачивать заработную плату сотрудникам, вести контроль даже по самым незначительным расходам предприятия, ведь кризис может наступить не только по причине связанной с продажами или займами, но и от повышения расходов, которые связаны с обеспечением жизнедеятельности предприятия.

Стараться избегать больших кредитов, не допускать просроченной задолженности, избегать займов, которые берутся для погашения уже существующей задолженности, вести достоверный бухгалтерский учёт, своевременно реагировать на резкие изменения

в финансовой составляющей предприятия и не допускать влияния внешних факторов.

Брать кредиты нужно только для развития выгодных и перспективных проектов. Иметь план развития данных проектов и уже на этом этапе знать график платежей, срок погашения данного займа, и время когда проект начнёт приносить прибыль. Нужно чаще прислушиваться к мнению сотрудников предприятия, устраивать собрания, совещания, планёрки, ведь возможно руководитель не всегда замечает того, что не устраивает коллектив.

Но всё же если наступила угроза банкротства вашего предприятия, то можно обратиться за помощью к специалистам в области маркетинга, и если ситуация поправима, то они смогут помочь и продумать линию улучшения финансового состояния данной компании.

Литература:

1. Андреева В. С., Гапоненко Т. В. Финансовые причины роста риска банкротства организаций и пути их устранения // Вопросы экономики и управления. Материалы III Международной научно-практической конференции. 2016. С. 109–112.
2. Анисько Я. К., Тищенко Л. И. Основные причины финансовой несостоятельности «банкротства» предприятий // Современные инновационные технологии и проблемы устойчивого развития общества. Материалы IX международной научно-практической конференции. 2016. С. 151–153.
3. Антикризисное управление: Учеб. для вузов / под ред. Э. М. Короткова. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 5–9.
4. Беляева О. Банкротство по-новому // ЭЖ-Юрист. 2014. №7. С. 18.
5. Всяких М. В., Орлова Н. К. Сущность и причины банкротства предприятий в условиях финансовой нестабильности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. №4–2. С. 36–41.
6. Глуховская Э. Банкротство как средство // ЭЖ-Юрист. 2011. №27. С. 5.
7. Коршунова Е. Убытки при банкротстве // ЭЖ-Юрист. 2012. №13. С. 4.
8. Львова О. А., Пеганова О. М. Факторы и причины банкротства компаний в условиях современной экономики // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. №44. С. 64–72.
9. Макарова Е. Первое собрание кредиторов в деле о банкротстве // Корпоративный юрист. 2013. №4. С. 7.
10. Миронова З. А., Зверев А. В. Финансовое состояние организаций и причины их банкротства // Аграрная наука – инновационному развитию АПК в современных условиях. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. ФГБОУ ВПО Ижевская

государственная сельскохозяйственная академия. 2013. С. 347–353.

11. Прозументов Л., Махно Е. Действия при банкротстве // Уголовное право. 2012. № 6. С. 8.
12. Самохвалова Н. В. Понятия несостоятельность и банкротство в цивилистической теории и законодательстве // Российский судья. 2014. № 10. С. 14–18.
13. Свириденко О. М. Институт несостоятельности (банкротства) в системе гражданского права // Журнал российского права. 2015. № 1. С. 92–98.
14. Шарыпкин Ю. И. Кредитор как участник процесса банкротства // Банковское право. 2008. № 2. С. 1–3.
15. Шинкаренко А. Банкротство или реструктуризация долга? // Корпоративный юрист. 2013. № 3. С. 2–4.

References:

1. Andreeva V. S., Gaponenko T. V. Financial causes of growth in the risk of bankruptcy of organizations and ways to eliminate them // Issues of Economics and Management. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. 2016. P. 109–112.
2. Anisko Ya. K., Tishchenko L. I. The main reasons for the financial insolvency of “bankruptcy” of enterprises // Modern innovative technologies and problems of sustainable development of society. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference. 2016. Pp. 151–153.
3. Anti-crisis management: Proc. for universities / ed. by E. M. Korotkova. M.: INFRA-M, 2013. S. 5–9.
4. Belyaeva O. Bankruptcy in a new way // EJ-Jurist. 2014. № 7. P. 18.
5. Anyone M. V., Orlova N. K. Essence and causes of bankruptcy of enterprises in conditions of financial instability // Actual problems of the humanities and natural sciences. 2016. № 4-2. Pp. 36–41.
6. Glukhovskaya E. Bankruptcy as a means // EJ-Lawyer. 2011. № 27. P. 5.
7. Korshunova E. Losses in bankruptcy // EJ-Jurist. 2012. № 13. P. 4.
8. Lvova O., Peganova O. M. Factors and causes of bankruptcy of companies in a modern economy // Public administration. Electronic bulletin. 2014. № 44. P. 64–72.
9. Makarova E. The first meeting of creditors in the case of bankruptcy // Corporate lawyer. 2013. № 4. P. 7.
10. Mironova Z. A., Zverev A. V. Financial condition of organizations and the reasons for their bankruptcy // Agrarian science-innovative development of agribusiness in modern conditions. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Izhevsk State Agricultural Academy. 2013. P. 347–353.
11. Prozumentsov L., Makhno E. Actions in bankruptcy // Criminal law. 2012. № 6. With. 8.
12. Samokhvalova N. V. Concepts of bankruptcy and insolvency in the civil theory and legislation // The Russian judge. 2014. № 10. P. 14–18.
13. Sviridenko O. M. Institute of Insolvency (Bankruptcy) in the Civil Law System // Journal of Russian Law. 2015. № 1. P. 92–98.
14. Sharypkin Yu. I. The creditor as a participant in the bankruptcy process // Banking law. 2008. № 2. P. 1–3.
15. Shinkarenko A. Bankruptcy or debt restructuring? // Corporate lawyer. 2013. № 3. P. 2–4.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ, ОЦЕНКА РИСКОВ И ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ

Снегирева Т. К.

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления инвестициями и инновациями, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (Россия), 600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, д. 87, t.k.snegireva@mail.ru

УДК 330.322(470.314)
ББК 65.9(2Рос-4Вла)-56

Цель. Изучение особенностей и основных составляющих рисков инвестиционной деятельности в регионе.

Методы. В статье используются общенаучные методы и подходы к анализу капитальных вложений, выбраны наиболее эффективные инструменты анализа их динамики, дана оценка колебаниям рангов основных факторов инвестиционных рисков.

Научная новизна. Выполнена оценка инвестиций в основной капитал, различных структур вложений, определены изменения рангов составляющих инвестиционного риска в регионе.

Результаты. Предложены ключевые направления повышения инвестиционной привлекательности региона с одновременным снижением уровня рисков.

Ключевые слова: динамика инвестиций, особенности структуры, ранги рисков, инвестиционная привлекательность региона.

REGIONAL INVESTMENT PROCESSES, RISK ASSESSMENT AND WAYS TO SOLVE PROBLEMS

Snegireva T. K.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Investment and Innovation Management, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs (Russia), 87 Gorkogo str., Vladimir, 600000, t.k.snegireva@mail.ru

Purpose. The study of the characteristics and main components of the risk of investment activities in the region.

Methods. The article used General scientific methods and approaches to the analysis of capital investments, selected the most effective tools of analysis of their dynamics, the fluctuations estimation of the ranks of the main investment risks factors.

Scientific novelty. Estimation of fixed capital investment, various structures investments, identifies changes in the ranks of components of investment risk in the region.

Results. Proposed the key directions of the increase of investment appeal of the region while lowering the risk level.

Key words: investment dynamics, peculiarities of structure, risks ranks, the investment attractiveness of the region.

Решение проблемы стимулирования социально-экономического потенциала регионов в значительной степени зависит от решения задач, связанных с развитием инвестиционных процессов, последовательной реализацией стратегических целей создания эффективной системы взаимодействия бизнеса и административных структур на основе механизмов поддержки и партнерства. Разрабатываемые инвестиционные стратегии в целях создания благоприятного инвестиционного климата региона, основываются на концептуальных положениях долгосрочного социально-экономического и инвестиционного развития РФ и включают в себя широкий круг приоритетных направлений с разработкой конкретных проектов [1, 2, 3]. Одним из важнейших элементов формирования инвестиционного климата является предварительная оценка уровня инвестиционного потенциала региона и его привлекательности для инвесторов. Все приведенные в статье показатели рассчитаны автором на основе официальных статистических данных [2, 4].

Следует отметить, что для динамики инвестиций в основной капитал во Владимирской области характерна тенденция устойчивого роста. За последние 10 лет объем вложений в регионе увеличился более чем в 3, 5 раза [3]. В современных условиях это может свидетельствовать о стабильном экономическом развитии региона. Приведенная на рис. 1 динамика инвестиций по Владимирской области за период 2011–2016 гг. имеет характерную тенденцию устойчивого роста. В целях оценки основного тренда в данной работе выбрана экспоненциальная зависимость, которая наиболее объективно отражает характер изменений одномерных временных рядов. Предложенная кривая роста позволила получить выровненные уровни значений инвестиций. Уравнение кривой также свидетельствует о тенденции положительного устойчивого изменения показателя.

Следует отметить также наличие незначительного снижения уровня поступления инвестиций в 2015 г., которое может рассматриваться как эмерджентное явление, не характерное для общего тренда.

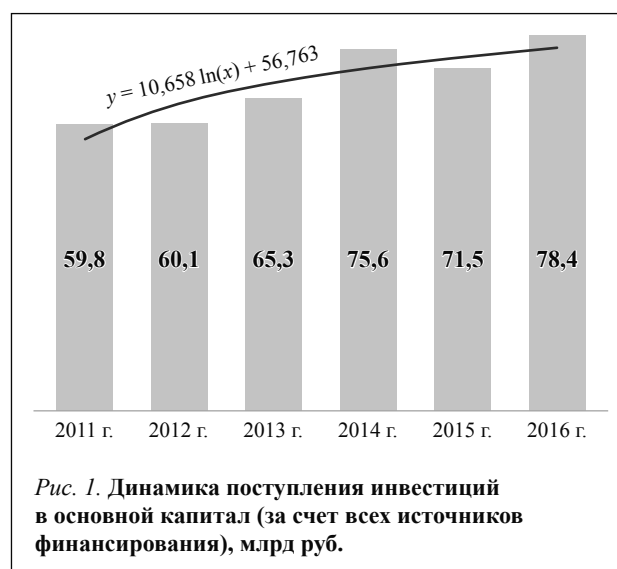
Не менее важными характеристиками инвестиционных процессов в регионе является оценка структуры, которая отражает направленность использования вложений. К числу основных структур, на наш взгляд, можно отнести такие как видовую или технологическую, по видам экономической деятельности, источниками финансирования и др. В данном исследовании в качестве приоритетной выбрана и более подробно проанализирована видовая структура как наиболее информативная с точки зрения общей оценки особенностей развития инвестиционных процессов в регионе.

Изменение видовой или технологической структуры инвестиций, отражающей распределение

вложений, направляемых на строительство жилья, зданий и сооружений, приобретение машин и оборудования, транспортных средств и производственного и хозяйственного инвентаря, может свидетельствовать о степени инновационности и прогрессивности инвестиционной деятельности. Так слишком значительная доля средств, направляемых на общестроительные работы в том или ином виде (новое строительство, реконструкция или модернизация действующих производств) не может в полной мере говорить об инновационной направленности видовой структуры затрат. Рост доли прочих затрат также не может оцениваться как рациональное использование вложений.

По мнению автора, в качестве основного направления, отражающего социально-экономическую ориентированность инвестиционных процессов, следует выделить вложения в приобретение машин и технологического оборудования, включая транспортные средства, производственный и хозяйственный инвентарь. Большая доля вложений именно в данную группу сможет обеспечить эффективность использования вложений и их дальнейший прирост. Кроме того это позволит заложить основу устойчивого роста экономики региона. Изменение видовой или технологической структуры инвестиций Владимирской области за период 2011–2016 гг. приведены на рис.2.

В качестве положительной особенности следует отметить увеличение доли средств, направляемых на приобретение машин, оборудования, производственного и хозяйственного инвентаря. За рассматриваемый период суммарная доля вложений в данное направление значительно возросла с 41,4% до 50,3%. Такое перераспределение средств может свидетельствовать о преобладании инновационной направленности

инвестиционных процессов, повышения технической и технологической оснащенности предприятий и организаций.

С точки зрения распределения инвестиций по видам экономической деятельности приоритетными направлениями остаются традиционные для региона отрасли такие как обрабатывающие производства, на долю которых приходится в 2016 г. 36,2%, транспорт и связь с суммарной долей инвестиций 18,7% и операции с недвижимым имуществом с долей 13,3%. Вместе с тем удельный вес вложений в сельское хозяйство, производство машин и оборудования, здравоохранение и предоставление социальных услуг и других колеблется в пределах 3,7 до 6,1% [3]. Данные пропорции не могут оцениваться как положительные, поскольку являются следствием ограниченности финансовых ресурсов в данных сферах, которые могли бы стать точками более сбалансированного социально-экономического развития региона. Учитывая, что главным источником инвестиций во Владимирской области являются частные средства, которые составили более 63% в 2016 г. [3], было бы целесообразным увеличить долю государственных вложений в развитие сельскохозяйственных и промышленно-производственных видов деятельности и госкорпораций в здравоохранение и предоставление социальных услуг населению с доведением их суммарного удельного веса с 11,8% в 2016 г. до 15–20% к 2020 г.

Характерными особенностями развития инвестиционной деятельности во Владимирской области являются с одной стороны положительная динамика общего объема инвестиций в основной капитал и общая технологическая рациональность распределения инвестиционных ресурсов, с другой – нестабильная ранговая оценка составляющих факторов инвестиционного риска.

Главные составляющие показателя инвестиционного риска такие как социальная, экономическая, криминальная, экологическая и управленческая, с точки зрения инвесторов и ведущих экспертов, имеют довольно существенный разброс в оценках [5]. Изменение рангов составляющих инвестиционного риска в регионе за период 2011–2016 гг. приведены в таблице 1.

В отличие от экспертных оценок, в соответствии с которыми главным фактором инвестиционных рисков является управленческая составляющая, во Владимирской области возможно отнести криминальную и финансовую. Вместе с тем важно отметить положительную тенденцию снижения первой за рассматриваемый период более чем в 2 раза. К 2016 году на первый план выходят такие составляющие инвестиционного риска как финансовая, экономическая и управленческая.

Если колебание финансовых рисков в регионе являются относительно стабильными в пределах 4 пунктов, то экономические и управленческие имеют более значительные изменения. Особенно это касается усиления влияния управленческих рисков, которые возросли в 3,5 раза. Нельзя забывать о существенной роли социальной составляющей рисков, основное значение которых колеблется в значительных рамках от 22 до 35, не снижаясь ниже 15 пунктов.

Таблица 1. Ранги составляющих инвестиционного риска во Владимирской области

Факторы инвестиционного риска	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Социальный	22	35	24	15	17	22
Экономический	29	30	23	20	22	32
Финансовый	44	48	48	44	48	44
Криминальный	59	60	37	48	26	29
Экологический	7	7	6	5	8	8
Управленческий	8	14	24	23	20	28
Ранг риска	13	18	17	17	17	23
Общая оценка инвестиционного потенциала и риска	3В1	3В1	3В1	3В1	3В1	3В1

Экологические риски остаются относительно стабильными с незначительными колебаниями в 2–3 пункта.

В качестве опасной тенденции следует отметить существенный рост общего ранга риска инвестиционных вложений на 10 пунктов, что снижает инвестиционную привлекательность региона. Вместе с тем общая оценка инвестиционного потенциала и риска Владимирской области не снижается и остается в рамках ЗВ1. С одной стороны – это свидетельство пониженного потенциала, с другой – умеренного риска. Такое позиционирование позволяет региону держаться на среднем уровне. Однако из приведенных выше оценок следует также, что одним из ключевых направлений экономического развития региона становится необходимость повышения его инвестиционной привлекательности с одновременным снижением уровня рисков.

В этой связи считаем важными условиями решения данных проблем обеспечение и реализацию следующих предложений.

1. Нацеленность государственной поддержки на реализацию региональных инвестиционных проектов, это обеспечит не просто участие административного ресурса всех уровней в инвестиционных процессах области, но и повысит их устойчивость и гарантированность осуществления.

2. В качестве одной из мер государственной поддержки инвестиционной активности региона целесообразным было бы развитие системы целевого финансирования инвестиционных проектов на возвратной основе. Для инвесторов и участников инвестиционной деятельности данная мера позволила бы стабилизировать финансирование с одновременной минимизацией таких важных составляющих рисков как финансовая и экономическая.

3. Снижение значимости управленческого фактора инвестиционных рисков в регионе может быть достигнуто за счет развития программ сопровождения инвестиционных проектов по принципу «одного окна». Это позволит создать систему поддержки инвестирования на основе создания передовой технической и организационной базы, обеспечит выполнение регламента и ускорит реализацию проектов.

4. Важной составляющей повышения инвестиционной привлекательности региона является также расширение списка конкурсов региональных проектов с одновременным предоставлением его участникам дополнительных условий по льготному кредитованию.

5. Развитие системы льгот может быть реализовано за счет более эффективного кредитования и инвестиционного софинансирования участников проекта, например, за счет расширения диапазона для доли

собственных средств инициатора, который может варьироваться в зависимости от условий инвестиционного проекта. Верхний предел предлагается снизить до 8–9% от общего бюджета, вместо предлагаемых 10%, и стандартных 30%.

Создание благоприятного инвестиционного климата, позволит не только снизить инвестиционные риски, но и создаст дополнительные условия для экономического роста в регионе.

Литература:

1. Портал государственных программ Российской Федерации. «Экономическое развитие и инновационная экономика» [электронный ресурс]. URL: economy.gov.ru (дата обращения 13.04.2017)
2. Инвестиционный портал Владимирской области. Информация об основных перспективных инвестиционных проектах Владимирской области [электронный ресурс]. URL: investvladimir.ru/pages/16 (дата обращения 23.04.2017)
3. Об утверждении приоритетных направлений инвестиционной деятельности: Постановление Администрации Владимирской области от 30 декабря 2015 года № 1334 [электронный ресурс]. URL: publication.pravo.gov.ru (дата обращения 12.05.2017)
4. Владимирская область в цифрах. 2016. [электронный ресурс]. URL: <http://vladimirstat.gks.ru> (дата обращения 27.10.2017)
5. Рейтинговое агентство RAEX («Эксперт РА») [электронный ресурс]. URL: <https://raexpert.ru/ratings/regions> (дата обращения 09.11.2017)

References

1. Portal of state programs of the Russian Federation. "Economic development and innovative economy" [e-resource]. URL: economy.gov.ru (date of reference 13.04.2017)
2. Investment portal of the Vladimir region. Information about the main perspective investment projects of the Vladimir region [e-resource]. URL: investvladimir.ru/pages/16 (date of reference 23.04.2017)
3. On the approval of priority areas of investment: Decree of the Administration of the Vladimir region of 30 December 2015 № 1334 [e-resource]. URL: publication.pravo.gov.ru (date of reference 12.05.2017)
4. The Vladimir region in figures. 2016 [e-resource]. URL: <http://vladimirstat.gks.ru> (date of reference 12.05.2017)
5. RAEX rating agency («Expert RA») [e-resource]. URL: <https://raexpert.ru/ratings/regions> (date of reference 12.05.2017)6.

ОЦЕНКА ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ БЮДЖЕТОВ В РОССИИ: МЕТОДИКА И АЛГОРИТМ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ

Гладковская Е. Н.

кандидат экономических наук, доцент кафедры Экономической безопасности, Южно-Уральский государственный университет (Россия), 454080, Россия, г. Челябинск, пр.Ленина, 87, 124/3б, info@susu.ru

Цало И. М.

кандидат экономических наук, доцент кафедры Экономической безопасности, Южно-Уральский государственный университет (Россия), 454080, Россия, г. Челябинск, пр.Ленина, 87, 124/3б, info@susu.ru

Тетеркина Л. Б.

кандидат экономических наук, доцент кафедры Экономической безопасности, Южно-Уральский государственный университет (Россия), 454080, Россия, г. Челябинск, пр.Ленина, 87, 124/3б, info@susu.ru

УДК 336.14:353(470)

ББК 65.261.713(2Рос)

В статье обоснована значимость проведения анализа финансовой устойчивости регионального бюджета, по результатам которого органы власти имеют возможность корректировать показатели доходов и расходов бюджетов, изменять региональную бюджетную и налоговую политику, создавать условия для финансовой самостоятельности, сбалансированности и устойчивости регионального бюджета. Авторами определено, что оценка финансовой устойчивости региональных бюджетов бюджетной системы Российской Федерации должна стать ключевым элементом текущей оценки исполнения бюджета, а также оценки устойчивости бюджета на перспективу. Исследованы подходы разных авторов к содержанию понятия «финансовая устойчивость бюджета», приведено уточнение экономического содержания понятия «финансовая устойчивость регионального бюджета». Предложена модель оценки финансовой устойчивости регионального бюджета, разработан алгоритм ее применения. Проведение оценки финансовой устойчивости бюджета дополнит действующую оценку исполнения бюджета региона. Проведенная оценка финансовой устойчивости региональных бюджетов на примере бюджетов шести субъектов РФ в составе Уральского федерального округа позволила выявить финансово устойчивые регионы и регионы с неустойчивым финансовым положением. Разработанная модель оценки финансовой устойчивости регионального бюджета и алгоритм ее применения могут быть полезны региональным органам власти при решении задач, связанных с планированием доходной и расходной составляющей бюджета на очередной финансовый год, выбором приоритетных направлений расходов и поиском источников обеспечения их дополнительными доходами, а также с разработкой оперативных решений для повышения финансовой самостоятельности регионального бюджета на этапе его исполнения.

Ключевые слова: региональный бюджет, финансовая устойчивость регионального бюджета, результативность, финансовая независимость и сбалансированность бюджета региона, модель оценки финансовой устойчивости бюджета региона, методика оценки, балльная оценка, алгоритм применения модели, тип финансовой устойчивости регионального бюджета.

EVALUATION OF FINANCIAL SUSTAINABILITY OF REGIONAL BUDGETS IN RUSSIA: METHODOLOGY AND ALGORITHM OF ITS APPLICATIONS

Gladkovskaya E. N.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Security, South Ural State University (Russia), 454080, Russia, Chelyabinsk, av. Lenina, 87, 124/3b, info@susu.ru

Гладковская Е. Н., Цало И. М., Тетеркина Л. Б.

Tsalo I. M.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Security, South Ural State University (Russia),
454080, Russia, Chelyabinsk, av. Lenina, 87, 124/3b, info@susu.ru

Teterkina L. B.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Security, South Ural State University (Russia),
454080, Russia, Chelyabinsk, av. Lenina, 87, 124/3b, info@susu.ru

The article substantiates the significance of the analysis of financial sustainability of the regional budget, according to which the authorities have the opportunity to adjust the indicators of budget revenues and expenditures, change the regional budget and tax policies, create conditions for financial independence, balance and stability of the regional budget. The authors determined that the assessment of financial sustainability of regional budgets of the budgetary system of the Russian Federation should become a key element of the current assessment of budget execution, as well as an assessment of the sustainability of the budget for the future. The approaches of different authors to the content of the concept of “financial stability of the budget” are explored, the economic content of the concept “financial stability of the regional budget” is specified. The model of financial stability estimation of the regional budget is offered, the algorithm of its application is developed. Conducting an assessment of the financial sustainability of the budget will complement the current assessment of the implementation of the budget of the region. The assessment of financial stability of regional budgets on the example of the budgets of six constituent entities of the Russian Federation in the Urals Federal District made it possible to identify financially stable regions and regions with an unsustainable financial situation. The developed model for assessing the financial sustainability of the regional budget and the algorithm for its application can be useful to regional authorities in solving tasks related to planning the revenue and expenditure component of the budget for the next fiscal year, selecting priority spending directions and finding sources of providing them with additional revenues, operative decisions for increase of financial independence of the regional budget at a stage of its execution.

Key words: regional budget, financial sustainability of the regional budget, effectiveness, financial independence and balance of the regional budget, model for assessing the financial sustainability of the regional budget, assessment methodology, score, algorithm for applying the model, type of financial sustainability of the regional budget.

В последние годы особая значимость придается вопросам повышения сбалансированности региональных бюджетов, качеству межбюджетных отношений, делаются попытки к осмыслению проблемы финансовой устойчивости региональных бюджетов в составе бюджетной системы России.

Финансовая устойчивость региональных бюджетов зависит от множества факторов. В число значимых факторов следует включить эффективность планирования доходов и расходов на очередной финансовый год, а также исполнение запланированных показателей доходов и расходов, что повышает роль их анализа. Кроме того, важна степень зависимости бюджета от бюджетных кредитов, внешних займов и дотационной поддержки из бюджета более высокого уровня.

В процессе исполнения доходов и расходов регионального бюджета важную роль играет своевременная оценка поступления запланированных налоговых и неналоговых доходов бюджета и предупреждение излишних расходов. Недопущение дефицита средств регионального бюджета, а также поиск источников

покрытия дефицита в случае его возникновения – главные задачи органов власти. В связи с чем, повышается значимость оценки исполнения регионального бюджета не в конце финансового года, а на протяжении процесса исполнения бюджета в течение года. Только оперативный финансовый анализ повышает возможность качественного исполнения бюджета региона по мере исполнения бюджетной росписи расходов и поступления доходов.

При разработке плановых показателей регионального бюджета и при их исполнении решаются вопросы установления соответствия расходов запланированным доходам, поиску возможностей получения бюджетных кредитов на начальном этапе исполнения бюджета для покрытия временных кассовых разрывов, разработке решений по минимизации дефицита бюджета и поиску источников покрытия этого дефицита.

Цель исследования – разработка модели оценки финансовой устойчивости регионального бюджета и алгоритма ее применения для оперативного управления бюджетными средствами на региональном уровне в процессе исполнения бюджета.

Понятие финансовой устойчивости регионального бюджета

Разработке модели оценки финансовой устойчивости регионального бюджета предшествовало проведение авторами исследования существующих подходов к оценке финансовой самостоятельности, сбалансированности и устойчивости бюджетов. Так, вопросы оценки сбалансированности и финансовой устойчивости бюджетов, межбюджетных отношений и предоставления межбюджетных трансфертов, эффективности деятельности органов государственной власти при использовании бюджетных средств рассматриваются в трудах российских и зарубежных авторов, среди которых М. А. Зырянова [1], С. М. Каратаев [2], Т. В. Максимова [3], И. А. Масюто [4], Д. В. Михеев [5], М. Ю. Молчанова [6], Т. А. Найденова [7], А. А. Никифорова [8], Е. В. Пестерева [9], А. Afonso [10], М. Р. Bolívar [11], С. Breunig [12] и др. [14–16].

Определяя понятие «финансовой устойчивости регионального бюджета» авторы основываются как на существующих исследованиях в данной области, так и на иностранной практике, а так же учитывают позицию государственных органов.

В России понятие финансовой устойчивости бюджета региона не имеет четкого регламентированного государственными органами определения. Однако тема финансовой устойчивости бюджета имеет достаточное освещение в научной литературе.

Существуют разные подходы к раскрытию понятия устойчивости бюджета на разных уровнях. Существует точка зрения, связывающая устойчивость бюджета в большей степени с исполнением доходной и расходной частей бюджета. В качестве примера подобного взгляда можно привести определение С. М. Каратаева «Устойчивость бюджета – это вероятность своевременного и полного покрытия органами публичной власти за счет средств своего бюджета расходов, необходимых для реализации своих полномочий, обеспечения инвестиционных потребностей территории, а также погашения долговых и иных обязательств и расходов по их обслуживанию» [2]. Такая точка зрения характерна для ранних работ посвященных рассматриваемой проблеме.

Более поздний и широкий взгляд других авторов на определение финансовой устойчивости в бюджетном процессе рассматривает его как комплексное явление и связывает с устойчивостью бюджета к возникновению риска. Так, например, применительно к муниципальным бюджетам определение финансовой устойчивости сформулировано и обосновано А. А. Никифоровой, которая понимает под финансовой устойчивостью местного бюджета «комплексное понятие, отражающее такое состояние совокупности денежных фондов, при котором муниципальное образование

способно стабильно развиваться, сохраняя свою финансовую безопасность в условиях дополнительного уровня риска» [8]. Данное определение так же является достоверным и применимым к региональному уровню.

Для учета позиции государственных органов к вопросу финансовой устойчивости бюджетов регионов были изучены материалы тематических заседаний и «круглого стола» в Совете Федерации. Центральной темой в рамках обсуждения устойчивости бюджета региона, являлась проблема зависимости большинства регионов страны от федерального бюджета. Так, представители Счетной палаты России полагают, что «при обсуждении проблематики сбалансированности региональных бюджетов следует сконцентрировать внимание на концептуальных вопросах объективной оценки способности субъектов РФ самостоятельно исполнять возложенные на них расходные полномочия» [14].

Данную позицию следует учесть в связи с тем, что региональный бюджет, в отличие от федерального, редко имеет значимые задолженности перед внешними агентами, однако очень часто зависит от финансовой поддержки федерального бюджета.

На основе проведенного исследования авторами было сформулирована следующая кумулятивная трактовка определения финансовой устойчивости бюджета региона. При этом устойчивость бюджета региона – это такое состояние бюджета, при котором органы власти способны осуществлять формирование и исполнение бюджетов без увеличения государственного долга. При этом акцент делается на налоговые и неналоговые доходы, повышение их доли в общей структуре доходов регионального бюджета, а также не менее значимым является возможность сокращения расходных обязательств бюджета.

Научная значимость приведенного уточненного понятия финансовой устойчивости бюджета региона заключается в выделении *трех ключевых составляющих*, через анализ которых представляется возможным дать комплексную оценку степени устойчивости региона:

- *результативность регионального бюджета* с позиции исполнения запланированных бюджетных обязательств: как в доходной, так и в расходной частях бюджета;
- *финансовая независимость регионального бюджета* с позиции обеспеченности регионального бюджета налоговыми и неналоговыми доходами, формировании и исполнении бюджета без увеличения государственного долга;
- *сбалансированность регионального бюджета* как с позиции соотношения статей бюджета, так и с позиции наличия финансовых резервов для покрытия непредвиденных бюджетом мероприятий, обеспечивающих устойчивость финансовой системы региона к рискованным событиям.

Таблица 1. Система показателей оценки финансовой устойчивости регионального бюджета

Направление оценки	Виды показателей и их расчет	Рекомендуемое значение
1. Оценка результативности бюджета региона с позиции исполнения запланированных доходов и расходов		
1.1. Оценка исполнения утвержденных плановых назначений доходов бюджета (применяется в рамках стандартного подхода к анализу бюджета). Цель – определить полноту поступления в региональный бюджет запланированных доходов.	Процент исполнения доходов бюджета определяется по формуле: $PP_R = \frac{R_1}{R_0} \times 100, \quad (1)$ где PP_R – процент исполнения (percentage of performance) доходов бюджета, в %; R_1 – статья доходов бюджета (budget revenues) по факту исполнения, в руб.; R_0 – статья доходов бюджета (budget revenues) по плановым бюджетным назначениям, в руб.	100 %
1.2. Оценка исполнения утвержденных плановых назначений расходов бюджета (применяется в рамках стандартного подхода к анализу бюджета). Цель – определить полноту выполнения бюджетных обязательств перед получателями бюджетных средств.	Процент исполнения расходов бюджета определяется по формуле: $PP_E = \frac{E_1}{E_0} \times 100, \quad (2)$ где PP_E – процент исполнения (percentage of performance) расходов бюджета, в %; E_1 – статья расходов бюджета (budget expenditures) по факту исполнения, в руб.; E_0 – статья расходов бюджета (budget expenditures) по плановым бюджетным назначениям, в руб.	95–100 %
1.3. Коэффициент соотношения исполнения доходов и расходов бюджета (предложено авторами) Цель – определить соотношение между исполнением бюджета по доходам и расходам.	Коэффициент соотношения исполнения доходов и расходов бюджета определяется по формуле: $I_{RRE} = \frac{PP_R}{PP_A}, \quad (3)$ где I_{RRE} – коэффициент соотношения исполнения доходов и расходов бюджета (Indicator of ratio of execution of budget expenditures and budget revenues).	>1
2. Оценка финансовой независимости регионального бюджета		
2.1. Коэффициент автономии регионального бюджета (применяется в рамках методики Т.В. Сорокиной) Цель – определить степень зависимости от безвозмездных поступлений из федерального бюджета	Коэффициент автономии регионального бюджета определяется по формуле: $I_{RBA} = \frac{\sum R - GR}{\sum R}, \quad (4)$ где I_{RBA} – коэффициент автономии регионального бюджета (Indicator of regional budget autonomy); $\sum R$ – совокупные доходы регионального бюджета исполненные в анализируемом периоде (tax revenues), в руб.; GR – безвозмездные поступления исполненные в анализируемом периоде (gratuitous receipts), в руб.	$\geq 0,5$
2.2. Коэффициент отношения расходов и собственных доходов бюджета (применяется в рамках методики Т.В. Сорокиной) Цель – определить, в какой степени расходы бюджета покрываются доходами бюджета без учета безвозмездных поступлений из федерального бюджета	Коэффициент отношения расходов и собственных доходов бюджета определяется по формуле: $I_{REOR} = \frac{\sum E}{\sum R - GR}, \quad (5)$ где I_{REOR} – коэффициент отношения расходов и собственных доходов бюджета (Indicator of ratio of expenditure to own budget revenues); $\sum E$ – совокупность всех расходов регионального бюджета, исполненные в анализируемом периоде (budget expenditures), в руб.	$\leq 0,5$

Направление оценки	Виды показателей и их расчет	Рекомендуемое значение
2.3. Коэффициент покрытия бюджетной задолженности (применяется в рамках методики Т. В. Сорокиной) Цель – определить способность бюджета региона погашать свои обязательства за счёт собственных доходов.	Коэффициент покрытия бюджетной задолженности определяется по формуле: $I_{CBD} = \frac{BD}{R_T + R_{NT}}, \quad (6)$ где I_{CBD} – коэффициент покрытия бюджетной задолженности (Indicator of coverage of budget debts); R_T – налоговые доходы регионального бюджета исполненные в анализируемом периоде (tax revenues), в руб.; R_{NT} – неналоговые доходы регионального бюджета исполненные в анализируемом периоде (non-tax revenues), в руб.; BD – госдолг субъекта РФ на первое число месяца следующего за периодом оценки, в руб. (budget debts), в руб.	≤1
3. Оценка сбалансированности регионального бюджета		
3.1. Коэффициент сбалансированности регионального бюджета (предложено авторами) Цель – определить достаточность собственных доходов бюджета для проведения расходования согласно утвержденным бюджетным назначениям	Коэффициент сбалансированности регионального бюджета определяется по формуле: $I_{BRB} = \frac{R_T + R_{NT}}{\sum E}, \quad (7)$ где I_{BRB} – коэффициент финансовой устойчивости регионального бюджета (the stability indicator of the regional budget).	≥0,85
3.2. Коэффициент отношения дефицита к доходам регионального бюджета без учета безвозмездных поступлений (применяется в рамках методики О. В. Макашиной [16]). Цель – отследить установленное нормативное значение максимально допустимого размера дефицита бюджета.	Коэффициент отношения дефицита к доходам регионального бюджета без учета безвозмездных поступлений определяется по формуле: $I_{DIR} = \frac{RBD}{\sum E}, \quad (8)$ где I_{DIR} – коэффициент отношения дефицита к доходам регионального бюджета без учета безвозмездных поступлений (Indicator of deficit-income relations of the regional budget without donations); RBD – дефицит регионального бюджета в анализируемом периоде, как разница между фактическими доходами и расходами бюджета (regional budget deficit), в руб.	≥0
3.3. Коэффициент обеспеченности резервами (предложено авторами) Цель – определить способность бюджета региона покрыть непредвиденные расходы.	Коэффициент обеспеченности резервами определяется по формуле: $I_{PFR} = \frac{FR}{\sum E}, \quad (9)$ где I_{PFR} – коэффициент обеспеченности резервами (Indicator of provision reserves funds); FR – размер финансового резерва (financial reserve), в руб.; $\sum E$ – совокупность всех расходов регионального бюджета (budget expenditures), в руб.	0,03

Источник: составлено авторами, основываясь на подходах Т. В. Сорокиной [15], О. В. Макашиной [16], собственных разработках.

На основе выделения трех вышеуказанных ключевых направлений анализа, авторами был разработан методический подход к комплексной оценке финансовой устойчивости бюджета региона.

Модель оценки финансовой устойчивости регионального бюджета и алгоритм ее применения

Методика анализа показателей регионального бюджета, которой традиционно пользуются органы государственной власти, включает следующие направления:

- 1) определение процента исполнения доходов и расходов;
- 2) оценка структуры доходов и расходов по факту исполнения бюджета.

Подход авторов к оценке финансовой устойчивости бюджета строится на применении в анализе бюджета в качестве инструментария коэффициентов. Так же в представленном методическом подходе использованы элементы, применяемые в аналогичных исследованиях Т.В. Сорокиной [15]. Однако в альтернативу стандартным коэффициентам, в качестве показателей финансовой устойчивости бюджета применяется система авторских показателей разработанных на основе ключевых направлений анализа представленных выше (результативность, финансовая независимость, сбалансированность регионального бюджета) и балльная система оценки регионального бюджета. Разработанная авторами система показателей представлена в таблице 1.

Таким образом, авторами предложена комплексная разносторонняя оценка, которая с одной стороны, за счет оригинальной комбинации показателей, содержит элемент научной новизны, с другой стороны, включает в себя современные научные наработки и международный опыт в сфере оценки финансовой устойчивости государственных бюджетов. При этом тип финансовой устойчивости будет характеризоваться рядом показателей, и зависеть от их значений в комплексе (таблица 2).

Обоснование нормативных значений коэффициентов:

- нормативные значения для показателей процент исполнения доходов бюджета (PP_R), процент исполнения расходов бюджета (PP_E), – коэффициент отношения исполнения доходов и расходов бюджета (I_{RRE}) определены следующим образом: в рамках оценки устойчивости бюджета, положительно оценивается незначительное (до 5%) превышение фактических доходов над плановыми и не полное исполнение расходов в сравнении с запланированными (до 5%). При этом для государственного управления нежелательным является любое отклонение от запланированных расходов и доходов;
- нормативные значения для коэффициента автономии регионального бюджета (I_{RBA}), коэффициента отношения расходов и собственных доходов бюджета (I_{REOR}), коэффициента покрытия бюджетной задолженности (I_{CBD}) определены на основе исследования Т.В. Сорокиной [28], определившей и обосновавшей нормативное значение для аналогичных показателей;
- коэффициент сбалансированности регионального бюджета (I_{BRB}) определен в соответствии с российским

Таблица 2. Модель балльной оценки финансовой устойчивости регионального бюджета

Тип устойчивости	PP_R	PP_E	I_{RRE}	I_{RBA}	I_{REOR}	I_{CBD}	I_{BRB}	I_{DIR}	I_{PFR}	Присвоение баллов за единственный показатель	Диапазон суммарной балльной оценки для определения типа ФУ (ФУ _Б)*
Устойчивое финансовое положение региона	>100	<100	>1	>0,5	<0,5	<1	>0,85	≥0	0,03	1	6 < ФУ _Б ≤ 9
Неустойчивое финансовое положение региона	100	100	1	0,5	0,5	1	0,85	≥-0,10	0 < I_{PFR} < 0,03	0,5	3 < ФУ _Б ≤ 6
Кризисное финансовое положение региона	<100	>100	<1	<0,5	>0,5	>1	<0,85	<-0,10	<0; >0,03	0	ФУ _Б ≤ 3

Источник: составлено авторами, основываясь на подходах Т.В. Сорокиной [15], О.В. Макашиной [16], нормативах дефицита бюджета субъекта РФ (ст. 2 ст. 92.1 Бюджетного кодекса РФ).

* Величина интервала суммы баллов определена стандартной статической формулой, где минимально возможная оценка равна нулю, а максимальная – восемнадцать при числе интервалов равным трем

законодательством. В частности, ст. 92 Бюджетного кодекса РФ не определяет четкие размеры дефицита федерального бюджета, поэтому если значение коэффициента меньше единицы, это значит что бюджет дефицитный, и задачей федеральных органов власти является поиск оптимальных источников его покрытия. Чаще всего это бюджетные кредиты, выпуск государственных облигаций, продажа объектов федеральной собственности, приватизация государственных предприятий, сдача в долгосрочную аренду земельных участков, нежилых помещений и др. Для субъектов РФ п.2 ст. 92.1 Бюджетного кодекса РФ устанавливает максимально допустимый дефицит бюджета в размере 15 % от годового объема его доходов¹ (без учета финансовой помощи из федерального бюджета). Исходя из чего, был установлен критерий равный или более 0,85;

- коэффициент отношения дефицита к доходам регионального бюджета без учета безвозмездных поступлений (I_{DIR}) определен на основе исследования О. В. Макашиной [31], определившей и обосновавшей нормативное значение для аналогичных показателей (в частности, коэффициента дефицитности бюджета);

- коэффициент обеспеченности резервами (I_{PFR}) определен в соответствии с Бюджетным кодексом РФ. Бюджетный кодекс определяет, что размер резервных фондов исполнительных органов государственной власти (местных администраций) устанавливается законами (решениями) о соответствующих бюджетах и не может превышать 3 % общего объема расходов. Критерий определен в диапазоне 0–3 % от расходов бюджета².

Бальный подход к оценке финансовой устойчивости регионального бюджета позволяет, с одной стороны, присвоить бюджету конкретный тип финансовой устойчивости, а с другой стороны – придать гибкость оценке и рассматривать изменение общего уровня финансовой устойчивости бюджета в динамике.

На основе разработанной модели оценки финансовой устойчивости, авторами разработан управленческий алгоритм ее применения (рис. 1).

Результаты применения методики оценки финансовой устойчивости регионального бюджета

На примере региональных бюджетов Уральского федерального округа в составе России проанализируем исполнение утвержденных плановых показателей доходов и расходов бюджетов, а также проведем оценку финансовой устойчивости по тем показателям,

которые представлены в таблице 1. Результаты оценки исполнения бюджетов субъектов РФ в составе Уральского федерального округа России по доходам и расходам на 1 января 2017 года представлены в таблице 3.

По результатам оценки исполнения бюджетов субъектов РФ в составе Уральского федерального округа по доходам следует отметить:

- перевыполнение плановых назначений налоговых и неналоговых доходов в составе бюджетов Челябинской (на 1,61 %), Свердловской (на 2,24 %), Тюменской (на 8,47 %), Ханты-Мансийской (на 3,67 %) областей, а также Ямала (на 8,19 %). Значительное недовыполнение (на 13,98 %) плановых назначений по налоговым и неналоговым доходам наблюдается в Курганской области, что ставит под сомнение качество финансового планирования в субъекте РФ;

- перевыполнение плановых назначений по межбюджетным трансфертам, направляемым в регионы из федерального бюджета, наблюдается в Тюменской области (на 4,63 %) и ХМАО–ЮГРА (на 4,12 %). В остальных регионах было получено меньше запланированной финансовой помощи – в Курганской области на 1,39 % меньше, в Челябинской области – на 1,88 % меньше, на Ямале – на 7,4 % меньше;

- общее исполнение доходов бюджетов субъектов Уральского федерального округа показало перевыполнение плановых назначений в бюджете Челябинской области (на 0,94 %), Свердловской области (на 1,93 %), Тюменской области (на 8,22 %), Ямало-Ненецкого автономного округа (на 7,82 %), ХМАО–ЮГРА (на 3,68 %).

Оценка исполнения бюджетов субъектов по расходам показала недовыполнение плановых назначений расходов всех регионов, что связано с сокращением расходов в течение 2016 года при исполнении бюджетов. Так, наибольшее недовыполнение плана у Курганской области (почти на 10 %), Тюменской области (более чем на 10 %), небольшое отклонение 1,5–2,5 % у Челябинской, Свердловской области, ХМАО–ЮГРА и Ямала.

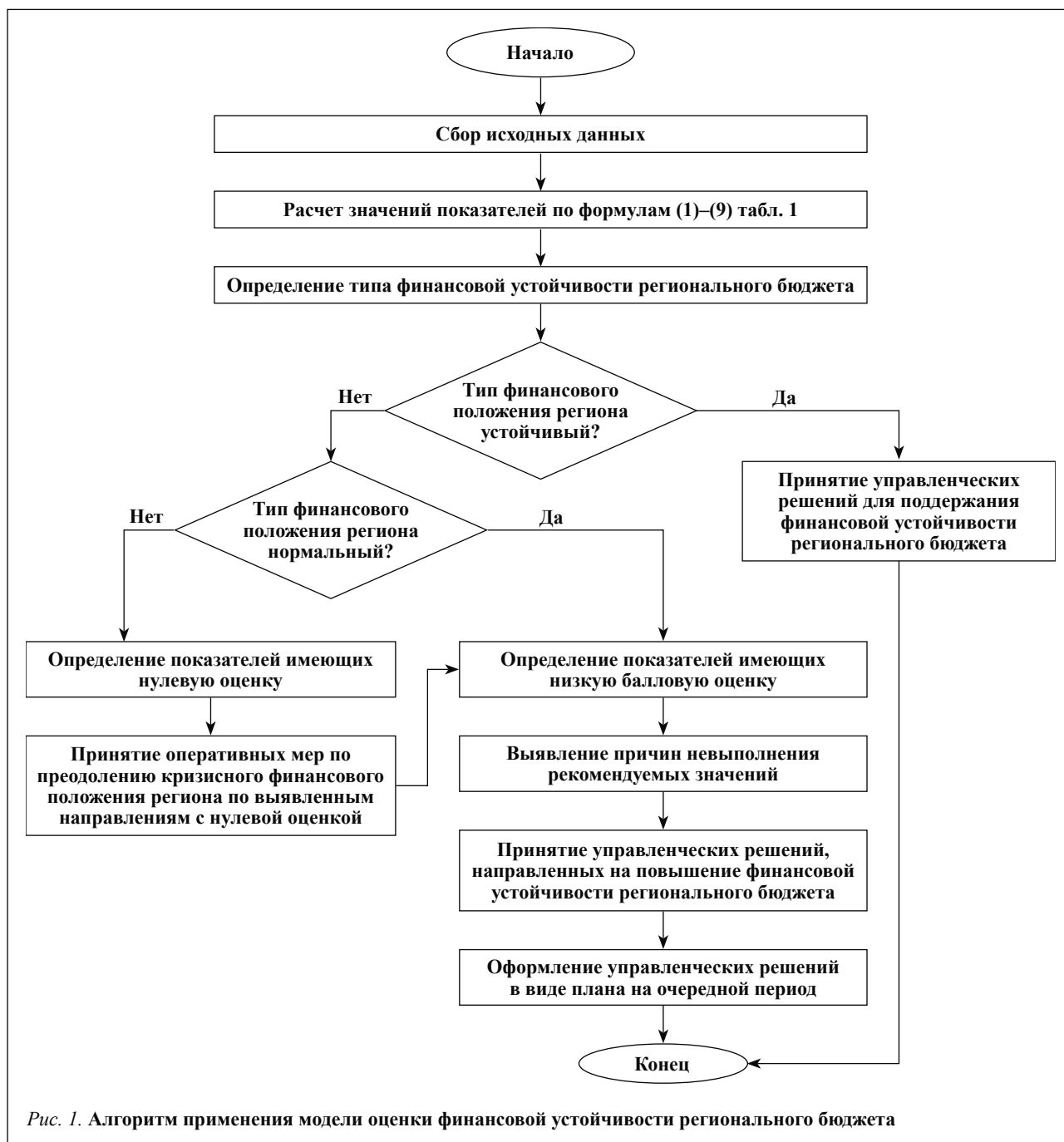
По исполнению бюджета Тюменской области в 2016 году был сформирован профицит бюджета, остальные области исполнили бюджеты с дефицитом.

Используя данные таблицы 3, проведем оценку финансовой устойчивости бюджета субъектов РФ в составе Уральского федерального округа с применением коэффициентов таблицы 1. Результаты расчетов представим в таблице 4.

По результатам расчетов наблюдается исполнение плана доходов бюджетами всех регионов, за исключением Курганской области (выполняется нормативное значение $PP_R \geq 100$).

¹ Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 1998 года № 145-ФЗ (ред. от 30.09.2017)

² Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 1998 года N 145-ФЗ (ред. от 30.09.2017). п.3 ст. 81.

Исполнение расходов бюджетов всех анализируемых регионов в пределах нормы $PP_E \leq 100$, так как почти всеми регионами были незначительно сокращены утвержденные плановые назначения расходов в процессе исполнения бюджета в 2016 году (Тюменская и Курганская области значительно сократили свои расходы, почти на 10%, что недопустимо).

На диаграмме (рис. 2) представим графическую интерпретацию балльной оценки и типа финансовой

устойчивости каждого из представленных регионов Уральского федерального округа, основываясь на балльной оценке (таблица 4).

Соотношение исполнения доходов и расходов бюджетов почти по всем регионам в пределах нормы ($I_{RRE} > 1$), за исключением бюджета Курганской области.

В целом, по всем регионам следует отметить превышение минимального значения коэффициента

Таблица 3. Исполнение бюджетов субъектов РФ в составе Уральского федерального округа на 1 января 2017 года

Наименование показателя	Курганская область	Свердловская область	Тюменская область	Челябинская область	Ханты-Мансийский автономный округ	Ямало-Ненецкий автономный округ
1. Налоговые и неналоговые доходы						
утвержденные бюджетные назначения, млн руб.	26 111	167 974	108 716	106 475	182 958	120 088
исполнение, млн. руб.	22 460	171 739	117 928	108 184	189 663	129 920
процент исполнения	86,02 %	102,24 %	108,47 %	101,61 %	103,66 %	108,19 %
2. Безвозмездные поступления						
утвержденные бюджетные назначения, млн руб.	15 099	22 926	7795	24 885	7910	2931
исполнение, млн руб.	14 889	22 846	8156	24 416	8236	2714
процент исполнения	98,61 %	99,65 %	104,63 %	98,12 %	104,12 %	92,60 %
Итого доходов (1.+2.)						
утвержденные бюджетные назначения, млн руб.	41 210	190 900	116 511	131 360	190 868	123 019
исполнение, млн руб.	37 349	194 585	126 084	132 600	197 899	132 634
процент исполнения	90,63	101,93	108,22	100,94	103,68	107,82
Итого расходов						
утвержденные бюджетные назначения, млн руб.	44 875	205 517	137 371	135 262	209 456	135068
исполнение, млн руб.	40 740	200 452	122 658	132 766	206 190	133 305
процент исполнения	90,79 %	97,54 %	89,29 %	98,15 %	98,44 %	98,69 %
Дефицит бюджета						
утвержденные бюджетные назначения, млн руб.	-3 665	-14 617	-20 860	-3 902	-18 588	-12 049
исполнение, млн руб.	-3 391	-5 867	3 426	-166	-8 291	-671
Бюджетная задолженность (госдолг субъекта РФ)						
факт, млн руб.	15 100	72 100	2089	28 500	17 428	30 970
Резервы						
факт, млн руб.	20,00	800,00	0,00*	0,00*	6185,7	0,00*

Источник: таблица сформирована и проанализирована авторами с использованием данных отчетов об исполнении бюджетов регионов в составе Уральского федерального округа России на 01.01.2017 года: Курганской¹, Свердловской², Тюменской³, Челябинской⁴ области, ХМАО-УГР⁵ и ЯНАО⁶.

* По суммам резервов этих регионов отсутствуют официальные данные.

¹ Анализ доходов и расходов бюджетов городских округов и муниципальных районов Курганской области на 01.01.2017 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.finupr.kurganobl.ru/index.php?test=az>

² Исполнение областного бюджета Свердловской области на 01.01.2017 [Электронный ресурс]. URL: http://minfin.midural.ru/document/category/21#document_list

³ Отчет об исполнении консолидированного бюджета Тюменской области на 01.01.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://admtyumen.ru/ogv_ru/finance/finance/bugjet/more.htm?id=11410390@cmsArticle

⁴ Отчет об исполнении консолидированного бюджета Челябинской области на 01.01.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://pravmin74.ru/pravitelstvo/byudzheta-oblasti>

⁵ Отчет об исполнении консолидированного бюджета ХМАО – ЮГРЫ на 01.01.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://depfin.admhmao.ru/otkrytyy-byudzheta/ispolnenie-byudzheta/>

⁶ Отчет об исполнении бюджета ЯНАО за 2016 год [Электронный ресурс]. URL: http://www.yamalfin.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2278:2017-06-05-04-18-55&catid=122:2016-03-23-05-17-39&Itemid=102

Таблица 4. Результаты расчета показателей финансовой устойчивости бюджетов регионов в составе Уральского федерального округа на 01.01.2017

Показатель	Нормативное значение	Курганская область		Свердловская область		Тюменская область		Челябинская область		Ханты-Мансийский автономный округ		Ямало-Ненецкий автономный округ	
		Расчет	Балл	Расчет	Балл	Расчет	Балл	Расчет	Балл	Расчет	Балл	Расчет	Балл
PP_R (процент исполнения доходов бюджета)	≥ 100	90,63	0,0	101,93	1,0	108,22	1,0	100,94	1,0	103,68	1,0	107,82	1,0
PP_E (процент исполнения расходов бюджета)	≤ 100	90,79	1,0	97,54	1,0	89,29	1,0	98,15	1,0	98,44	1,0	98,69	1,0
I_{RRE} (коэффициент соотношения исполнения доходов и расходов бюджета)	> 1	0,998	0,0	1,045	1,0	1,212	1,0	1,028	1,0	1,053	1,0	1,092	1,0
I_{RBA} (коэффициент автономии регионального бюджета)	$\geq 0,5$	0,60	1,0	0,88	1,0	0,94	1,0	0,82	1,0	0,96	1,0	0,98	1,0
I_{REOR} (коэффициент соотношения расходов и собственных доходов бюджета)	$\leq 0,5$	1,81	0,0	1,17	0,0	1,04	0,0	1,23	0,0	1,09	0,0	1,03	0,0
I_{CBD} (коэффициент покрытия бюджетной задолженности)	≤ 1	0,67	1,0	0,42	1,0	0,02	1,0	0,26	1,0	0,09	1,0	0,24	1,0
I_{BRB} (коэффициент сбалансированности регионального бюджета)	$\geq 0,85$	0,55	0,0	0,86	1,0	0,96	1,0	0,81	0,0	0,92	1,0	0,97	1,0
I_{DIR} (коэффициент отношения дефицита к доходам регионального бюджета без учета финансовой помощи)	≥ 0	-0,08	0,5	-0,03	0,5	0,03	1,0	0,00	0,5	-0,04	0,5	-0,01	0,5
I_{PFR} (коэффициент обеспеченности резервами)	0,03	0,00	0,5	0,004	0,5	0,00	0,5	0,00	0,5	0,030	1,0	0,00	0,5
Сумма баллов		4,0		7,0		7,5		6,0		7,5		7,0	
Тип устойчивости		Неустойчивое финансовое положение региона		Устойчивое финансовое положение региона		Устойчивое финансовое положение региона		Неустойчивое финансовое положение региона		Устойчивое финансовое положение региона		Устойчивое финансовое положение региона	

Источник: собственные расчеты авторов с применением данных таблицы 3.

автономии (I_{RBA}) – 0,5; то есть региона являются достаточно независимыми. Наиболее независимыми являются ХМАО-ЮГРА и ЯМАЛ, значения коэффициента автономии составили 0,96 и 0,98 соответственно.

Значения коэффициента соотношения расходов и собственных доходов бюджетов всех регионов в составе Уральского федерального округа (I_{REOR}) при норме $\leq 0,5$ показало ее превышение в два раза.

Оценка покрытия бюджетной задолженности (I_{CBD}) при норме ≤ 1 по всем регионам показала наименьший уровень этого коэффициента по данным бюджета Тюменской и Ханты-Мансийской области: 0,02 и 0,09 соответственно.

Оценка сбалансированности бюджетов регионов показала выполнение нормативного значения ($I_{BRB} \geq 0,85$) при планировании доходов и расходов

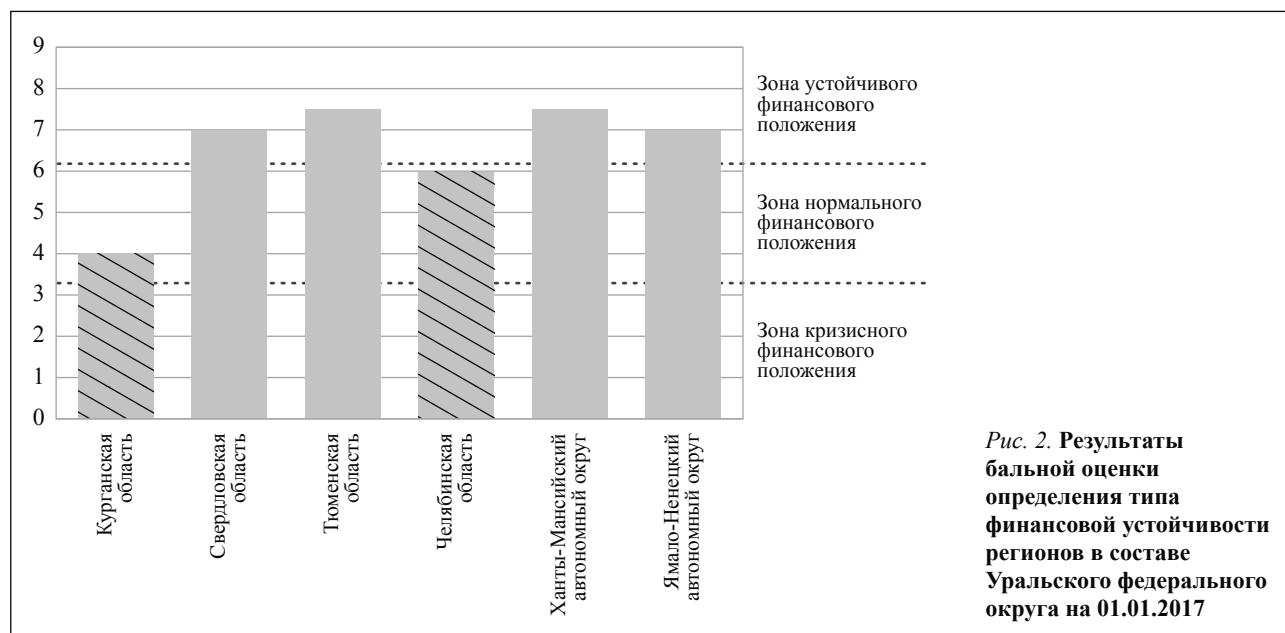

Таблица 5. Управленческие рекомендации для региональных властей

Тип устойчивости	Регион	Действие региональных властей в рамках алгоритма	Рекомендуемые управленческие решения
Устойчивое финансовое положение региона	Свердловская область, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ	Принятие управленческих решений для поддержания финансовой устойчивости регионального бюджета	Поддержание текущей финансово-бюджетной политики региона
Неустойчивое финансовое положение региона	Курганская область	1) Выявление причин невыполнения рекомендуемых значений 2) Принятие управленческих решений, направленных на повышение финансовой устойчивости регионального бюджета	1) Проведение исследования по следующим направлениям: • выявление причин не исполнения доходной части бюджета; • выявление причин недостатка собственных доходов для покрытия расходов бюджета; • выявления причин превышения допустимого размера дефицита бюджета. 2) Применение методов прямого регулирования: • принятие управленческих решений по результатам проведенных исследований.
	Челябинская область	1) Выявление причин невыполнения рекомендуемых значений 2) Принятие управленческих решений, направленных на повышение финансовой устойчивости регионального бюджета	1) Проведение исследования по следующим направлениям: • выявление причин недостатка собственных доходов для покрытия расходов бюджета; • выявления причин превышения допустимого размера дефицита бюджета. 2) Применение методов прямого регулирования: • принятие управленческих решений по результатам проведенных исследований; • увеличение доли финансовых резервов в бюджетах будущих в пределах государственного норматива.

всеми регионами, за исключением Челябинской и Курганской области, по которым значения ниже установленной нормы: 0,81 и 0,55 соответственно.

Коэффициент отношения дефицита к доходам регионального бюджета без учета финансовой помощи (I_{DIR}) показал невыполнение норматива (≥ 0) по всем регионам, кроме Тюменской и Челябинской областей.

Расчет коэффициента обеспеченности резервами (I_{PFR}) при норме 0,03 показал ее достижение только ХМАО–ЮГРА.

По результатам расчета показателей и проведения бальной оценки типа финансовой устойчивости регионов в составе Уральского федерального округа неустойчивое финансовое положение наблюдается в Курганской и Челябинской областях. Такие регионы, как Свердловская, Тюменская область, ХМАО–ЮГРА и ЯНАО являются регионами с устойчивым финансовым положением.

По результатам проведенного исследования в рамках разработанного алгоритма (рис. 1) были предложены управленческие рекомендации (таблица 5).

Таким образом, предложенный авторами инструментарий позволяют не только провести оценку финансовой устойчивости бюджета региона, но так же и определить рекомендации по управленческим воздействиям, ориентированным на укрепление финансового положения территории.

Выводы

В исследовании финансовая устойчивость была рассмотрена в контексте достаточности налоговых и неналоговых доходов для осуществления всех расходов региональным бюджетом, не повышая уровень государственного долга в регионе.

Финансовая сбалансированность и устойчивость регионального бюджета констатируют эффективность финансового планирования в регионе. Кроме того, предопределяют возможности осуществлять не только текущую финансовую деятельность региональными органами власти, но и справляться с долговой нагрузкой в части погашения государственного долга, формировать резервные фонды, повышать инвестиционную привлекательность региона. В связи с чем, особенно высока роль анализа финансовой устойчивости регионального бюджета.

Представленная модель оценки и алгоритм ее применения позволит разделить регионы на три типа: с неустойчивым, устойчивым и кризисным финансовым положением, выделить наиболее «проблемные» зоны в финансовом планировании и разработать необходимые решения на региональном и федеральном уровне.

Литература:

1. Зырянова М. А. Оценка финансовой устойчивости бюджета региона с помощью интегрального показателя // Вестник науки и образования. 2015. № 5 (7). С. 59–63.
2. Каратаев С. М. К вопросу о понятии устойчивости бюджета // Дайджест-Финансы. 2003. № 5. С. 39–46.
3. Гладковская Е. Н., Максимова Т. В. Оценка повышения финансовой самостоятельности бюджета внутригородского района: налоговый аспект // Фундаментальные исследования. 2016. № 9(2). С. 334–339.
4. Масюто И. А. Разработка теоретических положений и практических рекомендаций по совершенствованию процесса стратегического планирования развития территории (на примере муниципального образования г. Бузулук) // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2013. – № 9(23) [электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-teoreticheskikh-polozheniy-i-prakticheskikh-rekomendatsiy-posovershenstvovaniyu-protsesssa-strategicheskogo-planirovaniya> (дата обращения 10.10.2017).
5. Михеев Д. В., Тельянец К. А., Клочкова Е. Н., Леднева О. В. Выявление стратегических направлений развития экономики субъекта Российской Федерации на примере Московской области // Экономика, статистика и информатика. 2014. № 6(2). С. 318–323.
6. Molchanova M. Y. Development of intergovernmental fiscal relations in a region: theory and practice issues // Экономика региона. 2010. № 2. С. 111–116.
7. Найденова Т. А., Швецова И. Н. Методический инструментарий оценки финансовой устойчивости бюджетов субъектов российской федерации // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 2. С. 222–233.
8. Никифорова А. А. Факторы финансовой устойчивости и безопасности местного бюджета : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Волгоград, 2007. 26 с.
9. Пестерева Е. В. Комплексная динамическая оценка эффективности исполнения бюджета в части доходов // Фундаментальные исследования. 2016. № 12-3. С. 683–688.
10. Afonso A., Jalles J. Fiscal sustainability: a panel assessment for advanced economies // Applied Economics Letters. 2015. № 22(11). P. 925–929.
11. Bolívar M. P., Galera A. N., Muñoz L. A., López Subires M. D. Analyzing forces to the financial contribution of local governments to sustainable development // Sustainability. 2016. № 8 (9) [e-recourse]. URL: <http://www.mdpi.com/2071-1050/8/9/925/htm925> (date of reference 20.09.2017).

12. Breunig C., Koski C., Mortensen P. B. Stability and punctuations in public spending: A comparative study of budget functions // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2010. №20 (3). P. 703–722.
13. Potrafke N., Riem M., Schinke C. Debt Brakes in the German States: Governments' Rhetoric and Actions // *German Economic Review*. 2016. №17 (2). P. 253–275.
14. Изутова О. В. Финансовая устойчивость регионов: концептуальные вопросы // *Бюджет. Финансы*. 2017. №2 [электронный ресурс]. URL: <http://bujet.ru/article/317018.php> (дата обращения: 10.10.2017).
15. Сорокина Т. В. Оценка финансово-бюджетной устойчивости муниципальных образований // *Baikal Research Journal*. 2010. №5. С. 83–87.
16. Макашина О. В. Механизм определения финансового состояния территории / О. В. Макашина // *Аудит и финансовый анализ*. 2010. №3. с. 15–22.
- on the example of the Moscow Region // *Economics, Statistics and Informatics*. 2014. №6 (2). P. 318–323.
6. Molchanova M. Y. Economy of the region. 2010. №2. P. 111–116.
7. Naydenova T. A., Shvetsova I. N. Methodological toolkit for assessing financial sustainability of budgets of subjects of the Russian Federation // *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences*. 2017. №2. P. 222–233.
8. Nikiforova A. A. Factors of financial stability and safety of the local budget: the author's abstract of a thesis for the degree of candidate of economic sciences. Volgograd, 2007. 26 p.
9. Pestereva E. V. Complex dynamic assessment of the effectiveness of budget execution in terms of income // *Fundamental research*. 2016. №12-3. P. 683–688.
10. Afonso A., Jalles J. Fiscal sustainability: a panel assessment for advanced economies. *Applied Economics Letters*. 2015. №22 (11). P. 925–929.
11. Bolívar M. P., Galera A. N., Muñoz L. A., López Subires M. D. Analyzing forces to the financial contribution of local governments to sustainable development // *Sustainability*. 2016. №8 (9) [e-recourse]. URL: <http://www.mdpi.com/2071-1050/8/9/925/htm925> (date of reference 20.09.2017).
12. Breunig C., Koski C., Mortensen P. B. Stability and punctuations in public spending: A comparative study of budget functions. *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2010. №20 (3). P. 703–722.
13. Potrafke N., Riem M., Schinke C. Debt Brakes in the German States: Governments' Rhetoric and Actions // *German Economic Review*. 2016. №17 (2). P. 253–275.
14. Izutova O. V. Financial stability of regions: conceptual issues // *Budget. Finance*. 2017. №2 [e-resource]. URL: <http://bujet.ru/article/317018.php> (date of reference: 10.10.2017).
15. Sorokina T. V. Estimation of financial and budgetary stability of municipalities // *Baikal Research Journal*. 2010. №5. P. 83–87.
16. Makashina O. V. The mechanism of determining the financial condition of the territory / O. V. Makashina // *Audit and financial analysis*. 2010. №3. P. 15–22.

References:

1. Zyryanova M. A. Estimation of financial stability of the regional budget with the help of an integrated indicator // *Bulletin of Science and Education*. 2015. №5 (7). P. 59–63.
2. Karataev S. M. On the issue of the concept of budget sustainability // *Digest-Finance*. 2003. №5. P. 39–46.
3. Gladkovskaya E. N., Maksimova T. V. Evaluation of increasing the financial autonomy of the budget of the inner city district: the tax aspect // *Fundamental research*. 2016. №9 (2). P. 334–339.
4. Masyuto I. A. Development of theoretical provisions and practical recommendations for improving the process of strategic planning for the development of the territory (on the example of the municipal formation of Buzuluk) // *Modern research of social problems (electronic scientific journal)*. 2013. №9 (23). [e-resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-teoreticheskikh-polozheniy-i-prakticheskikh-rekomendatsiy-po-sovershenstvovaniyu-protssessa-strategicheskogo-planirovaniya> (date of reference 10.10.2017).
5. Mikheev D. V., Tellants K. A., Klochkova E. N., Ledneva O. V. Identification of strategic directions of economic development of a subject of the Russian Federation

ИНСТРУМЕНТЫ АКТИВИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНОВ

Колмакова И. Д.

доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления, Челябинский государственный университет (Россия), 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129, kolmirina@mail.ru

Колмакова Е. М.

старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Челябинский государственный университет (Россия), 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129, janenet@mail.ru

УДК 330.322(470.5)

ББК 65.9(2Рос-15)-56

Цель. Сравнить результаты инвестиционной активности субъектов РФ, входящих в состав Уральского федерального округа; рассмотреть роль и значение инструментов активизации инвестиционной деятельности регионов в целях повышения их конкурентоспособности.

Методы. В исследовании используется метод сравнительного и статистического анализа. Проанализирована динамика инвестиционной активности регионов Уральского федерального округа с целью выявления ключевых проблем, препятствующих развитию региональной инвестиционной системы.

Результаты. Исходя из сравнительного анализа показателей инвестиционной деятельности регионов УрФО, построен рейтинг эффективности инвестиционной активности регионов, сделан вывод о взаимосвязи инвестиционной активности и инвестиционной привлекательности регионов, о необходимости активизации инвестиционной деятельности с помощью таких инструментов, как внедрение Стандарта деятельности органов исполнительной власти субъекта по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе, взаимосвязи стратегии развития региона с территориальными преимуществами муниципальных образований.

Научная новизна. Научная новизна заключается в разработке методики сравнения инвестиционной активности регионов, включающей набор показателей, отличной от методики, используемой Госкомстатом РФ.

Ключевые слова: инвестиционная активность, инвестиционный климат, региональные инвестиции, эффективность.

INSTRUMENTS FOR ENHANCING THE INVESTMENT ACTIVITY OF THE REGIONS

Kolmakova I. D.

Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of State and Municipal Administration, Chelyabinsk State University (Russia), 454001, Russia, Chelyabinsk, Brothers Kashirinykh str., 129, kolmirina@mail.ru

Kolmakova E. M.

Senior Lecturer of the department of State and Municipal management, Chelyabinsk State University (Russia), 454001, Russia, Chelyabinsk, Brothers Kashirinykh str., 129, janenet@mail.ru

Purpose. Compare the results of investment activity of the constituent entities of the Russian Federation that are part of the Urals Federal District; to consider the role and importance of instruments for enhancing the investment activities of the regions in order to improve their competitiveness.

Methods. The study uses a method of comparative and statistical analysis. The dynamics of investment activity in the regions of the Urals Federal District is analyzed with the aim of identifying key problems hampering the development of the regional investment system.

Results. Based on the comparative analysis of investment performance indicators in the regions of the Urals Federal District, a rating of the effectiveness of investment activity of the regions was drawn up, a conclusion was made on the

relationship between investment activity and investment attractiveness of the regions, the need to intensify investment activities with the help of such tools as the introduction of the Standard for the executive authorities of the constituent entity to ensure a favorable investment climate in the region, the interrelation of the development strategy of the region with the territory advantages of municipalities.

Scientific novelty. The scientific novelty lies in the development of a methodology for comparing the investment activity of the regions, including a set of indicators, different from the methodology used by the State Statistics Committee of the Russian Federation.

Key words: investment activity, investment climate, regional investments, efficiency.

Достижение целей модернизации экономики регионов и обеспечение их устойчивого социально-экономического развития непосредственно связано с активизацией инвестиционной деятельности и созданием благоприятных условий для предпринимательской деятельности как в регионе в целом, так и в его муниципальных образованиях.

Актуальность проблемы реализации имеющихся и поиска новых инструментов развития благоприятного инвестиционного климата в регионах особо возрастает в условиях перехода к инновационному типу развития экономики. В работе проведен сравнительный анализ эффективности инвестиционной деятельности регионов УрФО и рассмотрены инструменты развития их инвестиционной активности в современных условиях. Цель работы – выявить изменения в развитии региональной инвестиционной системы в условиях циклической динамики функционирования экономики и роль государственных и муниципальных органов власти в активизации инвестиционной деятельности в регионе.

Теория и методология инвестиционной активности рассматривались в работах Н. Р. Геронина, О. В. Михалева, И. В. Рашкеевой, А. Г. Третьякова, Л. А. Трофимова и др. Вопросы управления инвестиционной активностью рассматривались в работах С. И. Айрапетяна, С. Ф. Губайдуллиной, Л. Р. Курмановой, Т. Б. Малковой, Н. В. Прониной, В. М. Романова и др. В настоящее время инвестиционная активность трактуется в экономической литературе как степень интенсивности процессов инвестирования, происходящих на территории. Представителями данного подхода являются Б. А. Колтынюк, Н. И. Климова, И. И. Ройзман и др. [1]. С точки зрения другого подхода инвестиционная активность трактуется как привлекательность данной территории для инвесторов. [2]. Различие данных подходов заключается в акцентировании внимания на различных сторонах одного и того же процесса. Мы понимаем под инвестиционной активностью региона интенсивность привлечения и размещения инвестиций в основной капитал региона субъектами инвестиционной деятельности и создание инструментов развития благоприятного инвестиционного климата.

Данный подход используется в предлагаемой нами методике сравнительного анализа результатов инвестиционной активности, на основе которой был проведен сравнительный анализ результатов инвестиционной активности субъектов РФ, входящих в состав Уральского федерального округа (Курганская область, Свердловская область, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Челябинская область) за 2015–2016 гг. Алгоритм оценки эффективности инвестиционной активности регионов следующий:

- 1) выбор показателей для расчета эффективности;
- 2) присвоение мест регионам в разрезе показателей: высокий – 1 (первое), низкий – 6 (шестое);
- 3) оценка мест;
- 4) сопоставление и определение рейтинга эффективности инвестиционной активности в субъектах УрФО.

Были выбраны следующие показатели:

П1 – инвестиции в основной капитал на душу населения в 2016 г., руб.;

П2 – индекс физического объема инвестиций в основной капитал в 2016 г., %;

П3 – ввод в действие зданий в 2016 г, число;

П4 – финансовые вложения организаций в 2016 г., всего, млн. руб.;

П5 – удельный вес долгосрочных вложений в общем объеме финансовых вложений в 2016 г., %;

П6 – инвестиции в обрабатывающие производства в 2016 г., млн. руб.;

П7 – валовое накопление основного капитала в 2015 г., млн. руб.

В таблице 1 приведен рейтинг эффективности инвестиционной активности регионов УрФО на основе сравнительного анализа показателей.

По уровню инвестиционной активности 1–2 места разделили Тюменская область и Ханты-Мансийский АО, в конце рейтинга – Курганская область. Сравнение регионов («лидер», имеющий самый высокий ранг; «аутсайдер» – самый низкий) (рис. 1) представлено графически, что позволяет выявить ограничения при сравнении региональных позиций.

В используемой Госкомстатом РФ методике определения инвестиционной активности регионов

Таблица 1. Рейтинг эффективности инвестиционной активности регионов УрФО

Наименование субъекта УрФО	Курганская область	Свердловская область	Тюменская область	Ханты-Мансийский АО	Ямало-Ненецкий АО	Челябинская область
П1*	33301	79870	178369	491380	2050416	55352
М	6	4	3	2	1	5
П2	100,8	91,1	114,5	102,6	122,5	84,7
М	4	5	2	3	1	6
П3	1942	6457	5644	1376	479	4392
М	4	1	2	5	6	3
П4	17234	2359087	1824501	2868983	1170816	610161
М	6	2	3	1	4	5
П5	12,9	10,9	12,3	39,8	28,5	13,5
М	4	6	5	1	2	3
П6	2123,6	72467,8	96000,2	8950,9	19117,5	58913,8
М	6	2	1	5	4	3
П7	28158	360417	286199	791974	743641	222335
М	6	4	3	2	1	5
Оценка мест	36	24	19	19	17	30
Рейтинг эффективности	6	4	1–2	1–2	3	5

* http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/

используется только показатель «Индекс физического объема инвестиций в основной капитал» и не учитываются показатели удельного веса долгосрочных вложений, объема инвестиций в обрабатывающие отрасли и т.д. По данным Госкомстата в 2016 г. инвестиционная активность большинства регионов РФ была ниже прошлогоднего уровня и только 7 регионов превысили его на 20 и более процентов по индексу физического объема инвестиций (таблица 2). Свердловская и Челябинская области входят в основную группу из 46 регионов, где индекс физического объема инвестиций в основной капитал ниже уровня прошлого года. В Курганской области этот показатель в 2016 г. превысил 100, поэтому она оказалась во 2 группе.

Такие результаты связаны, на наш взгляд, с функционированием экономики регионов в условиях продолжающихся экономических санкций западных стран против России и недостаточно полной реализацией имеющихся инструментов развития благоприятного инвестиционного климата в регионах.

Инвестиционная активность, на наш взгляд, прямо зависит от инвестиционной привлекательности региона. Инвестиционная привлекательность региона определяется совокупностью факторов, влияющих на эффективность и уровень рисков инвестиционных вложений на территории данного региона. К таким

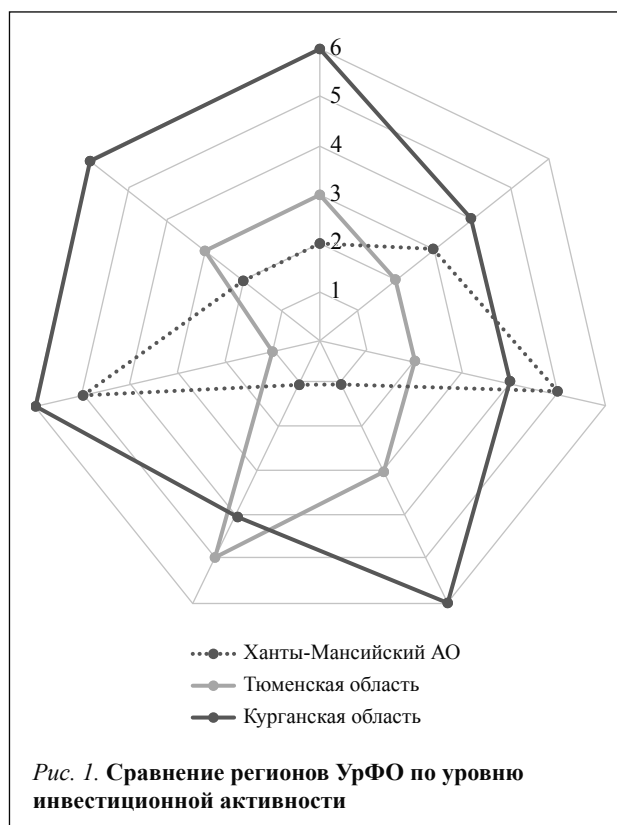

Таблица 2. Распределение субъектов Российской Федерации по уровню инвестиционной активности в 2016 г. (в сопоставимых ценах; в процентах к предыдущему году) [5]

Индекс физического объема инвестиций в основной капитал	Число субъектов Российской Федерации	Наименование субъектов Российской Федерации
до 99,9	46	Республики Адыгея, Бурятия, Ингушетия, Калмыкия, Марий Эл, Мордовия, Тыва, Чувашская, Карачаево-Черкесская, Хакасия, Алтайский, Краснодарский, Пермский, Приморский, Ставропольский, Хабаровский края, Ненецкий автономный округ, Свердловская, Челябинская области и др.
100,0–109,9	24	Республики Алтай, Башкортостан, Дагестан, Карелия, Кабардино-Балкарская, Северная Осетия – Алания, Татарстан, Курганская, Липецкая, Новгородская, Смоленская, Тульская области, г. Москва, Курганская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и др.
110,0–119,9	8	Республика Коми, Амурская, Иркутская, Тверская, Курская, Ленинградская области, г. Санкт-Петербург, Тюменская область без автономных округов
от 120,0 и более	7	Республики Крым, Саха (Якутия), Камчатский край, Вологодская область, г. Севастополь, Ямало-Ненецкий автономный округ и др.

факторам можно отнести обеспеченность региона природными ресурсами, качество окружающей среды, трудовые ресурсы, региональную инфраструктуру, институциональную среду и др. Эти факторы являются важным условием реализации инвестиционных проектов на территории региона. Методика определения привлекательности территорий муниципальных образований для целей инвестирования предполагает использование таких показателей, как уровень градостроительной подготовленности территории (в том числе наличие градостроительной документации и сформированных земельных участков), уровень инженерной подготовки территории, уровень занятости населения и др. [3, с. 84; 4, с. 41].

Обычно выделяют высокую, среднюю, умеренную инвестиционную привлекательность. Регионы, занимающие высокую позицию в рейтинге результатов инвестиционной активности, составленном по нашей методике, относятся к регионам с высокой инвестиционной привлекательностью.

Согласно рейтингу инвестиционной привлекательности регионов России, составленному национальным рейтинговым агентством по итогам 2016 года [6], Ямало-Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО, Тюменская, Свердловская области относятся к регионам с высокой инвестиционной привлекательностью, Челябинская область – со средней, Курганская область – с умеренной инвестиционную привлекательностью (таблица 3).

Можно назвать такие ключевые проблемы создания благоприятного инвестиционного климата, как отсутствие на региональном и муниципальном уровнях выстроенной системы институтов поддержки инвестиционной деятельности и недостаточный уровень

развития инфраструктуры, наличие административных барьеров для инвесторов и проблемы финансирования инвестиционной деятельности, низкий уровень обеспеченности квалифицированными кадрами, недостаточное информационное «продвижение» инвестиционных возможностей регионов.

Решение данных проблем невозможно без инструментов активизации инвестиционной деятельности. Одним из таких инструментов является Стандарт деятельности органов исполнительной власти субъекта по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе. Внедрение Стандарта закрепляет комплекс мер, направленных на повышение инвестиционной привлекательности региона, защиту прав

Таблица 3. Инвестиционная привлекательность регионов Уральского федерального округа

Регион	Рейтинг 2016	Характеристика
Свердловская область	IC3	высокая инвестиционная привлекательность
Челябинская область	IC5	средняя инвестиционная привлекательность
Тюменская область	IC2	высокая инвестиционная привлекательность
Курганская область	IC8	умеренная инвестиционная привлекательность
Ямало-Ненецкий АО	IC2	высокая инвестиционная привлекательность
Ханты-Мансийский АО	IC2	высокая инвестиционная привлекательность

инвесторов, создание инвестиционной инфраструктуры и повышение прозрачности системы поддержки предпринимателей. Успешная реализация таких мер позволяет создать минимально-необходимые условия для притока инвестиций, сформировать инвестиционную инфраструктуру и систему эффективной коммуникации между бизнесом и региональными властями. Стандарт включает 15 требований (положений):

1. Утверждение высшими органами государственной власти субъекта Российской Федерации инвестиционной стратегии региона.

2. Формирование и ежегодное обновление плана создания инвестиционных объектов и объектов инфраструктуры в регионе.

3. Ежегодное послание высшего должностного лица субъекта Российской Федерации «Инвестиционный климат и инвестиционная политика субъекта Российской Федерации».

4. Принятие нормативного правового акта субъекта Российской Федерации о защите прав инвесторов и механизмах поддержки инвестиционной деятельности.

5. Наличие совета по улучшению инвестиционного климата.

6. Наличие специализированной организации по привлечению инвестиций и работе с инвесторами.

7. Наличие доступной инфраструктуры для размещения производственных и иных объектов инвесторов (промышленных парков, технологических парков).

8. Наличие механизмов профессиональной подготовки и переподготовки по специальностям, соответствующим инвестиционной стратегии региона и потребностям инвесторов.

9. Создание специализированного двуязычного интернет-портала об инвестиционной деятельности в субъекте Российской Федерации.

10. Наличие в субъекте Российской Федерации единого регламента сопровождения инвестиционных проектов по принципу «одного окна».

11. Принятие высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации инвестиционной декларации региона.

12. Принятие нормативного акта, регламентирующего процедуру оценки регулирующего воздействия принятых и принимаемых нормативно-правовых актов, затрагивающих предпринимательскую деятельность.

13. Наличие системы обучения, повышения и оценки компетентности сотрудников профильных органов государственной власти субъектов Российской Федерации и специализированных организаций по привлечению инвестиций и работе с инвесторами.

14. Включение представителей потребителей энергоресурсов в состав органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере государственного регулирования тарифов – региональной

энергетической комиссии (РЭК) и создание коллегиального совещательного органа при РЭК, включающего представителей делового сообщества.

15. Наличие канала (каналов) прямой связи инвесторов и руководства субъекта Российской Федерации для оперативного решения возникающих в процессе инвестиционной деятельности проблем и вопросов [7].

В регионах разрабатываются свои региональные стандарты инвестиционной деятельности. Ограничение инвестиционной деятельности в регионах-аутсайдерах связано с отсутствием модели стратегического управления инновационно-инвестиционным потенциалом муниципальных образований региона, процессом его наращивания [8, С. 56].

Усилия органов власти всех уровней (федерального, регионального, местного), направленные на улучшение инвестиционного климата, отражает Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ. В 2017 году в рейтинге на общих условиях приняли участие все регионы России. 51 регион по результатам Рейтинга продемонстрировал общий рост интегрального показателя по сравнению с прошлым годом. В лидерах – республика Татарстан. В первую пятерку также вошли Чувашская Республика, Москва, Тульская и Калужская области [9].

При разработке стратегии развития региона должны учитываться территориальные преимущества территорий и перспективы инвестиционного проектирования. Реализация региональной стратегии – это и исполнение стратегий, разработанных в муниципалитетах, совокупность планов развития всех муниципальных образований в рамках ключевых компетенций органов местного самоуправления и переданных государственных полномочий. В каждом из муниципалитетов есть свои приоритеты. Важной проблемой на современном этапе развития территорий является обособленность стратегических документов социально-экономического развития территории от программ инвестиционного развития территорий, что ограничивает возможности определения инвестиционных площадок для развития крупного, среднего и малого бизнеса. При разработке стратегии развития региона должны учитываться территориальные преимущества муниципальных образований и перспективы их инвестиционного развития. [10, С. 124; 11, С. 272–281.] Данные сравнительного анализа могут быть использованы для внесения корректировок в Стратегию социально-экономического развития регионов Уральского федерального округа.

Реализация инструментов активизации инвестиционной деятельности в регионе способна дать импульс развитию регионов, повышению их конкурентоспособности и, как следствие, росту жизненного уровня населения, макроэкономической стабильности территории.

Литература:

1. Гришина И. Сложившаяся и перспективная инвестиционная привлекательность крупнейших отраслей отечественной промышленности // Инвестиции в России. 1998. № 1. С. 37–39.
2. Клисторин В. И. Подходы к оценке инвестиционной активности в регионах // Регион: экономика и социология. 2003. № 1. С. 113–132.
3. Колмакова Е. М. Потенциал и ограничения реализации пространственно-инвестиционно-инновационной модели роста региона // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 21 (350). С. 82–86.
4. Колмакова Е. М. Повышение инвестиционной привлекательности региона как фактор его развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 3 (294). С. 39–41.
5. Распределение субъектов Российской Федерации по уровню инвестиционной активности в 2016 г. [электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1136971099875 (дата обращения 03.12.2017).
6. Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России [электронный ресурс]. URL: <https://raexpert.ru/ratings/regions/2016> (дата обращения 03.12.2017).
7. Стандарт деятельности органов исполнительной власти субъекта по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе [электронный ресурс]. URL: http://asi.ru/upload/medialibrary/91d/STD-v3-RUS_f.pdf (дата обращения 02.12.2017).
8. Колмакова Е. М. Анализ инновационно-инвестиционного потенциала муниципальных образований в управлении процессом повышения их конкурентоспособности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2015. Т. 9. № 3. С. 55–60.
9. Татарстан, Чувашия и Москва возглавили рейтинг инвестиционной привлекательности регионов [электронный ресурс]. URL: <http://asi.ru/news/71424/> (дата обращения 02.12.2017).
10. Колмакова Е. М. О роли инвестиционного проектирования в социально-экономическом развитии территории // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 15 (344). Экономика. Выпуск 45. С. 124–128.
11. Старцев Ю. Н. Стратегии как инструмент развития территорий // Вестник № 6 НОУ Челябинский

институт экономики и права им. М. В. Ладосина.
К 10-летию института. Челябинск, 2006. С. 272–281.

References:

1. Grishina I. The existing and perspective investment attractiveness of the largest industries of the domestic industry // Investments in Russia. 1998. № 1. P. 37–39.
2. Klistorin V. I. Approaches to the evaluation of investment activity in the regions // Region: Economics and Sociology. 2003. № 1. P. 113–132.
3. Kolmakova E. M. Potential and limitations of the spatial-investment-innovation model of the region's growth // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2014. № 21 (350). P. 82–86.
4. Kolmakova E. M. Increase of investment attractiveness of the region as a factor of its development // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2013. № 3 (294). P. 39–41.
5. Distribution of subjects of the Russian Federation by the level of investment activity in 2016 [e-resource]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/en/statistics/publications/catalog/doc_1136971099875 (date of reference 03.12.2017).
6. Rating of investment attractiveness of Russian regions [e-resource]. URL: <https://raexpert.ru/ratings/regions/2016> (date of reference 03.12.2017).
7. The standard of activity of the executive authorities of the entity to ensure a favorable investment climate in the region [e-resource]. URL: http://asi.ru/upload/medialibrary/91d/STD-v3-RUS_f.pdf (date of reference 02.12.2017).
8. Kolmakova E. M. Analysis of innovation and investment potential of municipalities in managing the process of increasing their competitiveness // Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management. 2015. Vol. 9. № 3. P. 55–60.
9. Tatarstan, Chuvashia and Moscow topped the rating of investment attractiveness of the regions. [e-resource]. URL: <http://asi.ru/news/71424/> (date of reference 02.12.2017).
10. Kolmakova E. M. On the role of investment design in the socio-economic development of the territory // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2014. № 15 (344). Economy. Issue 45. P. 124–128.
11. Startsev Yu. N. Strategies as a tool for the development of territories // Bulletin № 6 of the LEU Chelyabinsk Institute of Economics and Law. M. V. Ladoshina. To the 10th anniversary of the Institute. Chelyabinsk, 2006. P. 272–281.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ И ДОЛГОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Акьюлов Р. И.

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и управления Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66, robert.akyulov@ui.ranepa.ru

Алферьев К. А.

аспирант кафедры экономики и управления Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66, robert.akyulov@ui.ranepa.ru

УДК 336.1:353(470)
ББК 65.261.71(2Рос)

Цель: определение инвестиционной активности как ключевого фактора, влияющего на соотношение доходной и расходной части региональных бюджетов и возможностей его использования для снижения долговой нагрузки на бюджеты регионов.

Методы: статистический сравнительный анализ, контент-анализ веб-сайтов Интернета.

Результаты: в статье рассмотрены проблемы социально-экономического развития регионов, связанные ростом их долговых обязательств, исследованы влияющие на них факторы. Проведен анализ статистических данных, характеризующих инвестиционную активность в российских регионах, с выделением регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров по данному показателю.

Научная новизна: уточнено понятие «инвестиционная активность региона», рассматриваемое не только как процесс, но и как инструмент управления финансово-экономической ситуацией в регионе, проанализирован характер влияния инвестиционной активности на размер долговых обязательств региона, предложен комплекс современных форм и методов управления для совершенствования долговой политики региона.

Ключевые слова: долговые обязательства, региональная долговая политика, инвестиционная активность региона, эффективность, инвестиционный климат.

TO THE QUESTION OF THE INTERRELATION OF THE INVESTMENT ACTIVITY AND THE DEBT OBLIGATIONS OF THE RUSSIAN REGIONS

Akyulov R. I.

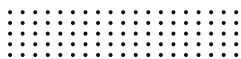
Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Management of the Ural Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 620990, Russia, Ekaterinburg, 8th March str., 66, robert.akyulov@ui.ranepa.ru

Alferev K. A.

post-graduate student of the Department of Economics and Management of the Ural Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 620990, Russia, Ekaterinburg, 8th March str., 66, robert.akyulov@ui.ranepa.ru

Purpose. To determine investment activity as a key factor that influences the ratio of the revenue and expenditure side of regional budgets and the possibilities of using it to reduce the debt burden on the regional budgets.

Methods. Statistical comparative analysis, content analysis of Internet websites.

Results. In the article the problems of social and economic development of the regions, connected with the growth of their debt obligations, are investigated, factors influencing them are investigated. The analysis of the statistical data characterizing investment activity in the Russian regions, with allocation of regions-leaders and regions-outsiders on this indicator is carried out.

Scientific novelty. The notion of “investment activity in the region” is clarified, considered not only as a process, but also as a tool for managing the financial and economic situation in the region, the nature of the impact of investment activity on the size of the region’s debt obligations, a set of modern forms and management methods for improving the debt policy of the region.

Key words: debt obligations, regional debt policy, investment activity of the region, efficiency, investment climate.

На протяжении последних лет вопрос оценки эффективности управления органами власти субъектов РФ экономикой того или иного региона является предметом пристального внимания со стороны специалистов, ученых, Министерства экономического развития, Министерства финансов РФ, Счетной палаты РФ. Основной целью государственного регулирования экономики страны является обеспечение условий для равномерного развития всех регионов. Важнейшим индикатором состояния экономики региона выступает то, какова общая характеристика его бюджета – носит он дефицитный или профицитный характер. От этого зависит, насколько выражена зависимость региона от заемных средств и ресурсов.

В первую очередь, речь идет о заемной деятельности руководства региона по привлечению дополнительных ресурсов на финансирование дефицита бюджета субъекта РФ. [1] Следствием этого является постоянный рост долговых обязательств в большинстве субъектов РФ.

В условиях экономической нестабильности, актуализации проблем экономического роста необходимо создавать условия для изменения сложившейся тенденции, переходить к более эффективной долговой политике, направленной на неуклонное снижение величины долговых обязательств субъекта РФ. При этом также необходимо более рационально расходовать уже привлеченные долговые ресурсы в регионе, искать возможности для воспроизводства собственного капитала на территории для снижения дефицита бюджета и развития региональной экономики.

Однако, это представляется возможным только при условии увеличения собственной доходной части бюджета региона за счет повышения инвестиционной активности в субъекте РФ, развития делового климата и реализации на территории крупных инвестиционных проектов. В результате все вышеперечисленные задачи, стоящие перед руководством региона, способствующие развитию территории, должны решаться путем создания благоприятных условий для открытия новых предприятий, создания дополнительных рабочих мест, росту новых производств и модернизации

существующих, увеличению доходов в предпринимательском секторе. Нужно обеспечивать поддержку предпринимательства в целом, что будет стимулировать более масштабные вложения частного капитала в экономику того или иного региона, что повлечет за собой увеличение налоговых поступлений, в том числе, в доходную часть бюджета региона. Данный механизм будет способствовать минимизации долговой нагрузки на экономику региона и облегчит реализацию долговой политики субъекта Российской Федерации.

Таким образом, целесообразно для характеристики протекания в регионе инвестиционных процессов, формирующегося инвестиционного климата с одной стороны, и для характеристики региона как экономического субъекта, с другой стороны, уточнить понятие «инвестиционная активность региона».

Специалисты, занимающиеся проблемами инвестиционной активности сформулировали ряд определений данного понятия, делая при этом акцент либо на процессной составляющей, либо отдавая приоритет характеристике потенциала, возможностей для данных процессов, возникающего соотношения ресурсов и рисков для движения инвестиций.

Инвестиционная активность на корпоративном уровне, по мнению ряда специалистов, является «результатом тесного взаимодействия двух факторов – возможностей инвестирования и инвестиционных рисков (вероятности достижения целей инвестирования). В обоих случаях велико влияние человеческого фактора, так как оценкой инвестиционного потенциала и инвестиционных рисков организации и принятием решения об активных инвестиционных мероприятиях занимается руководящее звено. Грамотное управление инвестиционным процессом предприятия – залог социального и экономического прогресса страны». [2] Таким образом, ученые считают, что от эффективности управления инвестиционными процессами даже на уровне предприятия зависят перспективы экономического развития экономики всего государства.

На региональном уровне инвестиционную активность исследователи предлагают трактовать как «степень интенсивности процессов инвестирования

Таблица 1. Регионы с наиболее высокими и низкими показателями развития инвестиционной активности

Регионы	Место в рейтинге	
	2015 г.	2016 г.
Регионы с наиболее высокими показателями		
Республика Татарстан	1	1
Белгородская область	3	2
Калужская область	2	3
Регионы с наиболее низкими показателями		
Забайкальский край	83	83
Амурская область	82	84
Республика Тыва	85	85

Составлена по данным Национального рейтинга АСИ [6].

в рамках региона, учитывающую ресурсные и реализованные инвестиционные возможности региональной экономической системы» [3, С. 9–19]

Другие ученые считают, что «инвестиционная активность региона есть совокупность собственных финансовых возможностей и возможностей привлечения внешних финансовых ресурсов» [4].

Согласно точки зрения Л. Н. Салимова, инвестиционная активность рассматривается как «фактическая реализация имеющегося потенциала с учетом уровня инвестиционных рисков» [5, С. 85] Каждая из представленных трактовок отражает те или иные характеристики, свойственные понятию инвестиционной активности. Вместе с тем, на наш взгляд, в современном обществе экономика не может существовать вне действия государственных, общественных институтов, поэтому инвестиционная активность, как важнейшая характеристика состояния рыночной экономики и всех протекающих в ней процессов, не может не зависеть от регулирующего влияния государства. Поскольку Россия самая крупная по занимаемой площади страна, которая состоит из большого числа регионов, базисные экономические процессы протекают в регионах, на которых лежит и основная бюджетная нагрузка, то и актуальнее всего для изучения закономерностей и перспектив развития экономики всей страны рассматривать понятие «инвестиционная активность регионов».

Авторы предлагают под этим понятием понимать институциональную характеристику региона, как экономического субъекта, отражающую степень эффективности государственного управления на региональном уровне, позволяющего обеспечить совокупность возможностей (благоприятный налоговый режим, развитость рыночной инфраструктуры, минимизация рисков, страхование), предоставляемых для притока

частного, иностранного капитала на его территорию и последующего приращения как капитала инвесторов, так и бюджета региона в результате успешной реализации инвестиционных проектов. По сути дела, речь идет о способности региональных властей обеспечить инвестиционную привлекательность региона, при этом способствуя развитию близлежащих регионов, поскольку рост инвестиций в регион может продолжаться лишь тогда, когда рынок для завершенных и потребность в новых инвестиционных проектах будет непрерывно расширяться. Здесь уместно вспомнить удачный опыт формирования в России территориально-производственных комплексов, расположение которых не ограничивалось административно-территориальными границами областей, регионов. При этом они являлись важнейшими центрами развития экономики регионов, притяжения капитала, рабочей силы, новых технологий, современной инфраструктуры. Это как раз то, чего существенно не хватает регионам для развития, для увеличения доходной части бюджетов и снижения величины долговых обязательств.

С целью практического выявления взаимовлияния между уровнем развития инвестиционной среды и объемом долговых обязательств в субъектах РФ, авторами статьи был проведен сравнительно-статистический анализ динамики величины госдолга и уровнем инвестиционной активности в регионах с 2010–2017 гг. Эмпирической базой для сравнения послужили данные Министерства Финансов РФ об объеме государственного долга субъектов Российской Федерации и Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ, составленный Агентством Стратегических Инициатив (АСИ).

Опираясь на данные национального рейтинга состояния инвестиционного климата, был проведен анализ инвестиционной активности во всех 85 регионов России с выделением субъектов с наиболее высокими показателями развитости инвестиционного климата за 2015 и 2016 гг. К данной категории регионов относятся – Белгородская, Калужская области и Республика Татарстан. К регионам с наиболее низкой инвестиционной активностью относится Забайкальский край, Амурская область и Республика Тыва (см. табл. 1).

По данным, представленным в таблице 1 можно сделать вывод, что высокие позиции, занимаемые в рейтинге субъектами РФ в 2015–2016 гг. свидетельствуют об эффективной работе руководства регионов по созданию благоприятной инвестиционной среды и привлечению инвестиций. [7]

Первое место в инвестиционном рейтинге в период 2015–2016 гг. занимает Татарстан. Основная доля инвестиций в этом регионе приходится на нефтегазовый сектор, доля которого в валовом региональном продукте

Таблица 2. Объем государственного долга субъектов Российской Федерации с 2010–2017 гг. (млн руб.)

Субъект РФ	На 01.01.2010 г.	На 01.01.2014 г.	На 01.02.2017 г.	Темп роста
Регионы, с наиболее высокими показателями развитости инвестиционного климата				
Республика Татарстан	36 657,7	85 300,3	102 507,9	2,78
Белгородская область	14 511,2	42 875,5	41 832,5	2,88
Калужская область	11 111,5	20 555,1	30 747,1	2,76
Темп роста госдолга в группе	Рост в 2,8 раз			
Регионы, с наиболее низкими показателями развитости инвестиционного климата				
Забайкальский край	3 554,9	14 815,2	26 546,7	7,46
Амурская область	3 026,5	22 815,8	30 596,4	10,1
Республика Тыва	95,3	2 194,2	2 698,4	28,3
Темп роста группы	Рост в 15,3 раз			

Таблица составлена по данным Министерства Финансов РФ [12].

в два раза выше, чем в среднем по России. Также активно развивалось в регионе химическое производство. Эти два сектора экономики обеспечили 66% всей генерируемой прибыли в экономике республики [8].

В Белгородской области, основными развивающимися отраслями являются: обрабатывающее производство – 34%, сельское хозяйство – 22%, оптовая и розничная торговля – 12,6% [9]. В Калужской области промышленный сектор экономики производит порядка 36% валового регионального продукта, здесь работает третья часть населения, занятого в сфере экономической деятельности области. Активная инвестиционная деятельность руководство региона позволяет активно привлекать инвестиции. За последние пять лет были открыты 12 индустриальных парков и две особые экономические зоны, в которых размещают свои производства резиденты в различных производственных кластерах [10].

Ситуация в регионах, расположившихся в национальном рейтинге на последних местах по показателю инвестиционной активности в период 2015–2016 гг., напротив, свидетельствуют, в первую очередь, об отсутствии условий для развития бизнеса, наличии административных барьеров, отсутствии инвестиционной инфраструктуры, затрудняющей процесс запуска производственных проектов, привлечения средств в регион и развитие экономики [11].

Далее рассмотрим динамику увеличения долговых обязательств, рассматриваемых автором статьи регионов, за последние семь лет (таблица 2).

В приведенный семилетний период все регионы России осуществляли активную заемную деятельность. Это обусловлено увеличением требований к уровню жизни населения и развитию территорий со стороны федерального уровня власти, реализацией Указов

Президента 2012 г., крупными государственными проектами и целевыми программами [13]. Однако, исходя из статистических данных видно, что темпы увеличения государственного долга у субъектов РФ в верхней части таблицы существенно отличаются от темпов субъектов РФ в нижней части.

Таким образом, группа регионов с наиболее высокими показателями инвестиционной активности показала рост долговых обязательств в период с 2010–2017 гг. в 2,8 раз. Напротив же, группа регионов с наиболее низкими показателями инвестиционной активности – в 15,3 раза.

В результате выявляется обратно пропорциональная зависимость между уровнем инвестиционной активности в регионе, обеспечиваемой в основном деятельностью региональных властей, создающими для этого условия, и темпами роста долговых обязательств, рассматриваемых субъектов РФ. В частности, чем выше инвестиционная активность – тем ниже темпы роста долга в регионе, поскольку в регионах с высоким уровнем инвестиционной активности самые низкие показатели долговых обязательств. Это является следствием того, что развитие инвестиционной среды, делового климата, а также реализация инвестиционных проектов, с использованием государственных, частных инвестиций, а также на основе государственно-частного партнерства, ведет к увеличению собственной доходной базы бюджета региона и к развитию собственного экономического потенциала. Эмпирическим путем на основании приведенных статистических данных доказано, что создание благоприятного инвестиционного климата, привлечение инвестиций в регион позволяет осуществлять более эффективную долговую политику и минимизировать рост его долговых обязательств.

Подробно проанализировав в статье проблемы инвестиционной активности, роста долговых обязательств регионов, выявив определенную корреляцию между этими двумя феноменами, определяющими во многом характер социально-экономического развития регионов и всей страны следует сделать ряд обобщающих выводов, которые могут представлять собой рекомендации для органов государственного управления по решению указанных проблем.

Во-первых, обеспечение гарантии прав собственников, потенциальных инвесторов, как проживающих в регионе, так и нерезидентов, вкладывающих свой капитал в реализацию региональных коммерческих или социально-значимых проектов.

Во-вторых, обеспечение в регионах благоприятных условий для развития инвестиционной деятельности посредством предоставления льгот по уплате региональных и местных налогов при пользовании землей и другими природными ресурсами, находящимися в собственности региона, передавая потенциальным и существующим инвесторам в аренду земельных участков с последующим строительством жилищных комплексов, коммерческих объектов, допуская их к приватизации региональной и муниципальной собственности; передавая на выгодных обоим сторонам условиях в собственность объектов незавершенного строительства.

Более широкое вовлечение населения в финансирование объектов жилищного строительства, другие важные инвестиционные проекты с их акционированием, приобретением акций инвесторами и созданием возможности акционерам для получения впоследствии дивидендов.

В-третьих, участие региональных правительств и предприятий, находящихся в их собственности в инвестиционной деятельности путем размещения на конкурсной, возвратной и срочной основе средств региональных бюджетов для финансирования инвестиционных проектов и приобретения соответствующей части акций создаваемого акционерного общества, которые возможно капитализировать, получая дивиденды или прибыль от продажи ценных бумаг, пополняя доходную часть бюджетов.

В-четвертых, совершенствование долговой политики региона путем сокращения расходной части бюджета, увеличения доходной части, повышая собираемость налогов и одновременно создавая благоприятный климат для малого предпринимательства, развития самозанятости населения.

В-пятых, усиление государственного контроля целевого расходования средств федерального и регионального бюджета, усиление борьбы с коррупцией, совершенствование нормативной базы и правоприменительной практики для привлечения в регионы

российских и иностранных инвестиций, а также включение в перечень критериев эффективности деятельности губернатора величину долговых обязательств и уровень инвестиционной активности региона. Руководство региона должно прилагать достаточное количество усилий и ресурсов для развития инвестиционной активности, способствующего росту экономического потенциала региона, увеличению собственной налоговой и неналоговой базы, поступлений в региональный бюджет финансовых средств, тем самым, уменьшая дефицит бюджета и величину его долговых обязательств.

Литература:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 1998 года № 145-ФЗ. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
2. Мостовщикова И. А., Соловьева И. А. Инвестиционная активность и инвестиционный профиль организации // Научный диалог. 2013. № 7 (19) [электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnaya-aktivnost-i-investitsionnyy-profil-organizatsii#> (дата обращения 25.03.2017)
3. Климова Н. И., Дерябина Я. Сравнительный анализ подходов к оценке инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности российских регионов // Инвестиции в России. 2003. № 8. С. 9–19.
4. Казакевич Е. А. Формирование инвестиционного климата в урбанизированном промышленном комплексе: методический аспект: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Новосибирск, 2002. 23 с.
5. Салимов Л. Н. Сущность инвестиционной активности и ее значение в управлении региональной экономикой // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 9 (147). Экономика. № 20. С. 83–88.
6. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ. [электронный ресурс]. URL: <http://asi.ru/investclimate/rating/> (дата обращения: 08.03.2017).
7. Вавилов А. П., Ковалишин Е. Принципы государственной долговой политики // Вопросы экономики. 2001. № 8.
8. Бевзюк В. В. Финансово-организационные аспекты управления государственным региональным долгом // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2012. № 4. С. 42–48.
9. Борнин А. И. Социально-экономическое развитие Белгородской области: состояние и прогноз // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2016. № 11 [электронный ресурс]. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2016/11/12989> (дата обращения: 06.12.2016).
10. Бабич И. В. Необходимость эффективной региональной долговой политики как основа качества системы

управления // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. №3. С. 86–89.

11. Денисова С. А. Региональные долги: анализ и перспективы // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013 №2. С. 108–114.
12. Объем и структура государственного долга субъектов Российской Федерации и долга муниципальных образований [электронный ресурс]. URL: http://minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt/ (дата обращения 08.03.2017).
13. Банников А. Ю. Факторы конкурентоспособности регионов России (на примере субъектов Приволжского федерального округа) // Вопросы управления. 2015. №3.

References:

1. Budget Code of the Russian Federation: Federal Law № 145-FL of 31 July 1998. Access from ref.-legal system "ConsultantPlus".
2. Mostovshchikova I. A., Solovyova I. A. Investment activity and investment profile of the organization // Scientific dialogue. 2013. №7 (19) [e-resource]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnaya-aktivnost-i-investitsionnyy-profil-organizatsii> # (date of reference 25.03.2017)
3. Klimova N. I., Deryabina Ya. Comparative analysis of approaches to assessing investment attractiveness and investment activity of Russian regions // Investments in Russia. 2003. №8. P. 9–19.
4. Kazakevich EA Formation of the investment climate in the urbanized industrial complex: the methodical aspect: the author's abstract of the thesis for the degree of candidate of economic sciences. Novosibirsk, 2002. 23 pp.
5. Salimov L. N. The essence of investment activity and its importance in the management of regional economy // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2009. №9 (147). Economy. №20. P. 83–88
6. National rating of the investment climate in the constituent entities of the Russian Federation. [e-resource]. URL: <http://asi.ru/investclimate/rating/> (date of reference 08.03.2017).
7. Vavilov A. P., Kovalishin E. Principles of the state debt policy // Issues of economics. 2001. №8.
8. Bevzyuk V. V. Financial and organizational aspects of managing the state regional debt // Bulletin of the Rostov State Economic University (RINH). 2012. №4. Pp. 42–48.
9. Bornin A. I. Social and economic development of the Belgorod region: state and forecast // Economics and management of innovative technologies. 2016. №11 [e-resource]. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2016/11/12989> (date of reference 06.12.2016).
10. Babich I. V. Necessity of an effective regional debt policy as a basis for the quality of the management system // Bulletin of the Saratov State Social and Economic University. 2012. №3. P. 86–89.
11. Denisova S. A. Regional debts: analysis and prospects // Bulletin of the Kalmyk Humanitarian Research Institute of the Russian Academy of Sciences. P. 108–114.
12. The volume and structure of the public debt of the subjects of the Russian Federation and the debt of municipalities [e-resource]. URL: http://minfin.ru/en/performance/public_debt/subdbt/ (date of reference 08.03.2017).
13. Bannikov A. Yu. Factors of competitiveness of Russian regions (on the example of the subjects of the Volga Federal District) // Management issues. 2015. №3.14.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ РАСЧЕТОВ ДЕНЕЖНЫХ ПОТОКОВ И РАЗМЕРОВ БЮДЖЕТНЫХ СУБСИДИЙ ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ И ЭКСПЛУАТАЦИИ АРЕНДНОГО ЖИЛЬЯ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Вышегородский Д. В.

кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, dvysh@yandex.ru

УДК 332.28(470.54)
ББК 65.225.2(2Рос-4Све)

Цель: Разработка рекомендаций по расчету денежных потоков и размеров субсидий из областного бюджета арендодателю (по ипотечному кредиту) и нанимателю арендного жилья в Свердловской области

Методы: При моделировании использованы сравнительный метод и метод расчета дисконтированных денежных потоков

Результаты: Разработана модель расчета денежных потоков при строительстве и эксплуатации арендного жилья с привлечением ипотечного кредита арендодателем. Модель позволяет оценить величину ежегодных субсидий из бюджета и их накопленную дисконтированную величину при разных величинах исходных параметров: стоимость жилья, условия ипотечного кредитования, плановый период субсидирования, прогнозное изменение ценности денежных средств за весь период субсидирования.

Научная новизна: Методика расчетов размеров субсидий из областного бюджета арендодателю дополнена процедурой дисконтирования денежных потоков, что позволяет корректно сравнивать между собой разновременные выплаты, поскольку платежи в ближайшее время обладают большей текущей ценностью, чем платежи в более отдаленное время. Это дополнение дает возможность точнее сравнивать различные варианты способов выплаты субсидий из областного бюджета по величине накопленного итога дисконтированных субсидий.

Ключевые слова: рынок арендного жилья, бюджетное субсидирование, жилищная политика.

IMPROVING THE MODELING OF CASH FLOW CALCULATIONS AND THE SIZE OF BUDGET SUBSIDIES IN THE CONSTRUCTION AND OPERATION OF RENTAL HOUSING IN THE SVERDLOVSK REGION

Vyshegorodskii D. V.

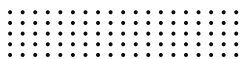
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economic Theory of the Ural Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 8 marta Street, 66, Ekaterinburg, Russia, 620144, dvysh@yandex.ru

Purpose: To develop recommendations on the calculation of cash flows and the amount of subsidies from the regional budget to the lessor (on a mortgage loan) and to the tenant of rental housing in the Sverdlovsk Region

Methods: The comparative method and the method of calculating discounted cash flows

Results: A model for the calculation of cash flows in the construction and operation of rental housing with the involvement of a mortgage loan by the lessor. The model allows estimating the amount of annual subsidies from the budget and their accumulated discounted amount for different values of the initial parameters: the cost of housing, the conditions for mortgage lending, the planned period of subsidization, and the forecast change in the value of cash for the entire period of subsidization.

Scientific novelty: The methodology for calculating the amount of subsidies from the regional budget to the lessor is complemented by the procedure for discounting cash flows, which allows one to correctly compare the different payments,

since payments in the near future have higher current value than payments in the more distant time. This addition makes it possible to more accurately compare the various options for paying subsidies from the regional budget in terms of the accumulated total of discounted subsidies.

Key words: rental housing market, budget subsidies, housing policy.

Использование при реализации государственной жилищной политики инструментов, предусматривающих предоставление жилья только в собственность гражданам, являются недостаточными для удовлетворения существующего спроса граждан на жильё. В условиях растущего спроса на доступное и комфортное жильё тема становления рынка арендного жилья приобретает всё большую актуальность.

Актуальность строительства арендного жилья в России подтверждается длительным вниманием к этому вопросу президента страны В. В. Путина, который ещё в 2014 г. отметил «...такую важную тему, как повышение мобильности на рынке труда, создание возможностей для переезда людей к новому месту работы, включая предоставление арендного жилья. Это принципиальный вопрос, и без его решения трудно рассчитывать на быстрое развёртывание современных производств на новых индустриальных площадках и в перспективных регионах» [1].

Министр строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации отметил, что Минстроем, совместно с АИЖК и экспертным сообществом разработана Стратегия развития жилищной сферы до 2025 года, в которой одна из составляющих – формирование рынка арендного жилья. В Стратегии запланировано строительство «доходных домов» с использованием механизма коллективных инвестиций. Предусмотрено создание нового типа паевых фондов – фондов арендной недвижимости. Арендное жильё будет строиться в крупных городах, а также для удовлетворения нужд компаний, осуществляющих масштабные промышленные и инфраструктурные проекты [2].

На заседании президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам 19 октября 2016 г. утвержден Паспорт приоритетного проекта «Ипотека и арендное жильё», в котором предусмотрена реализация пилотных проектов по созданию арендного жилья и апартаментов, в крупнейших городах России через механизмы паевых инвестиционных фондов. Ожидается, что к концу 2020 года общий объем средств в таких фондах составит 65 млрд рублей [3].

Доходные дома – это многоквартирные жилые дома, все квартиры в которых сдаются в аренду. Во многих развитых странах мира этот вид жилья и бизнеса существует давно и постоянно развивается. Наибольшую долю арендного жилья от 29,3 до 45 % имеют

Нидерланды, США, Великобритания, Канада, Австралия [4]. За рубежом механизмы строительства доходных домов разработаны достаточно давно и успешно функционируют. Кроме этого, практика строительства арендного жилья успешно зарекомендовала себя, как один из самых эффективных инструментов управления миграционной политикой [5].

В России реализуются проекты по строительству арендного жилья. На текущий момент в 25 регионах построено 132 арендных многоквартирных дома, в том числе 66 многоквартирных домов для предоставления в некоммерческую аренду [2]. Большое значение в судьбе каждой подобной стройки имеет отношение региональных властей, готовы ли они поддерживать инвесторов, выделять землю на приемлемых условиях.

Необходимость государственного регулирования рынка жилья связана с высокой неудовлетворенной потребностью населения в комфортном жилье при низком платежеспособном спросе на него. Одним из актуальных вопросов в жизнеобеспечении любой семьи является приобретение собственного жилья. Только четверть граждан проживает в отдельной квартире или доме со всеми коммунальными удобствами, где на одного человека приходится не менее 18 кв. метров [6]. Кроме того, в связи с динамичным развитием особых экономических зон, созданием промышленных кластеров, технопарков, повышение мобильности трудоспособного населения может увеличить спрос именно на сдаваемый жилищный фонд, и тема развития арендного жилья неизбежно выходит на первый план.

В современных экономических условиях в ближайшие десятилетия аренда может стать одним из альтернативных путей решения «квартирного вопроса» для граждан, стремящихся улучшить свои жилищные условия. Таких потребителей условно можно разделить на две группы в зависимости от типа самой аренды: коммерческой и некоммерческой.

Первую группу, формирующую направление коммерческой аренды, назовем «активные и самостоятельные потребители». Одни из них могут рассматривать аренду жилья как временную форму на срок работы в организации – это, как правило, достаточно мобильные высококвалифицированные специалисты, которые меняют географию местожительства при наиболее выгодном предложении.

Другие представители этой группы – «вынужденные переселенцы» – люди, находящиеся в поиске

Таблица 1. Варианты выплаты субсидий из областного бюджета на арендную квартиру

Описание варианта	Ожидаемый эффект
Выплатой компенсации арендной платы только нанимателю жилья, без компенсации затрат арендатора	Затраты бюджета на компенсацию арендной платы нанимателю максимальные и ограничены лишь сроком предоставления компенсаций
Выплата компенсации процентной ставки по кредиту арендатору, компенсация арендной платы нанимателю жилья	Снижение стоимости арендной платы за жилье достигается только за счет компенсирования затрат арендатора на выплату процентов по кредиту. При уменьшении затрат бюджета на компенсацию процентной ставки по кредиту арендодателя увеличиваются затраты бюджета на выплату компенсации арендной платы нанимателю жилья. Прекращение субсидирования процентной ставки по кредиту арендатора в период погашения кредита приведет к повышению арендной платы за жилье
Предоставление бюджетных средств арендатору на увеличение объема первоначального взноса по кредиту, компенсация арендной платы нанимателю жилья	Требуется значительные первоначальные бюджетные средства для компенсации затрат арендатора на первоначальный взнос по кредиту, но при этом достигается минимальный размер арендной платы за жилье за счет уменьшения объема заемных средств. Арендная плата за жилье может оставаться неизменной на весь период кредитования. Уменьшаются объемы затрат бюджета, необходимые для компенсации арендной платы нанимателю жилья

применения своей квалификации и готовые на переобучение и переезд в другой город (регион), например, по причине закрытия крупного градообразующего предприятия, неблагополучном состоянии дел в организации, по иным причинам.

К данной группе можно отнести также и работодателей, готовых привлекать высококвалифицированных специалистов и арендовать для них временное жильё.

Ко второй группе потребителей, формирующих направление некоммерческой аренды, следует отнести льготные категории граждан-очередников или специалистов бюджетной сферы. Таким гражданам государственные или муниципальные органы власти могут предоставлять арендное жильё, например, для «закрепления» в муниципальных образованиях, испытывающих кадровый дефицит в тех или иных специалистах.

Кроме того, муниципальное арендное жильё необходимо в целях создания маневренного фонда (для временного проживания граждан, жильё которых признано непригодным для проживания (уничтожено) вследствие пожара, обрушения и других причин).

Перечень групп потребителей не является закрытым, в данном случае условно сформированные группы приведены в качестве примеров возможных потребителей.

Предоставление жилых помещений гражданам на условиях найма муниципального жилищного фонда коммерческого использования не преследует цели создания источника для пополнения муниципального бюджета. Для жилых площадей устанавливается нулевая рентабельность, соответствующая бездоходному режиму использования для граждан, нуждающихся в жилых помещениях, но не являющихся малоимущими.

Для предварительного сравнительного анализа вариантов предоставления бюджетных субсидий сторонам сделки по сдаче в аренду жилья разработана модель расчета денежных потоков и размеров субсидий при строительстве и эксплуатации арендного жилья.

Предлагаемая модель – это усовершенствованная методика расчетов Министерства экономики Свердловской области для выбора оптимального варианта оказания государственной финансовой поддержки арендодателю и нанимателю жилья, в случае приобретения этого жилья арендодателем с привлечением ипотечного кредита [7]. В исходной методике цель государственной поддержки сформулирована как сохранение фиксированной величины арендной платы для нанимателя жилья. Расчеты прогнозных затрат на выплаты субсидий из областного бюджета на 1 условную арендную квартиру проводят по трем вариантам, указанным в таблице 1.

По первому варианту субсидию выплачивают только нанимателю жилья. При втором варианте, часть субсидии предложено перечислять арендодателю для компенсации части процентов по кредиту, что должно привести к снижению арендной ставки, а другую часть также выплачивают нанимателю жилья. В третьем варианте часть субсидии платят нанимателю, а другую часть выплачивают арендодателю для увеличения первоначального взноса при получении ипотечного кредита на жилье, следствием чего должно быть снижение размера выплачиваемых арендодателем процентов по кредиту и, соответственно, арендной платы для нанимателя.

Результаты расчетов размеров субсидий по этим вариантам приведены в таблице 2.

Согласно расчетам можно сделать вывод, что первый и второй варианты компенсации затрат менее

эффективны, так как низкая стоимость арендной платы для нанимателя жилья обеспечивается только за счет финансовых возможностей бюджета. Тогда как третий вариант обеспечивает сокращение стоимости арендного жилья, что минимизирует размер арендной платы. При минимальной компенсации затрат нанимателя требуются меньшие затраты из бюджета. Реализация первого и второго вариантов при меньших ежегодных затратах бюджета (примерно 47 тыс. руб.) предусматривает

возможность охвата большего количества арендаторов, а третий вариант при больших единовременных затратах бюджета в первый год реализации проекта (262 764 руб.) – меньшее количество арендаторов, но устанавливает более низкую арендную плату.

Прежнюю методику, по мнению автора, нужно дополнить следующими расчетными процедурами:

1) рассчитать денежные потоки обслуживания кредита и субсидий из бюджета во времени, то есть

Таблица 2. Расчет компенсационных выплат из областного бюджета арендодателю (по ипотечному кредиту) и нанимателю арендного жилья по прежней методике

Параметры для расчета	1 вариант	2 вариант	3 вариант
	без компенсации затрат арендодателя	компенсация процентной ставки по кредиту арендодателю (30 %)	предоставление субсидии арендодателю на первоначальный взнос по кредиту (30 %)
Количество арендуемых квартир	1	1	1
Стоимость 1 м ² жилья, руб.	25 000	25 000	25 000
Площадь квартиры, м ²	33	33	33
Стоимость арендуемой квартиры	825 000	825 000	825 000
Собственные средства арендодателя (30 % стоимости квартиры), руб.	247 500	247 500	247 500
Заемные средства арендодателя, (ипотечный кредит), руб.	577 500	577 500	330 000
Срок кредитования, лет	15	15	15
Процентная ставка по кредиту арендодателя, %	10,0	10,0	10,0
Среднегодовые затраты на обслуживание долга по кредиту, руб.	74 472	74 472	42 552
в том числе:			
выплата основного долга, руб.	38 500	38 500	22 000
выплата процентов, руб.	35 972	35 972	20 552
Арендная плата за условную квартиру, руб./месяц	13 106	12 207	10 446
Арендная плата нанимателя с учетом компенсации из бюджета, руб./месяц	9 174	9 174	9 174
Размер компенсации арендной платы нанимателю жилья, %*	30	25	12
Срок предоставления компенсационных выплат из бюджета, лет	10	10	10
Выплаты из бюджета, всего, руб.	471 816	471 876	400 140
в том числе			
компенсация затрат арендодателю, руб.	0	107 916 (компенсация процентов по кредиту, 30 %)	247 500 (субсидия на первоначальный взнос по кредиту, 30 %)
компенсация затрат нанимателя жилья, руб.	471 816	363 960	152 640

* Для расчета арендная плата за жилье для 1 варианта (13 106 руб./месяц без компенсации, 9174 руб./месяц – с компенсацией) – определена базовой. Размер компенсации арендной платы нанимателю жилья (30 %, 25 %, 12 %) обеспечивает для нанимателя объем арендной платы не выше базового варианта.

Таблица 3. Результаты расчета компенсационных выплат из областного бюджета арендодателю (по ипотечному кредиту) и нанимателю арендного жилья по предлагаемой модели

Параметры для расчета	1 вариант	2 вариант	3 вариант
	без компенсации арендодателя	компенсация процентной ставки по кредиту арендодателю (30 %)	предоставление субсидии арендодателю на первоначальный взнос по кредиту (30 %)
Количество арендуемых квартир	1	1	1
Стоимость 1 м ² жилья, руб.	25 000	25 000	25 000
Площадь квартиры, м ²	33	33	33
Стоимость арендуемой квартиры	825 000	825 000	825 000
Собственные средства арендодателя (30 % стоимости квартиры), руб.	247 500	247 500	247 500
Заемные средства арендодателя, (ипотечный кредит), руб.	577 500	577 500	330 000
Срок кредитования, лет	15	15	15
Процентная ставка по кредиту арендодателя, %	10	10	10
Затраты на обслуживание долга по кредиту, руб./год	от 96 250 (в 1-й год) до 42 350 (в 15-й год)	от 96 250 (в 1-й год) до 42 350 (в 15-й год)	от 55 000 (в 1-й год) до 24 200 (в 15-й год)
в том числе:			
выплата основного долга, руб. /год	38 500	38 500	22 000
выплата процентов, руб. /год	от 57 750 (в 1-й год) до 3 850 (в 15-й год)	от 57 750 (в 1-й год) до 3 850 (в 15-й год)	от 33 000 (в 1-й год) до 2 200 (в 15-й год)
Арендная плата за условную квартиру, руб./месяц	13 106	от 11 662 (в 1-й год) до 12 529 (в 10-й год)	от 9 669 (в 1-й год) до 10 906 (в 10-й год)
Арендная плата нанимателя с учетом компенсации из бюджета, руб./месяц	9 174	9 174	9 174
Размер компенсации арендной платы нанимателю жилья, % *	30	от 21 (в 1-й год) до 27 (в 10-й год)	от 5 (в 1-й год) до 16 (в 10-й год)
Срок предоставления компенсационных выплат из бюджета, лет	10	10	10
Выплаты из бюджета, всего, руб.	471 816	471 816	381 066
в том числе:			
компенсация затрат арендодателю, руб.	0	121 275 компенсация процентов по кредиту, 30 %	247 500 субсидия на первоначальный взнос по кредиту, 30 %
компенсация затрат нанимателя жилья, руб.	471 816	350 541	133 566
Дисконтированные выплаты из бюджета, всего, руб. (норма дисконта 10 %)	318 902	318 902	329 140
в том числе:			
компенсация затрат арендодателю, руб.	0	88 017 компенсация процентов по кредиту, 30 %	247 500 субсидия на первоначальный взнос по кредиту, 30 %
компенсация затрат нанимателя жилья, руб.	318 902	230 885	81 640

* Для расчета арендная плата за жилье для 1 варианта (13 106 руб./месяц без компенсации, 9174 руб./месяц – с компенсацией) – определена базовой

взять горизонт расчета, равный периоду кредитования, поделить его на шаги расчета по годам;

2) рассчитать дисконтированные значения размеров субсидий по каждому шагу расчета;

3) вычислить накопленный итог дисконтированных субсидий по каждому варианту способа выплаты субсидий из областного бюджета;

4) провести сравнение вариантов способа выплаты субсидий из областного бюджета по величине накопленного итога дисконтированных субсидий.

В результате использования этих дополнительных процедур будут учтены особенности графика обслуживания ипотечного кредита, поскольку обычно объем основного долга (тело кредита) погашают постепенно за весь период кредитования, что приводит к постепенному снижению денежной величины выплачиваемых процентов. В прежней методике график обслуживания кредита не учтен, вместо этого взяты «среднегодовые затраты на обслуживание долга по кредиту» (см. таблицу 2), что приводит к завышенному значению суммы выплаченных процентов за весь период кредитования.

Кроме того, применяя расчет дисконтированных значений субсидий, можно корректно сравнивать между собой разновременные выплаты, поскольку платежи в ближайшее время обладают большей текущей ценностью, чем платежи в более отдаленное время. В данном случае дисконтирование необходимо использовать, так как мы имеем дело с длительными расчетными периодами в 10–20 лет. Размер годовой ставки дисконта зависит от стоимости привлекаемых областными бюджетами финансовых ресурсов, то есть от стоимости денег, требуемых для субсидирования из бюджета. В качестве ориентира можно взять процентный доход по купонным восьмилетним облигациям, выпущенным Правительством Свердловской области в 2016 и 2017 гг., который равен 7,7–9,8% [8]. Поэтому в дальнейших расчетах ставка дисконта равна 10%.

В таблице 3 представлены результаты расчетов по предлагаемой автором модели.

По данным таблицы 3, прежде всего, видно, что в противоположность итогам расчетов по прежней методике, третий вариант способа компенсационных выплат более разорителен для бюджета, так как дисконтированное значение всей суммы субсидий для этого варианта больше, чем для двух других. Это связано с тем, что из регионального бюджета в первый год расчетного периода должна быть внесена значительная сумма для погашения 30% ипотечного кредита, что приводит к существенной нагрузке на расходную часть бюджета, которую нужно закрывать какими-то источниками привлечения финансовых ресурсов.

С точки зрения нагрузки для регионального бюджета первый и второй варианты равноценны, но,

возможно, по объему организационной работы они требуют разных усилий, так как в первом случае субсидии получает только наниматель жилья, тогда как во втором случае – и наниматель, и арендодатель, то есть работу необходимо организовывать с обоими участниками.

Также предлагаемая автором модель, благодаря развертке во времени денежных потоков, позволяет планировать годовые расходы бюджета на субсидирование по разным вариантам. В частности, мы видим, что в разные годы периода субсидирования по второму варианту необходимы разные величины субсидий, что связано с изменчивостью денежной величины процентов по кредиту.

Кроме того, в предложенной модели расчетов денежных потоков можно легко менять исходные данные для расчетов размера субсидий, арендной платы, дисконтированных значений денежных потоков, что в настоящее время имеет большое значение из-за изменения условий кредитования, стоимости строительства жилья и финансовых возможностей региональных властей.

В качестве расчетного примера, можно взять исходные параметры, представленные в таблице 4. Результаты расчетов приведены в разделе 1.4 таблицы 4.

Таким образом, предлагаемая модель позволяет оценить величину ежегодных субсидий из бюджета и их накопленную дисконтированную величину при разных величинах исходных параметров: стоимость жилья, условия ипотечного кредитования, плановый период субсидирования, прогнозируемое изменение стоимости денежных средств за весь период субсидирования.

В целом, следует сделать вывод, что для обеспечения более низкой арендной платы за жилье необходима реализация комплексных мер, направленных на стимулирование застройщиков и снижение стоимости строительства жилья, в том числе:

1) повышение доступности коммунальной инфраструктуры, снижение стоимости услуг подключения к коммунальной инфраструктуре;

2) предоставление бесплатных земельных участков (или по льготной цене) под строительство арендных жилых домов;

3) использование новых, технологичных, более дешевых строительных материалов;

4) использование типовых проектов строительства домов эконом-класса;

5) государственная поддержка органов власти Свердловской области в виде:

- освобождения от налога на имущество;
- предоставления льготы по налогу на прибыль;
- предоставления субсидии на частичную компенсацию процентов по ипотеке;
- выкупа квартир и сдачи их в аренду;

Таблица 4. Исходные параметры и результаты расчета размеров субсидий по арендному жилью

1.1 Параметры объекта аренды	
Стоимость 1 м ² жилья, руб.	50 000
Площадь жилья, м ²	40
Стоимость арендуемого жилья, руб.	2 000 000
Арендная плата, руб./мес.	15 000
Рост арендной платы, %/год	5
1.2 Кредитные параметры для арендодателя	
Размер кредита, доля от стоимости жилья	0,7
Срок кредитования, лет	20
Процентная ставка по кредиту, %	15
1.3 Параметры бюджетного субсидирования	
Период субсидирования, лет	10
Размер субсидии нанимателю на компенсацию части арендной платы, доля арендной платы	0,4
Размер субсидии арендодателю за стоимость жилья, доля от стоимости жилья	0
Размер субсидии арендодателю на компенсацию кредитных процентов, доля кредитного процента	0
Ставка дисконта, %	10,0
1.4 Результат расчетов	
Недисконтированные субсидии накопленным итогом, руб.	905 608
Дисконтированные субсидии накопленным итогом, руб.	589 233
Величина ежегодных субсидий, руб.	от 72 000 (в 1-й год) до 111 696 (в 10-й год)

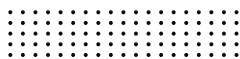
Кроме этого, сокращение административных барьеров при осуществлении градостроительной деятельности, предусматривающее отмену избыточных и (или) дублирующих процедур, повышение эффективности деятельности исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления на территории Свердловской области, безусловно, положительным образом влияют на создание благоприятного инвестиционного климата для развития строительного бизнеса, в том числе и сегмента строительства арендного жилья, как долгосрочного проекта.

Литература:

1. Стенографический отчет о пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 23 мая 2014 года [электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/21080> (дата обращения 15.12.2017)
2. Доклад министра М. А. Меня по стратегии жилищной политики на заседании Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам 20 декабря 2017 г. [электронный ресурс]. URL: http://www.minstroyrf.ru/press/doklad-ministra-m-a-menya-po-strategii-zhilishchnoy-politiki-na-zasedanii-soveta-pri-prezidente-rf-p/?sphrase_id=439857 (дата обращения 21.12.2017)
3. Паспорт приоритетного проекта «Ипотека и арендное жилье» (с учетом запроса на изменение № 1 (в редакции протокола президиума Совета от 28 июня 2017 г. № 7)) [электронный ресурс]. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=http://www.minstroyrf.ru/upload/iblock/e84/Passport_2017_11_14_03_07_35.docx (дата обращения 21.12.2017)
4. Петрухина Е. А., Чистякова Ю. А. Анализ зарубежного опыта реализации проектов строительства и эксплуатации арендного жилья // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2015. № 3 (25). С. 105–109 [электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24313960_58759744.pdf (дата обращения 21.12.2017)
5. Грубов В. А., Хохлатьева А. А. Актуальность формата арендного жилья для России // Наука вчера, сегодня, завтра. 2016. № 4 (26). С. 68–73.

- [электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25845722_29198281.pdf (дата обращения 21.12.2017)
6. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 года № 1618-п // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 сентября 2014 г. № 35. Ст. 4811
 7. Молодых Н. А., Вышегородский Д. В. Совершенствование государственного регулирования строительства арендного жилья на территории Свердловской области // «Основные научно-практические результаты диссертационных исследований, выполненных студентами магистерской программы «Экономика фирмы и отраслевых рынков» направления «Экономика» Уральского института управления-филиала ФБГОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». Екатеринбург, 2015. 160 с.
 8. Выпуски облигаций. Эмитент, агент: Свердловская Обл. Прав. [электронный ресурс]. URL: <http://www.rusbonds.ru/emitttools.asp?emit=87502> (дата обращения 21.12.2017)
 3. The passport of the priority project «Mortgage and rental housing» (subject to the request for amendment № 1 (as amended by the protocol of the Presidium of the Council of 28 June 2017, № 7)) [e-resource]. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=http://www.minstroyrf.ru/upload/iblock/e84/Passport_2017_11_14_03_07_35.docx (date of reference 21.12.2017)
 4. Petrukhnina E. A., Chistykh U. A. Analysis of foreign experience in the implementation of projects for the construction and operation of rental housing // *Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedenii. Series: Economics, Finance and Production Management*. 2015. № 3 (25). P. 105–109 [e-resource]. URL: https://library.ru/download/elibrary_24313960_58759744.pdf (date of reference 15.12.2017)
 5. Grubov V. A., Khokhlateva A. A. The relevance of the format of rental housing for Russia // *Science yesterday, today, tomorrow*. 2016. № 4 (26). Pp. 68–73 [e-resource]. URL: https://library.ru/download/elibrary_25845722_29198281.pdf (date of reference 15.12.2017)
 6. On approval of the Concept of the state family policy in the Russian Federation for the period until 2025: Order of the Government of the Russian Federation of 25 August 2014 № 1618-p // *Collected Legislation of the Russian Federation of 1 September 2014*. № 35. Art. 4811
 7. Molodykh N. A., Vyshegorodskii D. V. Improving the state regulation of the construction of rental housing in the Sverdlovsk region // “The main scientific and practical results of dissertational research carried out by students of the master’s program “The Economics of Firms and Industrial Markets” in the direction “Economics” of the Ural Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”. – Ekaterinburg, 2015. 160 p.
 8. Bond Issues. Issuer, agent: Sverdlovsk Obl Rights [e-resource]. URL: <http://www.rusbonds.ru/emitttools.asp?emit=87502> (date of reference 21.12.2017)

References:

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ БУДУЩЕЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Максимов И. О.

преподаватель кафедры Мировой экономики, международных отношений и права, Новосибирский государственный университет экономики и управления (Россия), 630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, 52/1, r.r.gulieva@nsuem.ru

Рябошлык В. Ф.

ассистент кафедры Экономической теории, Новосибирский государственный университет экономики и управления (Россия), 630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, 52/1, r.r.gulieva@nsuem.ru

Татаренко В. И.

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры Мировой экономики, международных отношений и права, Новосибирский государственный университет экономики и управления (Россия), 630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, 52/1, r.r.gulieva@nsuem.ru

УДК 338(571.14)

ББК 65.290.2(2Рос-4Нос)

Внешекономическая деятельность в Новосибирской области может стать базовым фактором интенсивного развития региона, создания новых форм хозяйственной деятельности, привлечения иностранных инвестиций, а также решения текущих социально-экономических проблем. Однако это требует качественно новых решений в проводимой региональной экономической политике. В роли инструмента балансирования долгосрочных целей развития рыночной среды и региональных органов власти предложено развитие системы государственно-частного партнерства. В статье проанализированы реализуемые и планируемые к реализации проекты государственно-частного партнерства в Новосибирской области, отмечены основные акценты и недостатки в экономической политике региональных органов власти. Выводы исследования возможно учесть при подготовки будущих программных документов социально-экономического развития региона.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках внутреннего гранта на выполнение научного проекта НГУЭУ № «Д-481-2017» от «15.06.2017» по теме: «Концепция внешнеэкономической деятельности несырьевых регионов СФО».

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, государственно-частное партнерство, Новосибирская область, стратегия внешнеэкономического развития, стратегия социально-экономического развития.

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP AS AN IMPORTANT ASPECT OF FUTURE DEVELOPMENT STRATEGY OF THE NOVOSIBIRSK REGION

Maksimov I. O.

Lecturer department of world economy, international relations and law, Novosibirsk State University of Economics and Management (Russia), 630099, Russia, Novosibirsk, Kamenskaya str., 52/1, r.r.gulieva@nsuem.ru

Ryaboshlyk V. F.

Assistant of economic theory department, Novosibirsk State University of Economics and Management (Russia), 630099, Russia, Novosibirsk, Kamenskaya str., 52/1, r.r.gulieva@nsuem.ru

Максимов И. О., Рябошлык В. Ф., Татаренко В. И.

Tatarenko V. I.

Doctor of Economics, Professor, professor department of world economy, international relations and law, Novosibirsk State University of Economics and Management (Russia), 630099, Russia, Novosibirsk, Kamenskaya str., 52/1, r.r.gulieva@nsuem.ru

Foreign economic activity in the Novosibirsk region can become the basic factor in the intensive development of the region, creation of new forms of economic activities, attract foreign investment and address current socio-economic problems. However, this will require qualitatively new solutions to the ongoing regional economic policy. The role of the tool of balancing long-term goals of development of the market environment and the regional authorities proposed the development of public-private partnerships. The article analyzes the ongoing and planned projects of state-private partnership in Novosibirsk region, marked by the highlights and shortcomings in the economic policy of regional authorities. The findings of the study may be considered when the preparation of future policy documents of socio-economic development of the region.

Financing. The article was prepared within the framework of internal grant for research project NSUEM № «D-481-2017» from the «15.06.2017» theme: «the Concept of foreign economic activity non-oil regions of the Siberian Federal district».

Key words: foreign economic activity, state-private partnership in Novosibirsk region, the external economic development strategy, strategy for socio-economic development.

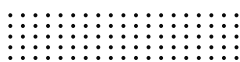
Международная активность национальных фирм и присутствие в различных формах иностранных компаний в национальной корпоративной среде являются важными и неотъемлемыми критериями открытости рыночной экономики и фундаментом устойчивого экономического развития [1]. В настоящее время в Новосибирской области действует стратегия социально-экономического развития до 2025 г., принятая в декабре 2007 г. [2] и включающая внешнеэкономическую деятельность не основным, а побочным фактором роста. При этом программа социально-экономического развития, т.е. конкретные шаги выполнения стратегии, прописаны только до 2015 г. [3]. Еще хуже обстоят дела с концепцией развития международных и внешнеэкономических связей Новосибирской области. Данный документ был принят в начале 2008 г. со сроком действия на период до 2013 г. [4], и в итоге не получил никакой качественной или количественной оценки эффективности, а также не был пролонгирован. Данные факты подводят к выводу о неспособности региональных органов власти планировать, ставить среднесрочные или долгосрочные цели и задачи по их реализации.

Поскольку действующая стратегия критически устарела, перестала отражать реалии социально-экономического развития Новосибирской области, макроэкономическую ситуацию и не добилась поставленных результатов, была в значительной степени конъюнктурным явлением, назрела острая необходимость пересмотра ее базовых оснований, не в угоду сиюминутным желаниям и частным хозяйственным интересам, а с целью определения долгосрочных детерминант развития и понятных для рыночной среды региона аспектов регулирующего воздействия.

Таким образом долгий промежуток времени Новосибирская область находится вне поля каких-либо стратегических планов, а развитие движется по инерции, архаично и подвержено внешним и внутренним шокам. Данная неопределенность и безответственность государственных управленцев в значительной степени проецируется на рыночную среду региона и поведение рыночных агентов, их горизонт планирования и смещение мотивов деятельности от устойчивого развития к максимизации текущей прибыли, что подтверждается результатами нашего опроса участников внешнеэкономической деятельности в Новосибирской области. В опросе приняло участие 11 внешнеторговых фирм и 10 компаний с прямыми иностранными инвестициями, а основным выводом является то, что данные организации в регионе находятся в состоянии высокой рыночной неопределенности. Данная неопределенность выражается в дисконтировании будущих доходов экономических агентов по более высокой ставке, максимизации краткосрочной прибыли и сокращении горизонта планирования. На основе проведенного опроса можно сделать вывод об острой необходимости коммуникационных взаимодействий государственных служб и ведомств с рыночными агентами, а также формирования у обеих сторон согласовывающегося образа будущего.

В качестве возможного инструмента балансирования долгосрочных целей, достижения экономического роста и преодоления барьеров развития для участников внешнеэкономической деятельности и региональных органов власти, мы полагаем, возможно развитие системы государственно-частного партнерства.

Термин «государственно-частное партнерство» появился в 80-ых гг. XX в. для характеристики особых

Максимов И. О., Рябошлык В. Ф., Татаренко В. И.

отношений между государством и частным сектором в сферах производственной и социальной инфраструктуры. Академическое сообщество, как правило, определяет государственно-частное партнерство как формально оформленную, «предполагающую соинвестирование и разделение рисков, систему отношений между государством и организациями частного сектора» [5], предметом которых выступают объекты государственной собственности, а также услуги, оказываемые государственными органами. При этом базовые отношения собственности чаще всего не меняются – государство передает частному сектору только права владения и пользования, оставляя за собой право распоряжения. В официальных российских документах под государственно-частным партнерством понимается – «юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения ..., в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти ... доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества» [6].

Широко используемой в мировой практике стала классификация проектов государственно-частного партнерства, используемая Всемирным Банком. База данных Всемирного Банка классифицирует проекты в четырех категориях [7]: управление и договоры аренды, проекты «браунфилд» и «гринфилд», а также частичная приватизация собственности. Большинство проектов с участием государственного и частного секторов вписываются в одну из этих четырех категорий, но границы между ними не всегда определены. Основываясь на данных секторной принадлежности проектов государственно-частного партнерства в странах континентальной Европы [8], можно сделать вывод, что дальше всех во внедрении проектов данного типа в европейских странах продвинулись Германия и Великобритания. Наиболее распространенными секторами, в которых присутствуют проекты государственно-частного партнерства, являются здравоохранение, железные дороги и дороги общего пользования, сфера образования, сектор жилищно-коммунального хозяйства.

Учитывая сложившийся государство-центричный характер российской экономики [9], мы полагаем, немецкий опыт будет наиболее эффективен в отечественных условиях. Немецкая модель государственно-частного партнерства характеризуется сильной государственной поддержкой, институциональной базой, состоящей из федерального и локальных законодательств, широким распространением целевых дотаций и долевым разделением расходов государства на федеральном и локальном уровнях [10]. Российская модель взаимодействия государственного и частного

сектора в настоящее время представляет собой большое количество неупорядоченных и противоречивых формальных норм, функционирующих в условиях размытых правил и структуры подчиненности, а также не до конца определенных стимулов.

Кроме этого, в хозяйственной сфере по-прежнему сохраняется значительное количество морально и физически устаревших средств производства государственной собственности, требующих кардинального обновления и более эффективных способов эксплуатации. Однако, как справедливо заметил В. Варнавский, противоречие в управлении инфраструктурным комплексом складывается в том, что, с одной стороны, приватизация его представляется не целесообразным по социально-политическим причинам, из-за рисков дискриминации частными собственниками некоторых социальных групп, с другой стороны, ограниченностью государственных бюджетов, не позволяющих увеличивать инфраструктурные расходы для повышения эффективности функционирования государственной собственности [5]. Именно в данных условиях наиболее рациональным методом сглаживания противоречия и инструментом прогрессивного экономического роста и развития будет государственно-частное партнерство, представляющее формальный контракт между государственными ведомствами, как иницилирующими элементами, и участниками внешнеэкономической деятельности, как элементами цепочки добавленной стоимости в регионе.

Выстраивание отношений на основе государственно-частного партнерства для акторов внешнеэкономической деятельности в социально-экономических системах формирует ряд преимуществ, а также позволяет гармонизировать цели долгосрочного развития. Распределение эффектов от государственно-частного партнерства можно разделить на две категории: ядро и периферия. К ядру можно отнести конкретных рыночных и государственных агентов, вступающих в отношения партнерства, объектом которых являются права собственности, за исключением распоряжения. К периферии относятся прочие благополучатели: общество, рыночная среда, прочие государственные ведомства и учреждения.

Выгодами для государства и общества социально-экономической системы от внедрения отношений государственно-частного партнерства могут являться:

- возможность использования современных и эффективных механизмов управления программами и проектами [8] и смягчение остроты социально-экономических проблем;
- внедрение инновационных методов, механизмов и технологий, разработанных частными фирмами, в том числе с иностранным капиталом для решения локальных проблем;

- повышение эффективности управления собственностью и оптимизация управленческого персонала, администрирующего ее эксплуатацию, и ликвидация дублирующих функций государственного и частного секторов;

- отказ от неэффективных форм хозяйствования и освобождение от ряда экономических функций (строительства, эксплуатации, ремонта), которые частные компании выполняют более качественно [5];

- привлечение частных инвестиций, квалифицированных и дефицитных специалистов хозяйственной среды и корпоративной структуры для решения общественных проблем и задач.

Выгодами для участников внешнеэкономической деятельности и предприятий хозяйственной среды региона от внедрения отношений государственно-частного партнерства могут являться:

- возможность получения прибыли от участия в проектах, в которых невозможно было участвовать без взаимодействия с государственными органами [8];

- получение внешнеэкономических преимуществ внешнеторговыми фирмами и открытие локальных рынков для компаний с иностранными инвестициями в результате осуществления партнерства;

- получение государственной собственности в долгосрочное владение и пользование на льготных условиях при снижении текущих рисков за счет государственных гарантий.

Становление государственно-частного партнерства в России началось с появления в 2005 г. особых экономических зон, затем Российской венчурной компании и т.д. На федеральном уровне был принят ряд законов, имеющих отношение к отдельным аспектам государственно-частного партнерства. Позднее в регионах России также начала формироваться законодательная база проектов и соглашений между государством и частным сектором. А 1 июля 2015 г. был принят федеральный закон о государственно-частном партнерстве в Российской Федерации [6], который фактически ограничил полномочия регионов и в значительной степени противоречил правилам, принятым на уровне субъектов, что впоследствии выразилось в изменениях или ликвидации локального законодательства. В Новосибирской области закон о государственно-частном партнерстве был принят в марте 2012 г. В дальнейшем он получил ряд уточнений, в части методики расчета эффективности реализации, в мае 2014 г., а также в феврале 2016 г. [11]. Однако противоречия регионального и федерального законодательства по-прежнему не устранены, к примеру под частным партнером федеральный закон понимает «российское юридическое лицо, с которым ... заключено соглашение» [6], в свою очередь закон Новосибирской области определяет эту категорию

агентов как «индивидуальный предприниматель, российское или иностранное юридическое лицо» [11].

В рейтинге регионов России по уровню развития государственно-частного партнерства в 2016 и 2017 гг. Новосибирская область занимает четвертое место, уступая только Москве и, разделившим второе и третье место, Московской и Самарской областям соответственно; в то же время регион занимает первое место среди субъектов Сибирского федерального округа. В соответствии с целевыми значениями уровня развития государственно-частного партнерства в регионах Российской Федерации, установленным в распоряжении правительства, Новосибирская область должна была соответствовать уровню развития в 63,3 п.п. в 2016 г., уровню развития 69,7 п.п. в 2017 г., фактические значения уступают в 2016 г. и превосходят в 2017 г., составляя 57,4 п.п., 72,5 п.п. соответственно [12, 13, 14]. Таким образом, можно сделать вывод, что в целом система государственно-частного партнерства в Новосибирской области относительно развита.

Таблица 1. Распределение проектов государственно-частного партнерства в Новосибирской области по отрасли реализации

Отрасль реализации	Кол-во реализуемых проектов	Удельный вес, %
автомобильные дороги, элементы их обустройства и дорожного сервиса	2	4
благоустройство территорий	1	2
бытовые услуги	6	12
дошкольное образование	1	2
здравоохранение	2	4
культура	2	4
образование	1	2
обращение с твердыми коммунальными отходами	1	2
природоохранная деятельность	1	2
производство, передача и распределение тепловой энергии	15	30
промышленные парки	1	2
санаторно-туристическая деятельность / туризм	5	10
физическая культура и спорт	8	16
централизованные системы водоснабжения и водоотведения	4	8
Общий итог	50	100

На настоящее время в Новосибирской области действует 50 проектов государственно-частного партнерства и планируется к реализации еще 194 единицы [15]. Проанализируем действующие проекты и соглашения государственного и частного секторов в Новосибирской области, включенные в реестр 2017 г. (таблица 1.)

Из пятидесяти реализуемых проектов государственно-частного партнерства в Новосибирской области 30 % принадлежат сфере «производство, передача и распределение тепловой энергии». Можно отметить, что в 2017 г. уделено большое внимание человеческому капиталу, в том числе здоровому образу жизни населения, для создания инфраструктуры в этой сфере реализуется 13 проектов, это 26 % всех реализуемых соглашений в 2017 г. В частности, в сфере физической культуры и спорта реализуется 8 единиц, а в санаторно-туристической деятельности и туризме – 5 единиц. Так же, значительную часть всех реализуемых

проектов составляют соглашения в сфере бытовых услуг – 6 единиц или 12 % от общего числа.

Большее половины (60 %) проектов реализуется в форме концессионного соглашения. Договоров аренды с инвестиционными обязательствами и инвестиционных проектов примерно одинаковое количество, 12 % и 10 % соответственно, инвестиционных договоров чуть больше, 18 % от общего числа.

Из всех проектов государственно-частного партнерства только 10 единиц (20 %) реализуются по частной инициативе, в остальных случаях, инициатором являлась область, 80 % всех способов реализации инициированы региональными органами власти, службами и ведомствами. В рамках конкурсных процедур проходят проекты, имеющие высокую социально-экономическую значимость, частная инициатива помимо интереса области, содержит финансовую заинтересованность частного партнера.

На основе анализа времени реализации проектов государственно-частного партнерства в Новосибирской области можно сделать вывод о горизонте планирования государственных служб и ведомств. Сроки реализации соглашений можно разделить на три периода: краткосрочный – 1–3 года, среднесрочный – 4–10 лет и долгосрочный – 11–50 лет. На настоящий момент, 5 проектов реализуется в краткосрочном периоде, это только 10 % от общего объема. В среднесрочной перспективе будут завершены 10 проектов, что составляет 20 %. Наибольшее число проектов завершится в долгосрочной перспективе, 24 единицы или 48 % от общего числа. 6 проектов будут завершены после полной реализации обязательств. Не определен срок у 10 % проектов. Большое количество действующих долгосрочных проектов, отражает попытку формирования длительных ожиданий рыночных агентов и снижения общего уровня рисков в рыночной среде.

В настоящее время в Новосибирской области доминирующая модель реализации проектов государственно-частного партнерства не предполагает бюджетных обязательств. Бюджетные обязательства присутствуют только в 30 % проектов в реестре. Данный факт, мы полагаем, снижает привлекательность соглашений данного типа для фирм рыночной среды.

Проанализируем планируемые к реализации проекты государственно-частного партнерства в Новосибирской области, включенные в реестр 2017 г.

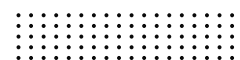
Общее количество планируемых в Новосибирской области проектов на 2017 г. составляет 194 единицы. В рамках отраслевого разреза доминируют отрасли «производство, передача и распределение тепловой энергии» – 142 единицы (73,2 %), и «централизованные системы водоснабжения и водоотведения» – 36 единиц (18,56 %). На прочие отрасли, которым принадлежат проекты, приходится около 8 %. Можно сделать вывод

Таблица 2. Распределение проектов государственно-частного партнерства в Новосибирской области по формам реализации

Форма реализации проекта	Кол-во реализуемых проектов	Удельный вес, %
договор аренды с инвестиционными обязательствами	6	12
инвестиционный договор	9	18
инвестиционный проект	5	10
концессионное соглашение	30	60
Общий итог	50	100

Таблица 3. Распределение проектов государственно-частного партнерства в Новосибирской области по способам реализации

Способ реализации проекта	Кол-во реализуемых проектов	Удельный вес, %
в рамках конкурсных процедур	40	80
предложение о реализации проекта (частная инициатива)	10	20
Общий итог	50	100

Максимов И. О., Рябошлык В. Ф., Татаренко В. И.

Таблица 4. Распределение проектов государственно-частного партнерства в Новосибирской области по срокам реализации

Срок реализации проекта (лет)	Кол-во реализуемых проектов	Удельный вес, %
1	2	4
3	3	6
5	5	10
7	1	2
9	1	2
10	3	6
14	1	2
15	1	2
20	2	4
22	1	2
25	11	22
26	1	2
30	2	4
35	1	2
40	1	2
49	3	6
до полного исполнения обязательств	6	12
н/д	5	10
Общий итог	50	100

об значительных проблемах инфраструктурного комплекса и системы коммунального хозяйства в Новосибирской области и акценте со стороны региональных властей именно на эти сферы.

Формы реализации соглашений частного и государственного секторов в Новосибирской области не имеют относительного разнообразия и сверх концентрированы. Большую долю в проектах имеют концессионные соглашения, на них приходится около 96%, затем совокупно 3% занимают соглашения о муниципальном частном партнерстве, инвестиционные договора и инвестиционные проекты, в стадии определения находится 0,5% проектов.

Важным для нашего исследования является способ реализации проекта, поскольку он определяет иницирующие стороны. В 99,5% случаев иницирующей стороной являются государственные службы и ведомства, проводящие конкурсный отбор агентов рыночной среды, и только в 0,5% случаев предложение о реализации проекта государственно-частного партнерства исходит от частного сектора. С одной стороны, можно

Таблица 5. Распределение проектов государственно-частного партнерства в Новосибирской области по бюджетным обязательствам

Бюджетные обязательства (да/нет)	Кол-во реализуемых проектов	Удельный вес, %
да	15	30
нет	35	70
Общий итог	50	100

Таблица 6. Распределение планируемых проектов государственно-частного партнерства в Новосибирской области по отрасли реализации

Отрасль реализации	Кол-во проектов	Удельный вес, %
Дошкольное образование	2	1,03
Здравоохранение	1	0,52
Образование	1	0,52
Объекты транспортно-логистической инфраструктуры	1	0,52
Производство, передача и распределение тепловой энергии	142	73,2
Санаторно-туристическая деятельность / туризм	2	1,03
Транспорт и дорожное хозяйство	2	1,03
Физическая культура и спорт	7	3,61
Централизованные системы водоснабжения и водоотведения	36	18,56
Общий итог	194	100

Таблица 7. Распределение планируемых проектов государственно-частного партнерства в Новосибирской области по формам реализации

Форма реализации проекта	Кол-во проектов	Удельный вес, %
В стадии определения	1	0,52
Инвестиционный договор	2	1,03
Инвестиционный проект	2	1,03
Концессионное соглашение	187	96,39
Соглашение о МЧП	2	1,03
Общий итог	194	100

Таблица 8. Распределение планируемых проектов государственно-частного партнерства в Новосибирской области по способам реализации.

Способ реализации проекта	Кол-во проектов	Удельный вес, %
в рамках конкурсных процедур	193	99,48
предложение о реализации проекта (частная инициатива)	1	0,52
Общий итог	194	100

Таблица 9. Распределение планируемых проектов государственно-частного партнерства в новосибирской области по срокам реализации.

Срок реализации проекта (лет)	Кол-во проектов	Удельный вес, %
2	2	1,03
3	4	2,06
5	3	1,55
8	3	1,55
10	3	1,55
14	1	0,52
20	1	0,52
29	1	0,52
30	1	0,52
н/д	175	90,21
Общий итог	194	100

отметить высокую заинтересованность региональных органов власти в реализации проектов такого типа, стремление скорректировать отраслевую структуру экономики области, поспособствовать развитию конкуренции в рыночной среде и т.д., с другой стороны можно отметить крайне низкое желание рыночных агентов строить хозяйственные и коммуникационные отношения с государственным сектором, отсутствие внятных и понятных стимулов для рыночной среды.

На настоящий момент в 90 % случаев не определены сроки реализации проектов по выборке. Согласно ранее сделанной периодизации сроков реализации соглашений к первому периоду относится 6 проектов, удельный вес которых составляет около 3 %, ко второму периоду относится 9 проектов с удельным весом 4,5 %, к третьему периоду 4 проекта с удельным весом 2,5 %. Несмотря на общий вывод о среднесрочном характере горизонта планирования государственного сектора в Новосибирской области следует отметить,

что наибольшее количество предполагаемых проектов по годам реализации на настоящее время сконцентрировано в трехлетнем периоде – 4 единицы.

Из рассмотренных проектов реестра в 87,6% случаев не определено наличие бюджетных обязательств, что является важным стимулом для агентов рыночной среды. Данный факт говорит о плохой подготовки проектов, их низкой проработанности и перспективности, что в значительной степени повлияет в негативном качестве на ожидания рыночной среды. В 2% по планируемым проектам предполагаются бюджетные обязательства и в 10% этих обязательств не будет.

В соответствии с проведенным анализом проектов государственно-частного партнерства в Новосибирской области можно сделать вывод, что в качестве субъектов частного сектора в действующих и планируемых соглашениях отсутствуют внешнеторговые компании и фирмы с прямыми иностранными инвестициями. Кроме этого, в целом отсутствует ориентация на развитие внешнеэкономической деятельности посредством государственно-частного партнерства. Это требует смещения акцентов региональной экономической политики от решения текущих инфраструктурных проблем в пользу обеспечения интенсивного роста и развития. Помещая в ядро государственно-частного партнерства внешнеторговые фирмы и компании с иностранными инвестициями возможно добиться увеличения концентрации добавленной стоимости и текущих расходов в Новосибирской области, что повлияет на увеличение количества малого бизнеса, рабочих мест, рост благосостояния общества и т.д. Государственное участие в проектах может стимулировать реализацию потенциала экономики, диверсификацию промышленности в контексте реиндустриализации, приобретение экономическими агентами новых направлений экспортной специализации для балансирования экономического роста и развития через создание стимулов для агентов внешнеэкономической деятельности. В таком случае, государственно-частное партнерство станет точкой роста экономики региона, а не средством решения текущих инфраструктурных проблем.

Таблица 10. Распределение планируемых проектов государственно-частного партнерства в Новосибирской области по бюджетным обязательствам.

Бюджетные обязательства (да/нет)	Кол-во проектов	Удельный вес, %
да	4	2,06
н/д	170	87,63
нет	20	10,31
Общий итог	194	100

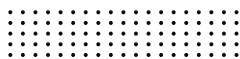
Максимов И. О., Рябошлык В. Ф., Татаренко В. И.

Литература:

1. Максимов И. О. Инвестиционные позиции переходных экономик и фактор национальных ТНК в регионах России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. №4. Т. 1. С. 83–94.
2. Стратегия социально-экономического развития Новосибирской области на период до 2025 года [электронный ресурс]. URL: https://www.nso.ru/sites/test.new.nso.ru/wodby_files/files/migrate/activity/Socio-Economic_Policy/strat_plan/Documents/1654.pdf (дата обращения 25.11.2017).
3. Программа социально-экономического развития Новосибирской области на период до 2015 года [электронный ресурс]. URL: <https://www.nso.ru/page/2413> (дата обращения 25.11.2017).
4. О концепции развития международных и внешнеэкономических связей Новосибирской области на период до 2013 года. [электронный ресурс] URL: docs.cntd.ru/document/5404622 (дата обращения 25.11.2017).
5. Варнавский В. Государственно-частное партнерство: некоторые вопросы теории и практики // Мировая экономика и международные отношения. 2011. №9. С. 41–50.
6. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (ред. 1 января 2017 года) [электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (дата обращения 18.12.2016).
7. Private Participation in Infrastructure Database // World Bank [e-resource] URL: ppi.worldbank.org/methodology/ppi-methodology (date of reference 31.01.2017).
8. Холодная Н. Д. Государственно-частное партнерство – новый тип отношений в российской экономике // Вопросы государственного и муниципального управления. 2009. №2. С. 42–56.
9. Максимов И. О. Структура российской корпоративной среды // Материалы XIII Международной научной конференции молодых ученых и аспирантов «Наука. Образование. Молодежь». Майкоп: редакционно-издательский отдел АГУ. 2016. С. 387–390.
10. Подрезова Ю. А. Государственно-частное партнерство как форма взаимодействия государственного и частного секторов экономики // Вестник ТГУ. 2008. №5 (61). С. 33–35.
11. Об участии Новосибирской области в государственно-частном партнерстве: Закон Новосибирской области от 22 марта 2012 года №200-ЗС [электронный ресурс]. URL: www.zakonprost.ru/content/regional/46/1700631 (дата обращения 18.11.2017).
12. Рейтинг регионов России по уровню развития государственно-частного партнерства 2014–2015 гг. // Министерство экономического развития РФ, НП Центр развития ГЧП. Москва, 2015.
13. Рейтинг регионов России по уровню развития государственно-частного партнерства 2015–2016 гг. // Министерство экономического развития РФ, НП Центр развития ГЧП. Москва, 2016.
14. Исследование «государственно-частное партнерство в России 2016–2017: текущее состояние и тренды, рейтинг регионов». М.: «Центр развития ГЧП», 2016. 32 с.
15. Реестр проектов государственно-частного партнерства (муниципально-частного партнерства) [электронный ресурс]. URL: <https://invest.nso.ru/ru/page/80> (дата обращения 18.11.2017).

References:

1. Maksimov I. O. Investment position of economies in transition and the national factor for TNCs in the Russian regions // Economy and management: problems, solutions. 2016. №4. Vol. 1. P. 83–94.
2. Strategy for socio-economic development of the Novosibirsk region for the period up to 2025 [e-resource]. URL: https://www.nso.ru/sites/test.new.nso.ru/wodby_files/files/migrate/activity/Socio-Economic_Policy/strat_plan/Documents/1654.pdf (date of reference 25.11.2017).
3. The program of socio-economic development of the Novosibirsk region for the period until 2015 [e-resource]. URL: <https://www.nso.ru/page/2413> (date of reference 25.11.2017).
4. On the development of international and foreign economic relations of Novosibirsk region for the period up to 2013 [e-resource]. URL: docs.cntd.ru/document/5404622 (date of reference 25.11.2017).
5. Varnavskiy V. Public-private partnership: some issues of theory and practice // World economy and international relations. 2011. №9. P. 41–50.
6. On public-private partnership, municipal-private partnership in the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation (as amended 1 January 2017) [e-resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (date of reference 25.11.2017).
7. Private Participation in Infrastructure Database // World Bank. [e-resource]. URL: ppi.worldbank.org/methodology/ppi-methodology (date of reference 25.11.2017).
8. Cold N. D. Public-private partnership – a new type of relations in the Russian economy // Problems of state and municipal management. 2009. №2. P. 42–56.
9. Maksimov I. O. Structure of the Russian corporate environment // proceedings of XIII International scientific conference of young scientists and graduate students «Science. Education. The youth». Maikop: publishing Department of the ASU. 2016. P. 387–390.

Максимов И. О., Рябошлык В. Ф., Татаренко В. И.

10. Podrezova Y. A. Public-private partnership as a form of interaction between the public and private sectors of the economy // Vestnik TSU. 2008. № 5 (61). P. 33–35.
11. On the participation of the Novosibirsk region in public-private partnership: the Law of the Novosibirsk region of 22 March 2012 № 200-LS [e-resource]. URL: www.zakonprost.ru/content/regional/46/1700631 (date of reference 18.11.2017)..
12. The rating of regions of Russia the level of development of public-private partnership 2014–2015 // Ministry of economic development of Russia, the NP PPP development Center. Moscow. 2015.
13. The rating of regions of Russia the level of development of public-private partnerships 2015–2016 // Ministry of economic development of Russia, the NP PPP development Center. Moscow. 2016.
14. Study «public-private partnership in Russia 2016–2017: current state and trends, the rating of regions» // Association «PPP development Center». M.: PPP development Center, 2016. 32 p.
15. The registry of projects of public-private partnerships (municipal-private partnership) // Investment portal of the Novosibirsk region [e-resource]. URL: <https://invest.nso.ru/ru/page/80> (date of reference 18.11.2017).

**ПЕРЕХОД К ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ
ИННОВАЦИЯМ – КРИТЕРИЙ
КОНКУРЕНТНОГО УСПЕХА ЭКОНОМИКИ
АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ**

Залывский Н. П.

доктор экономических наук, профессор, Заслуженный экономист Российской Федерации, профессор кафедры экономики и предпринимательства, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Россия), 163002, Россия, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17, public@narfu.ru

УДК 338.001.89(985)
ББК 65.9(211)-551

В статье показана специфика спроса на базовые технологии освоения арктического пространства, дано определение арктическим технологиям, диагностируются проблемы практики модернизации экономики Арктической зоны РФ. Анализ практики обращения предприятий этой зоны к высоким технологиям производства представлен в контексте оценки уровня и роста конкурентного потенциала отечественных производителей, отбора механизмов институционального содействия государства переходу к инновациям. В статье формируется методологический поиск целей и методов инновационной модернизации экономики Арктики для социокультурного и экономического подъема России. Расширение инновационного уклада в АЗ РФ автор ассоциирует с экономическим успехом России в рамках глобального сотрудничества.

Ключевые слова: Арктические регионы РФ, Архангельская область, ресурсная база, техника и технологии для Севера, инновации и их доля в экономике, инновационные кластеры, мотивы и качество жизни, макроэкономическая стратегия, Евросоюз, Китай.

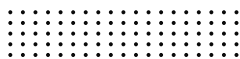
**TRANSITION TO TECHNOLOGICAL
INNOVATIONS – CRITERION OF COMPETITIVE SUCCESS
OF THE ECONOMY OF THE ARCTIC ZONE OF RUSSIA**

Zalyvsky N. P.

Doctor of Economics, Professor, Honored Economist of the Russian Federation, Professor of the Department of Economics and Entrepreneurship, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Russia), 163002, Russia, Arkhangelsk, Northern Dvina embankment, 17, public@narfu.ru

The article shows the specifics of demand for basic technologies for the development of the Arctic space, defines Arctic technologies, diagnoses problems of the practice of modernizing the economy of the Arctic zone of the Russian Federation. Analysis of the practice of the enterprises of this zone referring to high-tech production is presented in the context of assessing the level and growth of the competitive potential of domestic producers, selecting mechanisms for institutional assistance to the state transition to innovation. The article forms a methodological search for goals and methods of innovative modernization of the Arctic economy for the socio-cultural and economic development of Russia. The author associates the expansion of the innovative way in the Arctic zone of the Russian Federation with the economic success of Russia in the framework of global cooperation.

Key words: Arctic regions of the Russian Federation, Arkhangelsk region, resource base, technology and technologies for the North, innovations and their share in the economy, innovative clusters, motives and quality of life, macroeconomic strategy, the European Union, China.

Залыевский Н. П.

Введение

Целью авторского анализа является конкретизация внимания на моментах организационной работы власти и бизнеса по осуществлению инновационной политики в Арктической зоне РФ как стратегической основы замещения устаревающей технологической базы региональных экономик на современные технологии. Чем обусловлена данная цель? Многие субъекты РФ – участники выполнения государственной программы социально-экономического развития АЗ РФ. Практика ее реализации подчеркивает особую надобность в высоком качестве институционального регулирования хозяйственной деятельности человека в Арктике, выбора наиболее действенного инструментария решения проблем пространственной организации и технологической модернизации экономики арктических регионов.

Менеджеры всех уровней управления стоят перед необходимостью более глубокого и полного знания о процессах, происходящем в этом субрегионе страны. Без них вряд ли возможна активная преобразующая деятельность и снятие имеющихся проблем, которые тоже диагностируются автором в предлагаемой статье.

Специфика требований к базовым производственным технологиям для Севера

В повседневной производственной практике базовые технологии ассоциируются с конкретными отраслями хозяйственной деятельности. Все они классифицируются по группе признаков. Применительно к теме статьи можно выделить три признака: уровень сложности; динамика развития (например, прогрессирующие и устаревшие); доминирующий вид используемого ресурса (например, наукоемкие и капиталоемкие). Оперирование этими признаками необходимо для осознания сложности задач по инновационному омоложению материально-технической базы национальной экономики, но не выстраивает дорогу к отбору приоритетов инновационной технологической политики североарктических субъектов РФ.

Что следует понимать под базовыми технологиями деятельности человека в Арктике, какими критериями нужно руководствоваться при организации рынка нововведений? На наш взгляд, базовые *арктические технологии – это совокупность организационных и технических средств проникновения, изучения, приемов и методов хозяйственной деятельности в полярном и приполярном пространстве*. Движение в Арктику всегда представляло специфический технологический процесс производства новых знаний о ней, расширения доступа к ее природным ресурсам и затем

вовлечения их в процесс удовлетворения потребностей национальной экономики.

Уже несколько параграфов М. В. Ломоносова о приготовлении к плаванью сибирским океаном указывает на истоки оформления своеобразного подхода к организации деловых предприятий на Севере и Арктике [1]. Они особенно касались четырех факторов жизнедеятельности в этом субрегионе. К ним относятся суда (транспорт) и люди (население), запасы (по современному северный завоз) и инструменты, то есть средства труда и производства. Арктические требования к ним очевидны. В частности, суда должны быть крепки, поворотливы и проверены в удобности эксплуатации, защищены досками от льдов. В команде должны быть искусные офицеры, лучшие торосовщики, терпеливые к стуже и нужде. Запасаться провиантом надо на три года, а лучше на более продолжительный период. Важно иметь приборы, изобретенные для северного мореплавания и карты, сочиненные по самым свежим сведениям.

Специфику этих требований к режиму деятельности человека в Арктике порождал экстремальный климат. Он всегда, во все времена обуславливает повышенный риск хозяйствования и вложений капиталов, поэтому Северу противопоказаны примитивные стратегии изучения и покорения арктического пространства. *Особая инновационность технологий хозяйственного освоения Арктики, увеличенные затраты на социально-экономическое развитие Севера России – это доминанты диктата исключительно жестких параметров надежности создаваемых и развиваемых технологических укладов*. Арктика объективно подавалась желанию человека покорить ее только при встрече с наиболее современными технологиями и техническими средствами производства.

Не удивительна апелляция частных и государственных инициаторов движения в высокие широты, различных государств к передовым технологиям. Без них амбиции различных поколений русских людей – субъектов проникновения в страну «ледяного ужаса» – не могли бы конкурировать с чужеземными исследователями и мореходами. Достаточно привести несколько исторических фактов. Поморские кочи – одномачтовые гребные парусные суда – стали техническим средством, на котором мореходы Семен Дежнев и Федот Попов в 1648 году вышли из арктических морей, обходя Чукотский полуостров, к Тихому океану. Символично, что именно Российская Империя постройкой первого в мире ледокола «Ермак» инициировала в 1899 г. создание арктического флота для освоения Северного морского пути. Следовательно, с предложения вице-адмирала С. Макарова начинается наука и практика строительства специальных прочных и мощных судов со способностью преодолевать арктические льды и расширять путь для остальных кораблей экспедиций.

И наоборот, занижение требований к технологическому снаряжению экспедиции по причине спешки, может поставить под угрозу ее цели. Это частичная причина задержки достижения Земли Франца-Иосифа Г. Седовым в 2014 году, других проблем его экспедиции.

Таким образом, недавняя отечественная история убеждает в закономерности обращения к технологической новизне каждой попытки проникновения человека в Арктику. Она диктовала не циклическую прихоть к производственным инновациям, а непреложную истину: в Арктике сила человека в его технологическом преимуществе над суровой природой и над обширным царством холода.

Технологические инновации нужны для передовой практики разработки минерально-сырьевых ресурсов и экологического хозяйствования в Арктике

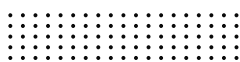
Ныне усиление технологических преимуществ равноценно укреплению позиций России в Арктике, расширению ее возможностей по разработке ресурсной

базы для динамичного развития национальной экономики и северных регионов РФ. Для этого нужно инновационное омоложение материально-технической базы экономики Арктической зоны РФ. Этому критерию должны соответствовать стратегии и методы государственной поддержки инновационных процессов (рис. 1).

Набор мер включает пересмотр концепций и целей государственного управления и стратегического менеджмента корпоративных субъектов. Их применение предвосхищается созданием организационного и институционального механизма комплексного решения управленческих задач по развитию АЗ РФ. И, пожалуй, наиболее неотложной задачей северных регионов становится определение роли стратегических средств содействия устойчивому экономическому росту, процессу инновационного обновления территориальных систем рыночного хозяйствования. В Архангельской области тоже ищут свою тропу к передовым методам организации производства. Здесь вывели уникальную зимостойкую озимую рожь «Берегиня».

Непрерывность и последовательность менеджерского реагирования на запросы общественной практики

Залывский Н. П.

выступает предваряющим системным началом всей работы (действий) по смягчению структурных противоречий в арктической экономике. Например, уже известно о поручении правительства страны Минпромторгу РФ о подготовке данных о технологиях и продукции машиностроения, лёгкой промышленности, пищевой продукции и всего, что пригодно для хозяйственного освоения Арктики. Это шаг в правильном направлении.

Хозяйственное освоение АЗ РФ потребует масштабных инвестиций, как со стороны государства, так и со стороны частного сектора. Краеугольным камнем управления модернизацией экономики арктических регионов ныне является концепция создания и применения самых высоких технологий производства. Без перехода к базисным производственным инновациям не обеспечить модернизацию и повышение конкурентоспособности экономики арктических регионов РФ. Более того, инновационный подход неминуемо должен быть гармоничной частью стратегии устойчивого экономического развития региональных социально-экономических систем Севера.

На высокотехнологичных предприятиях Архангельской области этот вызов эпохи особенно чтут. Так, на акционерном объединении «ЦС «Звездочка» разработали и довели до практического применения организацию процесса утилизации АПЛ, находящихся в неудовлетворительном техническом состоянии. Специалисты другого оборонно-промышленного предприятия «Севмашзавода» сумели модернизировать базу под требования для строительства кораблей нового поколения. Мне, находящемуся у начала истории получения премий Ломоносовского фонда (первым его лауреатом я стал в 1994 году), приятно отметить, что и перечисленные работы отмечены ими.

Будущее Арктики признает объективную невозможность хозяйственной деятельности в Арктике по лекалам экономики территории с комфортными природно-климатическими параметрами. Это не фатальный оптимизм, хотя наше утверждение тоже не синоним признания технологического соответствия базовых отраслей экономики североарктических субъектов современным требованиям. Например, до сих пор высока доля импортных технологий и оборудования в реализации арктических проектов, особенно в геологоразведке и сейсморазведке (до 80%). При признании негативного момента допустимо предположение, что отечественная техника пока уступает по критериям финансово-экономической эффективности и экологизации режимов производства. Тень разочарования преодолевается потенциалом Объединенной

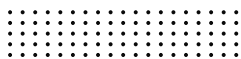
судостроительной корпорации РФ. У нее есть необходимые компетенции и производственные мощности для удовлетворения потребностей российских нефтегазовых компаний, работающих на шельфе, морской техникой. До 2030 года это около 50 единиц платформ и терминалов, около 85 единиц специальных транспортных судов и 100 единиц обслуживающих судов¹.

Нефтегазопромышленники России тоже уверены, что рано или поздно технологии для добычи ресурсов в Арктике с меньшими издержками будут отечественным достоянием. *Такой вектор технологического мышления уже императивен.* Он не только предпосылка финансовой уверенности в целесообразности крупных инвестиционных проектов с длительным периодом окупаемости. Это разумная мера оптимизации хозяйственных интересов множества субъектов территориальной системы, ответственных за воспроизводство условий экономического роста. Ведь без коммерческой мотивации трудно запустить корпоративные стратегии модернизации рыночной экономики Арктической зоны РФ в интересах 25,7% территории и около 2% ее населения страны и довести ее до создания новых и расширения имеющихся сегментов инновационного кластера.

При наличии менеджерского умения организовывать эффективное функционирование институтов (территорий) опережающего технологического развития заработает механизм инновационно-инвестиционного поощрения перехода к высоким технологиям. Они и есть доминирующий фактор устойчивого экономического роста и динамичного социального развития регионов РФ. Выбранная стратегия обеспечит непрерывность процесса утверждения высшего технологического уклада в Арктическом народнохозяйственном комплексе. Для Архангельской области, стоящей перед необходимостью повышения конкурентоспособности базовых отраслей промышленности, модернизации отраслевой структуры экономики и диверсификации промышленного производства, безусловно, важно стимулирование инновационного бизнес-кластера.

Одним из звеньев мотивации производства и покупки техники (технологии) в северном варианте является каталог высокотехнологичной промышленной продукции и услуг для нужд Арктической зоны Российской Федерации, которым оперирует Госкомиссия по развитию Арктики. Он состоит из 8 томов общим объемом около 450 страниц. По Северо-Западному округу каталог включает 8 разделов [2]. В разделе транспортные средства рыбакам, охотникам, лесникам, работникам сельского хозяйства предлагаются,

¹ Арктика и шельфовые проекты: перспективы, инновации и развитие регионов [электронный ресурс]. URL: <https://energy.s-kon.ru/arktika-i-shelfovye-proekty-perspektivy-innovatsii-i-razvitiye-regionov/> (Дата обращения: 26.05.2017)

Залыевский Н. П.

например, мотобуксировщик на гусеничном ходу «Помор» (ООО «Омела Групп», Архангельск) и малогабаритный мотобуксировщик AhtaR. ИП Ильин О. Н. из Архангельска квалифицирует его импортозамещающей техникой, ибо ее аналога не выявлено. Также можно производить пассажирский скоростной глиссирующий катер «Баренц 9000» для перевозки до 24 человек на расстояние до 700 км (архангельское ООО «Северная судостроительная компания»). В перечне оборудования для добывающей промышленности названы продукты архангельского бизнеса: автоматизированные модульные станции перекачки карьерных вод для ГОК применяемые в условиях Крайнего Севера (ООО «Ремстройновация»); самоподъёмная буровая установка «Арктическая» пр. 15402М для бурения разведочных и эксплуатационных скважин на морском шельфе на глубине до 100 м (АО «ЦС «Звёздочка»). Институт химии Коми НЦ УрО РАН продвигает на рынок внутритрубное полимерное покрытие для снижения гидравлических сопротивлений при перекачке высоковязких нефтей. Для АО «Редаелли ССМ» (Череповец) нужны потребители, использующие талевые канаты для буровых установок, пластически обжатые пряди, металлический сердечник, цинковое покрытие, якорные тросы для буровых. В составе специальных конструкций и материалов для Арктики, строительную, дорожную и специальную технику.

Содержание указанного каталога красноречиво свидетельствует о том, что модернизация производства и систем управления является необходимым условием и важной составной частью стратегии переосвоения Арктической зоны РФ. Стратегия нового обустройства, по мнению академика Б. Н. Порфирьева и д.э.н. В. Н. Лексина исходит из того, что освоение все более труднодоступных углеводородов арктического шельфа предьявляет динамично растущий спрос на передовую науку и технику, прежде всего оборудование, технологии и материалы, а также на современные высококвалифицированные кадры [3,130].

Уровень кадровой политики должен быть высоким, а аппарат органов управления исключительно ориентирован на содействие в преодолении институциональных барьеров на пути инноваций к бизнесу. Государственный и муниципальный аппарат пока не в состоянии быть актором нужных инновационных преобразований на территории, замечать системные просчеты в управлении. Если бы им были освоены технологии прогнозирования долгосрочной структурной динамики экономики региона и были известны методики построения многомерных и разносторонних воспроизводственных моделей экономики регионов, тогда бы приоткрылись ворота осознания объективного несовершенства механизма регулирования взаимоотношений власти и бизнеса. Ведь нередко даже

не стыкуются даже условия кредитного предложения бизнесу и приоритеты инновационной политики субъекта РФ, ближайший спрос на рабочую силу и численность набора абитуриентов в региональные образовательные учреждения.

Действующие предприниматели к тому же должны быть уверены в способности региональных институтов помогать опережающему развитию инновационно-инвестиционного и потребительского секторов, а сферы образования готовить будущих работников с высокими профессиональными компетенциями. Для бизнеса это дополнительный стимул к самоинициативной разработке и реализации производственных программ, повышающих устойчивость бизнеса и отчисления в бюджетную систему. Выбор оптимальной пропорции между затратами на внедрение высоких технологий и содержанием более несовершенного технологического уклада, как правило, определяют условия привлечения денежного и кредитного капитала.

Каждое менеджерское усилие по успешной реализации арктической стратегии страны – это вклад в копилку геополитического прорыва. К примеру, при оснащении трассы СМП инновационным техническим, метеорологическим оборудованием иностранные перевозчики быстрее будут склоняться к ее использованию. Во-вторых, расширение технологии цифровой экономики, позволяющей математически моделировать оптимальные точки разгрузки судов, изменения количества портопунктов с учетом географии их размещения также увеличивает финансовую выгодность перевозки грузов по СМП. Преодоление недоступности отдельных государственных социальных услуг в отдаленных местностях Севера простимулирует закрепление кадров специалистов, включая управленческий персонал вахтовых поселков, ибо немного компенсирует стресс физиологического выживания.

Если сжато сказать, то инновационный кластер в экономике арктических регионов РФ был бы не только исторической удачей России как субъекта глобального сотрудничества. Его надо ассоциировать с практическим успехом макроэкономической стратегии: а) по созданию и воспроизводству в течение 50 лет высокотехнологичного инновационного кластера в базовых отраслях; б) опережения на: 2–3% динамики роста ВВП высокотехнологичных государств или на 3–5% – показателя среднемировой динамики; в) подъема индекса человеческого развития к показателям стран-лидеров. Эта перспектива достижения, если практика государственного регулирования национальной экономики окажется тождественной указанным критериям эффективного макрохозяйствования и рыночной конкуренции.

Неприятно, но не исключается стагнация инновационного благополучия России. Его параметры

обозначены авторами проекта программы научно-технологического развития до 2035 года [4, 10]. Доля инновационной продукции в России составляет 8–9% общих объемов ее производства, а в странах-лидерах – около 15%. В мировом экспорте высокотехнологичных товаров Россия занимает нишу всего в 0,4%. Производительность труда в РФ в два и более раз ниже показателей стран-лидеров. В несырьевых отраслях она на 18% ниже показателя, чем по экономике в целом. В бизнес-компаниях низка восприимчивость к передовым технологиям: инвестиции в нематериальные активы в России в 3–10 раз ниже, чем у стран-лидеров.

Потенциально в этих цифрах можно увидеть вероятность нарастающего технологического отставания Российской Федерации от индустриально развитых стран. Красноречивым подтверждением такой неблагоприятной ситуации является превышение примерно в три раза выплат по импорту технологий выплат по экспорту технологий. Следовательно, ощущение системного неурядка с организацией инновационной экономики обязывает нас к выбору стратегической методологии управления настоящим и будущим России, которая отбросит любую гипотезу о провале нашей инновационной практики. Одной фразой итожа, России пора культивировать новую систему сквозного стимулирования инновационных достижений, доступных для безотлагательного обновления базовых производственных технологий массового применения.

**Расширение инновационного кластера,
использование природных ресурсов
Арктики: концептуальные суждения
в геополитическом контексте**

Суммарные запасы углеводородного сырья в Арктической зоне РФ оцениваются в 258 миллиардов тонн условного топлива (около 60% углеводородных ресурсов России). Эти ресурсы – фактор текущего или долговременного ее экономического роста? Или Арктика это фактор формирования новой идентичности мировой цивилизации, который позволит России сделать рывок в социокультурном качестве развития и реализовать возможность стать авторитетным геополитическим ядром цивилизационного подъема?

Два обозначенных вопроса отражают дискуссию о роли и места Арктики в жизни современного человечества¹, сочетании национальных и глобальных потребностей в ней. Именно на их стыке возникает методологическое сомнение о наличии правильного

ответа на принципиальные и фундаментальные мировоззренческие вопросы о целях и способах вовлечения ресурсов Арктики в интересах глобального мира и социально-экономического будущего России.

Вторая стратегическая версия, не нивелирующая экономическое значение первой, нам импонирует все же сильнее. Этому есть причина. Географически, на наш взгляд, Россия находится в сакральном месте мира, которое благоприятствует позиционированию ее геэкономической роли в качестве субъекта формирования «нового очага генерации общественного богатства на основе соразвития с участием всех цивилизационных центров, соседствующих с Россией» [5, 1102].

Успешный путь по данному историческому асимуту предполагает оптимальную пропорцию приверженности между интернационализацией механизма контроля над Арктикой и секторальной суверенностью прав РФ над прилегающим арктическим пространством. Дилемму тут найти трудновато из-за различия геополитических позиций арктических и неарктических стран. В частности, в последнем варианте маловероятно солидарное партнерство с нами Швеции, Финляндии и Исландии – сторонников концепции открытого моря в Арктике.

Здесь важно подчеркнуть концептуальную позицию: лидером мира может быть государство, имеющее порядок в принципах своего исторического развития, реализующего инновационный потенциал всех групп и категорий граждан [6, 29]. Частью такого порядка должно быть умение диагностировать научно-технические достижения зарубежных участников инновационного процесса и критичность ограничений международных санкций. Это трамплин для самоактуализации неотложности инновационных потребностей России, разработки замещающих импорт отечественных высоких технологий, обеспечивающим созревание предпосылок для оптимальной интеграции в мировую экономику и максимального использования ее ресурсов для формирования в 21 веке, или поиск компромисса с зарубежными продавцами инновационных технологий.

Это институциональное условие «сохранения в последующие века эффективной экономики страны на базе воспроизводства самых современных технологических укладов» [7, 169]. Ведь без них даже позитивное решение о принадлежности хребта Ломоносова Российской Федерации, обуславливающее возможное увеличение континентального шельфа на 150 миль с прогнозным запасом 15–20 млрд. тонн топлива, будет трудным для реализации. Отечественное оборудование

¹ Геополитика и макроэкономика: во имя чего страны бьются за Арктику? // ИА REGNUM, 23 декабря 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://regnum.ru/news/polit/2042816.html> (Дата обращения: 30.12. 2015)

для добычи природных ископаемых на океанских глубинах пока отсутствует.

Возможно, свою лепту в это соотношение вносят и международные санкции – действующий четвертый год инструмент отеснения России от интеграционных процессов внутри Европы. Тем не менее, нужно признавать реалистичным, что именно страны ЕС, пожалуй, были и останутся основным источником доступа к современным технологиям, наиболее эффективному оборудованию. Для заблаговременного элиминирования негативного русофобства западных партнеров важна своевременная инвентаризация пороков макроэкономической политики и практики, к которым апеллируют западные аналитики.

Наличие противоречий между внутренними возможностями и социальными потребностями населения арктических регионов, временем, необходимым для формирования инновационных кластеров в экономике северных субъектов РФ и привлекательной конкурентной привлекательности для внешнеэкономических партнеров России, осложняет текущее и долгосрочное позиционирование РФ в глобальной системе координат. Немного приуменьшает пессимизм основные приоритеты экономической политики на 2017–2019 год – импортозамещение и повышение качества жизни россиян, обозначенные в социально-экономическом прогнозе Министерства экономического развития РФ.

Какой баланс оптимального времени может предложить история для разрешения (смягчения) объективно присутствующих ограничителей? Обновление институциональной модели арктического хозяйствования уже императивно. *России в ближайшие 20–30 лет нужно сделать кардинальный рывок в технологическом развитии.* В противном случае ее ждет статус стандартной европейской державы с девальвированной ролью субъекта мирового развития.

Геополитический курс РФ на технологический суверенитет национальной экономики и интенсификацию стратегии создания импортозамещающих технологических производственных мощностей надо однозначно обозначать историческим вызовом. Его Россия должна принять независимо от ожидания последствий одно- или многополярной конструкции глобального мира. *В той и другой проекции будущего Россия останется государством и звеном мировой экономики, в отношении которого старые и новые центры силы не перестанут выступать субъектами солидарного давления.* Например, не исключая модификации в ближайшем будущем международных норм поведения стран и международных объединений в Арктике. В частности, мне не сильно импонирует инициатива Европарламента о политике в отношении районов Крайнего Севера (2011) и его предложение (2014)

о 2.8 миллионов квадратных километров вокруг Северного полюса в качестве заповедной акватории открытого моря. Почему?

Вопросительность – продукт контекста геополитического напряжения современного мира. Олицетворяю это попыткой завуалированной институализации права Евросоюза «успеть сесть» в вагон и совместно с арктическими странами отрабатывать модель цивилизационного достоинства при осуществлении всех видов хозяйственной деятельности в Арктике. Впрочем, вызревание арктического мышления в институтах Евросоюза, большинство членов которого не имеют береговой линии с арктическими морями, содействует новым формам международной кооперации в Арктике и возможному смягчению режима продвижения евросоюзных технологий в арсенал производственных технологий российских предприятий. Надежда на это есть, когда знаешь о намерении Финляндии активизировать взаимодействие с Россией по созданию и модернизации телекоммуникационных сетей в Арктической зоне РФ, о готовности финских компаний к диффузии в арктические регионы чистых технологий (клинтех).

Успех ответов России на глобализационные вызовы обуславливается способностью выдерживать конкурентную борьбу с лидерами мировой экономики, удачно занимать нишу в американско-европейских и американско-китайских экономических противоречиях, порождаемых различными стратегиями борьбы за процесс формирования мирового порядка, усиления интернационализации управления Арктикой. Историко-экономическая вероятность оказаться в «неравном браке» с этими двумя экономическими супердержавами (Китаем, США) – предпосылка модификации геополитических возможностей России в Арктике. Надо принимать во внимание амбициозное желание, например Китая, доказать мировому сообществу посредством создания уникальных технологий для освоения Арктики, что без них процесс использования ресурсов Арктики застопорится.

Вот почему *России надо находить разумный компромисс между национальными интересами РФ и тенденциями глобального позиционирования, между законами свободного рынка и государственным участием в экономике, между международным разделением труда и технологической автономией страны, между цивилизационными задачами и приоритетами социокультурного развития общества.* Желательно не сужать взгляд на стратегии каждого государства, претендующего быть в Арктике активным игроком, ибо неумение предвидеть их возможные технологические достижения может обернуться ухудшением коммерческих условий хозяйственной деятельности и (или) усложнением геополитических возможностей России защищать национальные интересы в Арктике.

**Внутренние факторы кооперации
инновационной энергетики населения
страны: социальное измерение
инновационной макрополитики**

Ресурсный потенциал России может стать фундаментом долговременного закрепления в пятерке десятике экономически сильных держав мира только в случае использования методов организации национальной экономики, синтезирующих способности и мотивы всех субъектов хозяйственной деятельности на практическое опережение среднемировой динамики производительности труда. Как минимум, желательно производить около 5–7% мирового ВВП, а геополитически безусловный конкурентный авторитет упирается в индикатор около 10% . мирового ВВП.

Целевой ориентир на эти задачи должен быть компонентами социально-экономической политики и практики организации экономики РФ, ее арктической зоны. Тогда каждый ее субъект РФ будет стремиться к макроэкономическому здоровью и социальной привлекательности жизни в России. И, естественно, возникнет поток мигрантов из европейских государств в Россию, где достаточно места для жизни 300 млн человек – минимального показателя демографического ресурса страны к 2100 году.

Что же может помешать симбиозу предпосылок уверенного экономического роста и качественности социального государства?

Что должно быть первым-вторым предметом повседневной политики? Обоснование новой адаптивной стратегии управления экономикой, объединяющей решение задач инновационной модернизации экономики Севера и социальной ответственности работодателей за достойное качество жизни людей. Ядром этой стратегии должно выступать желание государственных институтов создать притягательную модель социального государства – конституционного принципа организации российского социума. Эта цель тоже может инновационной институциональной инициативой. Ее функциональной стратегической задачей могло бы стать приближение уровня и качества жизни населения АЗ РФ к показателям северных стран Европы, граничащих с РФ (Норвегия, Швеция).

Политическая актуальность опережающей инновационной практики подчёркивается двумя прагматичными факторами. Прежде всего, поразительным контрастом уровня жизни в России и в «процветающем ЕС» (по мнению сотрудника Центра новой американской безопасности Уильяма Макгенри). Наверное,

одной из причин такого контраста можно назвать асоциальную природу распределительного механизма в РФ, ориентированной на интересы финансовой олигархии. Так, Дарья Эрдман сравнивает качество жизни россиян с заграницей и ощущает, что Россия движется к худшему, но об этом ужасе «говорить публично не так просто»¹. Показатель среднелюдских бюджетных расходов в РФ в 1474 долл. уступает даже Китаю с населением в 1,3 млрд человек – 1765 долл., несопоставим с Эстонией – 6981 долл., и фантастически далек от Норвегии – 44662 долл.²

Сомнения участников регионального воспроизводственного процесса в справедливости вознаграждения за конечные результаты труда, подрезающие мотивы к инициативной работе – второе пороки текущей региональной политики. Его можно преодолеть только посредством *кристаллизации системы корпоративных и социокультурных ценностей населения циркумполярной цивилизации*, понуждающих наемный персонал к позитивному включению в инновационное творчество на каждом рабочем месте. И прежде всего, занятого в частном бизнесе.

Затронем здесь один из признаков социальной экологии качества жизни людей в Арктической зоне. Его актуальность подчеркивается наличием коренных народов Арктики с численностью около 400 тыс. человек. Мотивы крупных компаний, субъектов РФ к рентабельным проектам не должны мешать бережному отношению к традиционному бытию местного населения, сужать возможности воспроизводства его самобытной культуры. И все же, новые технологии производства и новая техника быта малочисленных народов Севера объективно «помогают» усиливать ассимиляцию современного и архаичного, подпитывать долговременный тренд вызревания новой модели уклада их жизни, сближающейся с возможностями XXI века.

Также уместен и важен мониторинг региональных сообществ приарктических регионов за наличием у северных этносов позиции на самоуправление динамикой неотвратимой инкорпорации технико-технологических и социокультурных инноваций российской цивилизации в свой уклад жизни. Ведь ныне IT-технологии, бураны и вертолеты неимоверно плотно сжимают время и тундровое пространство, которое ранее они пересекали на оленях. Любой традиционный промысел уже освобожден от патриархальной старины, неизменно воплощает, прежде всего, исключительно природный компонент и культурно-психологические рудименты.

Неизбежно существующие в силу цикличности экономического и социального развития

¹ Губерман Игорь. Отчаянный оптимист //PLUS. Архангельский городской журнал креативных пространств. 2014. Февраль. 12–16 с.

² См.: Принц и нищий. Почему в России растет пропасть между богачами и бедняками //Аргументы и факты. 2017. №22. С. 11.

производительных сил тактические проблемы инновационной практики и низкого качества жизни населения найдут параллельное решение, а тот или иной субъект РФ как активный участник внешнеэкономической деятельности будет закреплять свое технологическое преимущество в геоэкономически конкурентную силу России. Тогда и оправдается, на это автор питает надежду, вера во взаимосвязь инновационных производственных технологий и социальных инноваций как наиболее разумной лестницы подъема к социальному благополучию всех слоев населения и главной предпосылки вхождения молодого поколения северян в инновационную экономику РФ с хорошими конкурентными достоинствами [8, 36].

Результаты исследования.

Дана характеристика позитивной практики и проблемных областей реагирования арктических регионов РФ на инновационные вызовы времени. Комплексному анализу подвергнуты, прежде всего, положительные и негативные факты технологических изменений в экономике субъектов АЗ РФ. Во взаимосвязи с оценкой макроэкономических и геополитических процессов доказана целесообразность оптимизации государственного институционального подхода к инновационной модернизации базовых отраслей экономики Арктики, разумного сочетания политики импортозамещения и формирования инновационных кластеров, способных поддерживать конкурентный потенциал экономики РФ. При диагностике низкой восприимчивости хозяйствующих субъектов к инновационным технологиям производства выявлена их недостаточная мотивация к осуществлению инновационных мероприятий, которая наряду с пассивностью работников государственного (муниципального) регулирования создает дополнительные барьеры к освоению высокотехнологичных производств. Сопоставляя некоторые показатели экономики ряда стран и России, автор предлагает параметры опережения динамики их развития их, квалифицируя такую политику ключом для сокращения технологического отставания от внешнего мира и сохранения России в клубе важнейших экономических держав мира.

Литература:

1. Ломоносов М. В. ПСС. Т. 6, С. 417–498, 602–615.
2. Базовый каталог высокотехнологичной промышленной продукции и услуг для нужд Арктической зоны [электронный ресурс]. URL: <https://www.arctic.gov.ru/8622c06d-c70b-e711-80c6-00155d006312> (дата обращения 20.06.2017).

3. Арктическое пространство России в XXI веке: факторы развития, организация управления / под ред. академика В. В. Ивантера. СПб.: Наука, 2016. 1040 с.
4. Проект Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года [электронный ресурс]. URL: <http://sntr-rf.ru/upload/iblock> (дата обращения 12.06.2017)
5. Якунин В. И. Транс-Евразийский пояс Razvitie / Труды Вольного экономического общества: юбилейное издание. М. 2015. С. 1089–1103.
6. Залывский Н. П. Россия в глобальной конкуренции за мировое лидерство // Инновационное государство и инновационный человек: сб. материалов междунар. науч.-практич. конференции. Москва-Архангельск. 2013. С. 25–35.
7. Залывский Н. П. Геополитическая устойчивость России в контексте современных попыток ее международной изоляции и дискриминации // Век глобализации. 2016. С. 161–174.
8. Залывский Н. П. Функциональная роль социальных проектов в жизнедеятельности местных сообществ: монография. Архангельск, 2015. С. 36–51.

References:

1. Lomonosov M. V. PSS. T.6, P. 417–498, 602–615.
2. Basic catalog of high-tech industrial products and services for the needs of the Arctic zone [e-resource]. URL: <https://www.arctic.gov.ru/8622c06d-c70b-e711-80c6-00155d006312> (date of reference 20.06.2017).
3. Arctic space of Russia in the XXI century: development factors, management organization / Ed. academician V. V. Ivanter. SPb.: Nauka, 2016. 1040 p.
4. Draft Strategy of scientific and technological development of the Russian Federation until 2035. [e-resource]. URL: <http://sntr-rf.ru/upload/iblock> (date of reference 20.06.2017).
5. Yakunin V. I. Trans-Eurasian belt Razvitie / Proceedings of the Free Economic Society: an anniversary edition. M.: 2015. P. 1089–1103.
6. Zalyvsky N. P. Russia in Global Competition for Global Leadership // Innovative State and Innovative Person: Sat. materials of the international. scientific-practical conference. Moscow-Arkhangelsk. 2013. P. 25–35.
7. Zalyvsky N. P. Russia's geopolitical stability in the context of modern attempts to internationally isolate and discriminate it // The age of globalization. 2016. P. 161–174.
8. Zalyvsky N. P. Functional role of social projects in the life of local communities / in «Social Projects»: monograph. Arkhangelsk, 2015. P. 36–51.

СОЦИАЛЬНЫЕ УПРАВЛЕНИЕ, ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ВАНДАЛИЗМА В МУНИЦИПАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

Оболенская А. Г.

кандидат экономических наук, доцент кафедры философии и акмеологии, Уральский государственный педагогический университет (Россия), 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, Den_gav@mail.ru

Гаврилов Д. Е.

кандидат экономических наук, доцент экономики и менеджмента, Уральский государственный педагогический университет (Россия), 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, Den_gav@mail.ru

УДК 338.24(1-21)

ББК 65.050.23

Цель. В статье рассмотрены экономические аспекты организационного вандализма.

Научная новизна и результаты. Дана авторская трактовка понятия организационный вандализм и его основных характеристик, как социально-экономического явления. Выдвинуты гипотезы об экономических закономерностях развития данного явления. Определены виды и подходы к расчету объема ущерба для территории на муниципальном уровне.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 17-06-00819 «Модель организационного вандализма персонала: модераторы, средовые предикторы и методы профилактики»).

Ключевые слова: организационный вандализм, оппортунистическое поведение, оппортунизм, внешние эффекты, внутренние эффекты, интернализация, корректирующий налог, корректирующая субсидия.

ECONOMIC APPROACHES TO THE DETERMINATION OF ORGANIZATIONAL VANDALISM IN MUNICIPAL MANAGEMENT

Obolenskaya A. G.

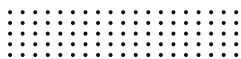
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Acmeology, Ural State Pedagogical University (Russia), 620017, Russia, Ekaterinburg, Cosmonauts Ave., 26, Den_gav@mail.ru

Gavrilov D. E.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Economics and Management, Ural State Pedagogical University (Russia), 620017, Russia, Ekaterinburg, Cosmonauts Ave., 26, Den_gav@mail.ru

Purpose. The article considers the economic aspects of organizational vandalism.

Scientific novelty and results. Author's interpretation of the concept of organizational vandalism and its main characteristics as a socio-economic phenomenon is given. Hypotheses were advanced on the economic patterns of development of this phenomenon. The types and approaches to calculating the amount of damage for the territory at the municipal level are determined.

Financing. The study was carried out with the financial support of the RHSF (project №. 17-06-00819 “Model of Organizational Vandalism of Personnel: Moderators, Environmental Predictors and Prevention Methods”).

Key words: organizational vandalism, opportunistic behavior, opportunism, externalities, internal effects, internalization, adjusting tax, adjusting subsidy.

В современных экономических условиях в связи со стремлением к максимизации индивидуальных выгод работниками предприятия и концентрацией работников на своих личных интересах и потребностях возникает проблема оппортунистического поведения в организациях со стороны персонала (управленческого, производственного и инженерно-технического). Подобное оппортунистическое поведение авторы статьи предлагают именовать организационным вандализмом. Исследование данного феномена крайне важно, поскольку его наличие в организации может привести к снижению производительности и в целом прибыли организации. Снижение прибыли в свою очередь, приводит к снижению налоговых платежей и главным образом в местный бюджет и внебюджетные фонды, что негативно сказывается на развитии территории.

Авторы статьи выдвигают гипотезу о том, что организационный вандализм является следствием воздействия на внешнюю или внутреннюю среды фирмы, он выражается в отрицательных внешних и внутренних эффектах, при чем, экстерналии неизбежно превращаются в интернальные эффекты (т.е. происходит интернализация экстерналий), кроме того, подобное организационное поведение в форме организационного вандализма способствует росту трансакционных затрат.

Действия в рамках организационного вандализма связаны с действиями или бездействием работников организации во внешней или внутренней организационной среде, которые направлены на разрушение или способствуют разрушению элементов организационной инфраструктуры.

К основным проявлениям внешней среды относятся условия и факторы, возникающие независимо от деятельности организации и оказывающие существенное воздействие на нее. Кроме того, они способствуют функционированию, выживанию и эффективности работы организации. Внешние факторы подразделяют на факторы прямого и косвенного воздействия. Здесь появляется возможность у муниципалитета создать такие конкурентные условия, в том числе через фискальные и административные регуляторы, при которых внешние экстерналии станут положительными для организации, а после станут приносить больше платежей в муниципальный бюджет.

Поэтому организационный вандализм во внешней среде приводит к ухудшению имиджа организации, к снижению эффективности связей со сторонними

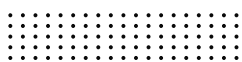
организациями и прочим негативным явлениям. Например, сотрудник приехал в командировку, начал употреблять спиртное и дебоширить, тем самым, он ухудшил имидж компании перед партнерами, а также перед другими организациями (гостиницей, органом внутренних дел и пр.). Такие действия могут приводить к снижению конкурентоспособности организации в рыночных условиях, ее вытеснению с рынка территории и замещении организациями-интервентами, а как следствие и снижению платежей в местный бюджет. Данные действия выражаются в отрицательных экстерналиях.

Внешние эффекты (экстерналии) – ситуации, когда издержки или выгоды от рыночных сделок не учитываются в ценах в полном объеме. При отрицательных (положительных) внешних эффектах деятельность одного лица вызывает издержки (выгоды) других лиц.

Причиной внешних эффектов становится несоответствие социальных и частных величин. Внешние эффекты – это издержки или выгоды третьих лиц (не участвующих в производстве) от какой-либо активности. Внешние эффекты выражаются соотношением предельных социальных издержек (MSC) и предельные частные издержки (MPC). Если, например, издержки договора между двумя лицами ложатся на третье лицо, возникает отрицательный внешний эффект.

Внешние эффекты организационного вандализма представляют собой отрицательные экстерналии. Они выражены в потерях и возможных (вероятных) затратах на преодоление негативных действий персонала. В качестве таких эффектов можно привести примеры из опыта работы крупных промышленных предприятий города Екатеринбурга. Например, при производстве контрольных сборок буровых установок ООО «Уралмаш НГО Холдинг» по заказам компаний «Сургутнефтегаз» и «Роснефть» возникали следующие ситуации: нанятые сторонние бригады сборщиков преднамеренно выводили из строя инструмент в качестве реакции на невыплату заработной платы в срок (при этом фигурировало следующее объяснение: «мы хотели, чтобы организация понесла хоть какие-то потери соизмеримые с нашими»). Поэтому очевидно, что организационный вандализм может стать следствием несогласованных или оппортунистических действий и самой организации, т.е. быть следствием неэффективной политики в отношении персонала.

Следует отметить, что возможны также интернальные организационные эффекты или внутренние

эффекты. В том случае, когда отрицательные экстерналии от организационного вандализма превращаются в затраты по предотвращению явлений организационного вандализма, по устранению его последствий – они становятся частью внутренних затрат предприятия (по крайней мере до той поры пока они не переложены на виновных лиц – при наличии той или иной ответственности, уголовной или административной). Собственно, в это и выражена двойственность интернализации экстерналий. Сначала организация принимает потери в связи с организационным вандализмом и учитывает их в структуре себестоимости, а затем по возможности передает эти затраты на виновных в совершении

Проблема эффективного распределения ресурсов с учетом внешних эффектов ставит задачу их интернализации (от лат. *internus* – внутренний). Под интернализацией понимается трансформация внешних эффектов во внутренние на основе приближения предельных частных затрат (и выгод) к предельным общественным (социальным) затратам (выгодам). Экономический субъект, деятельность которого порождает внешний эффект, должен нести издержки в полном объеме, а не перекладывать их на третьих лиц (в случае отрицательной экстерналии) или получать компенсацию за предоставление дополнительной полезности (в случае позитивного эффекта).

В ситуациях организационного вандализма частные выгоды, выраженные в удовлетворении личных интересов работников, превращаются в организационные затраты (например, работник выносит с предприятия инструменты или какие-то изделия, предметы, вещи), т.е. также происходит интернализация.

В теории внешних эффектов известны два альтернативных подхода к проблеме интернализации. Первый был предложен в 1920-х гг. Артуром Пигу, второй – в 1960-х годах Рональдом Коузом. В рамках первого подхода было предложено в качестве решения данной проблемы использовать корректирующие налоги и субсидии.

Корректирующий налог, или налог Пигу, – это налог на выпуск экономических благ, характеризующихся отрицательными внешними эффектами, который повышает предельные частные издержки до уровня предельных общественных. Налог, равный предельным внешним издержкам $t = MEC$, приближает рыночное равновесие к эффективному: $MSB = MSC$.

С нашей точки зрения развитие подобных представлений (в соответствии с теорией Пигу) в отношении организационного вандализма может быть выражена преобразованием налога в штраф, а предельных общественных издержек в предельные организационные. Тогда неизбежный штраф, грозящий работникам за совершение действий или бездействие в форме организационного вандализма, будет полностью равен их

возможным выгодам и полностью покрывать вероятные организационные издержки.

Корректирующая субсидия – это субсидия производителям или потребителям экономических благ, характеризующихся положительными внешними эффектами, которые позволяют приблизить предельные частные выгоды к предельным общественным. Субсидия, равная предельным внешним выгодам $s = MEB$, повышает спрос (производство) до уровня, при котором $MSB = MSC$.

Идея корректирующей субсидии также может состоять в превентивной корректировке возможного организационного вандализма. Например, на «Уральском заводе технических газов» выплачивалась премия некурящим работникам в размере двух тысяч рублей в месяц, что способствовало интернализации, которая носила все тот же двойственный характер: с одной стороны организация предотвращала негативные явления, связанные с курением (например, возможный пожар), а с другой стороны работник также приобщался к здоровому образу жизни (т.е. получал положительный эффект для себя).

Ключевая идея, выдвинутая Р. Коузом, заключалась в том, что причиной возникновения внешних эффектов является отсутствие установленных прав собственности на ресурсы. Наличие предельных внешних издержек или выгод свидетельствует о возможности альтернативного использования ресурсов и благ. Чистый атмосферный воздух может потребляться населением, а может загрязняться предприятиями. Суть данных процессов кроется в отсутствии установленных прав собственности на ресурсы, что позволяет использовать их бесплатно. При установлении прав собственности ресурс получает стоимостную оценку и используется уже в качестве внешнего фактора производства, что ведет к росту предельных частных издержек производства до уровня предельных общественных.

Если права собственности на ресурсы установлены и имеется возможность свободного обмена ими, то производители и получатели внешних эффектов могут на компенсационной основе договориться о таком распределении этих прав, которое обеспечило бы равенство их издержек и выгод. Иначе говоря, посредством обмена правами собственности на основе учета затрат и выгод сторон внешние эффекты могут трансформироваться во внутренние и достигается оптимальное распределение ресурсов.

Например, если бы лица, приносящие дополнительную выгоду, могли получить права собственности (право на любование цветником), они потребовали бы плату за приносимую полезность, что означало бы уравнивание предельных частных и общественных выгод. Аналогично действовал бы механизм в случаях отрицательных внешних эффектов (право на чистый

Таблица 1. Классификация транзакционных издержек

Автор(ы) классификации	Виды транзакционных издержек
Т. Эггертссон	1. Издержки поиска информации о ценах и качестве товаров, а также о потенциальных покупателях или продавцах. 2. Издержки выявления резервных позиций при эндогенных ценах. 3. Издержки составления контрактов. 4. Издержки за выполнением условий контракта. 5. Издержки принуждения к выполнению условий контракта. 6. Издержки защиты прав собственности от посягательств третьей стороны.
П. Милгром и Дж. Роббертс	1. Координационные издержки. 2. Мотивационные издержки.
Кл. Менар	1. Издержки вычисления. 2. Информационные издержки. 3. Издержки масштаба. 4. Издержки оппортунистического поведения.
Э. Фуруботн и Р. Рихтер	1. Рыночные транзакционные издержки. 2. Управленческие транзакционные издержки. 3. Политические транзакционные издержки.
О. Уильямсон	1. ex ante (издержки до заключения контракта). 2. ex post (издержки после заключения контракта)
Р. Коуз	1. Издержки поиска информации. 2. Издержки ведения переговоров. 3. Издержки измерения. 4. Издержки спецификации и защиты прав собственности. 5. Издержки оппортунистического поведения. Термин «оппортунистическое поведение» введен О. Уильямсоном. 6. Издержки «политизации»
Р. Каперлюшников	1. Издержки поиска информации. 2. Издержки ведения переговоров. 3. Издержки измерения. 4. Издержки спецификации и защиты прав собственности. 5. Издержки оппортунистического поведения.

воздух для населения), повышая внутренние (частные) затраты до уровня общественных.

Организационный вандализм приводит и к издержкам ex ante и ex post. Ex ante – это издержки, связанные с предотвращением и предупреждением организационного вандализма, ex post – это издержки преодоления последствий организационного вандализма.

Вопрос транзакционных издержек является важнейшим исследовательским направлением [1]. В источниках литературы разными авторами, в том числе и отечественными, дано большое количество различных классификаций транзакционных издержек. Но, несмотря на этот факт, в настоящее время нет одной общей для всех авторов классификации транзакционных издержек. Каждый из ученых экономистов обращает внимание на наиболее интересные, с его точки зрения, элементы.

Остановимся на наиболее признанных в научной общественности классификациях, которые представлены в таблице 1.

В рамках данной темы будем придерживаться классификации по этапам заключения сделки, которая делит транзакционные издержки на два вида: издержки ex ante (до заключения контракта) и издержки ex post (после заключения контракта) (таблица 2) [2].

Рассмотрим транзакционные издержки, которые предшествуют вандальному поведению сотрудника. Процесс является двухсторонним, и для начала следует определить стороны. С одной стороны – это руководитель (в рамках нашего примера это представитель интересов организации), а с другой стороны – это работник (в рамках нашего примера это физическое лицо, которое хочет продать свою рабочую силу и получить удовлетворение потребностей). Каждый из участников процесса понесет транзакционные издержки.

Поскольку в условиях неопределенности сложно предугадать развитие событий, контракты, с одной стороны, призваны придать устойчивость взаимоотношениям, но с другой – разработка условий контракта,

Таблица 2. Транзакционные издержки до и после заключения контракта

Издержки ex ante (до заключения сделки)	Издержки ex post (после заключения сделки)
Издержки поиска информации включают затрат на поиск информации о потенциальном партнере и о ситуации на рынке, а также потери, связанные с неполнотой и несовершенством приобретаемой информации	Издержки мониторинга и предупреждения оппортунизма касаются затрат на контроль за соблюдением условий сделки и предотвращение оппортунизма, т. е. уклонения от этих условий
Издержки ведения переговоров включают затраты на ведение переговоров об условиях обмена, о выборе формы сделки	Издержки спецификации и защиты прав собственности включают расходы на содержание судов, арбитража, затраты времени и ресурсов, необходимых для восстановления нарушенных входе выполнения контракта прав, а также потери от плохой спецификации прав собственности и ненадежной защиты
Издержки измерения касаются затрат, необходимых для измерения качества товаров и услуг, по поводу которых совершается сделка	
Издержки заключения контракта отражают затраты на юридическое или нелегальное оформление сделки	

согласование их между сторонами также требует ресурсов и времени.

В организационном смысле транзакционные затраты отражены в смете служб безопасности и служб экономической безопасности, а также службы охраны труда и промышленной безопасности, административно-хозяйственного персонала предприятий и организаций. Данные затраты могут быть косвенно отражены в системе бюджетирования данных служб.

В работе служб безопасности предусмотрены программы мероприятий по борьбе с проявлениями организационного вандализма, но ввиду латентности вандализма, его невидимости — оценить конкретные размеры финансирования мероприятий становится проблематично (это касается ex ante), вместе с тем, ex post — дает возможность увидеть и измерить количественно последствия организационного вандализма.

Прежде всего, это будет выражено в стоимости восстановления имущественных объектов, в стоимости ремонта и наладки поврежденного оборудования, в стоимости восстановления имущественных прав, деловой репутации и т.д. Поэтому объективно оценить мы можем только затраты на преодоление последствий, а уже затем исходя из общей тенденции развития организационного вандализма предусмотреть мероприятия по его предотвращению, запросив при этом бюджеты в финансовых планах предприятий и организаций.

Авторы статьи выдвигают две основополагающие гипотезы, которые потребуют подтверждения.

Во-первых, важно отметить, что затраты на профилактику организационного вандализма будут всегда ниже, чем затраты на преодоление его последствий, поэтому целесообразно предусматривать финансирование совместных мероприятий подразделений предприятия, направленных на профилактику этого явления,

по-видимому базовая роль в этой деятельности должна быть отведена службам безопасности.

Во-вторых, организационный вандализм (его наличие) влияет на рост себестоимости товаров/работ/услуг и поэтому в конечном счете провоцирует рост цен. Таким образом, его минимизация и снижение его последствий может привести к сокращению затрат, а, следовательно, и к уменьшению цен (при прочих равных условиях).

В-третьих, организационный вандализм приводит к снижению платежей в бюджет, что снижает конкурентоспособность территории.

Безусловно данные гипотезы потребуют эмпирического подтверждения, состоящего в проведении исследовательской работы по вопросу организационного вандализма и его экономических последствий.

Исследование проводится при поддержке гранта РГНФ: «Модель организационного вандализма персонала: модераторы, средовые предикторы и методы профилактики».

Литература

1. Воронцова Л. В. Формирование модели оценки эффективности управления транзакционными издержками образовательной отрасли // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2(26). С. 33–40.
2. Воронцова Л. В. Факторы формирования транзакционных издержек в образовательных учреждениях. Теория и практика инновационного развития: федеральный, региональный и муниципальный аспекты // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 5 мая 2011 г. Нижнекамск, 2011.
3. Крамин Т. В. Система управления стоимостью компании в институциональной экономике. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. 236 с.

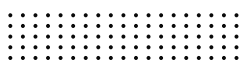

Оболенская А. Г., Гаврилов Д. Е.

4. Крамин Т. В. Управление транзакционными издержками в системе управления стоимостью компании // Экономические науки. 2007. № 31. С. 140–146.
5. Лукиных М. И. Оценка факторов, влияющих на развитие интеграционных процессов в контрактной теории фирмы. // в сборнике: Экономика и управление XXI века: стратегии устойчивого развития. сборник статей победителей II Международной научно-практической конференции. 2017. с. 11–19
6. Олейник А. Н. Институциональная экономика: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2005. 416 с.
7. Подопригора М. Г. Механизм стратегического управления конкурентоспособностью вуза на рынке образовательных услуг на основе бенчмаркинга и методики распознавания образов. Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2011. 216 с.
8. Сафиуллин Л. Н., Сафиуллина Г. Н. Информационная модель управления воспроизводством качественной рабочей силы // Актуальные проблемы экономики и права. 2007. № 4. С. 26–32.
9. Скоблева Э. И. Высшее профессиональное образование как институциональная система // Вестник Астраханского государственного технического университета. Сер.: Экономика. 2010. № 2. С. 28–35.
10. Институциональная экономика: учебное пособие / Н. В. Манохина, В. А. Русановский, Н. И. Гвоздева и др. М.: НИЦ ИН-ФРА-М, 2013. – 240 с.
11. Петросян Д. С. Институциональная экономика: управление формированием и развитием социально-экономических институтов: учебное пособие. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2014. 279 с.
12. Alstete Jeffrey W., Benchmarking in Higher Education: Adapting Best Practices To Improve Quality. ERIC Digest. 1997. № 3. [e-resource]. URL: <http://www.ericdigests.org/1997-3/bench.html> (date of reference 14.11.2017)
13. Benchmarking in the Improvement of Higher Education, ENQA workshop reports V. 2, Helsinki, Finland 2003.
14. Karjalainen A., Kuoritti K., Niinikoski S. Creative benchmarking. Designing sustainable international cooperation in Higher education, University of Oulu, 2002.
15. Chopra S., Sodhi M. S. Reducing the risk of supply chain disruptions. MIT Sloan Management Review, 2014, vol. 55, pp. 73–80.
16. Dadhich P., Genovese A., Kumar N., Acquaye A. Developing sustainable supply chains in the UK construction industry: A Case Study. International Journal of Production Economics, 2015, vol. 164, pp. 271–284. DOI: 10.1016/j.ijpe.2014.12.012
17. Su P., Liu S. Dual sourcing in managing operational risks in contract manufacturing. International Journal of Production and Research, 2015, vol. 53, № 1, pp. 291–306. DOI: 10.1080/00207543.2014.957876
18. Chiu S. W., Wang S. L., Chiu Y. S. P. Determining the optimal run time EPQ model with scrap, rework, and stochastic breakdowns. European Journal of Operational Research, 2007, vol. 180, 664–676. DOI: 10.1016/j.ejor.2006.05.005
19. Mohebbi E. A replenishment model for the supply-uncertainty problem. International Journal of Production Economics, 2004, 87, 25–37. DOI: 10.1016/S0925-5273(03)00098-7
20. Moinszadeh K., Aggarwal P. Analysis of a Production/Inventory System Subject to Random Disruptions. Management Science, 1997, 43, 1577–1588. DOI: 10.1287/mnsc.43.11.1577
21. Oke A., Gopalakrishnan M. Managing disruptions in supply chains: A case study of a retail supply chain. International Journal of Production Economics, 2009, vol. 118, pp. 168–174. DOI: 10.1016/j.ijpe.2008.08.045
22. Williamson O. E. Markets and Hierarchies, Analysis and Antitrust Implications: A Study in the Economics of Internal Organization. New York, 1975.
23. Das T. K., Noushi R. Determinants of Partner Opportunism in Strategic Alliances: a Conceptual Framework. Journal of Business and Psychology, 2010, vol. 25.1, pp. 55–74. DOI: 10.1007/s10869-009-9132-2
24. Das T. K., Teng B.-S. Managing Risks in Strategic Alliances. Academy of Management Executive, 1999, vol. 13.4, pp. 50–62. DOI: 10.5465/AME.1999.2570554
25. Антоненко Е. В. Управление транзакционными издержками оппортунизма на промышленном предприятии // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2016. Т. 10, № 4. С. 12–17
26. Burke, Carrillo, Vakharia Stochastic Supplier Reliability and Stochastic Demand Production and Operations Management, 2009, vol. 18(4), pp. 475–484. DOI: 10.1509/jmkg.2005.69.4.103
27. Антоненко Е. В. Оценка транзакционных издержек ведения переговоров и заключения контракта на промышленном предприятии // Вестник УРФУ. Серия: Экономика и управление. 2016. Т. 15. № 1. С. 62–78.
28. Wuyt S., Geyskens I. The Formation of Buyer-Supplier Relationships – Detailed Contract Drafting and Close Partner Selection. Journal of Marketing, 2005, vol. 69.10, pp. 103–117. DOI: 10.1509/jmkg.2005.69.4.103
29. Kajüter P., Kulmala H. I. Open-Book Accounting in Networks – Potential Achievements and Reasons for Failure. Management Accounting Research, 2005, vol. 16.2

References

1. Vorontsova L. V. Formation of a model for assessing the effectiveness of management of transaction costs of the educational sector // Actual problems of economics and law. 2013. № 2 (26). P. 33–40.
2. Vorontsova L. V. Factors of formation of transaction costs in educational institutions. Theory and practice of innovation development: federal, regional and municipal aspects

- // Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, May 5, 2011. Nizhnekamsk, 2011.
3. Kramin T. V. The company's cost management system in the institutional economy. Kazan: Kazan Publishing House. University, 2006. 236 p.
 4. Kramin T. V. Management of transaction costs in the company's cost management system // Economical sciences. 2007. №31. P. 140–146.
 5. Lukinikh M. I. Evaluation of factors affecting the development of integration processes in the contract theory of the firm. // in the collection: Economics and management of the XXI century: sustainable development strategies. a collection of articles of the winners of the II International Scientific and Practical Conference. 2017. P. 11–19
 6. Oleinik A. N. Institutional economics: teaching aid. – Moscow: INFRA-M, 2005. 416 p.
 7. Podoprigora M. G. The mechanism of strategic management of university competitiveness in the market of educational services on the basis of benchmarking and methods of pattern recognition. – Taganrog: Publishing house of TIT SFedU, 2011. 216 p.
 8. Safiullin L. N., Safiullina GN Information model for managing the reproduction of high-quality workforce // Actual problems of economics and law. – 2007. 4. P. 26–32.
 9. Skoblev A. I. Higher vocational education as an institutional system // Bulletin of the Astrakhan State Technical University: Economics. 2010. №2. P. 28–35.
 10. Institutional Economics: Textbook / N. V. Manokhina, V. A. Rusanovsky, N. I. Gvozdeva. M.: SIC INFRA-M, 2013. 240 p.
 11. Petrosyan D. S. Institutional economics: management of the formation and development of socio-economic institutions: textbook. M.: НИЦ ИНФРА-М, 2014. – 279 с.
 12. Alstete Jeffrey W., Benchmarking in Higher Education: Adapting Best Practices to Improve Quality. ERIC Digest. – 1997. – №3. – URL: <http://www.ericdigests.org/1997-3/bench.html>
 13. Benchmarking in the Improvement of Higher Education, ENQA workshop reports V. 2, Helsinki, Finland 2003.
 14. Karjalainen A., Kuortti K., Niinikoski S. Creative benchmarking. Designing sustainable international cooperation in Higher education, University of Oulu, 2002.
 15. Chopra S., Sodhi M. S. Reducing the risk of supply chain disruptions. MIT Sloan Management Review, 2014, vol. 55, pp. 73–80.
 16. Dadhich P., Genovese A., Kumar N., Acquaye A. Developing sustainable supply chains in the UK construction industry: A Case Study. International Journal of Production Economics, 2015, vol. 164, pp. 271–284. DOI: 10.1016 / j.ijpe.2014.12.012
 17. Su P., Liu S. Dual sourcing in conducting operational risks in contract manufacturing. International Journal of Production and Research, 2015, vol. 53, № 1, pp. 291–306. DOI: 10.1080 / 00207543.2014.957876
 18. Chiu S. W., Wang S. L., Chiu Y. S. P. Determining the optimum run time EPQ model with scrap, rework, and stochastic breakdowns. European Journal of Operational Research, 2007, vol. 180, 664–676. DOI: 10.1016 / j.ejor.2006.05.005
 19. Mohebbi E. A replenishment model for the supply-uncertainty problem. International Journal of Production Economics, 2004, 87, 25–37. DOI: 10.1016 / S0925-5273 (03) 00098-7
 20. Moinzadeh K., Aggarwal P. Analysis of a Production / Inventory System Subject to Random Disruptions. Management Science, 1997, 43, 1577–1588. DOI: 10.1287 / mnsc.43.11.1577
 21. Oke A., Gopalakrishnan M. Managing disruptions in supply chains: A case study of a retail supply chain. International Journal of Production Economics, 2009, vol. 118, pp. 168–174. DOI: 10.1016 / j.ijpe.2008.08.045
 22. Williamson O. E. Markets and Hierarchies, Analysis and Antitrust Implications: A Study in the Economics of Internal Organization. New York, 1975.
 23. Das T. K., Noushi R. Determinants of Partner Opportunism in Strategic Alliances: a Conceptual Framework. Journal of Business and Psychology, 2010, vol. 25.1, pp. 55–74. DOI: 1007 / s10869-009-9132-2
 24. Das T. K., Teng B.-S. Managing Risks in Strategic Alliances. Academy of Management Executive, 1999, vol. 13.4, pp. 50–62. DOI: 10.5465 / AME.1999.2570554
 25. Antonenko E. V. Management of transactional costs of opportunism in an industrial enterprise // Vestnik SUSU. Series «Economics and Management». 2016. Vol. 10, № 4. P. 1
 26. Burke, Carrillo, Vakharia Stochastic Supplier Reliability and Stochastic Demand Production and Operations Management, 2009, vol. 18 (4), pp. 475–484. DOI: 10.1509 / jmk.2005.69.4.103
 27. Antonenko E. V. Assessment of transaction costs of negotiating and concluding a contract at an industrial enterprise // Vestnik URFU. Series: Economics and Management. – 2016. – T. 15, № 1. – P. 62–78. [Antonenko E. V. [Evaluation of transaction costs of negotiations and contracting of industrial enterprises]. Vestnik URFU. Seriya: Ekonomikai upravlenie [Vestnik URFU. Series: Economy and Management], 2016, vol. 15, № 1, pp. 62–78.]
 28. Wuyt S., Geyskens I. The Formation of Buyer-Supplier Relationships – Detailed Contract Drafting and Close Partner Selection. Journal of Marketing, 2005, vol. 69.10, pp. 103–117. DOI: 10.1509 / jmk.2005.69.4.103
 29. Kajüter P., Kulmala H. I. Open-Book Accounting in Networks – Potential Achievements and Reasons for Failure. Management Accounting Research, 2005, vol. 16.2

ЗАМЕЧАНИЯ О ПРАКТИКЕ ФОРМИРОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПРОГРАММ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА

Кириллов Л. Г.

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры регионального и муниципального управления Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66, leonid.kirillov@ui.ranepa.ru

Кириллова Т. И.

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры инженерной графики, Уральский федеральный университет имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина (Россия), 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, leonid.kirillov@ui.ranepa.ru

УДК 352(470.54-25)
ББК 66.3(2Рос-4Све),124

Цель. Рассмотреть нормативную базу программного управления, практику подготовки программ в муниципальном образовании «город Екатеринбург», проанализировать недостатки программ Города и предложить необходимые изменения в практике подготовки программ.

Метод. Аксиоматический.

Результаты и область применения. В статье содержится критика формирования программ как комплекса мероприятий, далее показаны недостатки практики подготовки программ на примере муниципального образования «город Екатеринбург», даны оценки и предложены определенные рекомендации.

Научная новизна. Обоснована необходимость при подготовке программ максимальное внимание уделять анализу и формулированию проблем и целей вместо распределения бюджетных ассигнований по мероприятиям, особая важность исключения перенесения в мероприятия программ функциональных обязанностей структурных подразделений органов власти, распорядителей бюджета.

Ключевые слова: управление, государственное и муниципальное управление, управление, программы, проекты, мероприятия, проблемы, цели, независимое консультирование.

COMMENTS ON THE PRACTICE OF ESTABLISHMENT OF MUNICIPAL PROGRAMS ON THE EXAMPLE OF EKATERINBURG CITY

Kirillov L. G.

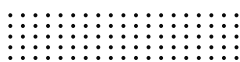
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Regional and Municipal Administration of the Ural Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 620990, Russia, Ekaterinburg, 8th March str., 66, leonid.kirillov@ui.ranepa.ru

Kirillova T. I.

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Department of Engineering Graphics, Ural Federal University named after the first President of the Russian Federation B. N. Yeltsin (Russia), 620002, Russia, Ekaterinburg, Mira str., 19, leonid.kirillov@ui.ranepa.ru

Purpose. Consider a normative base of program management and practice of preparing programs of Yekaterinburg, analyze limitations of the programs and propose necessary changes.

Method. Axiomatic.

Results and application area. The article criticizes the program development process as a set of activities, shows the shortcomings of the practice of developing programs by example of Ekaterinburg, evaluates this practice and makes recommendations.

Scientific novelty. The article substantiates the necessity and primacy of analysis and formulation of a problems, setting of goals instead of budget allocation during programs developing. The article substantiate the impossibility of accounting of functional responsibilities of authorities and its departments during programs developing, independence of programs from the budget funds administrators.

Key words: government, public administration, municipal management, government programs, projects, independent consulting.

Для эффективной реализации ключевых направлений государственной политики в стране планируется внедрять проектный принцип управления. Об этом заявил Президент РФ Владимир Путин, выступая 17 июня на пленарной сессии Петербургского международного экономического форума. «Задачи, которые стоят перед нами, требуют и новых подходов к управлению развитием, и здесь мы намерены активно использовать проектный принцип... В государственных программах социальной направленности, таких как здравоохранение, образование, жильё, будет выделена проектная часть с чётким указанием, на какие результаты мы планируем выйти к 2020 и к 2025 году, и за счёт каких конкретных мер эти результаты должны быть достигнуты», – сказал Владимир Путин [1].

Внимание к проектам обусловлено в первую очередь необходимостью проведения изменений (что и отличает собственно проекты от программ развития как документов среднесрочного планирования), но в равной степени и необходимостью исключить сопротивление бюрократии и транзакционных сфер важным внешним инициативам и собственно необходимым изменениям. По сути, если мы говорим о желаемом результате, устраняющем проблему, это значит, что мы предполагаем изменения, за которые и ответственны проекты. Параметры развития организованной системы или территории в конечном счете устанавливаются именно через успешность и действенность проектного управления.

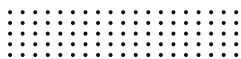
В Постановлении Правительства № 1050 от 15.10.2016 «Об организации проектной деятельности в Правительстве РФ» проект определяется как «комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на достижение **уникальных** результатов в условиях временных и ресурсных ограничений» [2]. При этом заявленные «уникальность и ограниченность возможностей» предполагает использование инициативности и личной заинтересованности в результативности проекта действующих лиц.

Для публичного управления здесь имеет место определенная институциональная ловушка. В принципе, парадигма проекта не предполагает

использование данной технологии органами публичной власти непосредственно, а только через инициативу неких агентов действия, в ведении которых передаются «мероприятия». При этом особенность публичного управления состоит в обязательности нормативного регулирования. Соответственно проекты как частная инициатива и деятельность в публичном управлении осуществляются в рамках специального нормативного документа – программы публичного органа исполнительной власти. Состоится как успешная и ценная или превратится в имитацию «регулируемая» проектная деятельность в первую очередь зависит от качества Программ, принимаемых органами власти.

К сожалению, в отношении подготовки и исполнения Программ сегодня имеем как нечеткое правовое обеспечение, так и несоответствие (культурное и организационное) между теорией и практикой, в том числе на уровне смыслов. В правовых актах РФ сосуществуют следующие определения:

Первое. Согласно статье 21 Бюджетного кодекса, целевые статьи расходов бюджетов формируются в соответствии с государственными (муниципальными) программами, которые являются документом планирования бюджетных ассигнований во взаимосвязи с ожидаемыми результатами их использования [3]. В этой связи параметры ресурсного обеспечения государственных (муниципальных) программ, исходя из положений статьи 174.2 Бюджетного кодекса, включают объемы бюджетных ассигнований на исполнение действующих расходных обязательств (обусловленных уже принятыми нормативными правовыми актами, заключенными контрактами, международными договорами и соглашениями, иными аналогичными документами), а также предполагаемые объемы бюджетных ассигнований на исполнение принимаемых расходных обязательств (обусловленных законами, нормативными правовыми актами, договорами и соглашениями, предлагаемыми (планируемыми) к принятию или изменению в текущем финансовом году, в очередном финансовом году или в плановом периоде). Бюджетным кодексом в рамках государственных (муниципальных) программ рекомендуется формулировать одну цель, которая должна

Кириллов Л. Г., Кириллова Т. И.

соответствовать приоритетам и целям социально-экономического развития субъекта Российской Федерации (муниципального образования) в соответствующей сфере и определять конечные результаты реализации государственной (муниципальной) программы.

Второе. В соответствии с [4] Государственной программой является **документ стратегического планирования**, содержащий комплекс планируемых мероприятий, взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам, и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Наконец, согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 15 октября 2016 г. № 1050 Программа – это комплекс взаимосвязанных проектов и мероприятий, объединенных общей целью и координируемых совместно в целях повышения общей результативности и управляемости.

Ранее использовалась и следующая формула: государственная программа Российской Федерации – документ, определяющий цель, задачи, результаты, основные направления и инструменты государственной политики, направленные на достижение целей и реализацию приоритетов, установленных Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, либо обеспечивающий реализацию в установленные сроки крупномасштабных мероприятий общенационального или международного значения [5].

При определенных нюансах во всех приведенных трактовках программа рассматривается как документ планирования, доведенный до комплекса мероприятий, исполнение которых должно обеспечить достижение приоритетов и целей публичной политики. Бюджетные ассигнования распределяются именно по мероприятиям. По сути и проекты в этом подходе приравниваются к мероприятиям.

Институциональная ловушка здесь в том, что управление по целям или по результатам, бюджетирование подменяются техническим распределением ассигнований (даже не ресурсов) по структурным подразделениям и бюрократическим контролем за исполнением отдельных мероприятий. Сама постановка в центр интересов мероприятий вместо задач автоматически лишает подготовку программ направленности на решение проблем, поддержку развития и возможности координировать действия различных структур хотя бы на основе следования общей цели политики, безопасности, роста качества жизни. Автоматически на практике Программы начинают использоваться для поддержки функциональной, а не стратегической

деятельности, ориентироваться на интересы отдельных структурных подразделений.

Формальное отношение к составлению программного продукта, когда основу программы составляет функциональная деятельность структурного подразделения или должностного лица исполнительного органа (отнесли вопросы энергосбережения к должностным обязанностям соответствующего специалиста, последний разработал программу энергосбережения исходя из требований закона и собственно представления о наилучшем и привычном, как следствие в состав программы вошли мероприятия, составленные под задачи распределения бюджетных ассигнований в интересах конкретных получателей бюджета и как следствие совершенно не увязанные между собой по задачам, и ресурсам, не связанные (ограниченно связанные) с достижением целей и решением общих задач стратегического управления, что ведет к утере причинно-следственных связей в системе целевых показателей (мероприятий) программы и как следствие отсутствию «управляемого» результата.

В толковых словарях понятие «мероприятие» – это организация действий или совокупность действий, имеющих некоторую направленность. Например, принятие решения о капитальном ремонте дома предполагает, что всем известен алгоритм осуществления необходимых для получения итогового результата комплекса операций и «мероприятия» имеют достаточно стандартный характер. Мероприятия позволяют провести капитальный ремонт дома, но они никак не объясняют с какой целью, в связи с какой проблемой этот ремонт осуществлялся, каким это приведет изменениям и кто станет бенефициаром. Мероприятия ориентированы на принятие решений по исполнению и организацию исполнения, управлению операциями, но они никак не способствуют обеспечению решения проблемы с максимально лучшим экономическим или политическим эффектом (в рамках мероприятия-директивы невозможно гарантировать остаточный доход). Кроме того, директивность мероприятия всегда проще реализуется в отношениях «распорядитель бюджета – получатель бюджета» (смело расходует, что дадут и будь, что будет), чем «постановка отдельной задачи в рамках общей цели – организация исполнения при достаточности ресурсов на обеспечение достоверности и решаемости задачи».

Можно определить «цель» программы как общую или как планируемый конечный результат решения заявленной проблемы, достижимый за период реализации программы. При это с точки зрения управления главным назначением цели в организации операций является не требование ее достижения, а формирование необходимой для «будущего желаемого состояния» необходимой «отличной от текущего состояния» **культуры через вовлечение в эту цель и понимание**

Таблица 1. Проблемы и цели Программ муниципального образования «город Екатеринбург», принятых в конце 2016 года

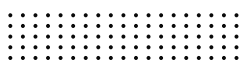
ПРОБЛЕМЫ			
№	Название программы	Обозначенные проблемы в программе	Предложение новой формулировки
1	Екатеринбург – столичный город» на 2017–2020 годы	В связи с высокой динамикой экономического развития Екатеринбурга по целому ряду показателей появилась потребность в привлечении инвестиций	Отсутствие необходимых институциональных инфраструктурных и иных условий для роста человеческого капитала и привлечения финансового капитала в экономику и социальную сферу города
2	Безопасность жизнедеятельности населения в муниципальном образовании «город Екатеринбург» на 2017–2020 годы	Несмотря на принимаемые профилактические меры, криминогенная обстановка на территории муниципального образования «город Екатеринбург» остается сложной	?
		Длительная эксплуатация промышленных объектов, использующих в своем производстве химические вещества, изношенность их инфраструктуры и оборудования	Отсутствие институциональных условий и заинтересованности собственников в обеспечении экологической безопасности производств
3	Предоставление государственных и муниципальных услуг и мер социальной поддержки в муниципальном образовании «город Екатеринбург» на 2017–2020 годы	Обострение социальной напряженности, усиление разобщенности городского сообщества, в том числе по уровню доходов, по степени доступности для различных групп населения возможности получения благ и услуг	? – какое отношение к услугам
		Общедемографические тенденции: старение населения	? – какое отношение к услугам
		Специфика территориального деления муниципального образования «город Екатеринбург», наличие правовых особенностей при получении государственных и муниципальных услуг, необходимость межведомственного взаимодействия в процессе предоставления услуг обуславливают то, что важным правовым и организационным механизмом повышения доступности, качества и комфортности предоставления услуг становится предоставление услуг по принципу «одного окна».	? – жалобы, а не проблемы
4	Развитие рынка товаров и услуг в муниципальном образовании «город Екатеринбург» на 2017–2020 гг.	Неравномерное размещение предприятий сферы услуг на территории Екатеринбурга.	?
		Несоответствие качества оказания услуг современным требованиям, в том числе: недостаточный уровень квалификации работников предприятий, слабая материально-техническая база предприятий сферы услуг; недоступность социально значимых бытовых услуг для отдельных категорий населения	? – Здесь и далее не постановка проблем, а факты на тему «кто виноват и то делать», мы сами точно не знаем
		Наличие на потребительском рынке не соответствующей установленным требованиям пищевой продукции, и продукции с признаками фальсификации, реализуемых в розничной торговле;	

ПРОБЛЕМЫ			
№	Название программы	Обозначенные проблемы в программе	Предложение новой формулировки
4	Развитие рынка товаров и услуг в муниципальном образовании «город Екатеринбург» на 2017–2020 гг.	Ключевыми проблемами аграрного сектора являются: недостаточная представленность продукции местных производителей на потребительском рынке, дефицит квалифицированных кадров, недостаточная финансовая поддержка начинающих фермеров, а также сокращение инвестирования в агропромышленный комплекс в целом.	
		Низкая эффективность взаимодействия местных сельскохозяйственных товаро-производителей, в том числе малых производств, с предприятиями розничной торговли, влияющая на удорожание продукции в розничной торговле и на предприятиях общественного питания;	
		Несоответствие качества оказания услуг требованиям потребителей;	
		Недостаточное использование на предприятиях торговли и общественного питания прогрессивных технологий управления и обслуживания;	
		Недостаточно высокий уровень квалификации обслуживающего персонала.	
5	Реализация молодежной политики и патриотическое воспитание граждан в муниципальном образовании «город Екатеринбург» на 2017–2020 годы	Ухудшение состояния здоровья молодежи.	? – это не вопрос муниципального образования
		Несоответствие жизненных установок, ценностей и моделей поведения молодых людей потребностям общества.	? – каким потребностям общества Снижение статуса молодых людей в обществе, в частности, рост безработицы среди молодых или снижение экономического эффекта от их деятельности.
6	Улучшение жилищных условий отдельных категорий граждан, проживающих на территории муниципального образования «город Екатеринбург» 2017–2020 годы	У Администрации города Екатеринбурга возникают обязанности по содержанию временно нераспределенных жилых помещений муниципального жилищного фонда, предназначенных для предоставления гражданам в рамках реализации мероприятий по улучшению жилищных условий населения муниципального образования «город Екатеринбург», в том числе жилых помещений специализированного жилищного фонда, а также отселенных жилых помещений в ветхих и аварийных домах.	?
		Активное развитие социальной, транспортной и инженерной инфраструктуры муниципального образования «город Екатеринбург» требует наличия высвобожденных площадок для этих целей. Это влечет за собой необходимость изъятия у собственников земельных участков и находящихся на них объектов недвижимого имущества	?

Таблица 1. Проблемы и цели Программ муниципального образования «город Екатеринбург», принятых в конце 2016 года (продолжение)

ПРОБЛЕМЫ			
№	Название программы	Обозначенные проблемы в программе	Предложение новой формулировки
7	Управление муниципальной собственностью муниципального образования «город Екатеринбург» на 2017–2020 годы	Дефицит бюджета города	А кто ответственен за увеличение доходов бюджета? Проблема здесь внутренняя – некомпетентность в вопросах управления муниципальной собственностью.
		Общее снижение расходов бюджета города, в том числе и на капитальный ремонт нежилых объектов, включенных в реестр муниципальной собственности	?
		Снижение темпов модернизации существующей инфраструктуры объектов муниципального уровня собственности и ведет к их моральному и техническому устареванию, обветшанию и даже аварийности отдельных зданий.	
8	Улучшение благоустройства территории муниципального образования «город Екатеринбург» на 2017–2020 годы	В связи с резким увеличением количества автотранспорта многократно возросла необходимость проведения реконструкции и капитального ремонта автодорог, увеличения и обновление парка дорожно-уборочных машин, приобретения машин, использующих более совершенные технологии уборки, предполагает улучшение качества содержания улично-дорожной сети.	Нет денег? Почему? Надо формулировать проблему по типу – отсутствие механизмов включения средств физических и юридических лиц в благоустройство
		Срок службы искусственных сооружений не должен превышать 35 лет, в то время как большинство существующих искусственных сооружений на территории города построено в 60–70-е годы прошлого века. Практически все они требуют текущего или капитального ремонта.	
		Недостаточное финансирование ремонтных работ в условиях постоянного увеличения интенсивности дорожного движения.	
		Достаточно острой остается проблема организации работ по комплексному благоустройству территории муниципального образования «город Екатеринбург».	
		В связи с тем, что древесные насаждения в результате естественных возрастных изменений теряют свои декоративные и эколого-защитные функции, требуются санитарная обрезка деревьев и их снос. Взамен необходимо высаживать молодые деревья. Для улучшения эстетического вида территории муниципального образования «город Екатеринбург» необходимо ежегодно обновлять существующие цветники, а также обеспечивать устройство новых цветников.	
		Необходимость ремонта, реконструкции или полной замены сети уличного освещения на более чем 50 процентов улиц. Кроме проведения ремонта, необходимо строительство сетей освещения на 115 улицах муниципального образования «город Екатеринбург».	

ЦЕЛИ			
№	Название	Цели	Оценка формулировки
1	Екатеринбург – столичный город» на 2017–2020 годы	Создание условий для превращения Екатеринбурга в развитый в полной мере выполняющий функции столичного центра город международного значения, в неформальную Евразийскую столицу на основе использования его благоприятного географического положения, а также современного экономического, научного, финансового, информационного и культурного потенциала	Несоответствие нормативным требованиям к формулировке цели программ Какие состоявшиеся «условия» есть признак «столичного города»?
2	Безопасность жизнедеятельности населения в муниципальном образовании «город Екатеринбург» на 2017–2020 годы	Системное обеспечение общественной безопасности, построение эффективной системы защиты населения от чрезвычайных ситуаций и обеспечения пожарной безопасности, объединение усилий государственных, муниципальных, общественных и иных организаций и правоохранительных органов для создания общественно безопасной среды проживания населения на территории муниципального образования «город Екатеринбург»	Несоответствие нормативным требованиям к формулировке цели. «Обеспечение» – не цель, а функция или задача.
3	Предоставление государственных и муниципальных услуг и мер социальной поддержки в муниципальном образовании «город Екатеринбург» на 2017–2020 годы	Повышение уровня жизни отдельных категорий граждан, повышение качества и доступности предоставления государственных и муниципальных услуг на территории муниципального образования «город Екатеринбург»	Несоответствие нормативным требованиям к формулировке цели.
4	Развитие рынка товаров и услуг в муниципальном образовании «город Екатеринбург» на 2017–2020 годы	Удовлетворение потребности населения в качественных товарах и услугах	Это функция
5	Реализация молодежной политики и патриотическое воспитание граждан в муниципальном образовании «город Екатеринбург» на 2017–2020 годы	Активное вовлечение молодых людей в социально-экономическую, общественно-политическую и культурную жизнь Екатеринбурга, развитие системы гражданско-патриотического воспитания горожан	Это функция или задача
6	Улучшение жилищных условий отдельных категорий граждан, проживающих на территории муниципального образования «город Екатеринбург» 2017–2020 годы	Удовлетворение потребностей отдельных категорий населения муниципального образования «город Екатеринбург» в улучшении жилищных условий	Это функция
7	Управление муниципальной собственностью муниципального образования «город Екатеринбург» на 2017–2020 годы	Управление и распоряжение муниципальной собственностью, осуществление имущественных прав и обязанностей муниципального образования «город Екатеринбург»	Это функция
8	Улучшение благоустройства территории муниципального образования «город Екатеринбург» на 2017–2020 годы	Комплексное благоустройство территории муниципального образования «город Екатеринбург», обеспечивающее комфортное проживание горожан и пребывание гостей города	Это как бы «вопрос местного значения»

решения индивидуальных задач как работу на общую для всех цель. При этом формулировка общей цели является критерием для оценки индивидуальных решений, равно как определяет необходимость и важность вовлечение жителей муниципального образования в принятие решений по ключевым вопросам муниципального развития¹.

Главное при составлении программы – это обозначить проблему, на разрешение которой будет направлена эта программа и такую цель, что заявленное ею будущее состояние будет уже беспроblemным. При этом цель может быть более общей, охватывать некоторый комплекс программ или касаться более узкой области решений. Проблемы и цели являются скорее концепцией, аргументацией программы, чем конкретной нормой, но без грамотной постановки проблем и целей трудно будет грамотно и эффективно обозначить задачи исполнения и составляющие «мероприятия». Нет понимания проблемы, невнятная цель – и вместо программы развития или прорыва получим финансирование полномочий и поддержку неэффективных бюджетных организаций.

Посмотрим в свете изложенного выше проблемы и цели, указанные в принятых в конце 2016 года Программах муниципального образования «город Екатеринбург» [7].

Что мы видим? Представленные формулировки проблем есть перечисление фактов текущей ситуации, а не препятствий будущего. Проблема – это представление состояния беспорядка, предполагающее и создающее необходимость принятия управленческого решения, которое далее формулируется как цель, то есть уже представление желаемого будущего состояния, в котором названная проблема разрешена, беспорядок устранен, нет препятствий для улучшения состояний. И далее, если все таки избегать понятия мероприятия, формулируется возможный комплекс операций, обеспечивающий переход между состояниями проблема и цель. Координация операций различных программ при обозначении общей, генеральной цели может осуществляться на основе реинжиниринга. Отметим, что в представленных Программах заявленные цели не в полной мере согласуются с «проблемами» и скорее даются в формулировках функций, а не состояний. Уровень постановки целей ниже некуда.

Формат статьи не позволяет дать полный анализ Программ органов местного самоуправления города Екатеринбурга, но можно открыто говорить о некомпетентности этих программ и их безрезультативности.

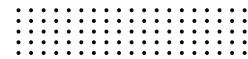
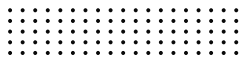
В этих программах просто ресурсы бюджета поделены между распорядителями бюджета и будут благополучно освоены получателями.. Полномочия будут профинансированы, исполнение мероприятий проконтролировано и все отчеты сданы, за что и получены премии. А проблемы останутся, устаревание ускорится. Программное управление в принципе хороший инструмент публичного управления, но только при умелом и грамотном использовании. Принятые для города Екатеринбурга в 2016 году Программы никак не способствуют решению проблем, развитию, проведению необходимых и важных изменений, введению проектного управления, скорее дискредитируют программное управление.

Муниципалитеты сегодня обладают немалым имущественным комплексом, собирают земельный и имущественный налоги и способны серьезно влиять на состояние экономики и образ жизни соответствующих населенных пунктов. Могут, но реальные результаты, как правило, не обнадеживающе хороши. О необходимости рациональности бюджетных расходов, экономическом благополучии домашних хозяйств, эффективном хозяйствовании и высоком качестве публичных услуг можно говорить в редких случаях. Чтобы изменить ситуацию, необходимо научиться не исполнять и отчитываться, а управлять общим благом и территориальным развитием. Научиться управлять проблемами и состояниями, в то числе с помощью полезной и эффективной технологии программирования (бюджетирования) как таковой и программирования операций в частности. Формирование специализированных органов, концентрирующих высококвалифицированные кадры, осуществляющие разработку целевых программ и механизмов развития местных сообществ.

Для примера можно рассмотреть организацию подготовки программ, используемую в муниципалитетах США, когда создается специальный орган, ответственный за соответствие программ стратегическому подходу, осуществимость программ, инновационный характер целей, соответствие между поставленными целями и доступными ресурсами. При этом используются два варианта структурного обеспечения программного управления. Один предполагает интеграцию таких органов в действующие структуры регионального и муниципального управления. Другой – создание внешней организации, участвующей в разработке и реализации целевых программ развития местных сообществ [8].

Отметим и такую рекомендацию [9]: «учитывая, что организация проектного управления для органов

¹ «Определение и формулировка целей и задач организации предполагает ознакомление представителей низших уровней управленческой пирамиды с общими задачами и основными решениями, принимаемыми в компании, для повышения сплоченности работников и обучения их принятию скоординированных решений, а также формирование особой культуры организации» [6].

Кириллов Л. Г., Кириллова Т. И.

исполнительной власти на данном этапе является достаточно новой и не до конца урегулированной процедурой, полезно привлекать специалистов, имеющих успешный практический опыт реализации проектной деятельности в других сферах управления. Наиболее успешным форматом может стать организация команды из одного или двух специалистов с релевантным методологическим опытом, привлекаемых для описания и организации процессов управления проектами, разработки базовых шаблонов».

Шаблоны, наверное, излишни, но должны быть исключены влияние контролирующих структур на подготовку программ и подготовка программ самими исполнителями, а внедрены независимые консультации и экспертное заключение, в том числе при определении показателей (только при положительной профессиональной экспертизе программа будет приниматься в качестве нормы).

Литература:

1. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума [электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52178> (дата обращения 19.11.2017).
2. Об организации проектной деятельности в Правительстве РФ: Постановление Правительства РФ от 15 октября 2016 года № 1050. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 1998 года № 145-ФЗ. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
4. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
5. Методические указания по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации утверждены приказом Минэкономразвития России от 22 декабря 2010 года № 670. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
6. Барнард Ч. Функции руководителя: власть, стимулы и ценности в организации / Честер Барнард; пер. с англ. В. Кошкина. М., Челябинск: Социум, ИРИСЭН, 2009. 333 с.
7. «Екатеринбург – столица Урала» – официальный сайт. [электронный ресурс]. URL: www.ekburg.ru (дата обращения 19.11.2017)
8. Актуальный опыт зарубежных стран по развитию государственных систем стратегического планирования

(Часть 2): препринт WP8/2016/04 (ч. 2) / А. В. Клименко, В. А. Королев, Д. Ю. Двинских, Н. А. Рычкова, И. Ю. Сластихина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ВШЭ, 2016. 40 с.

9. Маковкина С. А., Трофимова О. М. Внедрение стандартов управления проектами в государственном и муниципальном управлении // Вопросы управления. 2016. №4 (41) [электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2016/04/> (дата обращения 19.11.2017)

References:

1. Plenary session of the St. Petersburg International Economic Forum [e-resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52178> (date of reference 19.11.2017).
2. About organization of project activities in Government of Russian Federation. Decree of the Government of Russian Federation of 15.10.2016 № 1050. Access from ref.-legal system «ConsultantPlus»..
3. Budget Code of the Russian Federation: Federal Law № 145-FL of 31 July 1998. Access from ref.-legal system «ConsultantPlus».
4. About Strategic Planning in the Russian Federation: Federal statute of 28.06.2014 № 172-FL. Access from ref.-legal system «ConsultantPlus».
5. Methodical instructions for the Russian Federation state programs development and realization. Decree of the Ministry of Economic Development of Russian Federation of 22.12.2010 № 670. Access from ref.-legal system «ConsultantPlus».
6. Chester I. Barnard. The Functions of the Executive/ Translator – V. Koshkina. M., Chelyabinck: Socium, IRISSEN, 2009. 333 p.
7. Ekaterinburg – The capital of the Urals. Official website [e-resource]. URL: www.ekburg.ru (date of reference 19.11.2017).
8. Actual experience of foreign countries in the development of state strategic planning systems (Part 2): preprint WP8 / 2016/04 (p. 2) / A. V. Klimenko, V. A. Korolev, D. U. Dvinskiy, N. A. Rychkova, I. U. Slastihina; National Research University Higher School of Economics. M.: HSE, 2016. 40 p.
9. Makovkina S. A., Trofimova O. M. Implementation of project management standards in public administration// Scientific-Information Journal Management Issues. 2016. №4 (41) [e-resource]. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2016/04/> (date of reference 19.11.2017).

**К ПРОБЛЕМЕ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ
ПРОЕКТНОГО УПРАВЛЕНИЯ
В МУНИЦИПАЛЬНУЮ СФЕРУ КУЛЬТУРЫ
(НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА)**

Азаренков Л. С.

кандидат экономических наук, доцент кафедры социокультурного развития территории, Екатеринбургская академия современного искусства (Россия), 620078, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 40 А, доцент кафедры экономики ЖКХиЭ, Уральский государственный экономический университет (Россия), 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45, azarenkov81@mail.ru

УДК 351.85(470.54-25)
ББК 60.823.2+71.4к23

Цель. Цель статьи состоит в анализе условий внедрения стандарта управления проектами в муниципальную сферу культуры

Методы. Проанализированы условия внедрения технологии проектного управления, использованы общие принципы компаративного метода.

Результаты и научная новизна. Раскрыты условия внедрения технологии проектного управления в сферу культуры конкретной муниципальной территории, делается вывод относительно противоречий между требованиями современного образовательного стандарта и компетенциях преподавательского состава, сформулированы основные минимальные требования к выпускникам муниципального ВУЗа при реализации практико-ориентированной модели обучения.

Ключевые слова: проектное управление, образовательный стандарт, стандарт по управлению проектами, муниципальная сфера культуры.

**TO THE PROBLEM OF INTRODUCING THE TECHNOLOGY OF PROJECT
MANAGEMENT IN THE MUNICIPAL SPHERE OF CULTURE
(ON THE EXAMPLE OF THE CITY OF EKATERINBURG)**

Azarenkov L. S.

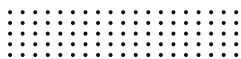
Candidate of Economic Sciences, associate professor of the department of socio-cultural development of the territory, Ekaterinburg Academy of Contemporary Art (Russia), 620078, Russia, Ekaterinburg, Mira str., 40 A, Associate Professor of the Department of Economics of Housing and Communal Services, Ural State University of Economics (Russia), 620144, Russia, Ekaterinburg, 8th March str. / People's Will, 62/45, azarenkov81@mail.ru

Purpose. The purpose of the article is to analyze the conditions for the implementation of the project management standard in the municipal sphere of culture

Methods. The conditions for implementing the technology of project management are analyzed, general principles of the comparative method are used.

Results and scientific novelty. The conditions for the introduction of technology of project management into the sphere of culture of a particular municipal territory are revealed, the conclusion is made regarding the contradictions between the requirements of the modern educational standard and the competence of the teaching staff, the basic minimum requirements for the graduates of a municipal university are formulated in the implementation of a practice-oriented model of education.

Key words: project management, educational standard, project management standard, municipal sphere of culture.

Азаренков Л. С.

Из стандартных учебников по экономике и культурологии общеизвестно, что культура в институциональном значении всегда находилась в прямой зависимости от экономики, а экономика (в нашем случае – рынок) в свою очередь всегда находила многочисленные «ошибки» в своих законах и правилах, находясь в поле культурной деятельности. И именно сферы культуры отдельно взятого муниципалитета является тем двигателем, который неустанно вносит свой вклад в формирование креативной экономики для развития и имиджа этой территории [1, с. 112].

В условиях перехода от плановой экономики к рыночной именно сфера культуры одна из последних сфер человеческой деятельности, которая так и не смогла переформатироваться к требованиям и условиям современного рынка. Согласно «болезни цен» Уильяма Баумоля в исполнительских искусствах издержки на производство продукта в сфере культуры всегда будут расти быстрее, чем цена на этот конечный продукт [2, с. 121]. Соответственно, экономическая несостоятельность большей части организаций сферы культуры, их неспособность к рыночной самокупаемости навсегда ставит культуру в зависимость от государства (в редких случаях от меценатства). Государство же, как основной игрок рыночных отношений, отвечающий за реализацию интересов общества в целом, сознательно уравнивает расходы организаций сферы культуры с их доходами от реализации их услуг в сумме с бюджетным ассигнованием. В этом и заключается теоретическое обоснование проблемы поддержки сферы культуры. Однако, практическая деятельность организаций сферы культуры, государство, рынок с его правилами и законами обосновано задают и будут задавать ряд вопросов о качественной составляющей этих расходов, их целесообразности, и уж тем более, вопрос о доходах (качество, ассортимент, эффективность инвестиций) от реализации услуг, продуктов всегда будут преследовать сферу культуры и искусства.

В соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ учреждения сферы культуры финансируются из соответствующего бюджета (Федеральный бюджет, субъекта Российской Федерации, бюджет муниципальных образований) на основании сметы доходов и расходов от планово-хозяйственной деятельности [3, ст. 2]. Этот документ по своей структуре содержит все основные сведения о доходах, которые институция получает из подведомственного бюджета от основной деятельности (концерты, выставки, образовательные услуги) и иной, приносящей доход деятельности (дополнительные платные услуги, субсидии, гранты, аренда и т.п.). Наряду с этим, в этом документе представлены сведения о текущих расходах (оплата труда персонала, страховые взносы, услуги ЖКХ, капитальный

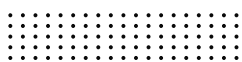
и текущий ремонт) и расходах по основной деятельности (костюмы, краски, инструменты, аппаратура, временные и текущие проекты и пр.) Расходная часть бюджета учреждения сферы культуры строго регламентирована Бюджетным кодексом РФ.

Проектное финансирование культурной деятельности может быть направлено, как на текущую деятельность, в том числе инвестиционный закуп необходимых материалов для реализации будущих проектов, так и на реализацию уже конкретных, сформировавшихся проектов. К этому необходимо добавить, что согласно «дорожной карте» (Об утверждении плана мероприятий «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности сферы культуры», утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2015 года № 755-р.) руководитель учреждения культуры в своей деятельности обязан заботиться не только о качественной составляющей основной деятельности учреждения, но и планировать постоянное увеличение и расширение ассортимента предоставляемых услуг и продуктов (организация временных экспозиций, внедрение новых услуг, реализация новых культурно-досуговых мероприятий и акций) [4, с. 48]. В сущности, проектная деятельность в сфере культуры существовала всегда: организация выставок, съемка фильма, проведение праздника Дня города, Дня донора, Дня повара – всё это проекты, однако, профессиональный подход, основанный именно на проектной технологии, представлен в отечественной науке лишь последние двадцать лет.

В самом общем виде, все проекты в сфере культуры по целям деятельности можно разделить на коммерческие и некоммерческие. Очевидно, что любой коммерческий проект в конечном счёте ориентирован на получение максимальной прибыли, и, соответственно, целевая аудитория такого проекта может быть представлена либо высокоплатежным потребителем (премиум-сегмент), либо массовым потребителем (масс-маркет). Некоммерческий проект, напротив, не ставит во главу угла получение прибыли, его основная цель – удовлетворение соответствующих, чаще духовных, ценностей общества в целом [5, с. 4].

По содержанию проекты принято делить на традиционные и инновационные (современные). Традиционные направлены на сохранение, наследие, популяризацию ценностей и норм общества в целом, а инновационные устремляются в экспериментальный поиск новых форм, технологий, образов.

Основными источниками финансирования проектов в сфере культуры, как мы уже сказали, являются бюджеты всех уровней. По самым общим данным на реализацию проектов федерального масштаба в общем бюджете на сферу культуры РФ предусматривается до 30 % всех расходов, тогда как на региональном уровне

Азаренков Л. С.

эта цифра имеет порядок в районе – 10%, и муниципалитеты способны предусматривать суммы до 5 % от всех расходов сферы культуры [6, с. 412].

Фандрайзинг, как технология привлечения финансовых и других материальных ресурсов для реализации проекта, является сегодня одним из наиболее актуальных и востребованных инструментов в учреждениях культуры, которая позволяют привлекать дополнительные средства на расширение ассортимента продуктов и услуг для выполнения «дорожной карты». С учетом сложившейся специфики организационного менеджмента учреждений сферы культуры (актеры, художники, музыканты, экскурсоводы, библиотекари) сама по себе деятельность по привлечению дополнительных средств в организацию – это большая кадровая проблема для руководителя [7, с. 271].

Изучение технологий и методик проектной деятельности, отработка реальных практических навыков по реализации уникальных студенческих проектов, в том числе с привлечением необходимых ресурсов (бюджет, фандрайзинг) является сегодня одной из приоритетных задач современного творческого ВУЗа в подготовке кадров для сферы культуры.

Вместе с тем, в самой сфере образования, как составной части сферы культуры, последние двадцать лет современник не может не наблюдать многочисленные реформы и нововведения (преобразования). А коль скоро сами по себе реформы никогда не были популярны в любом обществе, современная российская система образования также наполнена различными мнениями, спорами, дебатами по многим аспектам этих преобразований. Среди прочих наиболее существенной представляется дилемма между качеством образования, которое напрямую связано с уровнем подготовки и квалификации носителя знаний – преподавателя ВУЗа, и финансированием, или ассигнованием этой системы.

Современное требование государства, как основного игрока и заказчика этих отношений заключается как раз в демонстрации со стороны преподавателя конкретных (проектных) результатов деятельности. Государство настойчиво интересуется не только «глубиной и шириной» мировоззрения преподавателя, степенью его теоретической подготовки, но и, собственно, мастерством преподавателя как практика становится сегодня всё более актуальной единицей измерения в оценке его эффективности. Реализация и финансирование программ прикладного бакалавриата со стороны государства и соответствующий спрос со стороны потребителя (студента, и далее – работодателя) лучшее тому доказательство [8, с. 52].

Так в частности, в муниципальной сфере культуры города Екатеринбурга уже более 10 лет существует Муниципальное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Екатеринбургская академия

современного искусства» (институт), которое реализует практико-ориентированную модель обучения [9, с. 3]. Действующий государственный образовательный стандарт прикладного бакалавриата 50.03.01 «Искусства и гуманитарные науки» оставляет свободу выбора за учебным заведением в части определения видов профессиональной деятельности, к которым должны соответствовать выпускники, освоившие образовательную программу. Справедливости ради, необходимо сказать, что выбор есть: образовательно-педагогическая, научно-исследовательская, творческая, организационно-управленческая, проектная. Если с педагогической, научной и творческой видами деятельности более или менее всё понятно: «делай (пой, рисуй, играй на флейте, пиши реферат) как я», то проектная деятельность, в своей расшифровке требует от преподавателя, а затем и от студента вполне конкретных результатов и, конечно, соответствующей ответственности за эти результаты. Ключевая профессиональная компетенция образовательного стандарта обозначена как «способность разрабатывать и реализовывать проекты различного типа в образовательных организациях и культурно-просветительских учреждениях, в социально-педагогической, гуманитарно-организационной, книгоиздательской, массмедийной и коммуникативной сферах». (Без комментариев сознательно оставлена организационно-управленческая деятельность, т.к. сформулированная стандартом способность «обеспечивать материалами» творческие коллективы, остаётся непонятой).

Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 54869-2011. «Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом» определяет проект как «комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на создание уникального продукта или услуги в условиях временных и ресурсных ограничений» [9, с. 3].

Таким образом, преподаватель современного ВУЗа, а вслед за ним и студент в рамках действующих законодательных требования государства обязан в первую очередь сам иметь портфель успешных проектов, направленных на «создание уникального продукта или услуги», в том числе и в сфере культуры.

Если к этому добавить, что сам по себе проектный менеджмент институционализировался в конце двадцатого столетия, то получается, что перед студентом, стоящем на пути создания уникального продукта в сфере культуры стоят непомерные задачи при разработке реализации авторского проекта: вырываясь из обоймы теоретических курсов и дисциплин, ему необходимо (найти соответствующего преподавателя), выйти во внешний мир, вступить в коммуникацию с сотрудниками (директор, зам. директора) конкретной институции сферы культуры, увидеть проблему, проанализировать ей, предложить и обосновать авторскую

Азаренков Л. С.

уникальную концепцию будущего проекта, найти необходимые ресурсы, включая финансовые в условиях чаще бюджетного финансирования, подобрать и замотивировать команду, спрогнозировать и просчитать риски, экономическую (социальную) целесообразность и эффективность, и в конце концов, создать этот уникальный продукт или услугу, получив тем самым колоссальный жизненный опыт, в том числе сформировав ключевую компетенцию образовательного стандарта.

Литература:

1. Беляева М. А., Самкова Л. В. Азы имиджологии: имидж личности, организации, территории: Учебное пособие для вузов. Екатеринбург, 2016.
2. Экономика культуры: Учебник / Отв. ред. А. Я. Рубинштейн. М., 2005.
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 1998 года № 145-ФЗ. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
4. Пронин А. А. Управление научными проектами: общие подходы // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2017. №3. С. 48–56.
5. Боронина Л. Н., Сенук З. В. Основы управления проектами: учебное пособие. Екатеринбург Урал, 2015.
6. Федулова К. А. К вопросу организации проектной деятельности студентов муниципального вуза с использованием информационных технологий // Университет в глобальном мире: новый статус и миссия сборник материалов XI Международной научной конференции. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Социологический факультет. 2017. С. 271–272.
7. Трофимова О. М. Маковкина С. А. Внедрение стандартов управления проектами в государственном и муниципальном управлении // Вопросы управления. 2016. №4 (22). С. 52–58.
8. Азаренков Л. С., Кожевина М. С. Организация и проведение благотворительной акции на основе проектного

управления: опыт реализации // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2016. №5. С. 3–7.

9. ГОСТ 54869. Управление проектами. Требования к управлению проектами. М.: Стандартинформ, 2012. 14 с.

References:

1. Belyaeva M. A., Samkova L. V. The basic of Imidology: image of personality, organization, territory: Textbook for high schools. Yekaterinburg, 2016.
2. Economics of Culture: Textbook / Ans. Ed. AND I. Rubinstein. M., 2005.
3. Budget Code of the Russian Federation: Federal Law № 145-FL of 31 July 1998. Access from ref.-legal system «ConsultantPlus».
4. Pronin A. A. Management of scientific projects: general approaches // Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedenii. The Ural region. 2017. №3. P. 48–56.
5. Boronina L. N., Senuk Z. V. Fundamentals of Project Management: A Training Manual. Ekaterinburg Ural, 2015.
6. Fedulova K. A. On the organization of project activities of students of a municipal university using information technology // University in the global world: a new status and mission collection of materials of the XI International Scientific Conference. Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Sociological Faculty. 2017. P. 271–272.
7. Trofimova O. M., Makovkina S. A. Implementation of project management standards in the state and municipal management // Management issues. 2016. №4 (22). Pp. 52–58.
8. Azarenkov L. S., Kozhevina M. S. Organization and conduct of a charitable action on the basis of project management: experience of implementation // Competitiveness in the global world: economy, science, technology. 2016 №5. P. 3–7
9. GOST 54869. Project management. Requirements for project management. M: Standartinform, 2012. 14 p.

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

1. Статьи должны быть написаны на актуальную тематику по направлениям (политология, экономика, социология, право), но в содержательном отношении обязательно связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи по иным направлениям науки, помимо перечисленных (например, по истории, психологии, проблемам высшей школы).

2. Автор представляет статью в электронном варианте (на диске (CD диске) в формате .doc или по электронной почте по адресу nvestnik@uara.ru). Другие варианты предоставления статей не предусматриваются.

3. Требования к структуре статьи:

- постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями;
- анализ последних исследований и публикаций, где заложены основы решения данной проблемы, на которые опирается автор;
- выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья;
- формулировка целей статьи (постановка задания);
- изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении.

4. Объем статьи должен составлять не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами, **шрифт Times New Roman 14 кегль, 1,5 интервала, поле со всех сторон 20 мм, текст должен быть отформатирован по ширине, без переносов, с абзацным отступом 1,25 см**)

5. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию. Объем представляемых иллюстративных материалов не должен превышать формата А4.

6. Цифровые данные оформляются в таблицу. Таблицы не должны быть громоздкими (не более формата А4). Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются за исключением единиц измерения. Электронный вариант

каждой таблицы и рисунка предоставляется в отдельном файле. **Оформление таблиц – шрифт Times New Roman 12 кегль через одинарный интервал.**

7. Название статьи указывается первой строкой, выравнивание по ширине (жирным 14 шрифтом, только первая буква в названии статьи прописная, остальные строчными. В правом верхнем углу над названием статьи указывается фамилия (имя и отчество автора – инициалы), место работы (учебы) занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются).

8. Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [9, с. 36], [18, с. 4]). Как правило, список литературы должен содержать не менее 8–10 источников.

9. **Пристатейный библиографический список** – обязательный элемент статьи, он входит в общее количество страниц. Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать требованиям библиографического описания ISBD (International Standard Bibliographic Description), установленные на февраль 2013 года. Например:

- Агафонова Н.Н. Гражданское право: учеб. пособие для вузов / под. общ. ред. А.Г. Калпина. М-во общ. и проф. образования РФ, Моск. гос. юрид. акад. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Юристъ, 2002. 542 с.
- Гонтмахер Е. Судьба российского государства зависит от того, способен ли будет новый президент обновить российскую политическую элиту [электронный ресурс]. URL: <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=636> (дата обращения 23.01.2008).
- Орехов С.И. Гипертекстовый способ организации виртуальной реальности [электронный ресурс] // Вестник Омского государственного педагогического университета: электронный научный журнал. 2006 [сайт]. URL: <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpu-21.pdf> (дата обращения 10.01.2007)
- Абрамов А.М. Молчание профессионалов // Независимая газета. 2010. 27 мая.
- О внесении изменений в статью 30 закона Ненецкого автономного округа «О государственной службе Ненецкого автономного округа»: закон Ненецкого автономного округа от

Примеры структурированных аннотаций:

1 Мороз П. А. Анализ противоречий бюджетной и денежно-кредитной политик ЕС в преодолении последствий современного кризиса

Цель. Изучение причин возникновения кризисных явлений в странах-участниках ЕС и противоречий бюджетной и денежно-кредитной политик в преодолении последствий современного кризиса.

Методы. Проанализирована динамика экономического развития Еврозоны на основе сопоставления макроэкономических показателей Греции, Кипра и других стран ЕС, а именно, объемов номинального валового внутреннего продукта, валового государственного долга, динамики инвестиций в экономику, уровня безработицы, индекса потребительских цен и т. д.; определены «зоны риска» для тех стран, экономика которых наиболее поражена кризисом.

Результаты. Исходя из динамики базовых макроэкономических индикаторов, на основе научно обоснованных подходов и экспертных оценок, а также собственных выводов, исследована взаимосвязь между целями бюджетной и денежно-кредитной политик ЕС в современных кризисных условиях развития экономики Еврозоны. Сравнивая последствия финансовализации современной экономики с последствиями перепроизводства в реальном секторе развитых экономик во времена Великой депрессии (30-е гг. XX в.), делается вывод относительно наличия противоречий в реализации бюджетной и денежно-кредитной политик ЕС в преодолении последствий современного кризиса.

Научная новизна. Научная новизна заключается в исследовании взаимосвязи между бюджетной и денежно-кредитной политиками, когда использование различных инструментов и имплементация механизмов обеих политик подчиняются единой цели – преодолению последствий современного кризиса и обеспечению устойчивого экономического роста стран-членов ЕС в дальнейшем.

2 Julie E. M. Scott, Jill L. McKinnon and Graeme L. Harrison. Cash to accrual and cash to accrual: a case study of financial reporting in two NSW hospitals 1857 to post-1975 // *Accounting, Auditing and Accountability Journal*. Vol. 16. №1.

Цель: исследование направлено на анализ развития документооборота в рамках финансовой отчетности в двух больницах, финансируемых государством, в Новом Южном Уэльсе за период с 1857 году после 1975 году.

Методология и методы: ретроспективный анализ основан на технологических и концептуальных изменениях финансовой отчетности в указанный период. В качестве основного подхода используется теория «заинтересованных сторон», в основу анализа положены как первичные, так и вторичные данные.

Результаты и область применения: в данном исследовании приводится исторический контекст последних разработок отчетности и подотчетности в государственном секторе Австралии. В частности, подробно рассматривается вопрос ведения учета по методу начисления, что дает представление о природе трансформации бухгалтерского учета в организации государственного сектора, что может быть экстраполировано на организации иных форм подведомственности и собственности.

Научная новизна: выявлены закономерности изменений (и стабилизации) финансовой отчетности в больнице, связанные с социальным и политическим контекстом.

3 Курицева Ю. Е. Долгосрочные последствия реструктуризации градообразующих угледобывающих предприятий (на примере муниципальных районов Пермского края)

Цель. Выявление и оценка интенсивности долгосрочных последствий реструктуризации угледобывающих регионов, проводимой в условиях рыночной трансформации.

Методы. Исследование базируется на методах теории функциональной специализации поселений и теории реструктуризации. Для проведения расчетов использовались методы экономико-статистического анализа.

Результаты и практическая значимость. Выявлены тенденции социально-экономического развития муниципальных районов Пермского края угледобывающего профиля в условиях реструктуризации. Обоснованы факторы, усиливающие негативное влияние программ реструктуризации на территориальное развитие. Выявлены территории, в наибольшей степени пострадавшие в результате проведения реструктуризации, и ключевые недостатки реализованных программ территориального развития.

Научная новизна. Раскрыты долгосрочные негативные последствия реализации программ реструктуризации при отсутствии четко обоснованных механизмов территориального развития. Обоснована специфика влияния программ реструктуризации градообразующих предприятий на различные элементы сложных пространственных систем расселения.

Авторская аннотация призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации!

19 мая 2006 года № 721-ОЗ // Собрание депутатов Ненецкого автономного округа. 2008. 24 мая.

- Россия и мир: гуманитар. проблемы : межвуз. сб. науч. тр. / С.-Петерб. гос. ун-т вод. коммуникаций. 2004. Вып. 8. С. 64–81.
- Фенухин И. В. этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2002. 178 с.
- Deming, W. Edwards (William Edwards). The new economics for industry, government, education / W. Edwards Deming. 1900. 367 p.
- Об арбитражных судах в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 12 июля 2006 г.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 18. Ст. 1589.
- Шпер В. Л. Снова о качестве, определениях и сопутствующих материях // Методы менеджмента качества. 2002. № 1. С. 43–47.
- О введение надбавок за сложность, напряженность и высокое качество работы [электронный ресурс]: указание Министерства социальной защиты Российской Федерации от 14 июня 1992 г. № 1-49-У. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Библиографические сведения указывают в описании в том виде, в каком они даны в источнике информации.

10. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

11. Помимо текста статьи автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском:

- а) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора **с переводом на английский язык**. Аннотация должна соответствовать требованиям ГОСТ 7.9-95 «Реферат и аннотация. Общие требования» (см. «Примеры структурированных аннотаций»). Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи: предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы. Последовательность пунктов аннотации может быть изменена.

Объем аннотации должен составлять от 200 до 300 слов исключительно общепринятой терминологии. Текст аннотации не должен повторять название и текст статьи.

- б) ключевые слова и словосочетания (не более пяти) **с переводом на английский язык**;
- в) приставный библиографический список **с переводом на английский язык**.
- г) сведения об авторе в следующей последовательности: ФИО (полностью), место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, рабочий телефон, адрес электронной почты **с переводом на английский язык**.

Дополнительные сведения к статье оформляются шрифтом Times New Roman 14 кегль, через 1 интервал, выравнивание по ширине.

12. Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

Не принимаются статьи, направленные в редакцию без выполнения требований настоящих условий публикации.

13. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами Уральского института-филиала РАНХиГС или других ВУЗов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора/кандидата наук соответствующего профиля. Решения о публикации, направленных в журнал материалов, принимает редакционная коллегия. Основанием для отказа в публикации материалов могут служить:

- а) несоответствие представляемого в редакцию материала тематике журнала
- б) несоответствие представляемого в редакцию материала требованиям, установленным редакцией журнала к публикации

Автор информируется об отклонении материалов, не соответствующих требованиям, установленным редакцией журнала.

Авторам бесплатно высылаются один авторский экземпляр журнала. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается. Дополнительные экземпляры можно приобрести, сделав соответствующий заказ в редакции.

Адрес редакции: 620990, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, к. 25,
тел. (343) 251-78-48
e-mail.: nvestnik@uapa.ru

REQUIREMENTS TO PUBLICATION OF ARTICLES IN THE JOURNAL

1. Articles should be written on actual subjects indicated in the title of the journal in the areas of eg (political science, economy, sociology and law), but must be connected with an administrative subject (management of political, social, economic processes, legal regulation of various spheres of society and the state, current problems of state policy of modern Russia and corporate management). The editorial board reserves the right to publish articles in other areas of research besides those listed (for example, on philosophy, history, psychology and problems of higher education).

2. The Author should submit the article in an electronic form (on a diskette or CD disk or by E-mail *nvestnik@uapa.ru*) and on paper (1 copy). Other means of submission are not accepted. The editors do not return manuscripts, CD's and diskettes.

3. Requirements for the structure of the article:

- formulation of the problem in general and its connection to important scientific and practical tasks;
- analysis of recent research and publications, which laid the foundation for solving this problem;
- selection of the unsolved parts of the problem which the article is devoted to;
- formulation of purposes of the article (problem definition);
- basic material of research with full justification of scientific results;
- conclusions of this study and the prospects for further development in this direction.

4. The length of the article should be no more than 1 printed page (40,000 characters including spaces, **font Times New Roman size 14, spacing 1.5, 20 mm margins, the text should be justified without hyphens, with paragraph indentation 1, 25 cm**).

5. Illustrative materials (figures, drawings, schedules, diagrams, schemes) must be submitted in electronic format. All figures should have consecutive numeration.

6. Figures should be presented in the form of a table. Tables should not be large. Each table should have a serial number and a title. Numbering of tables should be consecutive. Abbreviations are not permitted except for units of measure. The electronic version of each table and figure should be submitted as a separate file. **Making tables – font Times New Roman 12 pt single-spaced.**

7. The title of the article should be centered and underlined in bold, font size 14. Only the first letter of the title should be capitalized, the others lower case. In the top right corner above the title, the full name of the author should be written in full. This should be followed

by the author's institutional affiliation, position, degrees if appropriate.

8. Footnotes should be placed in square brackets at the bottom of each page, with the number that corresponds to the number of the source in the bibliography, together with a page reference, the bibliographic list and page or article reference, for example: [8, p. 16], [8, article 16]). Usually the list of references must be at least 8–10 sources.

9. **A bibliography** is essential and is included in the total number of pages. The bibliography must be placed at the end of article in their order of appearance in the text, (not alphabetically and nor hierarchy of sources). Do not duplicate names, do not specify with the same number several sources or sources of literature used. Making the bibliography must meet the requirements of bibliographic description ISBD (International Standard Bibliographic Description), established by February 2013. For example:

- Agafonov N. N. Civil law: a textbook for high schools / Under the editorship of Kalpin A. G. The Ministry of Education of the Russian Federation, Moscow State Law Academy. Second edition, revised and enlarged. M.: Jurist, 202. 542 p.
- Gonthmaher E. The fate of the Russian state depends on will the new presiden be able to update the Russian political elite [E-resource]. URL: <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=636> (date of access 23.01.2008).
- Orekhov S. I. Hypertext way of organizing virtual reality [E-resource] // Vestnik of Omsk State Pedagogical University: electronic scientific journal. 2006 [website]. URL: <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpu-21.pdf> (date of access 10.01.2007).
- Abramov A. M. Silence of professionals // Neza-visimaya gazeta. 2010. May 27.
- On Amending Article 30 of the Law of the Nenets Autonomous District “On State Service of the Nenets Autonomous District “: the law of the Nenets Autonomous District from May 19, 2006 № 721-RL // Assembly of Deputies of the Nenets Autonomous District. 2008. May 24.
- Russia and the World: the humanitarian problems: Interuniversity collection of scientific papers / St. Petersburg State University of Water Communications. 2004. Issue 8. P. 64–81.
- Fenuhin I. V. Ethno-political conflicts in modern Russia: the example of the North Caucasus region: the dissertation for the degree of candidate of political sciences. M., 2002. 178 p.

Examples of structured abstracts:

1 Moroz P. P. Analysis of the contradictions of fiscal and monetary policies of the EU to overcome the consequences of the present crisis

Purpose. Study of the causes of the crisis in the EU member countries and contradictions of fiscal and monetary policies in overcoming the consequences of the present crisis.

Methods. Analyzed the dynamics of the euro area economic development based on a comparison of macroeconomic indicators in Greece, Cyprus and other EU countries, namely, the volume of nominal gross domestic product, gross public debt, dynamics of investment in the economy, the unemployment rate, consumer price index, etc., “risk zone” for those countries whose economies most affected by the crisis are defined.

Results. Based on the dynamics of basic macroeconomic indicators, based on evidence-based approaches and expertise, as well as own conclusions, investigated the relationship between the objectives of fiscal and monetary policies of the EU in the current crisis conditions of economic development in the Eurozone. Comparing the effects of financialization of the modern economy with the consequences of overproduction in the real sector of developed economies during the Great Depression (30-ies. Twentieth century.) author concludes the existence of contradictions in the implementation of fiscal and monetary policies of the EU to overcome the consequences of the present crisis.

Scientific novelty. Scientific novelty consists in studying the relationship between fiscal and monetary policy, where the use of various tools and mechanisms for implementation of both policies are subject to a common goal – to overcome the consequences of the present crisis and sustainable economic growth in the EU in the future.

2 Julie E. M. Scott, Jill L. McKinnon and Graeme L. Harrison. Cash to accrual and cash to accrual: a case study of financial reporting in two NSW hospitals 1857 to post-1975 // Accounting, Auditing and Accountability Journal. Vol. 16. № 1.

Purpose: study aims to analyze the development of workflow within the financial reports in two hospitals, financed by the state, in New South Wales for the period from 1857, after 1975.

Methodology and Methods: A retrospective analysis based on technological and conceptual changes in the financial statements during the period. As a basic approach uses the theory of “stakeholders”, analysis is based on both primary and secondary data.

Results and Applications: This study provides the historical context of the latest developments of reporting and accountability in the public sector in Australia. In particular, discussed in detail the issue of accounting on an accrual basis, which gives an idea about the nature of the transformation of accounting in public sector organizations, which can be extrapolated to other forms of jurisdiction and property.

Scientific novelty: the regularities of changes (and stabilization) of the financial statements in the hospital associated with the social and political context are identified.

3 Kuritseva Yu. E. Long-term effects of restructuring city-mining enterprises (on example of municipal districts of Perm region)

Purpose. Identification and evaluation of the intensity of the long-term impacts of restructuring the coal-mining regions, carried out in the conditions of market transformation.

Methods. The study is based on the methods of the theory of functional specialization of settlements and the theory of restructuring. For the calculation methods were used economic and statistical analysis.

Results and practical significance. The tendencies of socioeconomic development of coal profile municipalities of Perm region under restructuring are identified. Justified factors that increase the negative impact of structural adjustment programs on territorial development. Identified areas most affected by restructuring, and the key disadvantages of territorial development programs implemented.

Scientific novelty. Disclosed a long-term negative consequences of the implementation of restructuring programs in the absence of clearly justified mechanisms of territorial development. Substantiated specifics influence programs of enterprise restructuring on various elements of complex spatial systems of settlement.

Author’s abstract designed to serve as an independent source of information!

- Deming, W. Edwards (William Edwards). The new economics for industry, government, education / W. Edwards Deming. 1900. 367 p.
- On Arbitration Courts in the Russian Federation: Federal Constitutional Law of 28 April 1995 № 1-FCL (as amended on July 12, 2006) // Collection of Laws of the Russian Federation. 1995. № 18. Art. 1589.
- Shper V. L. Again about the quality, definitions and related matters // Methods of Quality Management. 2002. № 1. P. 43–47.
- On the introduction of allowances for complexity, intensity and quality of the work [E-resource]: designation of the Ministry of Social Protection of the Russian Federation dated June 14, 1992 № 1-49-D. The document has not been published. Access of legal reference system “ConsultantPlus”.

The numbered order of references in the text should be the same in the Bibliography.

10. For statutory acts in the list, both original and most recently amended version should be included.

11. In addition to the text of the article, the author should submit in a separate electronic file the following information in Russian:

- a) abstract must indicate the title of article, surname and initials of the author **with an English translation**. The abstract must meet the requirements The state standard 7.9-95 «Summary and abstract. General requirements». Abstract includes the following aspects of the content of the article: the subject, the purpose of work, method or methodology of work, results, the field of application of results, conclusions. The sequence of abstract can be changed. Volume of abstract should be between 200 to 300 words of accepted terminology only.

Abstract text should not repeat the title and text of the article.

- b) Keywords and word combinations (no more than five) **with an English translation;**
- c) Bibliography **with an English translation;**
- d) Author details – full name, position and institutional affiliation and, contact information (postal address, e-mail address, and phone contact) – **with an English translation.**

Additional information to the article are made in font Times New Roman size 14, spacing 1, width adjustment.

12. The author is responsible for the authenticity of information.

Articles directed to the editor without the requirements of these terms of publication, are not accepted

13. Articles are subject to external review and by members of the editorial board and Ural institute branch of RANEPa experts in corresponding subject areas. Article sent for review without name and other data to identify the author. The author have the right to familiarize with performed review. The author may submit a certified review of scientific adviser, Doctor / Candidate of Sciences of corresponding profile. Decision to publish the article takes the editorial board. 12. Decision on the publication of the materials submitted is taken by the editorial board. Reasons for a decision against publication may include:

- a) a discrepancy between the subject of the article and the fields covered by the journal
- b) a discrepancy between the article and the publication specifications of the journal

In case of rejection, the author will be informed in due course by the editorial of the reasons for non-publication.

The author will receive one copy of the journal free of charge. Additional copies are available if the author places an order with the editorial board.

Address of the editorial board: 620990, Ekaterinburg, 8 Marta Street, 66, room № 25.

Tel. 343 2517 848.

E-mail.: nvestnik@uapa.ru

Журнал выходит 6 раз в год

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**

Адрес редакции:

620990, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66.

Телефоны:

(343) 251-78-48.

e-mail: nvestnik@uapa.ru

<http://www.uapa.ru>

*Статьи рецензируются. Редакция не несет ответственности
за позицию и точку зрения авторов*

При перепечатке ссылки
на журнал «ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ» обязательны.

Дизайн-макет

А. А. Панов

Компьютерная верстка

Е. В. Чернавская

В работе над журналом принимали участие сотрудники библиотеки

Е. В. Макеева и О. Ю. Ефимова

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 - 49260 от 02.04.2012 г.)

Подписано в печать 30.12.2017

Формат 60 × 84/8. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 12. Тираж 999.

Отпечатано РИО Уральского Института управления – филиала РАНХиГС.

Заказ № 181

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЕКАТЕРИНБУРГ